

С. Ш. ГАДЖИЕВА

МАТЕРИАЛЬНАЯ
КУЛЬТУРА
НОГАЙЦЕВ

В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ
Институт истории, языка и литературы
им. Гамзата Цадасы

С. Ш. ГАДЖИЕВА

МАТЕРИАЛЬНАЯ
КУЛЬТУРА
НОГАЙЦЕВ
в XIX – начале XX в.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1976

За 284020

Светлой памяти
известного просветителя
ногайского народа
Абдул-Хамида ДЖАНИБЕКОВА
посвящается

ПРЕДИСЛОВИЕ

Монография посвящена совершенно неизученной теме. Исследуются поселения, жилища, одежда, украшения и пища ногайцев, детально рассматриваются домашние промыслы, торгово-экономические связи, вопросы перехода ногайцев к оседлому образу жизни. Подробно изучен процесс формирования культуры ногайцев, показано влияние русской культуры и культуры других народов на этот процесс. Большое место уделено социалистическим преобразованиям материальной культуры ногайцев в первые годы Советской власти.

Центральная
научная библиотека
АИ УРСР
1293-7

Богатая и своеобразная материальная культура ногайского народа до сего времени не была предметом специального изучения. Встречаемые в целом ряде работ описания, посвященные социально-экономической истории данного народа или кочевников Юго-Восточной Европы и Западной Азии, как правило, беглы, фрагментарны и только частично освещают эту проблему. Между тем изучение материальной культуры этого народа, в прошлом бесписьменного, имеющее большое значение для анализа развития его этногенетических процессов и культурно-экономических связей с соседними народами Кавказа и показа тех коренных изменений, которые произошли за годы Советской власти во всем его культурно-бытовом укладе, является одной из актуальнейших задач этнографической науки.

Неотложность решения данной задачи диктуется и тем, что под влиянием глубоких социально-экономических и культурных преобразований, коренной перестройки всего бытового уклада ногайского народа за последние 50 лет многие старые формы материальной культуры исчезли или исчезают. Уже сейчас при изучении ногайской юрты, кочевых поселений, многих элементов народного костюма, орудий труда, связанных с домашними промыслами и изготовлением одежды (пряжение, ткачество, обработка кож и т. д.), от которых не осталось даже следа, автору пришлось прибегнуть к очень сложному ретроспективному методу, положить в основу своей работы сведения, полученные от представителей старшего поколения, пока еще хранящих в памяти то, что исчезло из современного быта. Не требует специального доказательства, что этот источник с каждым годом становится все более зыбким.

Настоящая работа является первой попыткой монографического исследования поселений, жилища, одежды и других сторон материальной культуры ногайского народа и ставит целью в какой-то мере восполнить имеющийся в специальной литературе пробел в этом вопросе.

Исследование посвящено в основном ногайцам, проживающим на территории северного Дагестана, т. е. той части ногайского населения, которая исторически (в дореволюционной литературе)

Г 10602-185
042(02)-76 101-76

© Издательство «Наука», 1976 г.

была известна под названием караногайцев и кумыкских ногайцев. Однако по мере возможности приводятся и данные по всем другим этническим группам этого народа.

Основная масса подвергшихся нашему наблюдению ногайцев вплоть до установления Советской власти вела кочевой или полукочевой образ жизни. Материальная культура этого народа (поселения, жилище, одежда, пища) развивалась в соответствии с характером его хозяйственной деятельности, социальных отношений, природно-географическими и историческими условиями. Проблема изучения материальной культуры ногайцев — это часть проблемы изучения истории народа, творца этой культуры, его этногенеза, исторических судеб, условий национального развития, а также его связей с другими народами Кавказа и широким кругом тюркоязычных народов.

Специальное изучение материальной культуры ногайцев, как мы уже отмечали, никем не предпринималось. Тем не менее краткая характеристика народного костюма, аула, кочевой юрты ногайцев встречается в отдельных работах, посвященных проблемам их социально-экономической истории.

Из дореволюционных авторов, которые уделили известное внимание традиционной материальной культуре ногайцев, следует назвать А. М. Павлова¹, А. П. Архипова², анонимного автора, подписавшегося инициалом «М»³, А. О. Рудановского⁴, Н. Ф. Дубровина⁵, Г. Ф. Малявкина⁶, Г. Б. Ананьева⁷, Н. С. Семенова⁸, А. И. Якобия⁹, С. В. Фарфоровского¹⁰, И. Л. Щеглова¹¹, П. И. Ковалевского¹², Ф. И. Капельгородского¹³ и др. В целом положительно оценивая дореволюционную литературу,

- ¹ А. Павлов. О ногайцах, кочующих по Кизлярской степи. СПб., 1842.
- ² А. П. Архипов. Ногайцы. «Кавказ», 1850, № 63; 1852, № 2—5; он же. Домашняя ногайская утварь. «Географические известия», вып. 1. СПб., 1850; он же. Три отрывка о ногайцах и туркменах. «Кавказ», 1855, № 29—31; он же. Этнографический очерк ногайцев и туркмен. «Кавказский календарь» на 1859 г. Тифлис, 1858.
- ³ М. Татарское племя на Кавказе. «Кавказ», 1859, № 85—87, 89—91.
- ⁴ А. Рудановский. О Караногайской степи и кочующих на ней народах. «Кавказ», 1863, № 48—52.
- ⁵ Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. I. СПб., 1871.
- ⁶ Г. Малявкин. Караногайцы. «Терский сборник», вып. 3, кн. 2, 1893.
- ⁷ Г. Ананьев. Караногайцы, их быт и образ жизни. СМОМПК, вып. XX. Тифлис, 1894.
- ⁸ Н. Семенов. Туземцы северо-восточного Кавказа. СПб., 1895.
- ⁹ А. И. Якобий. Тюрки степей Северного Кавказа. СПб., 1901.
- ¹⁰ С. В. Фарфоровский. Ногайцы Ставропольской губернии. Историко-этнографический очерк. «Записки Кавказского отдела РГО», вып. 7, кн. 2. Тифлис, 1909; он же. Народное образование у ногайцев Северного Кавказа в связи с их современным бытом. ЖМНП, 1909, ч. 24, № 12.
- ¹¹ И. Л. Щеглов. Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии, т. I—III. Ставрополь, 1910, 1911.
- ¹² П. И. Ковалевский. Кавказ, т. I. СПб., 1914.
- ¹³ Ф. И. Капельгородский. Караногай. «Записки Терского общества любителей казачьей старины». Владикавказ, 1914, № 10.

следует, однако, отметить ее фрагментарность. За исключением нескольких работ, это преимущественно беглые заключения, приводимые в журнальных и газетных очерках. Различным этническим подразделениям ногайцев уделено неодинаковое внимание. В то время как кубанские, ачикулакские ногайцы более или менее интересовали путешественников и исследователей, караногайцы и кумыкские ногайцы часто оставались вне поля их зрения.

Тем не менее и эти источники представляют для нас непреходящую научную ценность в качестве исторического свидетельства. При плохой постановке музейного дела, малочисленности коллекций, содержащих материалы по домашним промыслам, одежде, украшениям ногайцев, при абсолютном отсутствии образцов их старинного переносного жилища сведения этих авторов являются в ряде случаев единственными источниками для характеристики традиционной материальной культуры народа.

Из советских ученых, затрагивающих проблему материальной культуры ногайцев, следует назвать Е. П. Алексееву, которая приводит весьма ценные, обстоятельные сведения по этнической истории, экономике, одежде, пище ногайцев сравнительно раннего периода (XVI—XVII вв.)¹⁴, А. А. Шенникова, посвятившего специальную работу жилищу ногайцев Северного Причерноморья¹⁵, С. А. Токарева, уделившего ногайцам внимание в своей фундаментальной работе «Этнография народов СССР»¹⁶, Л. Н. Кужелеву¹⁷, в работе которой, хотя и посвященной специально этнографии ногайцев, сведения об их традиционной материальной культуре носят сугубо общий характер и мало дополняют данные дореволюционных исследователей. Определенный интерес представляет обстоятельный труд Б. Кочакаева¹⁸, в котором наряду с анализом социально-экономического и политического развития ногайцев в целом освещаются и некоторые аспекты материальной культуры. Весьма ценные сведения по интересующей нас проблеме приводятся также в «Очерках истории Карачаево-Черкесии»¹⁹.

Предпринимая настоящее исследование, мы имели целью обобщить данные о традиционной материальной культуре ногайского народа, изучить ее как можно подробнее, показать особенности ее формирования и развития. В этих целях мы попытались привлечь сравнительные этнографические данные, помогающие выявить истоки тех или иных культурных явлений и

- ¹⁴ Е. П. Алексеева. Очерки по экономике и культуре народов Черкесии и XVI—XVII вв. Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1957; она же. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971.
- ¹⁵ А. А. Шенников. Жилые дома ногайцев Северного Причерноморья. «Славяно-русская этнография». Л., 1973.
- ¹⁶ С. А. Токарев. Этнография народов СССР. М., 1958.
- ¹⁷ Л. Н. Кужелева. Ногайцы. «Народы Кавказа», т. I. М., 1960.
- ¹⁸ Б. Кочакаев. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества (в XIX — начале XX века). Алма-Ата, 1973.
- ¹⁹ «Очерки истории Карачаево-Черкесии». Ставрополь, 1967.

процессов. Материальная культура (одежда, пища, жилище и т. д.) как исторический источник рассматривается автором в органической связи с природно-географическими условиями, социально-экономическим развитием народа, его этногенезом, а также с историей экономических, культурных и политических связей с ранними и поздними соседями. В исследовании освещаются также изменения, которые произошли в материальной культуре, в частности в одежде, жилище, пище ногайцев, за годы Советской власти.

Основными источниками при написании данной книги являлись полевые этнографические материалы, собранные во время экспедиций в 1965, 1967 и 1970—1973 гг. во всех районах расселения дагестанских и кубанских ногайцев. Используются, кроме того, письменные и архивные источники и коллекции Дагестанского и Ставропольского краеведческих музеев, Государственного музея этнографии народов СССР в Ленинграде, Государственного Исторического музея в Москве.

Разумеется, не все вопросы материальной культуры ногайцев разработаны автором с исчерпывающей полнотой. Ряд сторон этой проблемы подлежит дальнейшему специальному исследованию по мере накопления фактического материала. Специального всестороннего изучения требуют, в частности, вопросы развития материальной культуры ногайского народа в советский период, характер сочетания традиционного и нового. Предстоит еще многое сделать и по исследованию более ранних форм культуры народа с широким охватом средневековых источников. Иными словами, настоящее исследование ни в коей мере не претендует на исчерпывающее освещение проблемы.

В сборе полевого материала участвовали научные сотрудники ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР А. Г. Булатова и Г. А. Гаджиев. Рисунки выполнены Г. А. Крулевым, М. Хизроевым, фотографии — С. Подрезовым, И. Абакаровым, Г. А. Аргиропуло.

Пользуясь случаем, автор выражает свою признательность руководителям районных партийных организаций, исполкомов районных и сельских Советов, многочисленным информаторам, которые оказывали содействие в сборе материала во время полевых экспедиций в ногайских районах.

Автор особо признателен руководству и сотрудникам Кавказского отдела Государственного музея этнографии народов СССР за помощь, оказанную в выявлении ценнейшего материала по истории культуры ногайского народа.

ВВЕДЕНИЕ

Ногайцы — одна из многочисленных тюркоязычных народностей Северного Кавказа. Они живут преимущественно в Дагестане (в северо-восточной его части) и в Ставропольском крае, не занимая единой этнической территории. В пределах Дагестана ногайцы населяют в основном Ногайский, частично Бабаюртовский, Тарумовский, Кизлярский районы и рыболовецкие поселки Главсулак и Главлопатин. В Ставропольском крае они живут в Нефтекумском, Минераловодском (аул Канглы), Кочубеевском (аул Карамурзинский) районах, а также в Адыге-Хабльском и Хабезском районах Карачаево-Черкесской автономной области. Небольшая их часть расселена, кроме того, в Шелковском районе Чечено-Ингушской АССР.

Ногайцы же северочерноморской, а также северокрымской и астраханской степей (селения Сеитовка, Хожитаевка и др.) слились в основном с татарами. Часть ногайцев, переселившихся в разные годы XIX в. за пределы нашей страны, можно встретить в Турции, Румынии и других странах Азии и Восточной Европы.

Общая численность ногайцев в СССР, по переписи 1970 г., 52 тыс. человек, из них в пределах Дагестана проживает 21 800 человек.

Территория, компактно занимаемая ногайцами, особенно междуречье Терека и Кумы, представляет собой преимущественно обширную степь площадью более 25 тыс. кв. км. Климат ее резко континентальный. Годовое количество осадков не превышает 300 мм. В прошлом эта была безводная степь, покрытая заросшими и зыбучими песками, барханами и так называемыми бурунами.

Ногайцы, как и многие другие тюркоязычные народы нашей страны, имеют сложный этногенез. Они сформировались в процессе длительного исторического развития в результате дробления и смешения многих, преимущественно степных, тюркоязычных племен, кочевой быт которых, связанный с постоянными территориальными перемещениями, способствовал их межплеменному общению. Как свидетельствуют источники, история ногайцев неразрывно связана с историей целого ряда племен и народов, некогда входивших в состав обширного Тюркского каганата, особенно

западной его части, Дешт-и-Кыпчака, империи монголов, государства Золотой Орды и других политических образований и территорий, а также с историей более древних племенных объединений, таких, как булгары, хазары, печенеги.

Одними из древнейших племен, сыгравших важную роль в этническом формировании ногайского народа, были кипчаки, уйгуры, кенегесы, мангиты, найманы и др. Не случайно, что еще в XIX — начале XX в. эти древние племенные названия можно было встретить почти повсеместно на огромной территории расселения ногайцев. Все же надо полагать, что первостепенная роль в этногенетическом процессе принадлежала кипчакам. О близкой генетической связи предков современных ногайцев со средневековыми кипчаками, наряду с наличием в их родоплеменной структуре этнонима «кыпчакъ», свидетельствуют и данные языка, который относится к кипчакской группе тюркских языков¹. Как и многие другие родственные им тюркские народы, ногайцы на определенных этапах своего исторического развития имели тесные этнокультурные связи с монгольскими племенами, совершали вместе с ними или по соседству с ними дальние перекочевки.

После распада Золотой Орды значительная часть ногайцев, оторвавшись от огромного мира кочевников Азии и Восточной Европы и переместившись в XVII в. (а отдельные группы, несомненно, и значительно раньше) в обширные степи Предкавказья и Северного Кавказа, вступает в непосредственное экономическое и культурное общение с местным населением — аборигенами этого края. С этого времени история ногайцев неразрывно связана с историей кавказских народов, а также населения степного Предкавказья.

В XIX в. ногайцы подразделялись на ряд обособленных этнических групп: караногайцев (их еще называли *тюмен ногай*), населявших основную часть современной Ногайской степи; кумыкских ногайцев (*къумукъ ногай*), делившихся на три группы — *таргъу ногай*, *яхсай ногай* и *костек ногай*, — живших в пределах Терско-Сулакского междуречья, по западному берегу Аграханского залива и в дореформенный период подвластных кумыкским феодальным владетелям; джембойлуковцев (*ембойлу-кълар*, *ембойлукъ бет* — с аулами Иргакли, Камыш-бурун, Бийсей и др.); едисанцев (*етисан*, *етисан бет* — с аулами Кара-тюбе, Мангит, Нукус, Бияш, частично Ачикулак и др.); едишкульцев (*едишкуль*, *едиш куль бет* — с аулами Каясула, Махмуд-Мектеб, Тукуй, Менгли-кую, Абрам-Тюбе и др.).

Аулы трех последних подразделений ногайцев занимали (и продолжают занимать) западную часть Ногайской степи в пределах Ставропольского края. Далее следует назвать бештаво-кумыкских ногайцев (*бештав ногай*, *къум ногай*, *къара-мурза ногай* —

с аулами Капгли или Сорок-аул — «сорокоаульские» и Карамурза-аул), проживавших на территории теперешних Минераловодского (Капгли) и Кочубеевского (Карамурза-аул) районов. За ними располагались кубанские ногайцы (*къубан-ногай*), которые были расселены по долинам рек Кубани и Малого Зеленчука, в пределах нынешнего Адыго-Хабльского района Карачаево-Черкесской автономной области Ставропольского края.

В пределах трех уездов Таврической губернии жили крымские ногайцы (*кърым ногайлар* или *къыркъ тамгъалы кърым ногайлар* — сорокотамговые крымские ногайцы), впоследствии ассимилировавшиеся с крымскими татарами или частично переселившиеся в другие места.

В астраханских степях располагались аулы астраханских ногайцев (*гъажи-тархан-ногайлар*), которые делились на две подгруппы: кундровских (*къаракъаш* или *къараагъаш ногайлар* — с аулами Сеитовка, Хожитаевка) и юртовских (*къара уйлы ногайлар* — с аулами Каргалик-аул (Татарская Башмаковка), Майлы коьл (Яксатовка), Ялы-тюбе (Осыпной Бугор), Джамале-аул (Три притока), Килинчи, Суленке (Солянка). Помимо перечисленных, было известно этническое подразделение ногайцев «хазлар» (*къазлар* или *къаз ногайлар*)². Нередко их еще называли «шереты» по имени калмыцкого племени, с которым, очевидно, они имели этнические связи. Они кочевали вместе с джембойлуковцами и со временем смешались с ними. В 1836 г. хазлар составляли четыре аула, в которых было 146 кибиток и 937 душ населения³.

Наконец, самая западная группа ногайцев, перекочевавшая с Волги в Молдавию и Валахию, заняв земли между Днестром и Северным Причерноморьем, стала называться буджакской, а другая их часть, кочевавшая около г. Аккермана, — аккерманской (*аккерман ногайлар*) или белгородской.

Все эти группы ногайцев в целом рассматривались как части былой мощной Ногайской орды, разделенной исторически на множество едва связанных между собой улусов, основанных на феодальном принципе, как части единого народа, известного, как говорят сами ногайцы, еще в глубокой древности под названием *он сан ногай* («десятичастный», или «десятисторонний», или «десятиплеменной ногай»).

Кочуя на огромной территории в Нижнем Поволжье, в степях Северного Кавказа, Северного Причерноморья, на Кубани, по берегу Каспия, устьям рек Терека, Кумы и Сулака, переселяясь

² Очевидно, об этой группе ногайцев упоминает в своем «Трактате о двух Сарматиях» (1517 г.) польский географ М. Меховский, связывая ее название с Оккасом (Ваккасом) — именем одного из внуков известного эпического героя Едыге.

³ И. Бейтковский. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ногайцы, ч. I. Ставрополь, 1883, стр. 86—87.

¹ См. классификацию тюркских языков на широком фоне исторического развития их носителей: И. А. Васкаков. Тюркские языки. М., 1960.

периодически с места на место большими и малыми группами или целыми улусами, ногайцы настолько перемешались, что к концу XIX — началу XX в. трудно было уже найти более или менее крупный аул, населенный одним родовым подразделением.

Особенности вышеперечисленных этнических групп складывались исторически, на протяжении веков и были вызваны как эко-номико-географическими условиями этнических территорий (на-личием зимних, летних и весенне-осенних пастбищ, традиционных кочевых путей, связывающих их с пастбищами), так и рядом со-циально-политических факторов.

Главным занятием большинства ногайцев было и осталось в XIX — начале XX в. скотоводство, носившее в основном экстен-сивный характер. Они разводили овец и коз, крупный рогатый скот, лошадей и верблюдов. Содержание скота на подножном кор-му требовало частых перекочевок и ставило хозяйство в полную зависимость от милости природы. В суровые зимние месяцы, яв-лявшиеся нередко опустошительными для скотоводов Ногайской степи, гибли тысячи голов скота, принося разорение многим об-щинникам.

Скот был сосредоточен преимущественно в руках крупных скотоводов, что свидетельствовало о глубоком имущественном рас-слоении ногайского общества. В этом отношении интересны циф-ровые данные, которые приводит Ф. И. Капельгородский о кара-ногайцах. «Скотоводство, — пишет он, — сосредоточено в руках крупных хозяев; так из всего числа 6000 кибитковладельцев 235 человек, т. е. около 4%, имеют 900 верблюдов (99%), 10 000 ло-шадей (70%), 13 400 рогатого скота (40%), 90 530 овец (55%). На долю же остальных 5700 домохозяев приходится 34% всего скота, хотя эти домохозяева составляют 76% всех кибитковла-дельцев. При всем том 540 домохозяев, т. е. 9% совершенно не имеют никакого имущества»⁴. Скотоводство ногайцев основыва-лось преимущественно на большом хозяйственном опыте и регу-лировалось народным календарем, в котором довольно четко ука-зывались сроки проведения сельскохозяйственных работ, прежде всего в животноводстве.

Крупный рогатый скот ногайцев в основном был малопродук-тивным. В то же время их лошади отличались выносливостью, неприхотливостью и высоко ценились в казачьих войсках. Путе-шественник начала XVI в. С. Герберштейн отмечал, что у ногай-ских татар «большое обилие в лошадях, которые имеют выгнутую шею и очень малы, но сильны, легко переносят голод и труды»⁵. Курдючные овцы ногайцев также славились по всему Северному Кавказу. В конце XIX — начале XX в. повышается и породность ногайского скота. В 1905—1907 гг. было создано несколько случ-ных пунктов для разведения калмыцкого племенного скота.

⁴ Ф. И. Капельгородский. Караногай, стр. 51.

⁵ С. Герберштейн. Записки о Московии. СПб., 1866, стр. 136.

Излишки скота, а также продуктов животноводства ногайцы сбывали в ближайших городах и соседних станицах, а во время перекочевок — и в дальних городах. По данным статистики, в 1907 г. от продажи скота они получили доход в 54 125 руб. и шерсти — в 221 445 руб.⁶

В исследуемое время начинает развиваться земледелие. К нему раньше других приобщились кубанские, кумыкские и затем ачи-кулакские ногайцы. Значительно медленнее развивалось выращи-вание зерновых и тем более огородных и бахчевых культур у кочевников Караногайской степи. Ногайцы сеяли преимуществен-но просо, а также овес, пшеницу и кукурузу, из бахчевых же выращивали в основном арбузы, дыни и тыквы. В целом сады, огороды и бахчи были редким явлением. Недаром еще в начале XX в. С. В. Фарфоровский отмечал, что «ногайцы не сажают и не сеют овощей и не разводят деревьев, хотя опыт показывает, что деревья разводить довольно легко»⁷.

Подсобные отрасли хозяйства составляли рыболовство и охота (Аграханский залив, Сулак и т. д.). Многие ногайцы слыли искус-ными рыболовами и мастерами обработки рыбы. Ловили они ее с небольших лодок — *къайыкъ* и не уходили далеко в открытое море. Охота на диких зверей и птиц нередко велась с помощью гончих собак, приученных ястребов и соколов, которых специаль-но готовили в течение года. «Иногда, — писал, например, А. Ру-дановский в 1863 г. о соколиной охоте, — ногаец прибыльно от подобной охоты кормится и одевается. Страсть к этого рода охоте укоренилась у них издавна и еще, как гласит предание, предки их развлекали ею императора Петра Великого во время посеще-ния им Прикаспийского края»⁸. Охота была для ногайской ари-стократии большим развлечением.

После присоединения к России и особенно с переходом на оседлость ногайцы перенимали у своих соседей, а также пересе-ленцев — русских, украинцев и др. — более усовершенствованные приемы ухода за скотом, способы улучшения его поголовья, ве-дения земледелия и т. д. Постепенно улучшалась земледельче-ская техника (пахотные орудия, орудия уборки, молотбы и т. д.) и культура ведения всего сельского хозяйства.

Однако в целом хозяйство народа сохраняло экстенсивные формы. Большим злом в Ногайской степи было отсутствие воды и недостаток плодородной земли. Водопоями служили колодцы, вода из которых была большею частью горькая. Жители многих аулов ездили за пресной водой «для пици и питья верст за восемь и более от аула»⁹. Недостаток удобной земли даже для содержа-

⁶ С. В. Фарфоровский. Народное образование у ногайцев Северного Кав-каза в связи с их современным бытом. ЖМНП, 1909, ч. 24, № 12, стр. 197.

⁷ Там же.

⁸ А. Рудановский. Указ. соч. «Кавказ», 1863, № 52.

⁹ С. В. Фарфоровский. Народное образование..., стр. 192.

ния скота вынуждал отдельные группы ногайцев совершать вероятно трудные и длительные перекочевки. Так, многие единичные общины (Каясула, Тукуй, Менгли-кую и др.) зимой перекочевывали в Караногай, в Кизлярский округ и даже к Каспийскому морю, а весной уходили на Куму. В более же отдаленные времена отдельные группы, зимую на юге, близ Каспийского побережья, во время летних перекочевок «поднимались вдоль Волги и Янка и доходили при этом до Камы и до окрестностей Казани»¹⁰.

Лучшие земли находились в руках крупных скотоводов, а также были отняты казной и отданы царским чиновникам за их верноподданническую службу самодержавию. С развитием капиталистических отношений ногайская беднота начинает пополнять ряды безработных, становясь дешевой рабочей силой. «С наступлением весны, — писал в 1863 г. хорошо осведомленный о жизни ногайцев А. Рудановский, — тысячи их (т. е. бедняков-караногайцев, которых автор называет байгушами. — С. Г.) приходят в ставку за получением билетов на заработки. Вся эта масса бедняков рассеивается по окрестным селам Кизлярского уезда и станицам Кизлярского, Гребенского, Моздокского казачьих полков. Там они нанимаются табущиками и исправляют все вообще полевые и домашние работы»¹¹. По данным того же автора, для работы на виноградниках, для выжимки вина ежегодно к кизлярским богачам нанималось до 10 тыс. ногайцев, и каждый воскресный день на крепостной городской площади Кизляра толпилось «несколько сотен байгушей, предлагая свои услуги»¹².

Дореволюционная история ногайского народа была насыщена трагическими событиями. Невыносимые условия жизни в необозримой безводной степи, непрерывные феодальные междоусобицы, тяжелая эксплуатация со стороны своих мурз, крымских ханов, горских феодальных владетелей (кумыкских, черкесских и др.), национальный гнет (массовые насильственные переселения ногайцев с обжитых мест и передача русским колонистам их лучших земель, жестокое подавление народных выступлений и т. д.) тяжело отразились на судьбах народа, на его социально-экономическом и культурном развитии. Голод, нищета, неустроенность быта, культурная отсталость были причинами того, что ногайский народ накануне Великой Октябрьской революции находился на грани физического вымирания. Не случайно Ф. И. Капельгородский, служивший в предреволюционные годы приставом Караногай, отмечал резкое уменьшение численности караногойского народа из года в год, называл его «вымирающим племенем». Согласно его данным, «в сороковых годах XIX столетия караногойцев было 45 000 человек, в 1862 г. — 39 500 человек..., в 1882 г. —

¹⁰ В. М. Жирмунский. Тюркский героический эпос. Л., 1974, стр. 416.
¹¹ А. Рудановский. Указ. соч. «Кавказ», 1863, № 52.
¹² Там же.

35 200 человек, в 1892 г. — 29 300 человек, в 1902 г. — 29 060 человек, в 1912 г. — 26 500 человек»¹³. К этому надо добавить, что много ногайцев погибло в годы империалистической и гражданской войн.

Великая Октябрьская социалистическая революция явилась поворотным пунктом в истории ногайского народа. Она возродила народ к новой жизни и вывела его на широкий путь социально-экономического и культурного развития. Коммунистическая партия и Советское правительство помогли ногайскому трудовому крестьянству создать высокоразвитую экономику, осуществить глубокие хозяйственные, культурные преобразования, поднять материальное благосостояние. Процветанию Ногайской степи способствовало создание широкой сети обводнительных каналов, в том числе канала им. Октябрьской революции (Бабаюртовский район), Терско-Кумского, Кумского (Ногайский район) и др. Степь покрыла и густая сеть источников питьевой воды — мощные артезианские колодцы. Сбылись по отношению к Ногайской степи пророческие слова В. И. Ленина, содержащиеся в известном письме коммунистам Кавказа: «Орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму»¹⁴.

Обводнение степи предопределило бурное развитие сельского хозяйства, организацию крупных колхозов и совхозов, развитие промышленности. На обновленной земле один за другим стали возникать благоустроенные колхозно-совхозные аулы, поселки городского типа с целыми комплексами хозяйственных, общественных зданий, культурно-просветительных учреждений и бытовых предприятий. В Бажигане, в прошлом самой безводной полупустынной части Ногайской степи, вырос большой благоустроенный зеленый рабочий поселок ногайских нефтяников — Южно-Сухокумск.

Основной отраслью большинства современных хозяйств ногайцев является по-прежнему животноводство, но в отличие от прошлого это теперь высокорентабельная отрасль народного хозяйства.

Далеко за пределами Ногайской степи и Дагестана известен сегодня госплемовцевад «Червленые Буруны» — постоянный участник ВДНХ СССР, удостоенный почетного звания коллектива коммунистического труда. В племзаводе содержится более 27 тыс. овец тонкорунной грозненской породы¹⁵. Он дал стране пять Героев Социалистического Труда: Абдулкадырова Арикбая, Карагулова Батыра, Ажмамбетова Турманбета, Сабутова Камо, Кульчукова Асана и других прославленных овцеводов.

¹³ Ф. И. Капельгородский. Указ. соч., стр. 48.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 200.

¹⁵ Н. Арсланов. В междуречье Терека и Кумы. «Советский Дагестан», 1972, № 6, стр. 3—7.

С каждым годом увеличивается и значение земледелия. Так, например, два овцеводческих совхоза Ногайского района, им. К. Маркса и «Кунбатарский», имеют более 5 тыс. гектаров орошаемых пахотных земель¹⁶. Роль земледелия еще выше у ногайцев Кизлярского (совхоз «Огузер»), Бабаюртовского (совхоз «Тамазатюбинский») районов и особенно у ногайцев Кубани. Достаточно отметить, что эти совхозы не только выращивают традиционные зерновые культуры (пшеницу), но и рис, неизвестный народу в прошлом. Совхоз «Огузер», например, в 1974 г. собрал по 35 центнеров риса с каждого из 2800 гектаров посевной площади, а «Тамазатюбинский» — по 47 центнеров с каждого гектара на площади 1150 гектаров¹⁷. В этих совхозах проведены большие мелиоративные работы по улучшению земель, построена инженерная рисовая система на площади более 6 тыс. гектаров.

За годы Советской власти ногайцы добились большого прогресса и в своем культурном развитии. В Ногайском районе, например, имеется шесть средних, три восьмилетних и 11 начальных школ. В них работают 230 учителей. 4300 детей учатся в общеобразовательных школах, кроме того, 450 детей животноводов воспитываются в пяти интернатах¹⁸. Во всех аулах имеются фельдшерско-акушерские пункты, в двух — участковые больницы, а в селении Терекли-Мектеб — больница, родильный дом, поликлиника. В учреждениях здравоохранения насчитывается 125 медработников с высшим и средним образованием. Более 60 специалистов с высшим образованием, вооруженных агробиологической наукой и передовой практикой, трудятся в высокомеханализированных хозяйствах района. В районном центре Терекли-Мектеб функционируют Дом культуры, национальный народный театр, летний и зимний кинотеатры; в районе, кроме того, четыре сельских клуба, 11 стационарных киноустановок, 12 библиотек и т. д. Те же процессы культурного роста характерны и для всех остальных ногайцев. Больших успехов ногайцы достигли в развитии духовной культуры. Они имеют своих ученых, поэтов, писателей, композиторов и т. д. Ими создана национальная литература. Замечательные книги Фазиля Абдулжалилова «Бурный поток», «Хороша нива у коллектива», Союна Капаева «Очаг», «Бекболат», Круптурсуна Оразбаева «Звезда счастья», «Широкие степи» и другие известны читателям всего Союза.

Одним из величайших завоеваний Октября является дружба народов. Она послужила важным источником возрождения и развития ногайского народа. В настоящее время в совхозах, колхозах, на стройках, в учреждениях и учебных заведениях рука об руку с ногайцами, помогая поднять их экономику и культуру, трудятся и представители многих других народностей. В свою

¹⁶ Н. Арсланов. В междуречье Терека и Кумы. «Советский Дагестан», 1972, № 6, стр. 6.

¹⁷ Сведения управления рисоводческих совхозов.

¹⁸ Н. Арсланов. Указ. соч., стр. 6.

очередь ногайцы помогают строить новую жизнь братским народам нашей Родины.

Великий Октябрь навеки избавил ногайцев, как и другие народы нашей страны, от социального и национального гнета. За короткий исторический срок ногайский народ благодаря огромной помощи государства и братских народов нашей страны совершил скачок от докапиталистических отношений к развитому социализму, добился огромного прогресса в своем социально-экономическом и культурном развитии.

Опыт ногайского народа, находившегося накануне Великого Октября на грани вымирания, лишней раз подтверждает правоту одного из важнейших положений марксистско-ленинской теории о том, что только победа социалистической революции создает необходимые условия для ликвидации социального неравенства, национального угнетения, для добровольного объединения свободных и равноправных наций и народностей в единую братскую семью, для их всестороннего развития.

Важным условием создания высокой социалистической культуры народов Северного Кавказа является единство идеологии, мировоззрения, которые определяют единство их цели и социальной ориентации.

В дружной семье народов нашей страны под руководством Коммунистической партии и Советского правительства ногайцы не только успешно развивают свою экономику, но и совершенствуют свою материальную и духовную культуру, повышают уровень материального благосостояния, меняют образ жизни.

ПОСЕЛЕНИЕ

Как отмечалось выше, ногайцы в прошлом кочевали на огромной территории Северного Кавказа и Предкавказья, Северного Причерноморья (до р. Прута), в степях Поволжья и т. д., причем до начала XX в. кочевой или полукочевой образ жизни вела основная их масса.

Все исследователи, в той или иной мере занимавшиеся изучением быта ногайцев, единодушно отмечали тяжелое положение кочевников-скотоводов. В связи с этим многие авторы затрагивали и проблему перевода их на оседлость. Однако царское правительство не проявляло сколько-нибудь живого интереса к судьбе ногайцев, как и других народов, населявших окраины России. Сохранение кочевого типа хозяйства и соответствующего ему патриархального быта отнюдь не мешало царской администрации систематически пополнять казну, собирая с населения подати и заставляя его отправлять многочисленные повинности. Тем не менее часть ногайцев еще задолго до начала XX в. постепенно начала переходить к оседлости и приобщаться к земледельческому труду.

Судя по свидетельству польского посланника в Крыму М. Броневского (1570 г.), ногайцы северокрымских степей жили в зимних поселениях, частично имели хижины, которые были сооружены «из тонких деревьев, обмазаны тиной, грязью или навозом, и покрыты камышом... Однако летом и осенью татары в хижинах не остаются, ибо в апреле месяце откочевывают... с кибитками»¹. О наличии в первой половине XVII в. у северопричерноморских ногайцев («у князей и других знатных ногайцев») постоянных жилищ, свидетельствует и д'Асколи².

Аналогичные сведения относительно одной из групп астраханских ногайцев, известных под названием юртовских, сообщает и академик С. Г. Гмелин: «Все в сих деревнях находящиеся дома,

¹ «Описание Крыма (tartariae Descriptio) Мартина Броневского». ЗООИД, т. 6. Одесса, 1867, стр. 337—338.
² «Описание Черного моря и Татарии. Составил доминиканец Эмиддио Дортели д'Асколи, префект Каффы, Татарии и проч. 1634». ЗООИД, т. XXIV. Одесса, 1902, стр. 131.

спнаружи худы, деревянные, без кровель, построены беспорядочно, и как дворы, так и скотские хлевы обнесены камышом. Татары живут в них только зимой, а летом переходят в свои кибитки»³.

Первые оседлые поселения, как свидетельствуют источники, появляются у кубанских ногайцев на рубеже XVII—XVIII вв.⁴

В середине XVII в. турецкий путешественник Э. Челеби сообщает, что ногайцы Арсланбековского улуса с численностью населения в 12 тыс. человек имели на берегу р. Дженжек (Зеленчук) крепость «чабан каласы», где они устраивались на зиму. Фундамент крепости был сложен из четырехгранных брусков дерева. По четырем углам крепостного сооружения были возведены деревянные башни. С северной стороны имелись деревянные ворота. В крепости была и мечеть. Правда, автор вместе с тем указывает и на ярковыраженный кочевой быт ногайцев в этой Чобан-эли (буквально в стране чабанов) и свидетельствует, что «все они являются кочевниками», кочуют «по горам и степям со своим скотом» и с «10 000 кибиток», а также, что в названной выше крепости «кроме кибиток ничего нет. Вокруг крепости имеется ров. Последний окружен густым лесом и лужайкой. В крепости всего 200 войлочных кибиток»⁵.

Большой исторический интерес представляют и сведения, сообщаемые И. Г. Георги в конце XVIII в. По его словам, ногайцы «отчасти обитают кочевьями в кибитках, отчасти живут домами, из коих некоторое число составляет деревню, а несколько деревень составляет некоторый род волости, что по-татарски называется табун»⁶. Он же отмечает, что «большую же часть не имеют они у себя неперемennого жилища»⁷. О Наврузовском улусе кубанских ногайцев тот же автор недвусмысленно пишет, что «он живет по левой же стороне Кубани при реке Лабе в построенных на левую руку деревнях»⁸. Одновременно автор приводит описание жилищ «обитающих на одном месте ногайцев» и сообщает о том, что эти «жилища... состоят из плетня, кольев и сплетенных из камыша рогож, которые они обкидывают глиною»⁹.

Установлено, что кубанские ногайцы, составлявшие часть Большого и Малого Ногай (наурусовцы, казыевцы или Касаев улус, отдельные группы едисанцев, едишкульцев, джембойлуковцев и др.), в конце XVIII — начале XIX в. полностью перешли на

³ С. Г. Гмелин. Путешествие по России, ч. II. СПб., 1777, стр. 174.

⁴ «Очерки истории Карачаево-Черкесии». Ставрополь, 1967, стр. 311.

⁵ Эвлия Челеби. Путешествия, т. II, стр. 708, 757—758. Рукописный фонд ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 37, лл. 40—41.

⁶ И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ..., ч. II. СПб., 1799, стр. 30.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 39.

⁹ Там же, стр. 31.

оседлость¹⁰. Отдельные подразделения ногайцев, кочевавших по обоим берегам Терека и по побережью Аграханского залива (аксаевские, костековские ногайцы), во второй половине XVII в. также вели полуседлый образ жизни, «завели свои «пахотные саба-ны» и покосы, захватили промыслы»¹¹, а начиная со второй половины XVIII в. отдельные их группы стали частично переходить на постоянную оседлость в различных населенных пунктах Кумыкской равнины (Тамазатюбе, Бабаюрт, квартал Тюмень-аул в сел. Эндери и т. д.).

Однако даже в конце XIX в. (1885 г.) из 1300 семейств ногайцев Кумыкской равнины лишь 350 было переведено на оседлость, 950, т. е. подавляющее большинство, продолжало вести по-прежнему кочевой образ жизни¹². По словам французского консула в Крыму М. Пейсонеля, еще в первой половине XVIII в. хан Менгли-гирей принудил самых западных ногайцев, известных под названием Буджакской орды¹³, кочевавших в степях Северного Причерноморья, между Днепром и Днестром, или их какую-то часть «покинуть кибитки и построить себе дома»¹⁴. В начале XIX в. (1810—1812 гг.) управляющим северокрымскими кочующими народами де Мезоном была переведена на оседлость и основная часть (4043 хозяйства, составлявшие 67 аулов) ногайцев Мелитопольского уезда Таврической губернии¹⁵. Хотя при переводе на оседлость кочевого населения этой губернии царский чиновник де Мезон в погоне за славой принимал самые крутые принудительные меры, он не смог сразу ликвидировать кочевничество. В апреле 1812 г. де Мезон решил объездить район расселения ногайцев в надежде увидеть всех живущими в постоянных аулах. Вместо этого он увидел «странное явление»: ногайцы, построившие дома, «жили в кибитках рядом с домами, а дома стояли без жильцов». Тогда де Мезон «в отвращение такого злоупотребления» приказал всем ногайцам «немедленно заселить дома, угрожая уничтожением кибиток»¹⁶. 19 июня 1812 г. он собрал всех ногайских волостных голов (старшин) в « совеща-

¹⁰ «Очерки истории Карачаево-Черкесии», т. I. Ставрополь, 1967, стр. 377.

¹¹ А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М.—Л., 1948, стр. 361.

¹² Н. Семенов. Туземцы северо-восточного Кавказа. СПб., 1895, стр. 365.

¹³ Буджак — угол (турец.), отсюда название «буджакские».

¹⁴ М. Пейсонель. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750—1762 годах (в изложении Е. Д. Фелицина). Краснодар, 1927, стр. 15.

¹⁵ А. А. Скальковский. О ногайских колониях в Таврической губернии. «Памятная книжка Таврической губернии», вып. I. Симферополь, 1867, стр. 398—399; И. Бентковский. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ногайцы. «Материалы для истории колонизации Северного Кавказа», ч. I. Ставрополь, 1883, стр. 41.

¹⁶ А. Сергеев. Ногайцы на молочных водах (1790—1832). Исторический очерк. «Известия Таврической ученой архивной комиссии», № 48. Симферополь, 1912, стр. 32.

тельный круг», приказал им немедленно сжечь все имеющиеся у ногайцев кибитки, и «приказ был в точности исполнен»¹⁷. Нетрудно понять, как дорого обошлась для тысяч ногайских семей затея царского чиновника понуждать к возделыванию земли «убеждением и строгостью». Зато его крутые меры в высших кругах общества и царской администрации рассматривались как блестящее осуществление воли монарха, как «блистательные результаты», достигнутые «трусами и кротким своим обхождением» в отношении «столь необразованного народа»¹⁸.

Тем не менее в 1842 г. в Таврической губернии имелось уже 70 ногайских постоянных аулов, насчитывавших 5479 жилищ¹⁹.

Как известно, ногайцы Ставропольской губернии были разделены на четыре приставства: 1) Калаусо-Джембойлуковское, 2) Калаусо-Саблинское и Бештаво-Кумское, 3) Ачикулак-Джембойлуковское и Едисанское, 4) Караногай и Едишкульское. К середине XIX в. только население первых двух приставств считалось перешедшим на оседлость полностью²⁰.

Однако фактически часть калаусо-джембойлуковцев, судя по тем же источникам, еще продолжала вести кочевую жизнь и позже. Всего их насчитывалось 14 538 душ обоего пола и у них сохранялось еще 1913 кибиток. Оседлые ногайцы жили «в 55 небольших аулах». Остальные летом кочевали, а зимой собирались в зимовках, «устроенных при мечетях»²¹.

По данным того же «Военно-статистического обозрения Российской империи», в Ставропольской губернии к середине XIX в. всего насчитывалось ногайцев вместе с туркменами 86 704 души обоего пола (в том числе туркмен — 12 611), которые в целом имели 12 452 кибитки (в том числе у туркмен — 2203) и 3025 дворов²². Из них исключительно кочевой образ жизни вели до 60-х годов прошлого века ачикулак-джембойлуковцы и едисанцы, насчитывавшие 8950 душ обоего пола. В 1861 г. главный пристав кочующих народов Ставропольской губернии Медес представил губернатору свои соображения относительно того, как он «полагал устроить водворение инородцев на основах оседлости»²³.

Проект пристава был одобрен губернатором и утвержден наместником Кавказа. Однако он был далек от осуществления, ибо необходимых условий для этого не было (землеустройство, стро-

¹⁷ И. Бентковский. Указ. соч., стр. 40; А. Сергеев. Указ. соч., стр. 32.

¹⁸ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 19069, л. 9; И. Бентковский. Указ. соч., стр. 40; см. также: «Краткий обзор положения ногайских татар, водворенных в Мелитопольском уезде Таврической губернии». «Телескоп», ч. XXXIII, № 9—12. М., 1836, стр. 14.

¹⁹ А. А. Скальковский. Указ. соч., стр. 411.

²⁰ «Военно-статистическое обозрение Российской империи. Ставропольская губерния», т. XVI, ч. I. СПб., 1851, стр. 176—177.

²¹ Там же.

²² Там же, стр. 177—178.

²³ С. В. Фарфоровский. Народное образование у ногайцев Северного Кавказа в связи с их современным бытом. ЖМНП, 1909, ч. 24, № 12, стр. 187.

ительные материалы, средства для строительства жилищ, водоснабжения и т. д.). Только к 1907 г. около 30% ногайцев этой группы перешло к оседлости²⁴. В связи с этим в огромной бедной степи было пробурено семь скважин для снабжения населения водой. Что касается караногайцев и едишкульцев, самого большого подразделения ногайского народа, расселенного малыми кочевыми аулами на огромной территории в Кизляро-Моздокском уезде, на Прикаспийской равнине, в степях Астраханской губернии, насчитывавшего по статистике того времени 38 450 душ обоого пола, или 6560 кибиток, то они даже на рубеже XIX—XX вв. почти полностью сохранили традиции кочевой жизни.

К концу XIX в., по всей вероятности, окончательно перешли на оседлость и кундровские, или карагашские, ногайцы Красноярского уезда Астраханской губернии (жители селений Сеитовка и Хожеатаевка), не порывавшие с кочевым бытом еще в 60-х годах.

Таким образом, в условиях дореволюционной России процесс оседания ногайцев проходил очень медленно и тяжело. Основная масса ногайского населения вплоть до установления Советской власти продолжала вести хозяйство кочевого или полукочевого типа, что объяснялось как объективными социально-экономическими причинами, так и устойчивостью традиций кочевого быта.

В 90-х годах работавший в Караногае заведующим сельским училищем Г. Ананьев писал: «Караногайцы народ кочевой, не имеющий постоянного местожительства; неудивительно, что они не основали до сих пор ни одного селения и ни одного города. Их столицей, так сказать, считается ставка Терекли-Мектеп, что в переводе означает дом, окруженный деревьями; они же называют ее «Орус-уй», что значит «русский дом». В этой ставке сосредоточивается вся власть и управление ими... С собой Терекли-Мектеп представляет безобразный вид: небольшое число домов, которые не образуют даже маленькой улицы, а кругом степь, беспредельная степь... Караногайскую степь населяют исключительно караногайцы... а ставку Терекли — русские и армяне, всего несколько семейств»²⁵.

В своем развитии ногайские поселения прошли ряд этапов, для каждого из которых характерны свои формы (кочевая, полукочевая, оседлая), несущие на себе отпечаток природных условий, особенностей развития и исторических судеб народа, расселенного на огромной территории, что явилось причиной слабости экономических связей отдельных географических районов, обособленных этнических групп.

В XIX — начале XX в. поселения ногайцев, как постоянные, так и кочевые, были представлены двумя типами и именовались

²⁴ С. В. Фарфоровский. Народное образование у ногайцев Северного Кавказа в связи с их современным бытом. ЖМНП, 1909, ч. 24, № 12, стр. 189.
²⁵ Г. Ананьев. Караногайцы, их быт и образ жизни. СМОМПК, вып. XX. Тифлис, 1894, стр. 37.

соответственно «аул» или «отар». Однако, судя по источникам, эти термины применительно к ногайским поселениям сравнительно поздние, хотя и имеют тюркское происхождение.

О расселении ногайцев аулами или деревнями такие авторы XV—XVII вв., как И. Шильтбергер, С. Герберштейн, А. Дженкинсон, С. Какаш и Г. Тектандер, д'Асколи, Жан де Люк, Э. Челеби, А. Олеарий, Я. Стрейс, совершенно не упоминают. Термин «аул» не упоминается и в «Книге Большому Чертежу»²⁶, в которой содержатся конкретные сведения о расселении ногайцев в XVII в.

Согласно И. Шильтбергеру, ногайцы «имеют привычку кочевать зимою и летом... Там, где останавливается король (мурза.— С. Г.), должны быть построены сто тысяч юрт»²⁷. По А. Дженкинсону, ногайцы «распадались на отдельные группы, называвшиеся ордами; каждая орда имела особого правителя, называвшегося мурзой, которому они повиновались как своему королю. У них не было ни городов, ни домов, но они жили в открытых степях; каждый мурза или король имел около себя свою орду или своих подданных с их женами, детьми, скотом. Когда съедалась вся трава, орда переходила на другое место»²⁸.

А. Олеарий также сообщает о ногайцах волжского низовья, что «по всей их стране нет укрепленных городов или деревень», что «летом у них нет постоянного местопребывания...; они меняют и перемещают свое место пребывания всякий раз, как им приходится искать для скота свежих и хороших пастбищ... Зимой они, разделившись на несколько орд... или отрядов, идут к Астрахани и селятся в таком расстоянии друг от друга, чтобы в случае нужды поспеть друг к другу на помощь»²⁹.

Аналогичные сведения сообщают Я. Я. Стрейс и другие путешественники XVII в.

Таким образом, в XVI—XVII вв., насколько позволяют судить источники, для ногайских поселений аул не специфичен, ибо ногайцы в эту тревожную эпоху своей истории кочевали более крупными подразделениями — ордами (*орду*, *орун*), или улусами, во главе с мурзами, а не малыми группами. При этом кочевали они чаще, не имея постоянных территорий и стойбищ, нередко даже для зимнего пребывания.

В XVIII же веке, с переходом отдельных групп ногайцев на оседлый или полуоседлый образ жизни, разделением орд на более

²⁶ «Книга Большому Чертежу». Подготовка к печати и редакция Н. Н. Сербинной. М.—Л., 1950.

²⁷ «Путешествия Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 год». «Записки имп. Новороссийского университета», т. I, вып. 1-2. Одесса, 1867, стр. 34.

²⁸ А. Дженкинсон. Путешествие в Среднюю Азию в 1558—1560 гг. «Английские путешественники в Московском государстве». Л., 1937, стр. 169—170.

²⁹ А. Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию. СПб., 1906, стр. 403.

мелкие группы, появляется и термин «аул» или «деревня», а также характеристика территорий расселения этих групп.

В числе первых термин «аул» по отношению к ногайским поселениям применил М. Пейсонель. Он, в частности, писал о ногайцах «Малой Татарии», куда относил и кубанских ногайцев, что здесь «каждая орда разделена на несколько племен, а племена на аулы, т. е. собрание известного числа кибиток в виде селений... Земли каждой орды разделены между племенами, территории которых определяются известными границами... Каждое племя кочует по своей территории и только во время зимы имеет постоянное обиталище»³⁰. О кочевании ногайцев мелкими группами в данный период свидетельствуют и его сведения о том, что «мурза, глава аула, требует только со своего аула годового оброка», что «каждая орда разделена на кочевья или аулы, состоящие из известного числа семейств»³¹.

О ногайских поселениях, об их постоянных и кочевых аулах, вслед за М. Пейсонелем, по ряду этнических подразделений ногайцев ценные данные сообщает И. Г. Георги³², о чем частично говорилось выше. Ногайцев, живущих близ Астрахани, И. Г. Георги разделяет на «юртовых, аульных и кочевых»³³. Характеризуя кубанских ногайцев, автор пишет, что они «состоят из многих неравночисленных орд и кочуют к северной части Кубани по сей реке до самых ее устьев... Некоторые же перекочевали на юг в высокие горы и подверглись горским князьям»³⁴.

«Знаменитейшие Восточные или Кубанские орды, — замечает он далее, — составляют Касай аул и Касиев улус; также Нарус аул имеет князька и состоит из 10 000 семей»³⁵. Касай-аул, по сведениям автора, еще не перешел на оседлый образ жизни и продолжал кочевать «в низких местах по левую сторону Кубани по рекам Юджук (Зеленчук. — С. Г.) и Арсе». А Нарус-аул перешел уже на оседлость, «живет по левой же стороне Кубани при реке Лабе в построенных на левую руку деревнях»³⁶.

Как видно из изложенного, термин «аул» начинает применяться по отношению к типам поселений (хотя И. Г. Георги в этом не до конца последователен) уже более определенно. Думается, что этот термин появился у ногайцев в конце XVII — начале XVIII в. и первоначально означал оседлое или полuosедлое поселение, а со временем распространился и на кочевые социальные и хозяйственно-территориальные единицы.

Основным типом поселения, по-видимому, был аул, где проживала главная масса общинников. Что же касается отаров, то они,

³⁰ М. Пейсонель. Указ. соч., стр. 13—14.

³¹ Там же, стр. 15—16.

³² И. Г. Георги. Указ. соч., стр. 30—31.

³³ Там же, стр. 33.

³⁴ Там же, стр. 38—39.

³⁵ Там же, стр. 39.

³⁶ Там же, стр. 39.

как мы полагаем, представляли собой преимущественно однодворные поселения типа монгольских айлов³⁷, хуторов или отселков. В исследуемое время отары обычно принадлежали богатым скотоводам и создавались, как правило, на зимних пастбищах и всегда на определенном расстоянии от аулов. Сохраняя с ними хозяйственное единство, они легко сливались с аульной общиной в период весенней перекочевки. Более того, обычно богатые ногайцы, владельцы большого количества скота, сами жили и кочевали вместе со всем аулом, а стада свои держали в отарах.

По своему характеру одни аулы состояли преимущественно из членов родственного подразделения; другие были территориально-тухумными, т. е. состояли из представителей различных родственных групп. Преобладали поселения последнего типа.

Вспоминая структуру Мал-аула таргуногайцев, один из представителей старшего поколения этого общества рассказал: «В нашем кочевом ауле было около 30 хозяйств. Это были мой отец с двумя женами и двумя женатыми сыновьями, семьи двух сестер нашего отца (наши зятья были с нами), братья наших матерей со своими семьями, братья их жен и несколько посторонних. Аулбаем был мой дядя по матери Ильяс»³⁸.

Автор ценного этнографического очерка о караногайцах Г. Ф. Малявкин писал, что в более отдаленном прошлом, «когда еще были крепки традиции родового быта, караногайцы селились большими аулами; аул состоял из членов, принадлежащих к одному роду, и носил общее название родоначальника»³⁹.

Такие тухумные поселения первоначально состояли из больших патриархальных семей и только с распадом последних стали включать в свой состав малые семьи. Общественная дифференциация, развитие частной собственности и товарно-денежных отношений привели к тому, что родовой союз ногайцев постепенно терял свое значение. Родственное единство поселений нарушалось, ему на смену утверждался территориальный принцип поселения. Постепенно основной фигурой в ногайском ауле становился богач — аулбай, вокруг которого группировались бедняки, как родственники, так и посторонние. Указывая на далеко зашедшее классовое расслоение у ногайцев, тот же автор отмечает: «Богачи всегда живут отдельно; около них обыкновенно группируются кибитки бедных, посторонних или родственников, служащих по найму»⁴⁰.

Несмотря на это, патриархальные порядки в ногайском обществе продолжали стойко удерживаться. Это позволяло богачам,

³⁷ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, стр. 36—37.

³⁸ Полевой материал. Селение Центральная Тамаза-Тюбе Бабаюртовского района ДАССР, август 1967 г. Информация Оразали Арсланбекова, 1901 года рождения.

³⁹ Г. Малявкин. Караногайцы. «Терский сборник», вып. 3, кн. 2, стр. 147.

⁴⁰ Там же.

в руках которых находилась главная масса скота, под видом родовой помощи эксплуатировать сородичей, превращая их постепенно в постоянную дешевую рабочую силу.

КОЧЕВЫЕ АУЛЫ

Первоначальным типом поселений ногайцев, как и других кочевников, являлись временные стоянки-кочевья. Для XIX — начала XX в. известны два вида кочевания: более или менее большими группами и в одиночку, изолированно. «Они селятся, — писал Г. Ф. Малявкин о караногайцах, — и большими и малыми аулами: иной раз встречается и одинокая кибитка — все состояние бедняка караногайца»⁴¹. Как видно из полевого материала, термин «аул» в это время применялся и к большому и к малому поселению. Поселение составляла группа юрт, разбросанных часто без четкого плана, но по определенному, как отмечалось выше, территориальному или родовому принципу. Кочевой аул мог включать от пяти до 50 хозяйств и более. Однако для исследуемого времени господствующей была система малых аулов. Правда, русская администрация делала некоторые попытки принудить ногайцев, в частности ногайцев кумыкского владения, «чтобы каждый аул кочевья их состоял не менее, как из 50 кибиток»⁴² и даже 100 кибиток.

Исполняющий дела начальника левого фланга Кавказской линии Ковалевский писал главному приставу Кумыкского округа Киминскому, чтобы он приказал аксаевским ногайцам немедленно вернуться с левого берега Терека на правый, на свое прежнее местожительство (в Кумыкское владение), «и непременно поселить их аулами, каждый не менее 100 кибиток»⁴³.

Тем не менее эти предписания военной администрации остались на бумаге, и ногайцы в силу ряда объективных причин продолжали кочевать в основном малыми аулами.

В более отдаленном прошлом ногайцы совершали дальние перекочевки. Так, по сообщению М. Броневского, ногайцы, кочевавшие в XVI в. в северокрымских степях, весной отправлялись в Перекоп, иногда и «за Перекоп в самую Таврику, иногда насупротив Перекопа в город Оссов или Азов..., лежащий при устье Танаиса, или Дона... Далее они переходят к Истму на обширные равнины и наиболее на те, которые лежат между Борисфеном (Днепр.—С. Г.), Меотийским озером и Черным морем, подвигаясь все далее и далее, для отыскания лучших пастбищ. Но в октябре, когда свирепствуют там холодные ветры, идут беспрерывные дожди, они опять возвращаются к своим кибиткам»⁴⁴.

⁴¹ Г. Малявкин. Караногайцы. «Терский сборник», вып. 3, кн. 2, стр. 147.

⁴² ЦГА СОАССР, ф. 12, оп. 6, д. 242, л. 50—51.

⁴³ Там же.

⁴⁴ М. Броневский. Указ. соч., стр. 337—338.

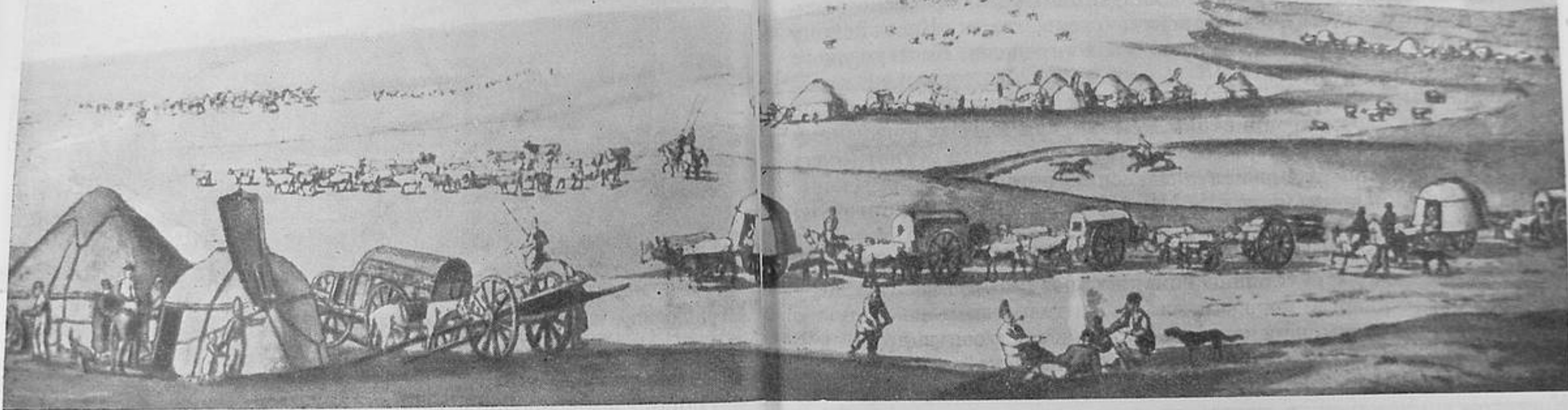
Астраханские ногайцы, XVII в.

(из кн. А. Олеария «Описание путешествия...», стр. 523)

Однако в исследуемое время ногайцы-кочевники, как правило, уже не совершали таких дальних и продолжительных переходов, как это делали в прошлом они и многие другие народы Восточной и Средней Азии, Казахстана и др.⁴⁵ Маршруты ногайцев нередко не превышали 10—25 км в небольшом радиусе. Пастбища их были связаны с колодцами, реками Сулак, Терек, Зеленчук, Кубань, Кума, берегами Каспийского моря и т. д. Поэтому кочевали они замкнутыми циклическими кругами, главным образом вблизи источников, где были наиболее обширные пойменные и луговые места для выпаса скота летом и зимой. Перекочевка происходила на арбах, запряженных быками, на лошадях и верблюдах, на них складывали разборную и неразборную (отав) юрту и весь домашний скарб.

В отдаленном прошлом для ногайцев было более характерно кочевание с неразборными тележными юртами. Так, по сообще-

⁴⁵ С. А. Токарев. Этнография народов СССР. М., 1958; «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I, II. М., 1962; «Народы Восточной Азии». М.—Л., 1965.

Лагерь ногайцев. Гравюра XVIII в. Худ. Гейслер (ГИМ)

нию английского путешественника А. Дженкинсона, проезжавшего в середине XVI в. по нижневолжской и астраханской степям, где кочевали ногайцы, «они передвигаются с домами, подобными палаткам, устроенными на повозках и перевозимыми с места на место верблюдами. В них они перевозят жен, детей и все свое добро»⁴⁶.

Аналогичные сведения о способе перекочевки ногайцев астраханской степи более позднего времени сообщает А. Олеарий. Он пишет, что всякий раз, как ногайцам приходится искать для своего скота свежие пастбища, «они ставят свои избы на высокие телеги... и перекочевывают»⁴⁷. Такую кибитку на телеге, в которую

запряжен двугорбый верблюд, А. Олеарий показал на рисунке⁴⁸. Неслучайно, что становища улусов ногайских мурз иногда назывались в источниках «тележными городками»⁴⁹. «Иногда телеги, — писал итальянский путешественник д'Асколи, — съезжаются в таком количестве, что представляют вид очень большого города»⁵⁰.

Для этого раннего периода, как отмечалось выше, было характерно кочевание ногайцев большими группами — улусами, с мурзами во главе. Так, например, в середине XVII в. в нижневолжских степях Янмамет мурза со своими улусными людьми (примерно 5 тыс. человек) кочевал около Мочаков, в двух днях от Астрахани; Солтанаш Аксаккельмаметов со своим улусом в 3 тыс. человек — несколько далее от Астрахани, в трех-четыре днях к

⁴⁸ Там же, стр. 523.

⁴⁹ А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 148.

⁵⁰ Д'Асколи. Указ. соч., стр. 130—131.

⁴⁶ А. Дженкинсон. Указ. соч., стр. 169.

⁴⁷ А. Олеарий. Указ. соч., стр. 403.

востоку от Мажарского городища; Бимурза и Уразлы мурза Иштерковы и Саид мурза Яштереков с улусами в 3 тыс. человек кочевали по Елабуге и ближе к Кумскому кутлуку; Чубар мурза Тинмаметов с детьми, с улусными людьми до 1000 человек кочевал по восточную сторону Башмачага⁵¹ и т. д. В зависимости от обстоятельств (междоусобная борьба, политическая ориентация, экономические выгоды и т. д.) мурзы часто меняли районы своих кочевков и расположение улусов на кочевьях. Так, Солтанаш мурза к 1640 г. откочевал от Астрахани и перешел ближе к Кабарде, на р. Калауз, ссылаясь на то, что «находится в большой ссоре с Янмамет мурзой»⁵². Переселялись в разные места со своими улусами также мурзы Иштерековы и др.

Перемещение отдельных подразделений ногайцев с одной территории на другую наблюдалось и в более поздний период. Так, аксаевские ногайцы Кумыкского владения (Хасавюртовского округа) переходили то в Кизлярскую степь, то к Каспийскому морю, то на левый берег Терека, то в пределы Костековского улуса.

Начальник левого фланга Кавказской линии генерал-майор Ольшевский в своем предписании от 8 апреля 1841 г. ногайскому приставу генерал-майору Мусе Хасаеву предлагал «употребить все средства, чтобы удержать аксаевских ногайцев от перекочевания к Каспийскому морю»⁵³. Муса Хасаев своим рапортом от 12 сентября 1841 г. по случаю перехода части тех же ногайцев со своих кочевых мест в пределы костековских ногайцев в свою очередь обращался к Ольшевскому и просил «приказать кому следует выгнать ногайцев на прежние жительства и на будущее время воспретить им перекочевать из одних улусов в другие»⁵⁴. Русская администрация левого фланга Кавказской линии опасалась, что переход аксаевских ногайцев к Каспийскому морю и к Костековскому улусу, а также переселение их на левый берег Терека осложнит порядок раскладки повинностей, которые должны были нести эти ногайцы, сделают «совершенно пустопорожним» большое пространство «от Кизляра до Магомета моста» и «город Кизляр и Терскую линию с правой стороны Терека сделают во все открытую»⁵⁵.

Причинами таких перекочевков являлись не только попытки ногайцев устроиться получше, найти хорошие пастбищные места, но и тяжесть и многочисленность отбываемых ими повинностей на Терской линии, «большая трудность в отбывании службы».

Правда, для более позднего периода, начала и тем более середины XIX в., подобные улусы становятся редчайшим явлением,

⁵¹ А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 285.

⁵² Там же.

⁵³ ЦГА СОАССР, ф. 12, оп. 6, д. 242, л. 1.

⁵⁴ Там же, л. 9; см. также лл. 10, 12—13.

⁵⁵ Там же, лл. 1, 9, 10.

и, следовательно, кочевание большими группами, как это было при улусной жизни, почти не наблюдалось. В процессе социально-экономического и политического развития общества задолго до XIX в. улусы (орда) как большая племенная группа претерпевают существенные изменения: распадаются на более мелкие территориально-хозяйственные единицы — аулы и отары. Правда, эта форма общности не является еще в полной мере территориальным объединением, так как многие из них еще продолжают сохранять родственный принцип заселения. Недаром И. Георги в конце XVIII в. отмечал, что часть ногайцев живет в деревнях, «несколько деревень составляет некоторый род волости, что по-татарски таун»⁵⁶, т. е. родственный коллектив.

Аулы были зимние (*къыслав*), весенне-летние и осенние (*яйлакъ, язлав*). Места для летней и зимней стоянок выбирались в соответствии с сезонными условиями кочевого скотоводства, т. е. в зависимости от наличия кормовой базы для скота и источников воды, хотя не всегда с учетом климатических условий (жара, комары, болотная сырость и т. д.). В намеченное для стоянки место предварительно направлялась группа молодых мужчин, которые рыли колодцы — *къазбалы къуйы*. Затем сюда прибывал весь аул. Иногда, в зависимости от почвенно-географических условий, колодцы приходилось рыть всем аулом, так как вода могла находиться, как, например, в Караногайской степи, на глубине до 8 м. Там, где это было возможно, селились около рек или колодцев, давно выкопанных и служивших не одному поколению; их очищали, приводили в надлежащий порядок. Временами ногайцам приходилось пользоваться также снеговой и дождевой водой. Вот что по этому поводу писал А. Павлов в первой половине XIX в. о ногайцах, кочевавших в Кизлярской степи: «Когда стада рогатого скота, овец и конские табуны, близ аула или в отдаленности находящиеся, потравят подножный корм, тогда ногайцы посылают нарочитых ездовых для отыскания лучших пастбищных мест, а для кочевья особого места, имеющего вырытые глубокие ямы, наполненные водою из источников земных. По извещении жителей аула, они приступают к переезду»⁵⁷.

Трудности с водой и заставляли ногайцев кочевать небольшими аулами, обходиться малыми запасами источников, легко и быстро переходить по необходимости с места на место.

Зимние поселения располагались более компактно, летние — разбросанно. По словам С. В. Фарфоровского, зимние аулы обносили бурьяновыми изгородями. Кибитки огораживались со всех сторон стенами из бурьяна для защиты от холодов. Такие стены делали и для загона скота во время буранов и метелей⁵⁸.

⁵⁶ И. Г. Георги. Указ. соч., стр. 31.

⁵⁷ А. Павлов. О ногайцах, кочующих в Кизлярской степи. СПб., 1842, стр. 16.

⁵⁸ С. В. Фарфоровский. Указ. соч., стр. 198.

Описывая поселения ногайцев, Р. Эркерт сообщает, что они «устанавливают свои жилища, состоящие из войлочных шатров, на манер деревни, с очень узкими, восточного типа проходами, протянувшимися между плетнями из тростника и жердей или оградами, внутри которых частично под камышовыми укрытиями содержится скот»⁵⁹. В зимнем ауле кибитки общинников устанавливались в одних случаях в ряд, в других — полукругом, в третьих — беспорядочно. Бывали, правда очень редко, и такие аулы, которые имели форму полного кольца — *доьгерек* (буквально «круг»). Но между кибитками (если они принадлежали разным семьям) всегда должно было оставаться расстояние (примерно 150—200 м) для размещения скота. Аул в таких случаях назывался «доьгерек» такого-то (по имени главы аула). Ногаец и сейчас употребляет выражение: «Ол Гьажибайни доьгерегилде яшай эди» («Он жил в кругу Гаджибая») и т. д.

Форма кочевого поселения в виде кольца, уже редко встречающаяся у ногайцев XIX — начала XX в., видимо, была господствовавшей традицией, характерной для эпохи родо-племенных отношений, особенно, для периодов межплеменных столкновений. С развитием феодальных отношений, с присоединением разрозненных улусов к России такая планировка могла быть заменена разбросанной или однородной планировкой, что соответствовало новой социальной природе сельской общины, изменениям, которые происходили в ней в результате развития частной собственности и образования классов.

Кольцевая планировка стойбища была характерна в прошлом и для других кочевых народов⁶⁰. Так, монгольские племена на стойбищах располагались по кругу «курнем». Стойбища (*kürijep* по-монгольски) образовывались также из кочевых дворов, состоявших из отдельных юрт и телег-кибиток. «Значение [термина] курень, — пишет Рашид-ад-Дин, — следующее: когда множество кибиток располагаются по кругу и образуют кольцо в степи, то их называют курень. В ту эпоху тысячи кибиток, располагавшиеся таким образом, считали за один курень»⁶¹.

В поселениях, расположенных кольцом, часть кибиток размещалась по окружности, а другая — внутри круга. В середине кольца обычно находился и скот; скот содержали и за кибитками, особенно если аул располагался полукругом. В начале XIX в. некоторые авторы наблюдали и другой принцип планировки аула — четырехугольный, но такая планировка возникала только при какой-нибудь опасности извне. «Сей народ, — писал И. Дебу о ногайцах, — ...неустраним, способен переносить невероятные трудности и нужды... ведет жизнь подвижную, укладываясь и переносясь с

одного места на другое с невероятною проворностью. При малейшей же тревоге в пути делает с величайшею скоростью из телег своих четверугольное укрепление, внутри которого помещает свое имущество, жен и детей, и обороняется отчаянно»⁶².

На летних кочевьях вся община устраивалась по принципу, «как каждому хозяйству удобно», поэтому летние стоянки-поселения имели обычно беспорядочную, разбросанную планировку. Все гались на определенном расстоянии друг от друга (5—10 м) с ориентацией на юг. Как объясняют сами ногайцы, это делалось и для оптимального использования солнечного тепла (прогрева помещения), и для ориентации во время моления в сторону юга, как это принято на всем мусульманском Востоке. В то же время южная ориентация своими корнями уходит в более древние традиции. Известный западноевропейский путешественник XIII в. Рубрук писал, например, о татарах, которые, надо поют свои дома (кибитки. — С. Г.) для остановки, они всегда поворачивают ворота к югу»⁶³.

В поселениях всех форм, особенно на зимних кочевьях, самое удобное место (в ложине, у реки или колодца), всегда занимал аулбай. Рядом с ним, в 5—10 м, ставили свои кибитки его сыновья, обычно имевшие общее с ним хозяйство, и другие родственники, соблюдая степень родства, старшинства и т. д.

В поселении, расположенном в виде круга, аулбай обычно устраивался в центре. Видимо, такая планировка также составляла древнюю традицию ногайцев, восходящую к периоду родо-племенного строя, когда глава рода или родового подразделения имел большую власть и был особо почитаем. Подобные традиции известны и другим кочевым народам. В частности, тот же Рашид-ад-Дин писал: «В давние времена, когда какое-нибудь племя оставалось в какой-либо местности, оно [располагалось] наподобие круга, а его старейшина находился в середине круга, подобно центральной точке»⁶⁴. Еще в XIX в. такая форма поселения была характерна для кочевых башкир и др.⁶⁵

Построение кочевого лагеря кольцом с юртой старейшины в центре исследователем средневековой культуры кочевых народов С. А. Плетнева связывает с «культом солнца, древнейшим символом которого был круг с точкой в центре»⁶⁶.

⁵⁹ R. Erckert. *Der Kaukasus und seine Völker*. Leipzig, 1887, S. 40.

⁶⁰ О куренном способе кочевков см.: Б. Я. Владимирцов. Указ. соч., стр. 37.

⁶¹ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2. М.—Л., 1952, стр. 18; см. также: Б. Я. Владимирцов. Указ. соч., стр. 37, 45.

⁶² И. Дебу. О кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске. СПб., 1829, стр. 136; см. также: «Отечественные записки» за 1822 г., ч. 9, № 23, стр. 375.

⁶³ «Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрука». М., 1957, стр. 92.

⁶⁴ Рашид-ад-Дин. Указ. соч., стр. 86; см. также: Б. Я. Владимирцов. Указ. соч., стр. 37.

⁶⁵ Р. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир. Уфа, 1957, стр. 100.

⁶⁶ С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1967, стр. 69.

Устанавливая свою юрту посередине круга, аулбай безусловно выдавал себя за главу общины, покровителя ее, старался как можно полней осуществить свою власть, свое влияние на всю кочевую хозяйственно-социальную единицу — аульную общину. Его поведение напоминало поведение родовых вождей по отношению к своим сородичам и средневековых кочевнических феодалов, изображавших себя «старейшинами рода»⁶⁷.

Для ногайского аула рассматриваемого периода характерно сравнительно далеко зашедшее имущественное расслоение.

Были аулы, состоящие из одного мощного хозяйства — в ряде случаев, как мы уже отмечали, богатые семьи кочевали отдельно, без общинников, со своими сыновьями, не выделенными в самостоятельные хозяйства, а также со своими наемными работниками — *яшы*. Нередко в таких хозяйствах числилось от 20 до 50 и более душ и 5—10 кибиток.

Аулы назывались по имени улусного мурзы — главы родственной группы, кочевавшей совместно, или чаще, особенно в XIX — начале XX в., по имени первого богача, фигуры известной и влиятельной не только среди одноаульцев, но и в кругах администрации Ногайской степи. Так возникли аулы Мюсекей-болук, Гаджи-бай, Таи-Ярлык-Гаджи, Салами-аул, Шихали-аул, Кали-аул, Махмуд-аул и др. (у кумыкских ногайцев), Бийсей-аул, Абдул-гази-аул, Бияш, Карамулла-аул, Заракъай-гъажи-аул и др. (у джембойлуковских, едисанских и едишкульских ногайцев). Характерно, что в XIX — начале XX в. с развитием капиталистических отношений случаи, когда два крупных скотовода кочуют в одном ауле и каждый из них старается быть главой аула и группировать вокруг себя бедноту, наблюдаются все реже. Имена этих богачей, основателей аулов, закреплялись за аулами нередко и после их смерти.

Существовали и такие аулы, которые именовались по названию близлежащих курганов — Тебин-тюбе, Тамаза-тюбе, Уч-тюбе, Орта-тюбе и др.; по названию колодцев — Менгли-кую, Теренкую, Карачу, Кара-кую и др.; по географическому расположению — Кунбатар; видам растительного покрова — Камушбурун и т. д. Кроме того, ряд аулов продолжал носить наименование былых родовых или племенных подразделений: Кос-тамга, Казанулу, Майнапа, Мангит, Кокбас и др. (у караногайцев), Нукус, Иргаклы, Казан-кулак (у дженбойлуковцев, едисанцев и едишкульцев), Кангли (у бештакумских) и т. д.

Весной перекочевки начинались в конце марта — начале апреля и продолжались примерно до октября. Выход на новую кочевку, летнюю и зимнюю, считался важным событием в жизни как общества в целом, так и каждой семьи в отдельности, а поэтому отмечался в торжественной обстановке. К этому дню готовили кумыс, айран, резали барана, устраивали веселье. Молодые наряжа-

лись в лучшие костюмы. В сезон летних перекочевок аул часто дробился на мелкие части, по несколько кибиток в каждой. Чистота кибиток, группировавшихся вместе, находилось в зависимости от условий выпаса скота, наличия воды, близости населенных пунктов, с которыми ногайцы должны были поддерживать экономические связи, и т. д. На летних пастбищах ногайский аул по мере использования свежей травы скотом менял место стойбища; нередко за сезон приходилось перекочевывать 5—6 раз. Чем больше было в ауле скота, тем чаще осуществлялись перекочевки. Бывали годы, правда редко, когда, напротив, в течение всего сезона аул эксплуатировал одно и то же пастбище, так как степь изобилвала сочными травами. Иными словами, все зависело от прихода и времени осадков.

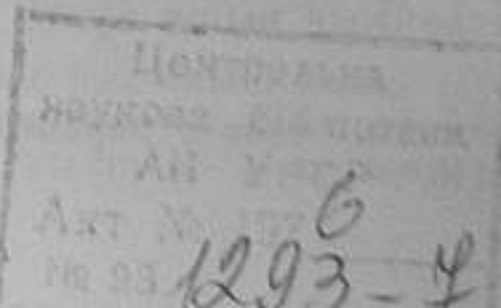
В течение сезона ногайцы то соединялись по несколько кибиток вместе, то, напротив, разъединялись. Осенью же, как правило, ногайцы собирались всем аулом вместе.

Расстояние между летними и зимними кочевьями у разных аулов составляло 15—20 км и более. В засушливые годы в поисках травы ногайцы делали переходы и на расстояние 70—100 км и более. Караногайцы, например, особенно те, у кого было много скота, в такие годы откочевывали к берегам р. Кумы. Но малодворные аулы, если в них кочевали бедняки, держались поближе к более крупным аулам (в целях безопасности).

Расстояние между кочующими аулами также не было неизменным. Чаще всего они располагались в 5—10 км друг от друга, что позволяло населению принимать участие в хозяйственной, общественной и культурной жизни друг друга. Для зимнего аула ногайцы выбирали территорию, наиболее защищенную от северных ветров — русла высохших речек, глубокие долины, изобилующие травой, камышом и бурьяном. Растения служили не только кормом для скота, но и строительным материалом при сооружении для него помещений.

Зимние стоянки в отличие от летних постепенно становились постоянными и закреплялись за тем или иным аулом. Каждый аул возвращался (во всяком случае в XIX — начале XX в.) на свое старое в какой-то мере освоенное, «обжитое» место, куда уже был вложен определенный труд. Изредка случалось, что другой аул занимал «чужое» место. Тогда возникала ссора, в которую зачастую вмешивались в качестве арбитров нейтральные аулы. Кончалось дело обычно разбирательством, при этом руководствовались нормами обычного права, — покидал данное место новый претендент. Но бывали на этой почве и кровопролитные столкновения, в результате которых место оставалось за более сильным аулом.

⁶⁷ С. А. Плетнева. От кочевий к городам, стр. 69.

На зимних стоянках постепенно возникали хозяйственные постройки — загоны для скота (*шетен, къора, кобтерме, кубюрени*), которые сооружались из бурьяна и камыша. Они как бы свидетельствовали о праве собственности того или иного общества на этот участок. На зимних стоянках ногайцы обычно оставляли топливо (кизяк), которое заготавливали весной на следующую зиму. С освоением земледелия многие полуоседлые ногайцы делали здесь и запасы зерна в круглых ямах (*куьр, ор*) с широким дном. На зимних же кочевьях в начале в небольших размерах а затем все в больших стали заготавливать также сено. Для заготовок на зимовья обычно направлялись члены семей. Зимние пастбища строго охраняли от поправки. В этих целях ногайцы стремились переходить на летние кочевья одновременно всем аулом.

Возвращались с летних кочевий также всем аулом, причем каждая семья устанавливала свою юрту, как правило, там, где она была раньше и где остались загоны для скота, топливо, зерно, сено и другие заготовки, сделанные семьей. На этих зимних кочевьях постепенно стали возникать и постоянные жилые помещения, а затем и постоянные аулы. Так появились в 60—70 годах прошлого столетия в Ставропольской губернии Кошудар-кую, Акулкажа-аул, Каклы-аул, Ильяс-аул, Камыш-бурун (у джембойлуковцев); Ачикулак-шалаш-аул, Худай-берди-аул, Кельякай-аул, Абедей-аул, Куркут-аул, Шемшей-аул (у едисанцев); Махмуд-аул (у едишкульцев); Исхак-Мустафа-аул, Костамгалы, Кара-кыпчак, Уйсалган, Майнапа, Терекли-Мактеб (у караногайцев) и др.

Терекли-Мактеб был основан русской администрацией как ставка приставства в Ногайской степи. Еще в начале XX в. он был совсем маленьким населенным пунктом. В 1905 г. в нем насчитывались «4 каменных и два саманных казенных дома», где помещались «пристав караногайского народа, два его помощника, канцелярия пристава со служебным персоналом, караногайское одноклассное училище, ветеринарный врач и подведомственным ему фельдшера». На улице южной линии находились «почтовое отделение, казачья команда и шесть-семь разных лавочек, приютившихся в небольших саманных домиках». Эти постоянные дома в Терекли-Мактебе ногайцы называли орус-уьй (русское жилище)⁶⁸.

Ногайский оседлый аул Уйсалган, который еще называли «Кирпич-аул» (здесь сооружали дома из саманного кирпича), был основан обедневшими скотоводами, которые первыми приобщались к земледелию.

Все названные выше аулы были малодворными, имели от 2 до

⁶⁸ Л-ко. Несколько слов о караногайцах и их быте. «Терские ведомости» 1905, № 116.

29 домов, но в большинстве из них число строений не превышало 10 (Ильяс-аул — 4, Кельякай — 3, Кидыс — 4, Шемшей-аул — 2, Костамгалы — 9, Кара-кыпчак — 10 домов). Только в нескольких аулах число домов достигало 10—15. В одном лишь Камыш-буруне, по данным статистики, числилось 96 саклей и в Худайберди — 42 сакли⁶⁹.

В 20 постоянных аулах едисанцев Ставропольской губернии, по данным 1869 г., насчитывалось всего 268 строений и 1443 жителя. Хлебопашеством при этом занимались далеко не все. В 1866 г. было засеяно, например, только 990 четвертей пшеницы и проса, а собрано в следующем году 11 тыс. четвертей. Эти хозяйства насчитывали 2870 овец и 2304 головы рогатого скота. Надо полагать, что жители этих аулов еще не совсем порвали с кочевым бытом и вели в основном скотоводческое хозяйство⁷⁰.

Однако в начале XX в. ряд ногайских аулов превратился в сравнительно крупные населенные пункты: Ачикулак насчитывал по переписи 1926 г. уже 2035 жителей, Иргакли — 1652, Камыш-бурун — 1086⁷¹.

У кубанских ногайцев крупными для того времени считались аулы Балтинский (ныне Кизил-юрт), Тохтамышский (Икон-халк), Шабазский (Адил-халк), Мансуровский (Эркин-халк), в районе Минеральных вод — аул Канглы, в Астраханской губернии — Сеитовка и Хожитаевка. В то же время были известны аулы, в которых имелось всего по одному дому (Махмуд-аул, Опалай-аул и ряд других). Например, в Махмуд-ауле (ныне Нариман-аул) аулбай Махмуд Аракчиев примерно в 1902—1905 гг. поставил на зимнем кочевье один дом из саманного кирпича с железной крышей. Этот дом долго оставался единственным жилищем оседлой формы. Рядом с ним зимой стояли десятки кибиток других ногайцев. Лишь через несколько лет здесь появился второй дом, а потом еще несколько домов аульчан. По свидетельству наших информаторов, в 1916—1917 гг. в ауле уже было 15—16 строений из саманного кирпича⁷².

По сообщениям старейших ногайцев, известный едисанский аул Каясула современного Нефтекумского района Ставропольского края возник в начале XX в., перед империалистической войной. Его основали жители кочевого аула Къойасыл⁷³ на месте

⁶⁹ И. В. Бенгковский. Очерк 3-го мирового участка Ставропольского уезда, в топографическом, сельскохозяйственном, промышленном и статистическом отношении. «Очерк статистических сведений Ставропольской губернии», вып. 2. Ставрополь, 1869, стр. 99—105; полевой этнографический материал.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ «Районированный Дагестан», Махачкала, 1930, стр. 10.

⁷² Полевой материал. Информатор Мухтар Ялбамбетов (1897 г. р.), сел. Нариман-аул Ногайского района, 1967 г.

⁷³ Они этимологизируют слово «Каясула» как «къой асыл» (буквально добротные овцы), потом якобы переделанное русскими на форму «каясула». Думается, однако, что топоним «каясула» в прошлом представлял

зимовок. Постепенно здесь стали оседать аулы Къазан-къулак, аул, Казихан-аул, Белал-аул, Эмсийик-аул, Къара-тору, Мурзалар-аул, Алаш-аул, Джумакиси, Оьруш-мурза-аул и т. д. Но они оседали не одновременно. Каждый аул занимал отдельный участок, кьойасылцы (каясулинцы) оказались поселенными в середине⁷⁴.

По такому же принципу возник чуть позднее и Кунай-аул (Кунай — имя основателя) тех же едиданцев на зимовке кунай-аульцев. Сюда подселились жители Корук-аула, Гъажи-Ибрагим-аула, Заракъай-Гъажи-аула, Иса-Мулла-аула, Къаридан-Гъажи-аула, Максут-Гъажи-аула⁷⁵ и Уч-тюбе. В этом объединенном селении каждый аул продолжал называться именем прежнего основателя и носил характер родственного поселения.

В предреволюционные годы стали возникать и другие оседлые аулы. У караногайцев, например, в этот период появились оседлые поселения Орта-тюбе, Карагас, Кунбаттар. Все они являлись маленькими населенными пунктами, нередко заселенными жителями разных кочевых аулов. Так, аул Уйсалган был основан выходцами из кочевых аулов Уч-тюбе, Кара-кую, Кошеген, Барам-бай, Танг-Ярык-Гаджи, Салеми и др. К 1926 г. он считался во всей Караногайской степи самым крупным аулом и насчитывал 725 жителей⁷⁶.

Однако ногайцы не сразу переходили к прочной оседлости. Первое время они вели полуоседлый образ жизни: многие из них только зимой жили в домах, весной же вместе со всем аулом продолжали перекочевки по летним пастбищам, хотя старались кочевать поблизости от аула (на расстоянии 4—5 км). Вышеупомянутый Махмуд Аракчиев, например, жил в своем доме только зимой, а с наступлением лета уходил в степь.

В местах оседлости в числе первых возникали сооружения культового назначения — мечети. Весной вместе со всем аулом участвовал в перекочевках и мулла, закрыв мечеть на лето. Однако если расстояние между летними и зимними пастбищами было небольшое, то в пятницу многие ногайцы приходили в аул молиться в мечеть.

Аулы ногайцев постоянного типа долгое время имели очень жалкий вид: низкие однокамерные жилища из саманного кирпича, с камышовым покрытием, часто без всякой обмазки и побелки, с примитивными хозяйственными постройками из камыша.

Собой название племени. Под названием «Каясул» были аулы и в других этнографических районах ногайцев, в том числе и у северопричерноморских ногайцев (А. Сергеев. Указ. соч.).

⁷⁴ Записано в 1970 г. в сел. Каясула Нефтекумского района Ставропольского края. Информаторы Байбулов Ахмед, 1895 г. р. и Аджикеримов Аман, 1893 г. р.

⁷⁵ Гъажи-Ибрагим, Заракъай-Гъажи, Иса-Мулла, Къаридан-Гъажи, Максут-Гъажи — имена аулбаев.

⁷⁶ «Районированный Дагестан», стр. 35.

плетня и кизяка, без двора, без ограды. Нередко рядом с саманной постройкой стояла и кибитка, как бы символизируя полукочевое состояние аула. В своем подавляющем большинстве, как отмечалось выше, эти аулы были полукочевые, хотя кочевали уже вокруг постоянных аулов (в 4—5 км). Они были малодворны и соответственно немногочисленны. По сравнению с кочевым населением Ногайской степи, особенно Караногайской, население этих аулов составляло очень небольшой удельный вес.

Постепенно оседлые ногайцы стали заниматься земледелием. Первоначально они не пахали, а разрыхляли землю примитивными орудиями, бороновали особым брусом, жали серпом, молотили при помощи молотильных досок и копытами животных, гоня их по кругу. Но постепенно у них начали появляться каменные катки, железные плуги — *темир сабан*, конные лобогрейки, молотильные приемы ведения земледелия. Рядовые ногайцы обычно составляли супругу, временно объединив скот, орудия труда и рабочую силу. Сеяли они просо, пшеницу, ячмень. В некоторых хозяйствах выращивали даже огородные растения и бахчевые культуры. Перерусских поселенцев в Ногайской степи, равно как и других оседлых соседей.

* * *

Массовый переход к прочной оседлости у основной части ногайцев начинается только с 20-х годов — с установлением Советской власти в Ногайской степи. Завершается этот процесс в период колхозного строительства, отмеченный коренными социально-экономическими преобразованиями села.

Ликвидация кочевничества была одной из тех неотложных и сложных задач, которые решались в процессе общих преобразований народного хозяйства и культуры.

Особенно сложно обстояло дело с Караногаем. Он был присоединен к Дагестану постановлением Президиума ВЦИК от 11 января 1923 г. по Кизлярскому уезду. С первых же дней выявилась необходимость «накормить голодающий Кара-Ногай и организовать там лечебную помощь... восстановить разрушенное барановодство, перевести кочевые племена на оседлое положение, произвести мелиоративные и оросительные работы, в безводных степях предполагается прорытие канала, чтобы берега его могли явиться местом оседлости»⁷⁷.

Проблема перехода на оседлость решалась одновременно с осуществлением больших землеустроительных работ и других эко-

⁷⁷ Доклад III Вседагестанскому съезду Советов о деятельности Президиума Даг. ЦИКа, Совнаркома и Экономсовета с декабря 1922 — по декабрь 1923 г. Махачкала, 1923, стр. 5.

помпических мероприятий. Наиболее полным и последовательным социально-экономическим мероприятием как в республике в целом, так и в Ногайской степи была земельно-водная реформа, осуществленная в 1927—1932 гг. В результате реформы ногайцам были возвращены лучшие земельные угодья, конфискованные царским правительством для русских колонистов-помещиков, положено начало развитию земледелия и созданию ирригационной сети.

В числе мер, оказавших огромное воздействие на переход ногайцев к оседлости, особое значение имела большая материальная помощь государства в виде долгосрочного и безвозвратного кредита. В зависимости от экономического положения оседающего ногайца размер материальной помощи колебался от 100 до 325 руб.⁷⁸ «Положением о сплошном и обязательном земледелии ДАССР», утвержденном ВЦИК 6 сентября 1926 г., было определено, что переселяющемуся и расселяемому в порядке землеустройства трудовому оседло-земледельческому населению, а также кочевому и полукочевому населению, переходящему на оседлость, «оказывается за счет особо ассигнуемых государственных средств содействие: а) представлением кредита на приобретение живого и мертвого сельскохозяйственного инвентаря; б) выдачей натурой семенного материала с рассрочкой возврата; в) бесплатным отпуском лесных материалов для постройки жилых домов и хозяйственных строений; г) отпуском долгосрочных кредитов на устройство артезианских колодцев и магистральных оросительных сооружений; д) освобождением от единого сельскохозяйственного налога; е) агрономической помощью...»⁷⁹

Для того чтобы провести осуществление земельно-водной реформы в Дагестане, было предусмотрено ассигнование в 20 970 000 руб.⁸⁰ Кроме того, на бурение артезианских колодцев в степной части Дагестана, в частности в Ногайской степи, было ассигновано из средств государственного бюджета еще 520 тыс. руб.⁸¹

Реформа имела огромное значение для вовлечения ногайского трудового населения в различные формы коллективного хозяйства, для приобщения его к более развитым видам хозяйственной деятельности и культуры. Перечисленные выше социально-экономические мероприятия нанесли серьезный удар по патриархально-байским пережиткам у ногайцев, подорвали влияние баев-скотоводов на основную массу производителей, способствовали переходу ногайцев к прочной оседлости.

В степи один за другим начинают возникать оседлые аулы. Одни селения образовались вокруг уже существовавших домов

⁷⁸ Архив Даг. обкома КПСС, ф. 1, оп. 8, д. 76, л. 270.

⁷⁹ Там же, оп. 9, д. 213, л. 93.

⁸⁰ Там же, оп. 5, д. 213, л. 94.

⁸¹ Там же, оп. 9, д. 212, л. 12.

для проживания в холодное время года, другие — в местах, где были артезианские колодцы, третьи — на оживленных трассах скотопрогона, четвертые — поблизости от больших населенных пунктов и т. д.

В соответствии с традицией кочевых аулов постоянные селения четкой планировки не имели. Каждый застройщик ставил дом сообразно своим вкусам и так, как это оказывалось удобнее. При этом выявилась тенденция располагать дома группами. Эти группы представляли собой либо родственные подразделения, либо население бывшего малочисленного кочевого аула, осевшего вместе с населением другого аула.

Тенденции селиться группами на большом расстоянии от других групп в немалой степени способствовало многоземелье, поскольку земледелие ногайцев находилось на стадии начального развития. Вследствие этого многие селения представляли собой беспорядочно разбросанные группы усадеб, перемежающиеся пустырями. Многие из оседавших аулов ногайцев по-прежнему были малодворными. Каждая кочевая или полукочевая община оседала в полном своем составе. Первоначально сохранялись и традиционные принципы расселения по родовым подразделениям. Зачастую аулы продолжали носить имя бая, который до ликвидации кулачества продолжал пользоваться известными привилегиями.

В целом же это был важный этап в развитии оседлых аулов в Ногайской степи. Он был связан и с созданием школ, культурно-просветительных учреждений, медицинских пунктов и других учреждений культурно-бытового обслуживания.

Другим не менее важным этапом явилось укрупнение аулов, начавшееся еще в 30-х годах, но принявшее широкий размах в послевоенные годы. Этот процесс осуществлялся в тесной связи с укреплением и укрупнением колхозов, с дальнейшим социалистическим переустройством всего народного хозяйства и культуры. В основе этих и других мероприятий лежал принцип добровольного присоединения (с последующим переселением населения) экономически слабых, мало перспективных хозяйств к экономически развитым и сильным хозяйствам. Как правило, экономически слабые хозяйства представляли собой небольшие населенные пункты.

Значение этих преобразований трудно переоценить. В 1926 г. в Караногайском районе, по переписи населения, числилось 124 кочующих и оседлых аула, в которых проживало 14 296 человек, т. е. на один аул в среднем приходилось 118,6 человека⁸². При этом подавляющее большинство аулов (88) насчитывало от 50 до 200 человек. Такими были, например, аулы Апчик, где числилось 15 хозяйств (73 человека), Баймурза — 12 хозяйств (52 человека), Курнай — 12 хозяйств, Асав — 8 хозяйств, Карагул — 4 хозяйства и др. Из 124 аулов 23 имели не более 50 человек каждый;

⁸² «Районированный Дагестан», стр. 35.

только в 13 населенных пунктах проживало более 200 жителей, причем самым крупным продолжал оставаться Уйсалгап, насчитывавший тогда 725 жителей.

Такая же картина наблюдалась и у ногайцев, проживающих в Бабаюртовском, Кизлярском, Крайновском и Ачикулакском районах Дагестана, а также у ногайцев, проживающих в Нефтекумском районе Ставропольского края. Например, в Бабаюртовском районе продолжали существовать такие аулы хуторского типа, как Кум-аул, где проживало всего 92 человека, объединенных 21 хозяйством, Медет-аул — 72 человека (19 хозяйств), Карасакал — 53 человека (12 хозяйств), Малый-Кум — 33 человека (6 хозяйств), Мектеб — 14 человек (3 хозяйства).

Разумеется, большая территориальная разбросанность, наличие множества малодворных, хуторского типа аулов создали значительные трудности в экономическом развитии населения степи, мешали осуществлению большой программы социалистических преобразований. Серьезные препятствия они создавали и для рационального использования земельных фондов, трудовых ресурсов, организации рабочей силы, технического оснащения хозяйства, развития искусственного орошения, улучшения культурно-бытовых условий. Именно поэтому постепенно принимались меры к созданию больших, компактно расположенных аулов и поселков. Многие из них возникали на совершенно новых участках, расположенных у водных систем, у магистральных дорог. Такими поселениями были на территории Бабаюртовского района поселки Центральная Тамаза-тюбе⁸³ и «Новая коса». Другие населенные пункты укрупнялись путем подселения выходцев из близлежащих аулов. В число таких населенных пунктов (также в пределах Дагестана) входили Геме-тюбе, Хасанай, Мужукай, Люксембург, Главсулак, Главлопатин, Главкут⁸⁴, Огузер⁸⁵ и др.

Не менее интересно сложилась и судьба аула Кара-тюбе Нефтекумского района Ставропольского края. Возникнув на рубеже XIX—XX вв. на основе аула, кочевавшего под тем же названием вокруг холма Кара-тюбе, он в период колхозного движения объединил вокруг себя другие близлежащие мелкие аулы: Тебин-тюбе (место начала скачек), Оймаут, Онгут, Етинукта (буквально семь уздечек). Эти аулы первоначально осели здесь отдельными кварталами и сохранили старые наименования с добавлением *боьлик* (квартал, участок) — Кара-тюбе боьлик, Оймаут боьлик и т. д.

⁸³ Его образовали жители мелких аулов Карасакал, Гаджибай, Ялангач, Караяр, Гичигут, Бакыл, Эсибагай, Харам-казан-аул, Шпренгель, Львовские номера, старая Тамаза-тюбе и др.
⁸⁴ В эти населенные пункты переселились жители аулов Токсанак, Кара-тюбе, Кутан-аул, Ялан-гечив, Кара-узек, Ас-аул, Барла-аул, Аул-отген-аул, Губечи-аул и др.
⁸⁵ В него вошли аулы Тыриамуш, Абдулкерим-Мектеб, Татар-Мектеб, Кый-аул, Янги-Мектеб, Койлу-акай-Мектеб, Тогалы-аул, Калантар, Макар-аул, Петене-аул.

Однако в процессе дальнейшего развития аула, его благоустройства и появления новых поселенцев (ногайцев, русских и др.), названия постепенно утратили свое значение. Кварталы стали приобретать уже не тухумный и не староаульный, а территориальный, смешанный характер. На месте кварталов появились улицы с такими названиями, как Школьная, Первомайская и др. В настоящее время в нем насчитывается более 700 домов и 2500 жителей. Благоустройству, развитию хозяйства и культуры этого аула способствовало сооружение крупнейшего обводнительского Терско-кумского канала, пробурение мощной артезианской скважины, организация крупного совхоза.

Таким же путем создавался и современный аул Иргакли того же района Ставропольского края. На месте аула Иргакли ранее кочевали два аула: Иргакли Ачикулак и Иргакли Клаус. После пробурения на этой территории (примерно в 1912 г.) артезианского колодца иргаклинцы обоих аулов стали оседать на современной территории. Затем к ним подселились два других аула: Бий-тюбе-Ачикулак, Бий-тюбе-Клаус, причем каждый аул сохранил свою обособленность, хотя и принял общее название Иргакли.

Аул караногайцев Чубутли Тарумовского района перешел на оседлость в 1922 г., до этого здесь располагались на зимовке пять-шесть семей. Позднее, в 1928 г., к Чубутли присоединились и приняли оседлость Бекмурза-аул, Рагим-берди-аул, Тилен-кую-аул, Янги-кую, Тизген-шекли-аул (по названию родовой тамги), Къанай-Гаджи-аул, Манкъа-аул, Сари-Мурза-аул. В каждом из этих аулов было по четыре-шесть хозяйств и столько же примерно кибиток.

В 1958 г. чубутлинцев присоединили к колхозу им. XVII партсъезда сел. Новодмитриевка⁸⁶, где жили в основном русские. До 1966 г. ногайский аул составлял отдельный участок одной из бригад колхоза. «Мы обратились за разрешением и помощью в райцентр и к правительству Даг. республики. Нам была оказана большая материальная помощь, чтобы обзавестись жилищами. Были выделены строительные материалы, каждое переселяемое хозяйство получило по 700 руб. ссуды, дали планы-участки, и мы полностью устроились на новом месте. В Новодмитриевке более 200 хозяйств. Это русские, ногайцы, несколько хозяйств даргинцев и чеченцев», — свидетельствует А. Беккишиев, один из первых членов сельхозартели в Ногайской степи⁸⁷.

Укрупнению аулов и образованию новых способствовала большая материальная помощь переселяемым, оказываемая государ-

⁸⁶ До революции здесь располагались три хутора русских помещиков (Хрусонский, Булгарский и Луцын). На базе этих конфискованных у владельцев хуторов был создан в 30-х годах колхозный поселок Новодмитриевка.

⁸⁷ Записано в 1970 г. в сел. Новодмитриевка у А. Беккишиева, 1895 г. р.

ством и колхозом. Им выдавали долгосрочные ссуды, отпускали строительные материалы, предоставляли бесплатный транспорт и рабочую силу. Кроме того, их освобождали на определенный срок от госпоставок, налогов. За счет государства, колхозов и совхозов в новых селениях были пробурены артезианские скважины.

Столь же значительные преобразования произошли также в аулах кубанских ногайцев. Для их поселений особенно характерны добротность построек, хорошая планировка, озелененность. Принцип расселения родственными (тухум) подразделениями в современных поселениях не соблюдается. Теперь каждый ногаец стремится или выбрать для своего дома отдельный удобный участок, или устроиться в коммунальной квартире. Зачастую ради комфорта ногаец покидает обжитое место. Это особенно заметно в городах и рабочих поселках (Главсулак, Главлопатин и др.), где ногайцы живут в коммунальных квартирах. В то же время нередко встречаются кварталы и улицы, где дома отца и сына или братьев по традиции располагаются поблизости друг от друга.

Многие селения ногайцев приобрели многонациональный характер. Здесь бок о бок живут и работают ногайцы, кумыки, чеченцы, осетины, аварцы, даргинцы, лакцы, русские и др. Горные хозяйства, имеющие в Ногайской степи свои кутаны, находятся в постоянных контактах с местным ногайским населением.

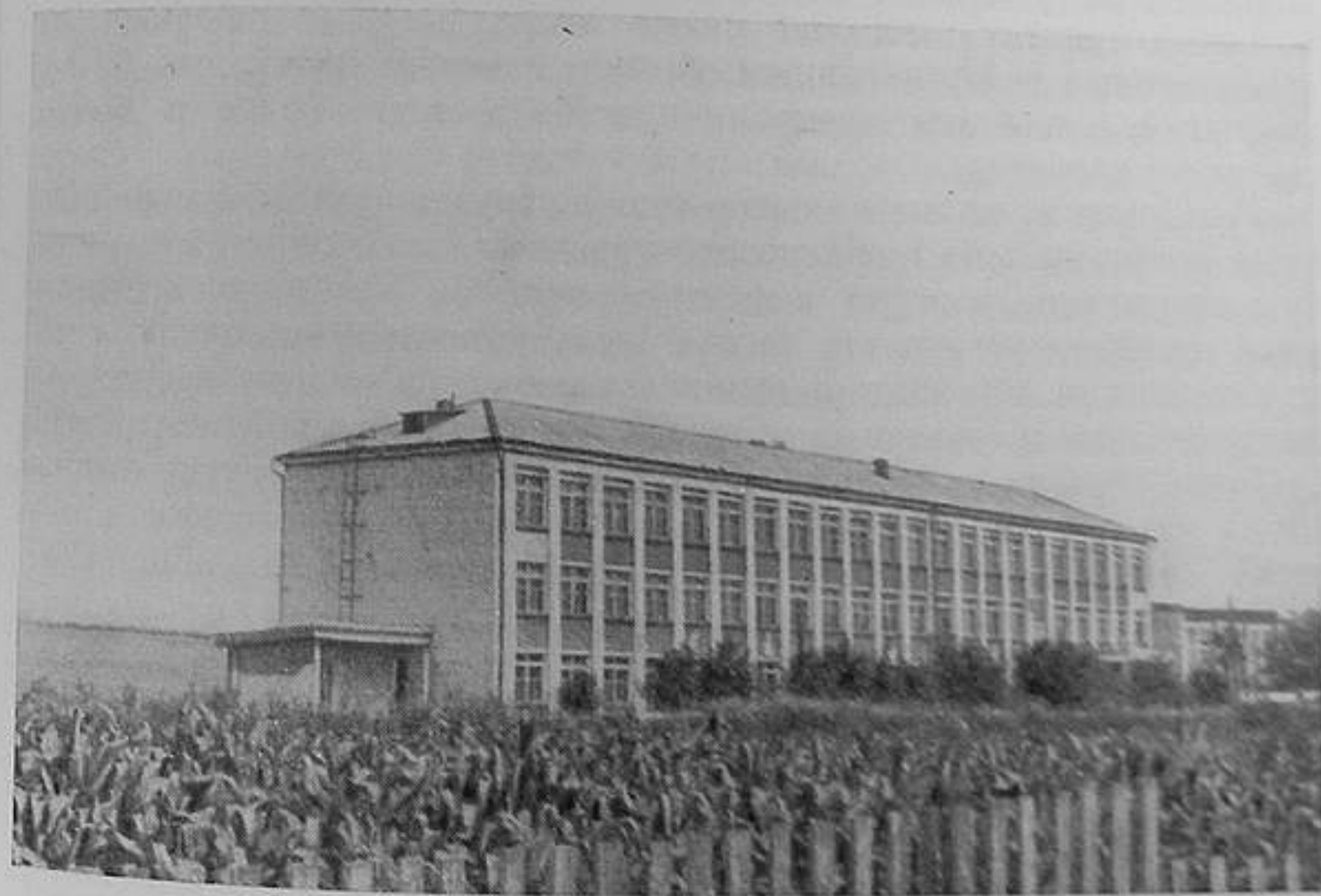
В настоящее время все ногайские аулы представляют собой типичные колхозные и совхозные поселки. Беспорядочная, разбросанная планировка, характерная для кочевых, полукочевых и первых оседлых аулов, в современных аулах заменена уличной планировкой. В большинстве аулов (Каясула, Ачикулак, Икон-халк, Кара-тюбе, Червленые буруны, Терекли-Мектеб, Нариман, Ленин-аул, Тамаза-тюбе, Хасанай и др.) дома располагаются вдоль широких и прямых улиц. Для новых селений типичны добротные, благоустроенные, 3—4-комнатные дома с черепичной или шиферной кровлей, с отдельной пристройкой для кухни и с приусадебным участком.

Благодаря созданию в Ногайской степи ряда магистральных каналов и их ответвлений улицы и дворы все более озеленяются. Все аулы теперь снабжаются хорошей питьевой водой, так как во всех населенных пунктах пробурены артезианские скважины и сооружены водопроводные линии. Вдоль улиц многих поселков проходят поливочные каналы (арыки) с отводами к дворам (Терекли-Мектеб, Каясула, Ачикулак, Иргакли, Огузер, Тамаза-тюбе и др.). Все без исключения ногайские аулы электрифицированы, а также радиофицированы.

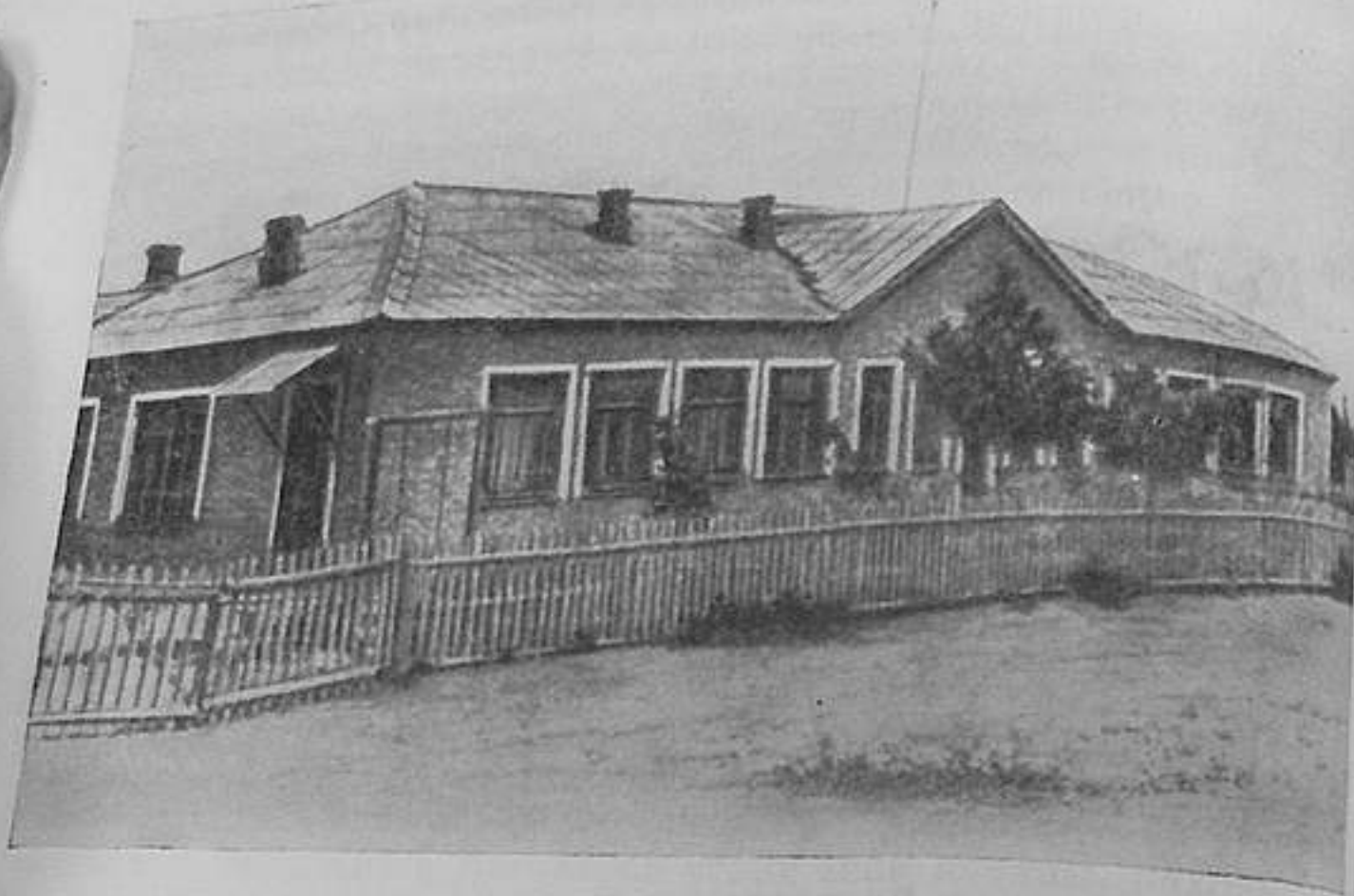
В центре современного поселка располагаются общественные здания административного и культурно-бытового назначения: сельский (поселковый) Совет, дирекция совхоза или правление колхоза, клуб, кинотеатр, библиотека, отделение связи, магазины, комбинат бытового обслуживания, столовая и т. д. Обширные площади занимают школьные здания, в ряде мест с интернатами

Один из кварталов сел. Икон-халк

Средняя школа, сел. Икон-халк

Детский сад, поселок «Червленые буруны»

и домами для учителей. Медицинские учреждения в крупных населенных пунктах занимают целые кварталы. Так называемый общественный центр коренным образом изменил облик ногайских поселений. С каждым годом они приобретают все более и более городской характер.

Ногайские аулы соединяются теперь друг с другом и с районными центрами либо грейдерными дорогами, либо дорогой с твердым покрытием, нередко асфальтированной. Это дало возможность ногайцам установить тесные культурно-экономические связи с соседними народами, а также сказало на облике современных колхозных и совхозных поселков и на образе жизни ногайцев. Таким образом, поселения ногайцев, так же как и другие стороны их материальной культуры, изменялись в соответствии с общими социально-экономическими преобразованиями общества, в теснейшей связи с развитием производительных сил и производственных отношений.

ЖИЛИЩЕ⁸⁸

Условия кочевого, полукочевого и, наконец, оседлого быта ногайцев непосредственно отразились и на их жилище, его типе, формах, планировке, внутреннем убранстве и др.

⁸⁸ При написании данного раздела наряду с другими материалами использована статья, написанная автором совместно с А. Ф. Гольштейном

Общераспространенным типом жилища ногайцев в период их кочевого быта была кибитка, или юрта. Кибитки были двух типов: большие сборно-разборные (*терме*) и малые неразборные, перкаркаса, который покрывали кошмой. Жерди каркаса диаметром 3—4 см изготовляли из орешника, который привозили из внутреннего Дагестана (из Кумыкии), Чечни, Черкессии и т. д.

Большая ногайская юрта — терме — имела круглую в плане форму и была очень сходна по устройству с юртой других кочевых народов Азии⁸⁹, особенно с калмыцкой⁹⁰. Так как эта юрта была сборно-разборной, ее каркас состоял из решетчатых звеньев (*шеген*), которые соединялись в блоки (*табан*). От числа звеньев зависела величина жилища. По сведениям А. П. Архипова, ногайская юрта могла «состоять из пяти, шести, восьми, десяти и двенадцати отдельных решеток, связанных обыкновенно одна с другою шерстяной веревкой». Далее автор уточняет, что «двенадцатирешетчатая кибитка — самая большая, и у ногайцев встречается весьма редко, да и то лишь у людей очень богатых»⁹¹.

Решетка собиралась из деревянных жердей (*терме-агаш*), которые в местах их пересечений скрепляли кожаными кольцами. Вследствие такого шарнирного соединения решетчатое звено при разборке и перевозке юрты могло складываться в пакет. Растянутые решетчатые звенья устанавливали в круг и скрепляли друг с другом широкой тесьмой; установленные таким образом, они образовывали жесткий каркас стен, причем два крайних звена прикреплялись к дверной раме.

Согласно сообщению Г. Малявкина, ногайцы, выбрав участок для устройства жилья, клали на землю предназначенную для центра свода кибитки деталь — *шагъаракъ*, — напоминающую колесо, принимали ее за центр и устанавливали вокруг нее раздвижные решетки⁹². Двери делали «одно- и двухстворчатые, деревянные»⁹³. Створки имели «примерно 1½ аршина высоты и ½ аршина ширины»⁹⁴. Они вращались на шарнирах, имея сверху и внизу выступы, которые вставлялись в гнезда, сделанные в раме (как и повсеместно в старинных домах народов Кавказа и Передней Азии). Двери украшали ярким рисунком, чаще гео-

(С. Ш. Гаджиева, А. Ф. Гольштейн. Из истории жилища дагестанских ногайцев XIX—XX вв. «Ученые записки ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР», вып. XX. Махачкала, 1970, стр. 303—332).

⁸⁹ С. А. Токарев. Указ. соч.; «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I, 1962; «Народы Восточной Азии». М.—Л., 1965.

⁹⁰ И. Бенгковский. Жилище и пища калмыков Большедербетского улуса. «Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии», вып. I. Ставрополь, 1868, стр. 83.

⁹¹ А. П. Архипов. Домашняя ногайская утварь. «Географические известия», вып. 1. СПб., 1850, стр. 73.

⁹² Г. Малявкин. Указ. соч., стр. 148.

⁹³ Г. Апаньев. Указ. соч., стр. 38.

⁹⁴ Г. Малявкин. Указ. соч., стр. 147.

метрическим. Порог делали высоким. Окоп в юрте не был. Крыша терме имела коническую форму. Каркас крыши соби- рали из жердей (*увукъ*), нижний конец которых имел кожаную петлю, а верхний был заостренным. Петли надевались на рогаги (крестовины), которые получались при установке решеток ст- гнезда на деревянном ободе верхней детали крыши (*шагъаракъ*) имевшей вид колеса со спицами диаметром около 1 м. Решетки стен, жерди крыши, нередко и деревянный обод, увенчивающий крышу, были окрашены в красный цвет.

Собранный остов юрты снаружи покрывался кошмами. Богаче люди обтягивали его двумя-тремя слоями длинных войлоч- ных полос (*туурлукъ*). Бедные же ограничивались одним слоем кошмы, но под ним на стены нередко натягивали циновки (*оьре*). Войлоки на нижней части стен юрты крепили при по- мощи натянутых поверх них волосяных веревок или широких (в ряде случаев узорчатых) шерстяных лент (*оьзоьк пасар*, *белъ дев*, *итебан*) с бахромой, которые прижимали войлоки к каркасу. В ряде случаев каркас стен для прочности стягивали лентой или арканом не только поверх войлоков, но и под ними. Все это дела- лось, однако, с таким расчетом, чтобы можно было приподнимать и опускать полосы войлоков в нижней части стен, образуя отвер- стия для проветривания помещения в жаркое время года.

Войлок крыши состоял из двух кусков трапециевидной фор- мы, крепившихся нижним краем при помощи оттяжек к кольце- вой веревке или ленте, опоясывавшей юрту, а наверху — шерстя- ным жгутом к ободу верхнего кольца. Кроме того, каждый кусок войлока крыши притягивался с помощью двух длинных веревок, привязанных к его верхним углам; эти веревки охватывали на- перекрест конус крыши и привязывались к кольцевой веревке.

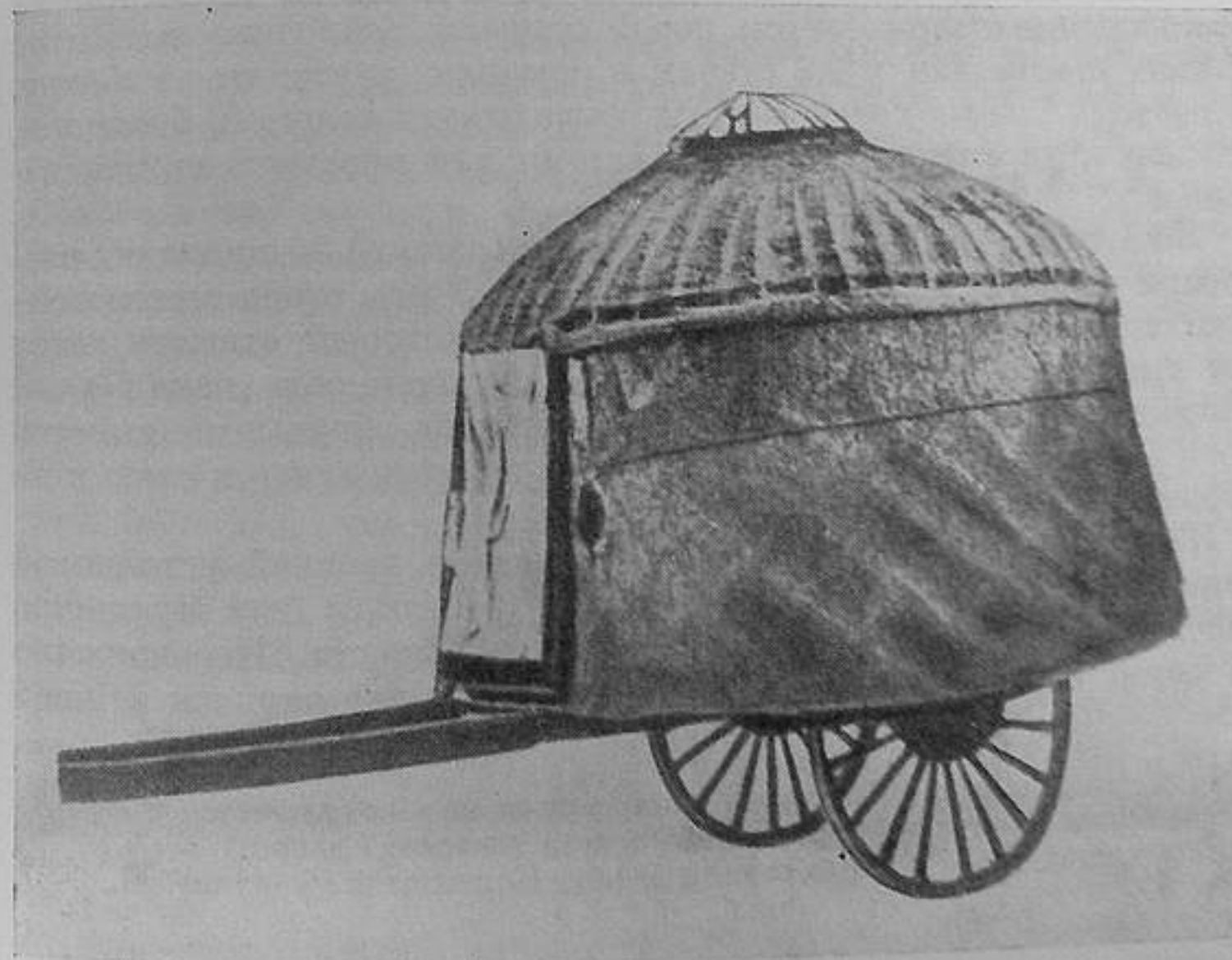
Днем в ясную погоду угол одного из полотнищ крыши (с под- ветренной стороны) откидывали и образовывался дополнительный проем для освещения, проветривания и выхода дыма. Основной же проем (*серпик*, *туьнглик*) находился на вершине крыши, он служил шагъаракъ. При ненастной или холодной погоде этот проем закрывали квадратным куском войлока (*оьрке*), который крепили к кольцевой веревке при помощи четырех оттяжек.

Отмечая эти детали, в свое время А. Олеарий писал: «Они живут в избах [кибитках], которые круглы, с диаметром обыкно- венно в 10 фут, сплетены из тростника или камыша и похожи на корзины... сверху они покрыты войлоком, в середине которого ос- тавлено отверстие для дыма; впрочем, близ этого отверстия при- крепляется еще кусок войлока, который может вертеться по вет- ру. Когда зажженный ими из сухого кустарника и сушеного коровьего помета костер выгорит, а также уйдет и дым, то они опускают верхний кусок войлока»⁹⁵.

⁹⁵ А. Олеарий. Указ. соч., стр. 403.

Ногайская кибитка

Неразборная кибитка отав

Как отмечалось выше, юрта ногайцев обычно имела деревянные двери. Однако в зимнее время на дверь с наружной стороны еще навешивали войлок (*босагъа*, *кийиз эрик*⁹⁶), чтобы в юрту не проникал холодный воздух и ветер не разносил дым внутри помещения. В большинстве случаев дверной войлок обшивали с лицевой стороны плотной, чаще светлой, тканью и украшали различными аппликациями. Летом этот занавес снимали или, свернув трубкой, поднимали и укрепляли над дверью. Нередко в бедной юрте вместо деревянной створчатой двери был только полог из кошмы: дерево в безлесой степи стоило дорого. Вход в юрту по традиции давних времен всегда был обращен на юг⁹⁷.

Войлоки нижней цилиндрической части юрты (*этеклер*) обычно были черными и имели белый фриз (рисунок аппликацией из верблюжьей шерсти), а верхняя конусообразная часть юрты (*увукъ*) была белой и завершалась черным кольцевым жгутом. Применялись и другие расцветки. «У богачей, — писал А. П. Архипов, — кибитки обтягиваются белой щегольской полстью, с красными лентами и тесьмами, а у бедняков серыми... и всегда весьма непрочными, приготавливаемыми наскоро и кое-как»⁹⁸.

Большая юрта имела в диаметре около 7—8 м, а высота ее стен составляла около 2 м. Встречались юрты большей величины⁹⁹, а также и меньших размеров — около 4—5 м и с низкими стенами. Такие юрты преобладали у бедноты.

Для противостояния порывистым ветрам юрту прикрепляли при помощи веревок к колышкам, вбитым в землю. Несмотря на это, сильные степные ветры порой срывали войлочное покрытие как на крыше, так и на стенах и грозили развалить кибитку. В период сильных холодов юрты обкладывали соломой, бурьяном, камышом, укрепляя эту массу шестами или просто земляной насыпью.

Посередине юрты находилось огнище (*ожакъ*) — площадка размерами 1,5×1,5 м, где разводили огонь. Здесь стоял металлический треножник треугольной формы, на который ставили котел для приготовления пищи. Здесь же в горячей золе пекли хлеб. Площадку очага в ряде случаев ограждали брусками высотой 15 см (*орынагъаш*), чтобы кошмы пола не сдвигались к огню и не загрязнялись кизьяками.

Центральное размещение очага является древней устойчивой традицией кочевнического жилища¹⁰⁰. Ногайцы эту традицию сохранили вплоть до перехода к оседлой жизни. Пережиточно эта форма очага сохранялась и у кумыков. Очаг являлся важной

частью жилища, его организующим центром. С ним были связаны важнейшие стороны жизни ногайца. Здесь собиралась семья, готовили пищу, совершали трапезу, принимали гостей, осуществляли воспитательные функции. Недаром некоторые авторы отмечали, что «у очага сгруппировано все; около него происходит вся жизнь караногайца. Здесь он рождается и умирает»¹⁰¹. Кроме практического значения, домашний очаг, как отмечает С. П. Плетнева, издревле «у всех языческих народов мира был объектом поклонения, духом-покровителем»¹⁰².

Малая юрта ногайцев (*отав*, *отау*) диаметром до 4 м и небольшой высоты не разбиралась, хотя она тоже была на решетчатой основе и имела в основном такую же форму, как и термэ. Ее каркас при перекочевках снимали и перевозили целиком на арбе.

Остов малой юрты изготовляли из дранки, прикреплявшейся к трем большим деревянным обручам, которые служили основой каркаса понизу, поверху и посередине стены. Планки каркаса крыши образовывали куполообразное покрытие. Кроме того, в отличие от терме, по всей поверхности стен и крыши отава, за исключением двери и небольшого отверстия наверху, войлок наглухо прибивался гвоздями. Деревянной двери в отаве обычно не было. Ее заменял полог, который днем отворачивался кверху и в таком виде закреплялся над дверью.

«Утав, — писал Г. А. Малявкин о ногайской неразборной кибитке, — очень легок и упруг; его свободно можно перекачивать по земле, не разбирая по частям»¹⁰³.

Наиболее распространенным видом жилища в исследуемое время была сборно-разборная юрта, а не отав. Тот же Г. А. Малявкин пишет, что «отав мало распространен и большей частью встречается у небогатых караногайцев с большими семьями. Обыкновенно молодую чету родители отделяют в отав, так как дать новую кибитку дорого. Спустя некоторое время, когда у молодых появятся дети, они стараются завести себе калмыцкую кибитку»¹⁰⁴.

А. П. Архипов, в отличие от большой юрты, которую он тоже называет калмыцкой, считает отав собственно ногайской юртой¹⁰⁵. Этому взгляду придерживается и Г. А. Бонч-Осмоловский, который полагает, что древнейшей формой жилища ногайцев был отав — небольшая неразборная кибитка, широко бытовавшая у них в XVI—XVII вв., и что только в XVIII в. они стали пользоваться разборными юртами, которые заимствовали у калмыков¹⁰⁶. Автор считает, что сохранившаяся позднее свадебная ки-

¹⁰¹ Г. Малявкин. Указ. соч., стр. 149.

¹⁰² С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 58.

¹⁰³ Г. Малявкин. Указ. соч., стр. 149.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ А. П. Архипов. Указ. соч., стр. 74.

¹⁰⁶ Г. А. Бонч-Осмоловский. Свадебные жилища турецких народностей. МЭР, т. III, вып. 1, Л., 1926, стр. 107—108.

битка ногайцев, караногайцев, туркмен и киргизов является «обрядовым переживанием некогда господствовавшего у них типа жилища»¹⁰⁷.

О существовании неразборных жилищ у монголов и татар в XIII в. свидетельствует Рубрук. Описывая способ кочевания, он сообщает, что навстречу ему двигался «большой город» повозок, нагруженных домами¹⁰⁸, касаясь же семейных отношений, отмечает, что «обязанность женщин состоит в том, чтобы править повозками, ставить на них жилища и снимать их...»¹⁰⁹. В другом месте Рубрук прямо говорит о двух видах неразборных юрт у татар, о больших и маленьких, которые они ставят позади больших. Эти маленькие юрты служат «как бы комнатами, в которых живут девушки»¹¹⁰. Подобно татаро-монгольским племенам, состоятельные ногайцы тоже нередко ставили отавы для девушек. Трудно сказать, насколько обоснованно мнение о том, что до XVIII в. у ногайцев не было больших разборных юрт. Ясно все же одно, что устройство неразборных жилищ является очень древней традицией ногайцев и их прямых предков кипчаков. Неслучайно, что многие ранние авторы свидетельствуют именно об этом виде жилища, а не о решетчатом разборном калмыцкого типа. Приведем ряд свидетельств такого рода. В своем «Путешествии» в Персию через Московию Какаш и Тектандер, характеризуя кочевой быт астраханских и волжских ногайцев, писали, что ногайские татары «не имеют постоянного местожительства... Свои жилища, очень красиво сделанные из войлока и хлопчатобумажной ткани разных цветов и похожие на небольшие палатки (только что верхушки их совершенно круглы), они возят за собою на повозках о двух колесах, куда впрягаются верблюды»¹¹¹.

В 1625 г. Жан де Люк, касаясь северопричерноморских ногайцев, также отмечает, что «у этих татар нет городов, а есть много дымов или кибиток, которые они ставят на повозки»¹¹². Несколько позже (1634 г.) д'Асколи сообщает, что «крымские татары живут в поселениях и в обыкновенных домах; ногайцы же не имеют постоянных жилищ в деревнях, а живут в степи, на повозках, на коих устраивают как бы комнаты, прикрепляя к повозкам крыши из тонких прутьев, формой напоминающие церковные купола, покрытые войлоком... Таких помещений они устраивают сколько им понадобится, и на этих повозках, запряженных вола-

¹⁰⁷ Г. А. Бонч-Осмоловский. Свадебные жилища турецких народностей. МЭР, т. III, вып. 1. Л., 1926, стр. 107—108.

¹⁰⁸ «Путешествия в восточные страны...», стр. 104.

¹⁰⁹ Там же, стр. 100.

¹¹⁰ Там же, стр. 92.

¹¹¹ Какаш и Тектандер. Путешествие в Персию через Московию 1602—1603 гг. ЧОИДР, кн. 2. М., 1896, стр. 26.

¹¹² «Описание перекопских ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка, монаха доминиканского ордена». ЗООИД, т. IX. Одесса, 1879, стр. 485.

ми, переезжают с места на место»¹¹³. Заслуживают внимания и свидетельства таких авторов XVII в., как А. Олеарий, Я. Стрейс, которые указывают на наличие у ногайцев переносных неразборных юрт, устанавливаемых «на высокие телеги» или «высокие повозки»¹¹⁴.

Француз Ж. Б. Тавернье, совершивший путешествие по Московскому государству и Кавказу в середине XVII в., оставил следующие сообщения об образе жизни ногайцев, через поселения которых он проезжал: «У людей совсем нет домов, они проживают в палатках или повозках. Палатки для стариков, малолетних детей... у каждой молодой женщины есть своя повозка, хорошо закрытая: им разрешается по вечерам проводить некоторое время в палатках»¹¹⁵.

Сходные сведения встречаем мы и у автора XVIII в. И. Г. Георги, который писал о так называемых западных ногайцах, кочевавших по Бессарабии, что их жилища «состоят в небольших юртах, сделанных из плетня. Юрты их круглые, шириною не более полторы сажени. Стены высотой около четырех футов... Разбирать их весьма трудно; почему при перекочеванье ставят они их на высокие татарские двухколесные телеги, и таким образом перевозят... У многих находятся для спанья, варения пищи, для жен и детей особливые юрты... Знатные и богатые люди живут в больших юртах, обитых шелковыми обоями, украшенных софами, диванами, серебряною посудой»¹¹⁶. Далее он замечает, что «кубанские или восточные орды имеют такие же точно простые и богатые юрты, в которых они кочуют летом»¹¹⁷. Интересные сведения приводит Георги, касаясь и так называемых кундровских ногайцев. «Юрты их похожи на кубанские: при переноске не могут ни разбираться, ни раскрываться. И на арбах или телегах лежат они некоторым образом на подпорках или на перевесе; так что одна пара волов может очень легко перевести целую юрту со всею семьею. Поелику юрты их с телег не снимаются, то и в летнее время спят они под оными»¹¹⁸.

Описывая жилище полуседлых ногайцев второй половины XVIII в., расселенных в районе Астрахани и известных под названием юртовских, действительный член Российской Академии наук С. Г. Гмелин также отмечает, что кибитки, с которыми они летом кочуют, «совсем другого рода, нежели калмыцкие, и гораздо калмыцких меньше, так что самая большая татарская кибитка в самую меньшую калмыцкую величиною не будет, да и решетки

¹¹³ Д'Асколи. Указ. соч., стр. 130.

¹¹⁴ А. Олеарий. Указ. соч., стр. 403; Я. Я. Стрейс. Три путешествия. М., 1935, стр. 196.

¹¹⁵ J. B. Tavernier. Voyages en Turquie, en Perse, et aux Indes, vol. 2. Paris, 1810, p. 68—69.

¹¹⁶ И. Г. Георги. Указ. соч., стр. 41.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Там же, стр. 44.

составляющая деревянная постройка так плотно делается, что невозможно такую кибитку разобрать и опять поставить. Если она один раз собрана будет, то уже и должно ей так оставаться... И так если кибитку с одного места на другое переносить должно, то... перевозят... на повозках особого рода»¹¹⁹. Автор указывает на легкость этой повозки-арбы и кибитки, говорит, что ее «один человек с грузом кибитки подвинуть может»¹²⁰.

Даже архивные документы начала XIX в., правда относящиеся к ногайцам Таврической губернии, отмечают, что «ногайские кибитки не складываются, как калмыцкие, но перевозят оные татары на возах, или арбах»¹²¹.

Анализ приведенных выше сведений позволяет полагать, что основным типом жилища ногайцев в отдаленном прошлом была неразборная переносная юрта, которую они ставили на телеги и перевозили при перекочевках. Согласно утверждениям отдельных исследователей, некоторые юрты такого типа вообще с телеги не снимались и были прикреплены к ней наглухо¹²². Такого типа юрты изображены и на гравюрах XVIII в.

Что же касается сходства ногайской юрты с калмыцкой, то оно несомненно. Ногайцы, будучи в течение долгого времени соседями калмыков, кочуя вместе с ними по волжским и прикаспийским степям и находясь с ними в тесном общении, по-видимому, заимствовали у них эту форму жилища. Вообще юрта такого устройства имела широкий ареал распространения. Она была характерна для монголов¹²³, с которыми калмыки, переселившиеся с Алтая в низовья Волги в первой половине XVII в., в свое время составляли этническую общность¹²⁴.

В исследуемое время у ногайцев применялись оба типа юрт. Малая юрта нередко была единственным жилищем бедняка, где, по словам Н. Семенова, жило «сбито в кучу все семейство»¹²⁵. У состоятельных хозяев она также иногда использовалась как кратковременное жилище новобрачных. Как сообщает ряд авторов, отав входил в состав приданого невесты.

А. П. Архипов пишет, что отав «есть свадебная кибитка... Всякая девица, выходящая замуж, должна принести с собой... кибитку-отауй. В ней она скрывается от света определенное время при выходе в замужество»¹²⁶. Также и по другим сведениям, отав — «это юрта, которую молодые получают от отца жены в

¹¹⁹ С. Г. Гмелин. Указ. соч., стр. 174.

¹²⁰ Там же, стр. 174—175.

¹²¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19069, л. 9.

¹²² А. А. Шенников. Жилые дома ногайцев Северного Причерноморья. «Славяно-русская этнография». Л., 1973, стр. 54.

¹²³ А. Симусов. Пища и жилище монголов. «Современная Монголия», 1933, № 2, стр. 45—49.

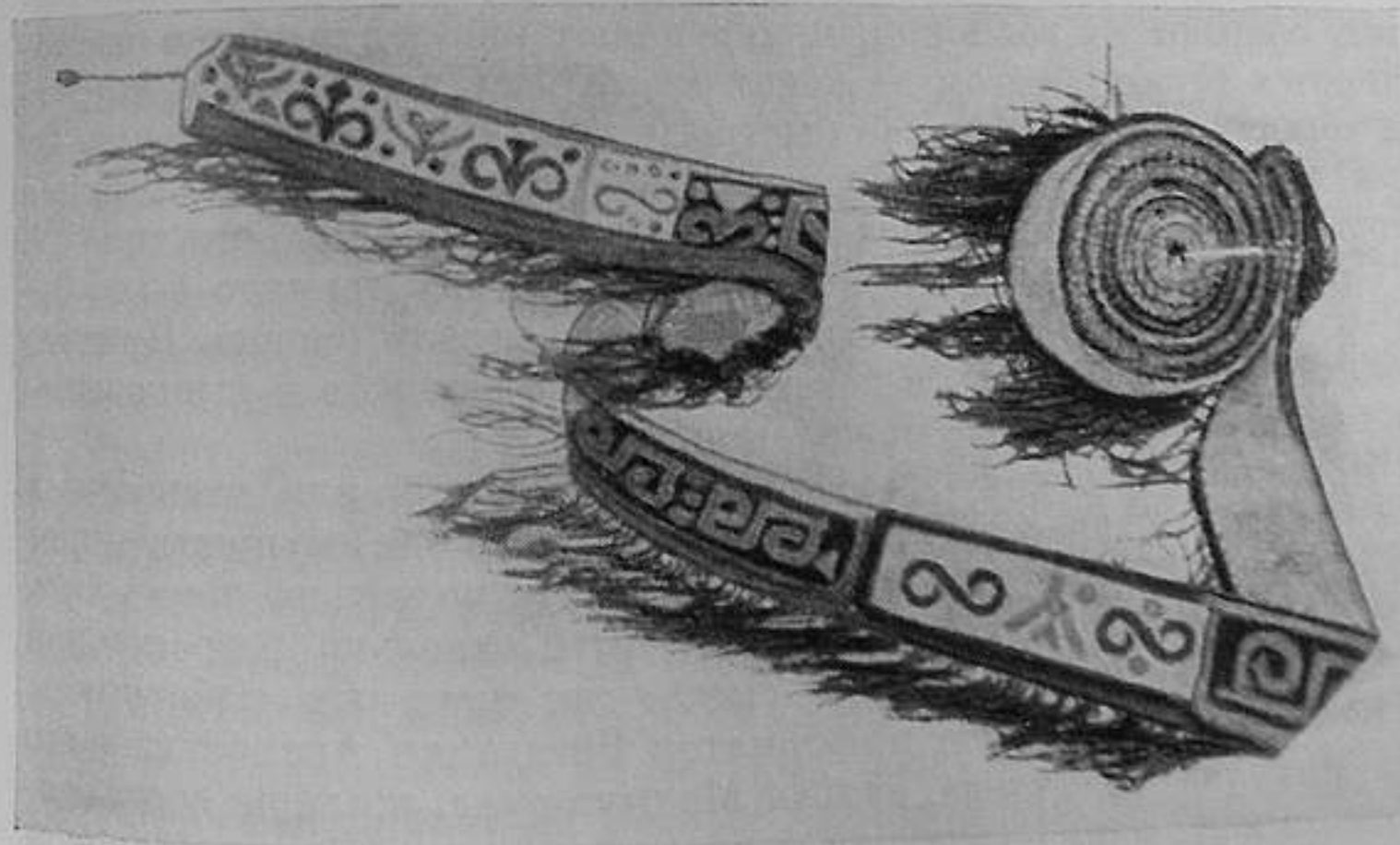
¹²⁴ Л. П. Поганов. Очерки по истории алтайцев. Новосибирск, 1948, стр. 9.

¹²⁵ Н. Семенов. Указ. соч., стр. 367.

¹²⁶ А. П. Архипов. Указ. соч., стр. 74.

Ногайская свадебная кибитка (ГМЭ)

Тканый шерстяной пояс для юрты (ГМЭ)

приданое вместе с другим имуществом и в которой они живут в течение первого периода своей жизни после свадьбы»¹²⁷. То, что юрта у ногайцев, как и других тюркских кочевых народов, составляла часть приданого невесты, с одной стороны, несомненно объяснимо как пережиток былого матрилокального поселения. С другой стороны, это отражало особенности быта кочевников-скотоводов, у которых, согласно поло-возрастному разделению труда, все, что связано с жилищем, входило в ведение женщины.

Так или иначе без отавов в кочевом ауле не обходились, потому что они легко и быстро устанавливались, в них во время перекочевки можно было укрываться от дождя, солнца и ветра.

Как термэ, так и отав делали из орешника. Занимались этим мастера-мужчины. Кумыкские ногайцы (таргу-ногай, аксай-ногай и костек-ногай) часто покупали готовые термэ у караногайцев и ачикулакских ногайцев, которые славились как лучшие мастера по изготовлению юрт. Нередко на производстве кибиток специализировались и дагестанские горцы, в частности кубачинцы. Кибитка кочевнику безлесной степи обходилась довольно дорого, требовала большой специализации при ее изготовлении. А. П. Архипов пишет, что ногайцы при готовом материале за изготовление калмыцкой кибитки платили мастерам от 7 до 15 руб.¹²⁸

Как отмечалось выше, разборка и установка юрт были делом женщин. Характеризуя эту работу, Г. Ананьев писал: «После перевозки частей кибиток и отавов, женщины первым делом моют все палки и решетки кибиток и затем снова укрепляют решетки стен, обивают их войлоком, прикрепляют палки крыши, и располагаются таким образом на новом месте. Устанавливаются кибитки ногайками чрезвычайно быстро; это можно заключить уже из того, что снятие с места кибиток, перевозка их на 10 и более верст, мойка и новая установка делаются в течение одного дня»¹²⁹.

При установке новой кибитки в первый раз принято было собирать и угощать родственников, для чего резали барана. Приглашенные читали молитву в память умерших предков и высказывали хозяину дома добрые пожелания.

Жилище ногайской семьи состояло из одной или нескольких юрт. Число их зависело от величины семьи и ее имущественного положения. Богатые ногайцы нередко имели по четыре-шесть юрт, в том числе одну главную, затем юрты отдельно для каждой жены, для каждого женатого сына, для наемных работников.

Как рассказывал наш информатор Багаутдин Аракчиев, у его отца Махмуда Аракчиева, аулбая Махмуд-аула, жилище составляли шесть юрт: одна — главная, служившая гостиной или столовой

¹²⁷ Ф. Фиельструн. Свадебные жилища турецких народностей. МЭР, т. III, вып. 1. Л., 1926, стр. 112.

¹²⁸ А. П. Архипов. Указ. соч., стр. 73.

¹²⁹ Г. Ананьев. Указ. соч., стр. 42.

(уыйкен-терме или къазан-терме), три — для женатых сыновей, которые жили с ним нераздельным хозяйством, две — для жен и детей¹³⁰.

Некоторые богачи имели для неженатых сыновей и незамужних дочерей отдельные юрты, используемые ими в качестве спален. Бедным ногайцам приходилось ограничиваться одной юртой, как бы многочисленна ни была семья. Не все из них могли выделить женатого сына даже в отав, более того, нередко два женатых брата жили в одной терме¹³¹.

Неслучайно Н. Семенов отмечал применительно к кумыкским ногайцам, что в одной кибитке «зачастую одновременно помещаются и неоправившаяся после родов женщина со своим новорожденным и какой-нибудь другой больной член семьи, и только что родившийся теленок, и двое-трое хозяйских ребят, и старая хозяйка дома со своим трехногим очагом с котлами, кувшинами, тазами, со всеми молочными предметами, тут же подвергаемыми соответствующей переработке»¹³².

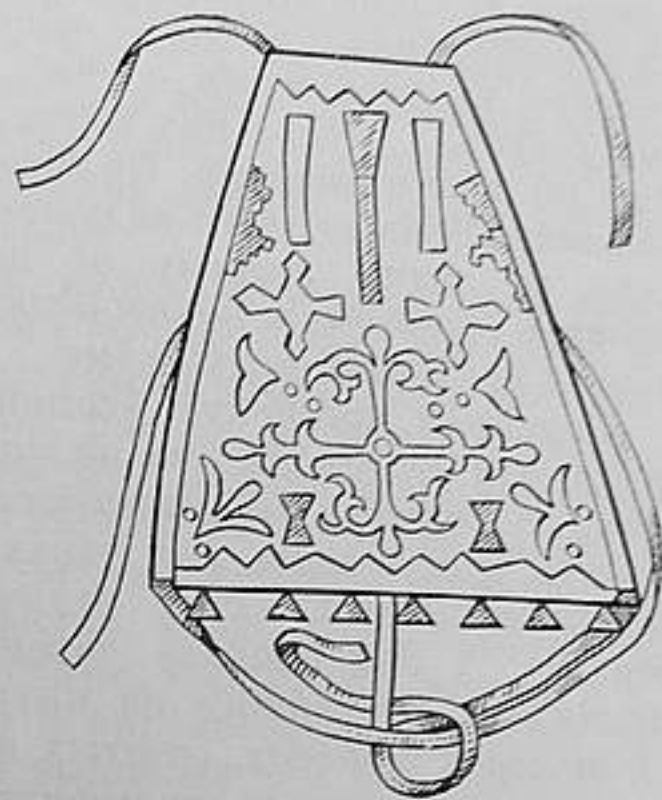
Социальная неоднородность ногайского общества проявлялась и во внутреннем убранстве жилища. У аулбаев и других состоятельных людей юрты имели лучшую обстановку, включающую ковры, кошмы из высококачественной шерсти с богатой отделкой, шелковые занавески, вышитые вещевые сумки, сундуки фабричного производства и кустарной работы адыгейских и дагестанских мастеров, зеркала, богатую постель и т. д.

Все это размещалось в традиционном порядке у стен, чтобы не загромождать место в центре жилища. Лучшими кошмами и коврами убрали ту часть пола, которая предназначалась для досуга, особенно *тоър*, *тоър-якъ* (напротив входа) — почетное место. Стены изнутри завешивали шелковыми и шерстяными узорчатыми кошмами шириной 70—80 см, а позднее — тканями. На стены вешали сумки, сшитые из цветных лоскутков, нередко искусно вышитые, с кармашками разных размеров для мелких домашних

¹³⁰ Полевой материал. Информатор Б. М. Аракчиев (1905 г. р.), сел. Терекли-Мектеб Ногайского района, 1967 г.

¹³¹ Полевой материал. Информатор Патимат Асланова (1902 г. р.), сел. Терекли-Мектеб, 1967 г.

¹³² Н. Семенов. Указ. соч., стр. 367.

Вышитый войлочный флаг свадебной юрты (ГМЭ)

вещей. К стене крепили и деревянную полочку (*шыракъ-салгыш*) для светильника, позже — керосиновой лампы. Весь пол, за исключением входной части и очага, застилали камышовыми циновками (*оуре*), а поверх них вышитыми и простыми кошами, у богатых же еще и коврами. На кошах и коврах лежали подушки для сидения. Больше всего подушек было на почетном месте. Рядом с тоур, по левую сторону от двери, располагалась супружеская кровать (*орындыкъ, шымылдыкъ*), с несколькими матрасами, одеялами и большими подушками.

Описывая ногайскую «семейную кровать», А. П. Архипов отмечал, что ее делали «на низеньких ножках, с высокими столбиками, на которых вырезаются круглые маковки; с трех сторон решетка и перильцы, или узкая спинка, и две такие же поперечные перекладки — суть отличительные особенности ногайской кровати»¹³³. Эта кровать завешивалась «особого рода пологом (шемалдак), состоящим из миткалевого или коленкорového навеса и четырех боковых, сшитых наглухо, сторон, из коих передняя разделяется надвое и, по произволу, может быть отпускаема или закидываема на обе стороны»¹³⁴. У богатых можно было увидеть в юрте деревянный диван (*орындыкъ*), самовары, чайники, фабричную посуду, зеркала, вышитые полотенца и т. д.

Ногайский диван, также описанный А. П. Архиповым, по устройству был сходен с кроватью и являлся «необходимостью почти каждой сакли»¹³⁵. В отличие от кровати, диваном могли пользоваться и другие члены семьи, особенно почетные гости. Поэтому в приемных юртах богатых ногайцев диваны убирала нарядными рогожками (*шыпта*), кошами и коврами. Покупной утварью, посудой и другими предметами быта отличалось убранство приемной юрты аулбая и других состоятельных ногайцев¹³⁶.

В целом интерьер юрты был нарядным, красочным, так как домашние вещи украшались резьбой по дереву и цветным шитьем. Орнаментация была выдержана в стиле, характерном для прикладного искусства тюркских народов Средней Азии (каракалпакки) и Казахстана (казахи), с одной стороны, и Северного Кавказа (адыго-черкесские народности, частично осетины и кумыки) — с другой.

Направо от входа помещались продовольственные запасы (ларь, мешки с мукой, зерном и т. д.) и лавка для утвари. Тут же висела полка для парадной посуды, которую прикрепляли концами к каркасу юрты, а посередине подпирали шестом. Под этой полкой находился раскрашенный шкафчик с дверцами (*къобан-сандыкъ*), служивший для хранения продуктов питания (мясо, сыр, фрукты и пр.). Подальше от двери, на левой стороне юрты, размещалась длинная раскрашенная деревянная скамья или кро-

¹³³ А. П. Архипов. Указ. соч., стр. 78.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Там же, стр. 80.

¹³⁶ Г. Апаньев. Указ. соч., стр. 40—41.

вать (*орындыкъ*), на которой лежали матрацы, одеяла, подушки и другие постельные принадлежности, над ней была протянута веревка с навешанными на нее предметами одежды, главным образом мужской. Многие вещи (вышитые сумки с одеждой, оружие, конская сбруя, гребни для расчесывания шерсти и т. д.) висели на крючках, прикрепленных к каркасу.

Своим убранством и нарядным видом отличался отав новобрачных — дар отца невесты. Он был покрыт белым войлоком, который опоясывался широкими шерстяными узорчатыми лентами с бахромой: по верхней части озоук пасар, по нижней части — итебан. Отав имел роскошно украшенную аппликацией войлочную дверную занавеску — *эсик кийиз* (142×88 см). Войлок сперва обтягивали светлой однотонной тканью, на которую нашивали аппликации с разными узорами (завитки, квадратики, треугольнички), а также стилизованными крестами, бараньими рогами и т. д. Над дверью и по обе стороны ее в определенном порядке навешивали или прикрепляли к стене вышитые тем же способом, что и дверной войлок, четыре полосы войлока прямоугольной формы — *иныг*: две побольше (95×33 см) и две поменьше, другого цвета и рисунка (95×28 см); четыре *бияла*, каждая из которых состояла из трех вышитых квадратных кусков плотной ткани (30×30 см), пришитых по отношению друг к другу под углом. Над дверью, с охватом части крыши, прикреплялся *манглашай* — войлок, вырезанный в форме треугольника, пожалуй даже напоминающий человеческую фигуру, а если взять отдельно верхнюю часть, то баранью голову с рогами.

Другой, более ярко выраженной особенностью юрты новобрачных является ее *туынглик* — свадебный флаг из войлока (62×97 см), так же, как и другие принадлежности отава, обшитый с лицевой стороны белой хлопчатобумажной тканью, а с оборотной — клетчатым ситцем. Лицевую его сторону покрывали аппликациями из красной, голубой, черной и других цветов хлопчатобумажной ткани в виде завитков, кружков, треугольников, крестообразных фигур и т. п. Широкие боковые стороны обшивали полосами ткани другого цвета, а поверх нее — вышивками или аппликациями. По нижнему его краю нередко пришивали еще прямоугольные мешочки из цветных тканей, набитые ватой или тряпками. Туынглик ставили на свадебной кибитке, где находилась невеста. Его привязывали к длинной жерди, проходившей через дымовое отверстие. На ночь жердь ставили наклонно так, чтобы туынглик закрывал верхнее отверстие.

Интерьер отава был проще. В нем не было множества утвари и других хозяйственных предметов. Убранство его состояло из вещей невесты: постели, сундука, кошм, тех же нарядно вышитых мешков, которые висели на разных решетках на крючках. Но самым нарядным элементом интерьера жилища новобрачных была большая свадебная занавеска — *шымылдыкъ* (207×60 см), которую вешали у стенки на самом видном месте. Занавеску шили из

кусков разных тканей, на подкладке, вышивали золотистыми нитками, украшали разноцветными аппликациями, галунами. В дни свадьбы и некоторое время после нее молодуха сидела при людях за этой занавеской, защищаясь от взоров любопытных. За этой же занавеской находилась постель новобрачных.

Возвращаясь к характеристике большой юрты, отметим, что почетным местом в ней была северная сторона, расположенная за очагом напротив входа. Здесь помещался глава семейства, сюда же приглашали почетных гостей. По правую сторону от почетного места (если обратиться от тобра к выходу) находилась мужская сторона (*онг-бет* — правая сторона), по левую — женская (*сол-бет, къазана-якъ-бет*, т. е. кухня). Если у главы семьи было две жены, то место старшей находилось ближе к почетной стороне. На женской стороне были места и взрослых дочерей. Снохи занимали места ближе к двери (*эсик-бет* — входная сторона), устраниваясь чаще всего на земляном полу. В семье ногайца строго соблюдалась поло-возрастная иерархия.

Таким образом, юрта условно как бы делилась на две половины, правую от входа — женскую и левую — мужскую. Такое деление юрты и распределение мест в ней в зависимости от поло-возрастных и социально-групповых особенностей имеет многовековую историю и характерно для широкого мира кочевников. Тот же Рубрук подробно характеризует это разделение в жилище татаро-монгольских племен. Он пишет: «Когда они поставят дома, обратив ворота к югу, то помещают постель господина на северную сторону. Место женщины всегда с восточной стороны, то есть налево от хозяина дома, когда он сидит в своей постели, повернув лицо к югу. Место же мужчин с западной стороны, то есть направо. Мужчины, входя в дом, никоим образом не могут повесить своего колчана на женской стороне»¹³⁷. Однако в более поздний период поло-возрастные ограничения строго не соблюдались.

Ногайцы, если даже в их хозяйстве было несколько юрт, принимали пищу в одной из них. Однако женщины и мужчины ели раздельно. Хозяин ел с другими мужчинами дома и только при почетных гостях (в богатых семьях) устраивался отдельно.

После ужина женатые сыновья со своими женами и детьми уходили в свои термэ или отавы. Уходил в свою юрту также глава богатой семьи с женой и с дочерьми. Нередко, таким образом, в большой юрте оставались почевать одни неженатые сыновья и наемные работники. Бывало и наоборот — в большой юрте оставались старики и дочери, сыновья уходили в свои юрты, а наемные работники устраивались в отаве.

Юрту освещал жировой светильник. Ногайцы, жившие на берегу моря, заправляли светильники тюленьим жиром. Тюленей ловили вместе с рыбой, а зимой били на льду. Тюлений жир

¹³⁷ «Путешествия в восточные страны...», стр. 92, 94.

употреблялся также при лечении туберкулеза, которым в дореволюционное время болели многие ногайцы. Отапливалось жилье киззяками, заготавливавшимися на зимних пастбищах.

Юрта была плохо защищена от стужи, «страшной степной вьюги, сильного холодного ветра, врывавшегося со свистом в дверь кибитки»¹³⁸. Во время продолжительных буранов (жесточких степных метелей), сообщал тот же автор, описывая трудную жизнь кочевников, «в кибитку, где с трудом помещается семейство ногайца, загоняются телята, бараны, козы для предохранения от гибели. Крупный рогатый скот, лошади и верблюды оставляются на произвол судьбы. Нередко гибнут целые стада, и из богатого ногаец на другой день делается таким же байгушем (нищим), как и многие его собратья»¹³⁹.

Помещений для скота в кочевых условиях ногайцы, как правило, не имели. Зимой скот содержали около жилища в загонах (*куьрен, къора, лабас*). Ограждения сооружались в виде валов из камыша и бурьяна с землей. Загоны были общественные (аульные) и частные. На ночь вход в загон закрывали горизонтальными шестами, концы которых вставляли в отверстия двух вертикально стоящих бревен, расположенных на расстоянии 1,5—2 м друг от друга (*тогъаз*). В хозяйствах, имевших молочный скот, в загоне сооружали небольшие ячейки из плетня (*шетен*) для телят. Внутри загона, кроме того, ставили вбитые в землю шесты, к которым привязывали телят во время дойки коров.

Зимние загоны куьрен обычно были небольших размеров и сооружались позади жилища. Они представляли собой ограждения из бурьяна или камыша с землей, но имели навес из того же камыша, бурьяна и земли.

Одним из начальных типов оседлого жилища была землянка (*ерме къазы*), к сооружению которой ногайцы прибегали в период перехода к оседлости. Землянки, как правило, рыли на зимних стоянках. Бытование в прошлом у ногайцев землянок подтверждается как полевыми, этнографическими, так и литературными данными.

«Оседлые ногайцы — писал, в частности, капитан Петухов в 1834 г. о части ногайцев, живших между реками Егорликом, Каулаусом и Манычем, — живут аулами, которые состоят из нескольких землянок и кибиток; дворов и других пристроек, необходимых в домашнем быту, у них нет»¹⁴⁰.

Характеризуя такого образца постройки одной из этнографических групп ногайцев, П. Зубов также отмечал в первой половине XIX в., что «они живут в землянках, коих передовая стена

¹³⁸ «Кавказские жители». «Природа и люди», 1879, № 6, стр. 4.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ «Описание части Кавказской области, составленное капитаном Петуховым в 1843 г.» «Труды Ставропольской ученой комиссии», вып. I. Ставрополь, 1911, стр. 12.

состоит из нескольких бревен, поставленных стоймя, и имеет не-
большой навес, а внутри находится из глины сплетенный камин,
в коем беспрерывно пылает огонь»¹⁴¹. О наличии землянок у
ногайцев северных уездов Таврической губернии свидетельствует
А. Сергеев¹⁴².

Землянки караногайцы по возможности сооружали на холмах
(склонах), что превращало их в помещения полуподземного ха-
рактера (так они лучше освещались, прогревались солнцем, про-
ветривались и т. д.). Обычно при строительстве землянки рыли
котлован 6—8 кв. м глубиной 1,5—2 м, затем ставили верти-
кальные опорные столбы. Оставалось только поставить дверь и
возвести крышу. Для крыши делали своего рода каркас, на ко-
торый плотно укладывали камыш или солому, затем сыпали слой
глины и утрамбовывали. Крыша имела овальную форму и возвы-
шалась над землей примерно на 0,8 м. В постройку вела земля-
ная же утрамбованная лестница, иногда на ступеньки ставили
доски или камни. Двери землянки (примерно 0,8×1 м) делали
из досок или занавешивали дверной проем войлоком.

Характерным признаком первых оседлых усадеб было отсутст-
вие огороженного двора. Следы этой древней традиции кочевых
поселений можно обнаружить в отдельных аулах ногайцев даже
в настоящее время.

Переход к оседлости у ногайцев, как мы уже отмечали выше,
происходил постепенно, на протяжении длительного периода, что
нашло свое отражение в стадиях эволюции жилища. Сначала
строились постоянные жилища в местах зимних стоянок. В лет-
ний период ногайцы оставляли эти жилища и жили в юртах в
местах перекочевков. При переходе к оседлому образу жизни но-
гайцы освоили типы домов, характерные для соседних оседлых
народов, строили дома по примеру кумыкских, кабардинских, аба-
зинских, осетинских и др. Кроме того, ногайцами воспринимались
навыки домостроительства и русского населения, особенно станич-
ных казаков, а также русских поселенцев в Ногайской степи из
различных южнорусских губерний и т. д. (Ачикулак, Терекли-
Мектеб, Дмитровка, Люксембург, Львовские номера, Маскаб-ху-
тор, Аля-кую-хутор и др.).

Первые такие дома у караногайцев появились в ауле Уйсал-
ган, на самой западной границе территории этой группы. Назва-
ние этого селения означает «дом поставивший», «дом построив-
ший». Этот аул в отличие от других называли еще «кирпич-
аул» (аул, где сооружены постройки из кирпича).

Рассматривая типы ногайских жилищ, сопоставляя их компо-
зиционно-планировочные решения, их конструкции, а также вос-

¹⁴¹ П. Зубов. Картина Кавказского края, ч. I. СПб., 1834, стр. 155—156.

¹⁴² А. Сергеев. Ногайцы на Молочных водах (1790—1832). Исторический очерк. «Известия Таврической ученой архивной комиссии», № 48. 1912, стр. 20.

производя не сохранившиеся формы и типы на основе данных
информаторов, можно проследить основные этапы развития по-
стоянного жилища ногайцев, воспроизвести его изменения от про-
стейших до современных жилищ за небольшой период оседло-
сти. Первые постоянные жилища — там (караногайцы), пеш
(кубанские ногайцы), тавуый (ачикулакские ногайцы), уый (ку-
мыкские ногайцы) — отличались простотой планировки и конст-
рукции. Основными строительными материалами в Ногайской сте-
пи служили глина, саман и камыш. Лесоматериалы для рядового
степняка были труднодоступны, так как их возили на арбах из
дальних районов и областей и стоили они дорого.

Первоначально обычно возводилось небольшое одноэтажное
одно-двухкамерное жилище со стенами из сырцового кирпича.
Нередко использовали турлучные или плетневые стены (из плет-
ня, обмазанного с двух сторон глиной с саманом). Во всех слу-
чаях дома имели двускатные крыши из камыша, опиравшиеся
на несколько жердей). Поверх камыша в ряде случаев насыпали
тонкий слой земли без всякой обмазки сверху.

Характерной особенностью нового жилища ногайцев почти пов-
семестно являлось наличие в нем сеней¹⁴³. У большинства на-
селения жилище состояло из одной большой комнаты с сенями —
бир уый, бир сене. Лишь богатые ногайцы возводили двухкомнат-
ные постройки с сенями, иногда и с черепичной крышей. Но и
они первоначально строили дома без всякого фундамента. Только
отдельные ногайцы Кумыкской равнины использовали для фунда-
мента (а позднее и для невысокого цоколя) речной булыжник.
Постройки имели земляные полы, потолок и пол обмазывали гли-
ной, в которую подмешивали лошадиный навоз. Побелку ни с
внутренней, ни с внешней стороны в первых домах не произво-
дили. В глубине жилого помещения, чаще в дальнем его углу,
размещался очаг (ожак) с дымоходом, возведенным (с лицевой
стороны) турлучным способом.

Другой характерной чертой нового оседлого жилища являлось
наличие в нем невысокой глинобитной (позднее и деревянной)
лежанки — орындыкъ, тахтамбет. Она обычно располагалась вдоль
стены, занимая в ряде случаев почти половину комнаты. В одном
помещении иногда сооружались две лежанки, расположенные
друг к другу под углом.

Такого же типа отдельные жилища — уый-сене — на усадьбе
или пристройку к основному жилищу семья возводила и для
женатых сыновей.

Строили дома обычно кумыкские, осетинские, кабардинские
мастера с учетом запросов хозяев и исходя из их материаль-
ных возможностей. В сел. Култай-аул (ныне Кунбатар) в начале

¹⁴³ Ногайцы сени называли «сене», «сенцо» (бештаво-кумыкские ногайцы, караногайцы, ачикулакские ногайцы), аяг (кубанские ногайцы), эльде (кумыкские ногайцы).

XX в. первый постоянный дом был построен баю Култаю русским мастером. Это типично русский дом, но с камышовой крышей. В сел. Махмуд-аул первый дом был построен аулбаю Махмуду Аракчиеву также русскими мастерами из кирпича с черепичной крышей. Перенимая приемы наемных мастеров, строить постоянные жилища постепенно стали и сами ногайцы, особенно беднота, которая раньше стала переходить к оседлости. У бедных ногайцев было мало скота, и они поэтому могли его пасти около постоянного поселения. Судя по литературным источникам, в начале XX в. к оседлой жизни стремилась именно неимущая часть населения Караногай¹⁴⁴, так как это позволяло ей совмещать скотоводство с земледелием. Но и бедняки зимой жили в домах, а весной вместе со всем аулом переходили на летние пастбища, где жили в юртах. Эта традиция особенно долго сохранялась у состоятельных ногайцев, имевших много скота. И после того, как ногайцы окончательно расстались с кочевым образом жизни, у них рядом с постоянным домом (спереди дома) еще долго стояла юрта. Летом ногаец жил в юрте, зимой хранил в ней инвентарь, зерно, а во время окота размещал ягнят.

«Термэ мы считали очень удобным помещением для лета,— говорил наш информатор Мухтар Ялмаметов (1897 г. р.) из сел. Нариман-аул Ногайского района,— оно способно сохранить прохладу в жаркие дни; в нем легко приспособиться к защите от солнца, откроешь верхнее отверстие — видишь звездное небо». С организацией колхозов юрта постепенно перешла в полевые бригады, а потом исчезла вовсе, оставив о себе только воспоминания у представителей старшего поколения. Не осталось следа и от отава, который в первые годы колхозного строительства также бытовал на полевых станах как легкое переносное жилище.

Жилище типа уй-сене со временем начинает включать две комнаты с сенями. У кубанских ногайцев, например, от отдельных жилых построек, разбросанных по всей усадьбе (жилища женатых сыновей), большая семья переходит к многокомнатному дому под одной крышей. Это были длинные дома, где комнаты и сени располагались анфиладой в один ряд. Каждая супружеская пара имела в доме свою комнату и сени. Таким образом, и здесь по существу не нарушался принцип планировки — «комната — сени». Большое помещение — *уйкен-уй* (он же *ожакъ-уй* или *къазан-уй*), длиной 8—10 м, располагалось обычно в середине общей постройки.

Постепенно наряду с глинобитными возвышениями-лежанками стали сооружать деревянные нары; те и другие строили таким образом, что под ними оставалось пространство для хранения запасов зерна, лишней утвари и т. д. Со временем угловые и пристенные каминны стали заменять русскими и украинскими печа-

¹⁴⁴ Ф. И. Капельгородский. Караногай. «Записки Терского общества любителей казачьей старины». Владикавказ, 1914, № 10, стр. 51.

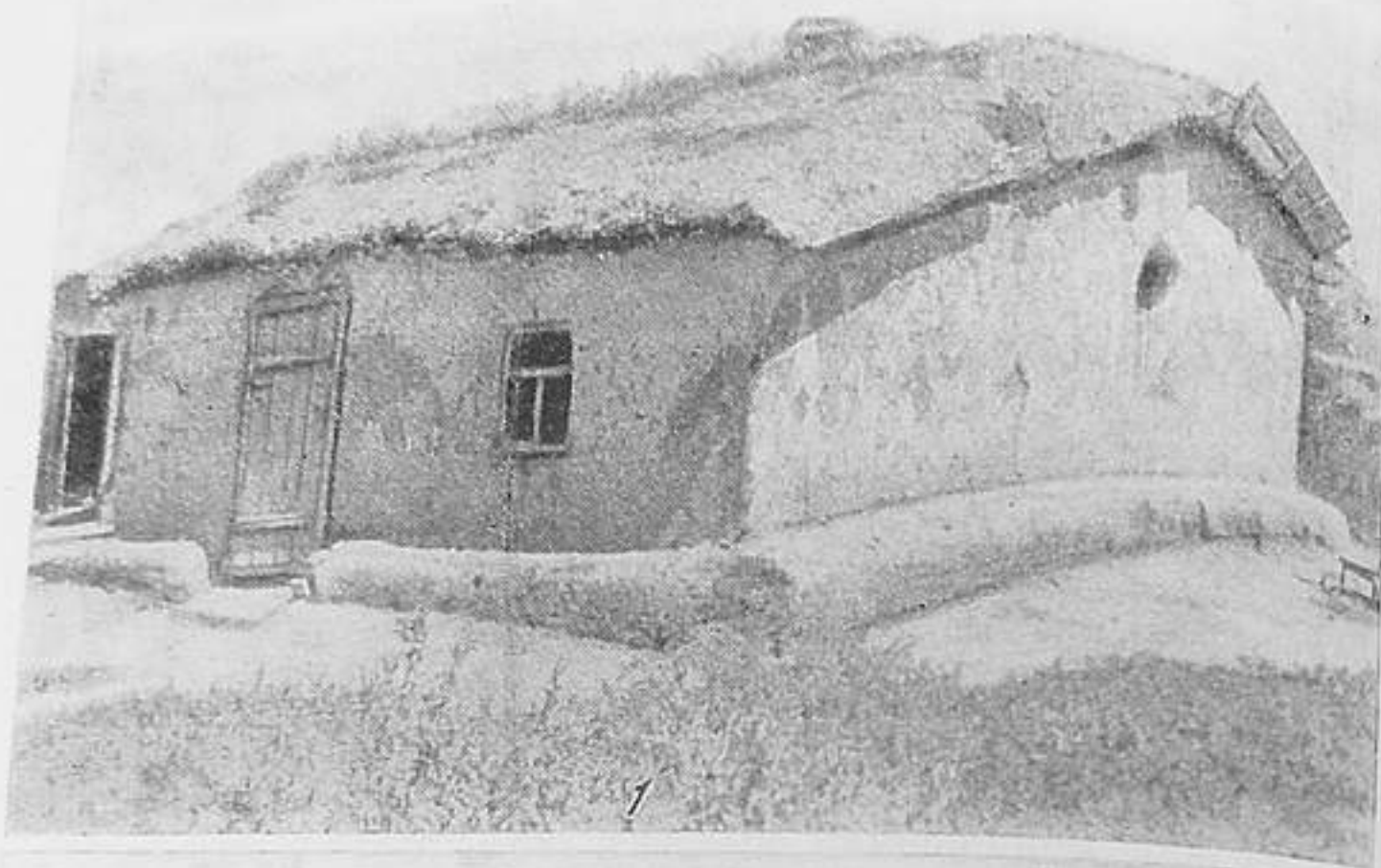
Дом и расположенная рядом с ним юрта

ми — *пеш*, которые топили из сеней; со стороны сеней был и дымоход, но основная часть печи полусферической формы выходила в жилое помещение и обогревала его. Многие использовали печь и для варки пицци. У ачикулакских ногайцев подобные печи строили переселенцы-армяне из аула Карабаглы, и печи эти поэтому назывались *къарабагълы пеш*.

Каждая этническая группа ногайцев, разумеется, в зависимости от конкретных естественно-географических условий, наличия строительных материалов, а также культурных контактов с соседними народами имела свои отличительные особенности в домостроительной практике — форме, типе, планировке жилища. Юртовские ногайцы астраханской степи, например, довольно рано освоили строительные приемы своих соседей и стали жить «в рубленых избах с крышами на четыре ската»¹⁴⁵. Для состоятельной семьи еще в середине XIX в. была характерна и большая «жилая изба» того же типа, и «особая изба для младших членов семейства и домовой прислуги», а за последней (особой избой) — еще «отдельная мазанка для кухни, которая отделяется от жилого строения в предупреждение от пожарных случаев»¹⁴⁶. Иными словами, ногайцы-кочевники постепенно осваивали типы жилищ и приемы строительства, характерные для соседних народов.

¹⁴⁵ П. Небольсин. Очерки волжского низовья. СПб., 1852, стр. 69.

¹⁴⁶ Там же.

Старые саманные дома
1 — сел. Карагас; 2 — сел. Каясула;

Старые саманные дома
3 — сел. Новодмитриевка; 4 — сел. Адиль-халк

3 С. Ш. Гаджиева

В прошлом по всему Северному Кавказу бытовал, например, турлучный дом, состоявший обычно из двух смежных комнат, каждая из которых имела свой вход с галереи-навеса, расположенного вдоль фасада¹⁴⁷. Такие дома строили первоначально ногайцы, переходившие к оседлости еще в XIX в. Со временем это жилище стало вытесняться другим, возводимым из саманного кирпича и состоящим из трех помещений: среднего проходного боковых, в которые попадали через сени (сени).

Планировка жилого дома со средним проходным помещением встречается в нагорном Дагестане¹⁴⁸, Азербайджане¹⁴⁹, Средней Азии¹⁵⁰. Она повсеместно распространена на Северном Кавказе, преобладает у кабардинцев¹⁵¹, северных кумыков¹⁵², где «комнат бывает почти всегда две через сени, а затем, если нужны еще комнаты, то таковые располагаются хотя и под одной крышей, но с другим отдельным ходом и сенями»¹⁵³.

В таком доме вход снаружи ведет в среднее помещение (у ногайцев, как и у кабардинцев, оно называется сени, у кумыков — *гырве*). В нем имеется небольшое возвышение — глинобитная площадка высотой 15—25 см. (Такое же возвышение устраивается и в дворовой кухне, где оно используется для размещения различной утвари и продовольствия.)

При массовом переходе на оседлость население Ногайской степи переняло главным образом этот тип жилого дома. Такие дома в Ногайском районе встречаются и в настоящее время. В качестве примера может служить дом Алынкашева в сел. Нариман-аул. В нем среднее помещение является хозяйственным, а боковые — жилыми. Боковые комнаты называются *уйкен-уй* (большая комната) и *кишкей-уй* (малая комната), хотя они по размерам почти равны. Некоторые жители селения называют одну из боковых комнат *болган-уй* (жилая комната), другую *кбулак-уй* (кладовая).

В жилых помещениях такого дома обычно устроены глинобитные или деревянные лежанки высотой 40—45 см для отдыха и хранения постельных принадлежностей. Они называются *тахта-*

¹⁴⁷ А. Миллер. Черкесские постройки. МЭР, т. II. Пг., 1914, стр. 57—78.

¹⁴⁸ З. А. Никольская. Аварцы. «Народы Кавказа», т. I. М., 1960, стр. 447; С. Ш. Гаджиева, М. О. Османов, А. Г. Пашаева. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967, стр. 134.

¹⁴⁹ М. Н. Насирли. Сельские поселения и крестьянские жилища Нахичеванской АССР. Баку, 1949, рис. 24, 30.

¹⁵⁰ В. Л. Воронина. Узбекское народное жилище. СЭ, 1949, № 2, стр. 59—85.

¹⁵¹ Е. Н. Студенецкая. Современное кабардинское жилище. СЭ, 1948, № 4, стр. 108—109.

¹⁵² С. Ш. Гаджиева. Материальная культура кумыков. Махачкала, 1960, стр. 64—65; А. Ф. Гольштейн. Жилой дом в народной архитектуре кумыков. «Сборник научных сообщений по строительству и архитектуре». Махачкала, 1967, стр. 30—35.

¹⁵³ М. Афанасьев. Селение Костек Хасавюртовского округа Терской области. СМОМПК, вып. XVI, отд. 1-й, 1893, стр. 95.

бан (тронное место), *тахтамбет* (тронная сторона) или *орындык* (кровать). Иногда края глинобитных лежанок делали из дерева, в виде скамьи, чтобы удобнее было сидеть (сидя на деревянной площадке, сделанной в виде скамьи на ножках, можно подогнуть ноги, тогда как, сидя на краю глинобитной ступени, этого сделать нельзя).

В каждом доме сооружается печь (по ногайски *пеш*). Ее стали устанавливать на глинобитном возвышении (верх которого обычно совпадает с уровнем находящихся рядом нар), и она имеет, помимо топочной камеры, дымоход-змеевик с несколькими изгибами, отнесенный на некоторое расстояние от стены. Такое устройство способствует большей теплоотдаче. Топочная камера этого образца печей покрыта чугунной двухконфорочной плитой.

Ногайцы Бабаюртовского района, как и кумыки¹⁵⁴, устраивают комнатные печи в виде прямоугольной топочной камеры на четырех ножках и с простым дымоходом-отводом, а также в стене возле печи, разделяющей смежные помещения, делают окошко для освещения их одной общей лампой. Жилище этой группы ногайцев практически не отличается от жилищ северных кумыков. Это подтверждается и тем, что на всей территории дагестанских ногайцев архитектурно-строительные термины соответствуют кумыкским.

Галереи, лоджии — этого обычного для всего Кавказа элемента жилища — дома в Караногае не имеют. Они здесь встречаются как исключение, хотя, казалось бы, удобны для защиты от солнца и осадков.

Вследствие того, что использование среднего помещения в качестве проходного создавало неудобство, иногда в уже выстроенных домах среднюю комнату разделяли перегородкой, которая выделяла прихожую. Обычно же при строительстве дома предусматривалось разделение среднего помещения на два: проходное (*сене, аят*) и отдельное (*арт-уй* — задняя комната).

Наружную стену сеней почти всегда делали деревянной, а впоследствии и стеклянной, хотя в условиях острого дефицита лесоматериалов проще было бы делать ее, как и остальные стены, из самана. Большая площадь остекления, обращенная на юг и незатененная, неудобна, так как приводит к перегреву помещения. Устройство ее заимствовано у русских и не отражает ни хозяйственных, ни бытовых традиций ногайского народа.

Разделение среднего помещения и выделение прихожей привело к тому, что средняя комната (за прихожей) получалась небольших размеров. Некоторые домовладельцы увеличивали ее за счет выступа сзади или спереди дома.

Опыт показал, что планировка, при которой три комнаты расположены в ряд, имеет существенный недостаток: для отопления дома приходится устраивать две печи либо оставлять одну

¹⁵⁴ С. Ш. Гаджиева. Указ. соч., стр. 83.

помещение неотапливаемым. Топливо в Ногайской степи дефицитно, к тому же помещения с такой планировкой больше охладятся вследствие увеличенного периметра стен.

В связи с этим со временем ногайцы стали переходить к более компактному плану, при котором помещения располагаются под углом и отапливаются одной печкой. Дома с Г-образным планом встречаются, однако, редко, так как в этом случае из трех помещений два — проходные, а одно из них имеет вход непосредственно снаружи.

Для устранения этих новых недостатков стали устраивать специальную прихожую или сени. Подобные дома, называемые «квадратными», распространены у северных кумыков, в Чечне, Кабарде, Северной Осетии. Согласно информации, полученной отдельными исследователями у местных жителей, такая планировка заимствована ими у русских¹⁵⁵. У осетин дом квадратного плана называют «русский дом»¹⁵⁶.

В последние годы дома с такой планировкой и с шиферной крышей на Северном Кавказе стали бытовать повсеместно. Они удобны, достаточно комфортабельны, но их облик лишен какой-либо национальной специфики. Строят эти дома в Ногайской степи чаще всего из самана, крупноразмерного сырцового кирпича (32×16×14 см), изготовляемого путем формовки из смеси размоленного глинистого грунта с соломенной сечкой и последующей естественной сушки. В последнее время также входит в быт жженный кирпич. Особенно широко он стал применяться у кубанских, ачикулакских и бештаво-кумских ногайцев.

Как мы уже отмечали выше, вследствие отсутствия в степи камня дома раньше строили без фундамента и цоколя, при этом пол устраивали почти на уровне земли. Позже стали делать фундамент и цоколь из бутобетона. В качестве бута использовали гальку, которую привозят с речных отмелей соседних районов Дагестана.

Стены выкладывают из саманных кирпичей на глиняном растворе и по окончании постройки дома обмазывают их глиной, так как кирпич-сырец размывается дождями. Поперечные стены выводятся с треугольным завершением, которое в архитектуре носит название тимпан, в русском зодчестве — шипец, а по-ногайски — *къарлыгъаш*. По верху продольных стен кладут горизонтальные деревянные балки — лежни (они служат мауэрлатами), а на вершины треугольных завершений стен — балку (*аркъалыкъ*), которая служит коньковым прогоном. Зачастую в промежутках между продольной стеной и коньком помещают еще две балки.

На продольных балках укрепляют стропила (*ракы* — кругляк диаметром около 8 см с шагом 30—40 см), а на них кладут

¹⁵⁵ Е. Н. Студенецкая. Указ. соч., стр. 110.

¹⁵⁶ Б. А. Калоев. Осетины. М., 1967, стр. 135.

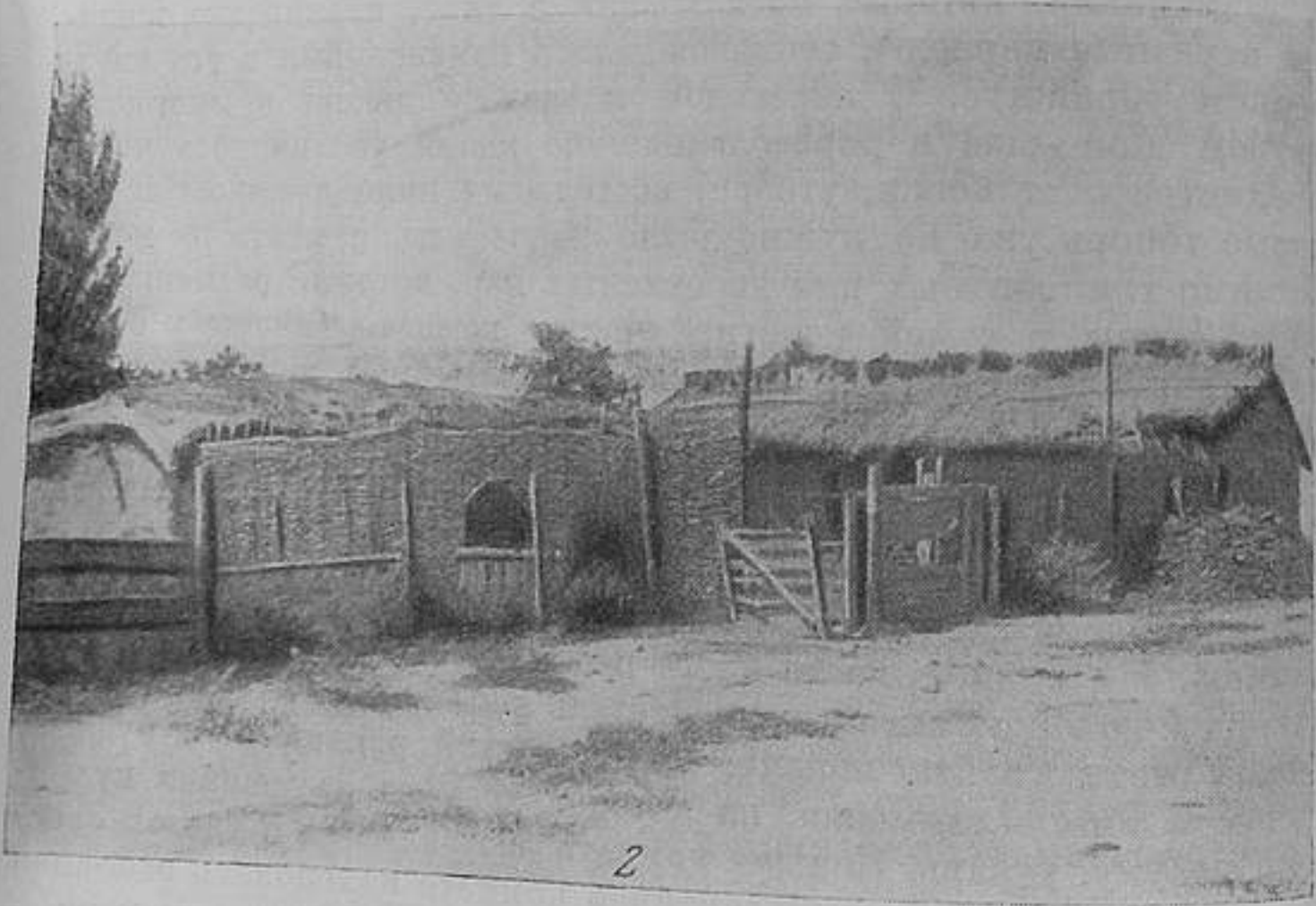
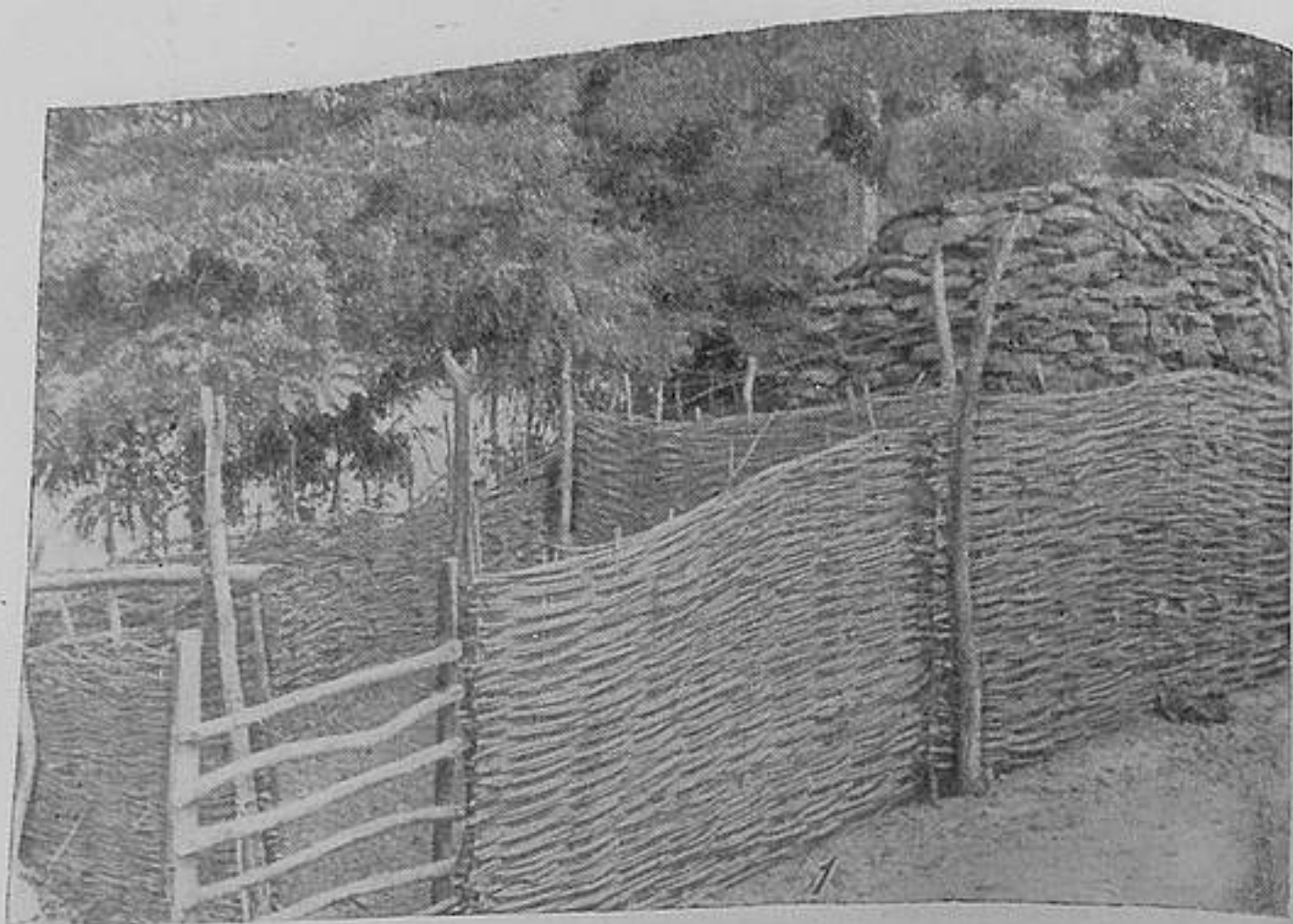
жерди (толщиной 3 см). Сверху укладывают слой хвороста и камыша, который обмазывают глиной. В торцах крыши вся толща кровли закрывается досками, которые держатся на вертикальных упорных планках, прибитых к выступающим концам балок. Такие крыши в домах, построенных более пятидесяти лет назад, видимо, никогда не протекали.

Со стороны помещения крышу обмазывают глиной и белят, а она образует наклонный потолок. Шиферные крыши делают с чердаком.

Двери, как правило, филенчатые; полотна дверей и створки окон навешаны на железных петлях. Остекление окон применяется одинарное. В старых домах, имеющих низкие стены, иногда встречаются окна горизонтальных пропорций (ширина больше высоты). В новых домах повсеместно устанавливают спаренные окна с узким простенком между ними. В старых домах окна имеют фрамуги. В последнее время окна украшают резными наличниками, оформленными в русском стиле, и делают ставни. Следует отметить, что сырцовый кирпич, особенно начиная с 50-х годов, все более и более вытесняется обожженным, а глиняный раствор — цементом.

Изменения, которые происходили в типе, планировке жилища в разные периоды, сопровождалась изменениями в его внутреннем убранстве. С переходом к оседлой жизни в многокомнатном доме еще в дореволюционное время увеличилось число предметов обстановки, утвари, постельных принадлежностей, которые теперь уже не нужно было перевозить с места на место. Помимо глинобитных или деревянных нар, которые размещались вдоль стены в самой почетной части комнаты (чаще у стены напротив двери) — тоёр, появилась современная деревянная мебель: кровать, низкие диваны, скамейки, табуретки, столики на трех ножках, покупные ковры и т. д. Наиболее значительную роль в интерьере ногайского жилища по-прежнему играли кошмы. Их вешали на стены, ими покрывали тахтаматы (иногда в несколько слоев). Окна занавешивали тюлем или другой тонкой тканью. На видном месте часто располагалась супружеская кровать, на которую складывали постель всей семьи. У стены в столовой стоял *къобансандыкъ*, выполнявший раньше роль буфета, рядом с ним — скамейка, на которой хозяйка размещала кухонную посуду, утварь. Каждая комната обставлялась с учетом своего назначения: в большой семейной комнате находилась основная утварь, посуда, самые большие нары, покрытые лучшими кошмами для хозяина и гостей; в комнатах супружеских пар — их личные вещи, постель, сундуки и т. д.

С переходом к оседлости у ногайцев появилась традиция сооружать кухню (*къазан-уьй*) в виде отдельной постройки перед домом. Такую кухню можно встретить почти на каждой усадьбе. Наличие обособленной кухни — характерная особенность усадьбы у жителей Северного Кавказа. Кроме того, у ногайцев неподалеку

Хозяйственные помещения
3 — сел. Каясула

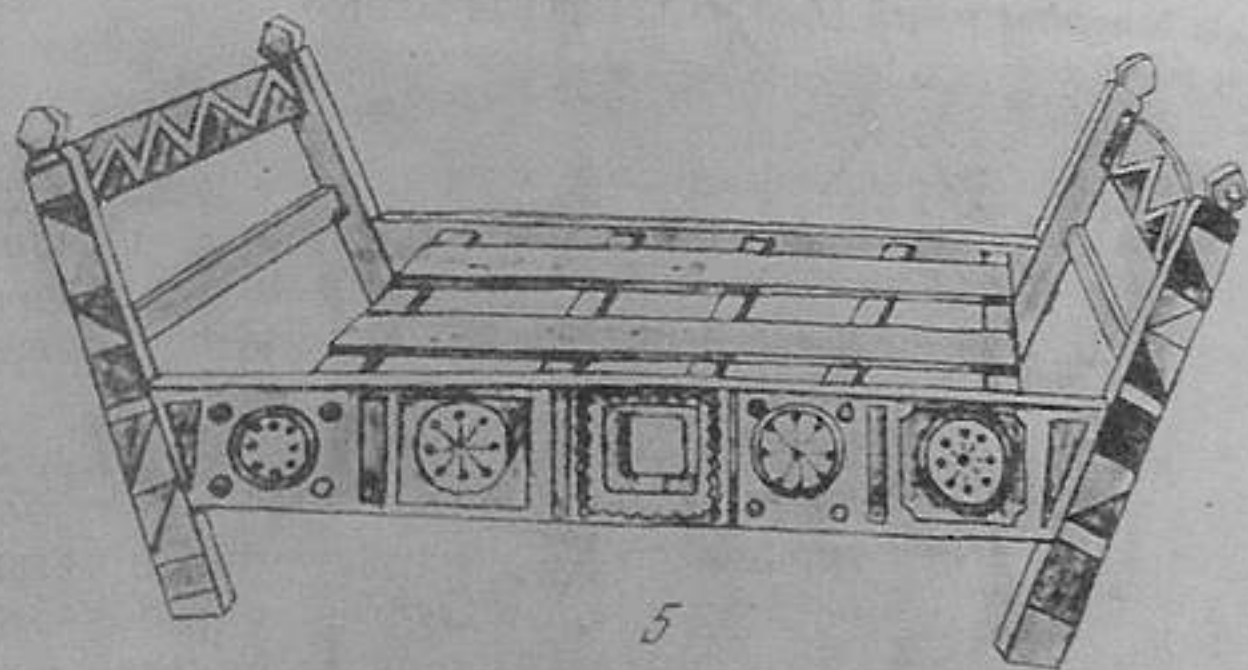
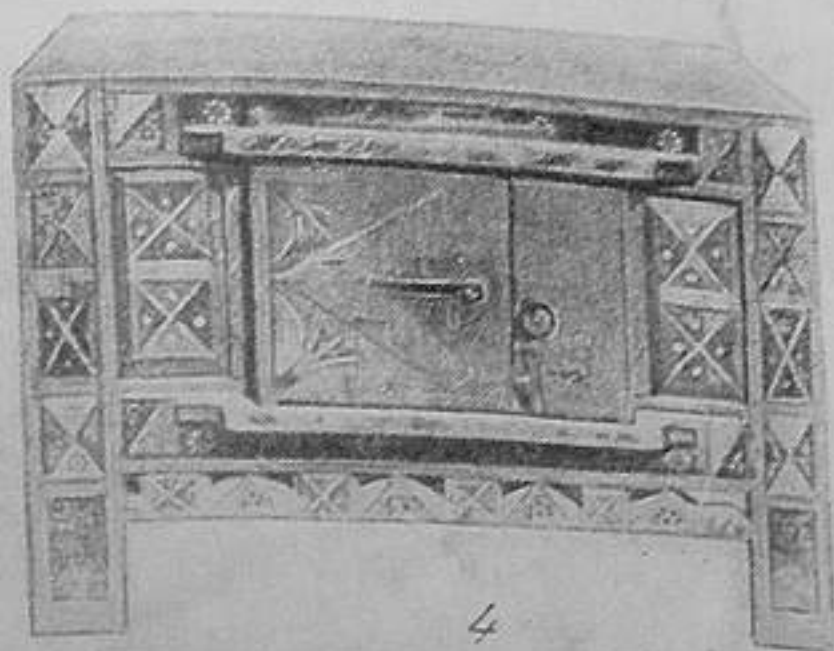
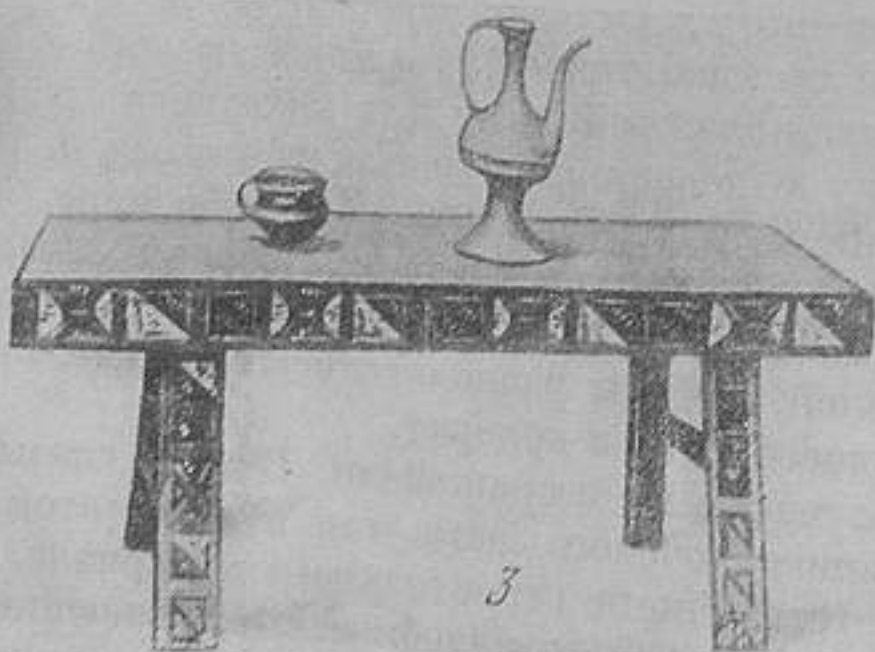
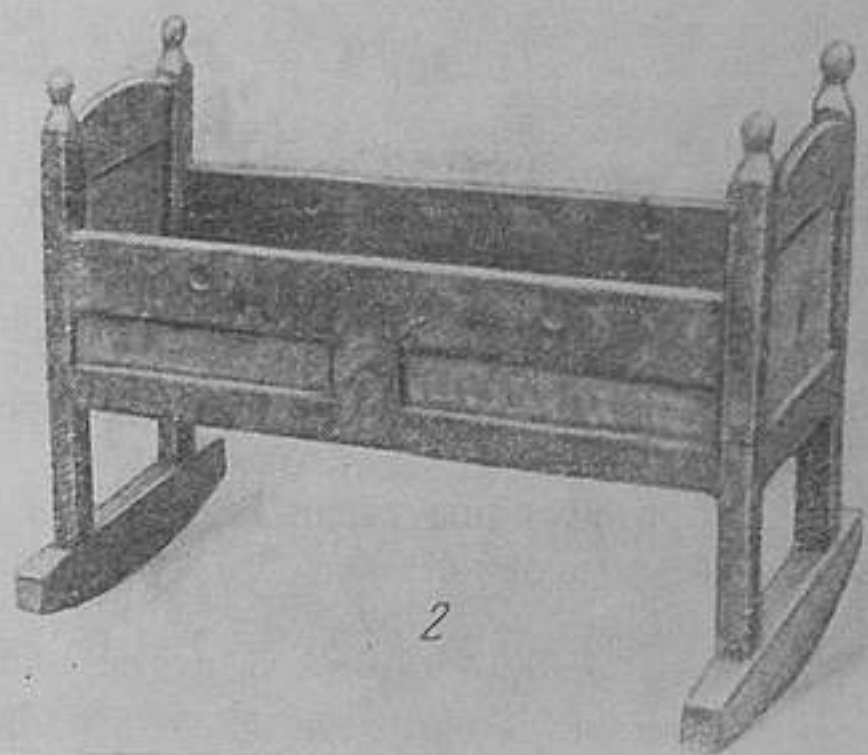
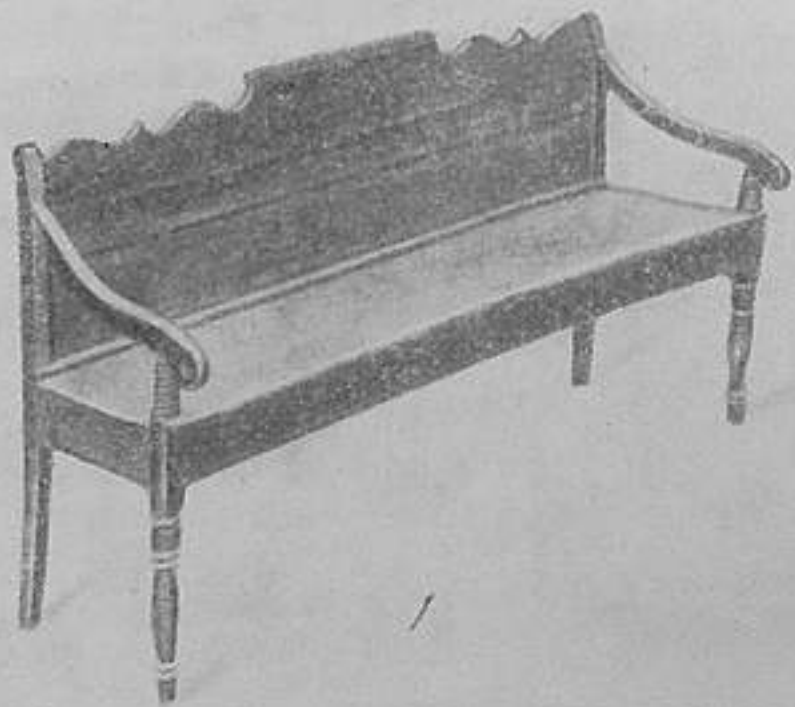
от кухни сооружают печь для приготовления пищи в жаркое время года (это уже воспринято у других соседей — терско-сунженских казаков).

На территории двора ногойцы стали возводить и разные хозяйственные постройки, имеющие разнообразные формы и многофункциональное назначение.

За домом устраивали зимний загон для скота, делившийся на открытую и крытую части. Его ограда представляла собой вал высотой до 1,5 м, сложенный из бурьяна и земли. Иногда открытая площадка загона и участок с навесом изолировались друг от друга поперечной стенкой такого же устройства, что и ограда. Перед домом устраивали летний загон для молодняка (*шетен*) — небольшую площадку с деревянной решетчатой оградой. Примечательно, что и теперь, в условиях оседлого хозяйства, ограды этих загонных делают, по старой традиции, сборно-разборными. Перед домом сооружались, кроме того, один-два птичника. Все эти строения ногойской усадьбы располагались свободно, пространно и придавали ей своеобразие и колорит.

Усадьбу ногойцы часто не огораживали. В этом сказывалась как традиция недавнего кочевого быта, так и недостаток в безлесной степи соответствующего строительного материала. Кроме того, в ограждении часто не было надобности. Ограждения стали возникать позднее, вместе с традицией использовать лишнюю площадь приусадебного участка под огород и фруктовые деревья.

Хозяйственные помещения
1 — сел. Тамаза-гюбе; 2 — поселок «Червлёные буруны»;

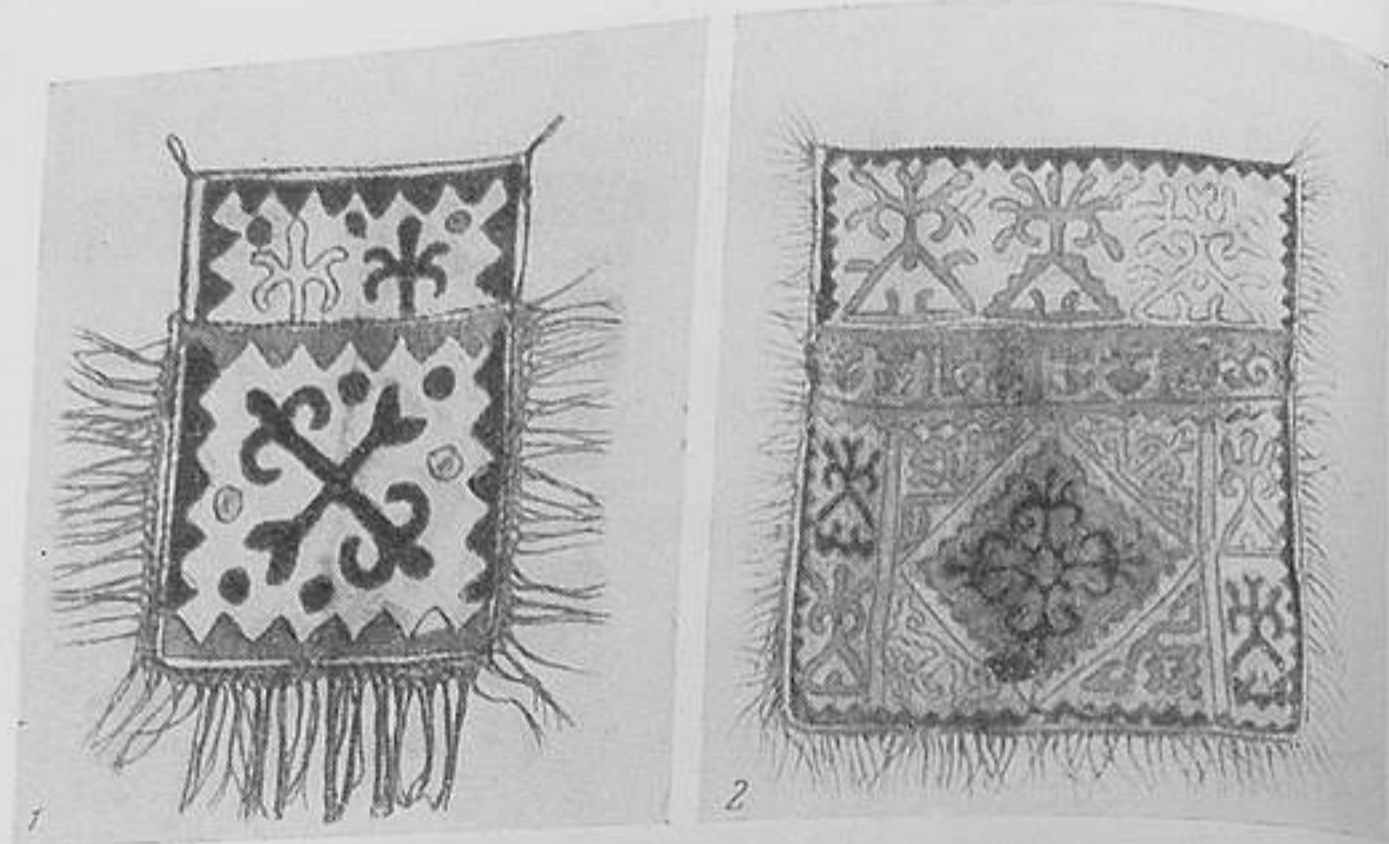
Предметы домашней обстановки

1 — диван, сел. Икон-халк; 2 — кровать, сел. Вышеталовка; 3 — подставка для утвари, сел. Кумли; 4 — сундук, сел. Терекли-Мектеб; 5 — деревянная кровать караногайца (ГМЭ)

В Караногое сады и огороды встречаются пока еще не везде даже в тех местах, где есть вода для полива. По-видимому, объясняется это пережитками старой кочевнической традиции.

* * *

На современном этапе в домостроении ногойцев, так же как и во всей их материальной культуре, происходят существенные изменения. Это обусловлено ростом материального благосостоя-

Сумки для домашних вещей (1, 2), сел. Терекли-Мектеб

ния и культурного уровня населения, а также изменением образа жизни народа. Одним из крупных изменений, происшедших за последнее время в жилом строительстве, является широкое использование таких материалов, как цемент, железо, черепица, шифер, а также добротный строевой лес.

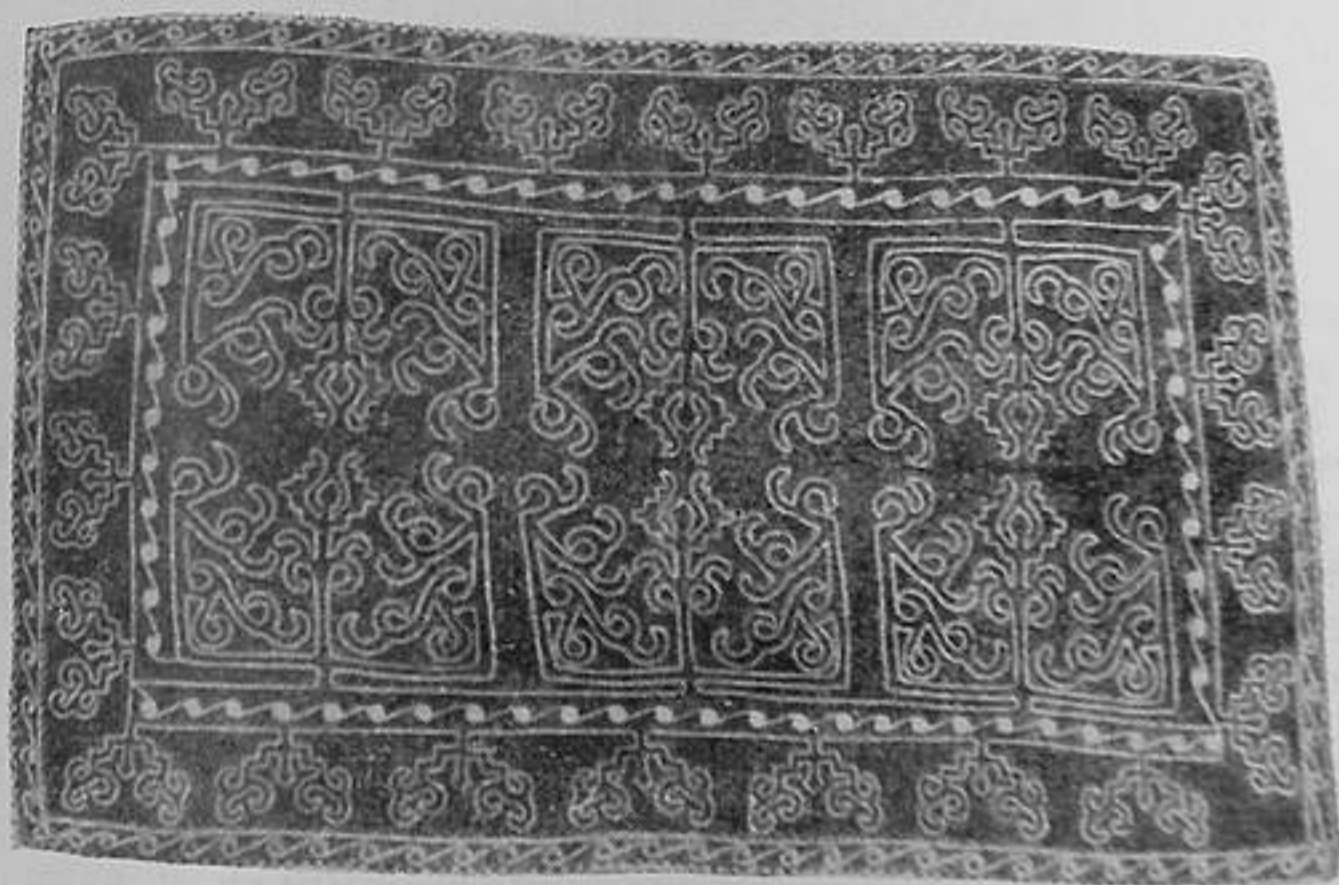
Под влиянием города изменилась планировка жилища, повысились требования к его архитектуре. Новые дома строятся с учетом состава семьи и культурных запросов ее членов. Это главным образом трех-четырёхкомнатные дома с застекленной верандой, нередко с крыльчком русского образца, расположенные на возделываемом приусадебном участке. Строительная культура особенно высока у кубанских и бештаво-кумских ногайцев, которые имеют более давние традиции оседлого быта и при строительстве дома исходят из накопленного в этой области опыта. То же самое можно сказать и в отношении всей усадьбы, которая у этих групп ногайцев имеет более благоприятный вид и более сложную структуру.

В настоящее время в ногайском селении нет единого типа жилого дома. Имеются дома, включающие элементы старых домов или элементы городского жилища. Однако основным видом жилища становятся стандартные благоустроенные дома, которые можно встретить у всех народов Северного Кавказа.

Для Ногайской степи в основном характерны одноэтажные дома из саманного или обожженного кирпича. Общественные же здания, как правило, строят двухэтажными и только из обожженного кирпича. Новые жилые дома в отличие от старых строят

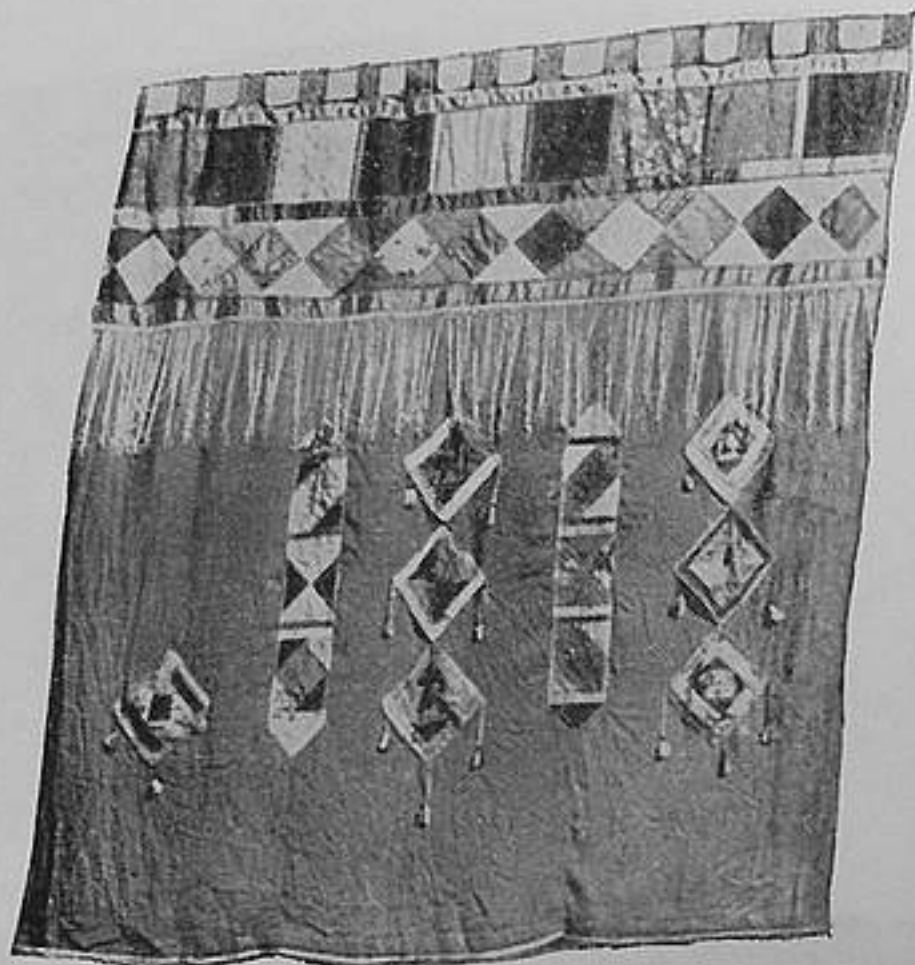
1

2

на фундаменте и с цоколем, с применением добротных материалов. Окна делают большие и обычно со ставнями. В новых домах настилают деревянные полы, которые покрывают краской, а иногда даже лаком; крыши двускатные или четырехскатные, чердачные, под шифером, ничем не отличающиеся от крыш городского дома.

Многие ногайцы строят дома, используя покупные комплекты готовых стандартных строительных деталей. Это позволяет удовлетворить и местные специфические потребности, и сложившиеся традиции народа. В райцентре Ногайского района, в Терекли-Мектебе, по данным коммунального отдела райисполкома на 1967 г.,

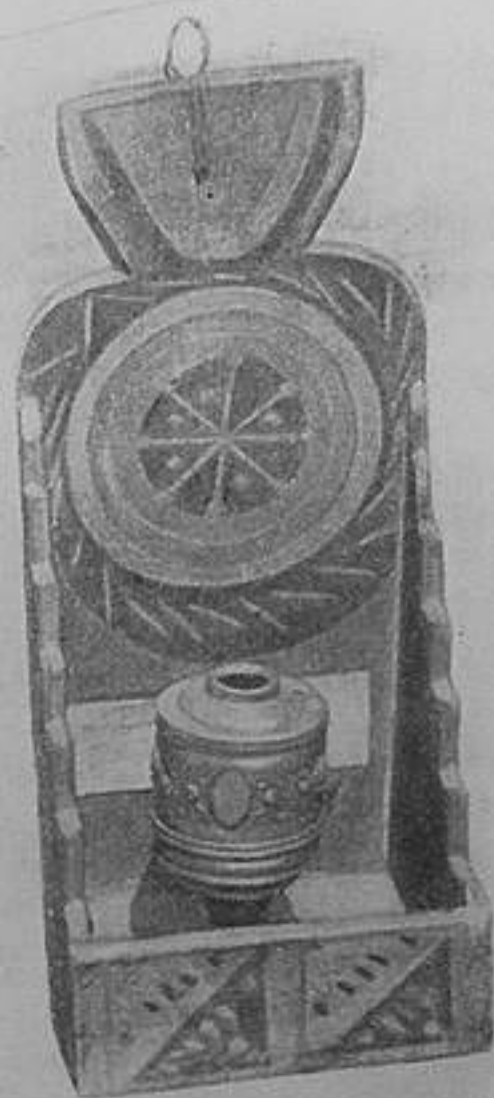
Занавес для постели молодоженов, сел. Терекли-Мактеб

примерно 40% домов, построенных в последние годы, сооружено из готовых стандартных деталей.

У ногайцев есть свои мастера-профессионалы, занимающиеся постройкой домов, но зачастую строительные работы выполняют мастера из Грозного, Кизляра, Ставрополя, Моздока, Черкесска и т. д. Особенно часто наемный труд используется для осуществления плотничьих работ. Саманный кирпич изготавливают обычно сами члены семьи, иногда с участием приглашенных мастеров, а обожженный покупают.

Кухню по-прежнему строят во дворе, перед домом. Зимой пищу готовят в жилом помещении. Поэтому печь в новых домах стараются поместить в проходной комнате у внутренней стены, чтобы она одновременно обогревала два-три помещения. Кухня во дворе используется зимой в качестве кладовой.

Трехкомнатный дом включает следующие помещения: 1) столовую, она же кухня (кухни, къазан-уьй), она же большая комната (уьйкен-уьй), комната для старших. Эта комната называется так преимущественно в том случае, если в семье проживают старики-родители, которые здесь ночуют; 2) гостиную («зал»), функции которой раньше у богатых ногайцев выполняла приемная юрта; 3) спальню супругов (ногайцы тоже называют ее спальней). Если дом четырехкомнатный и в семье имеются дети, одна или две комнаты используются в качестве спальни для детей мальчиков и девочек отдельно.

Подставка для керосиновой лампы (1), сел. Терекли-Мектеб и чехол для стекла (2) (ГМЭ)

В ряде случаев место для приема пищи, особенно в неотопительный сезон, переносится на веранды. Иногда ногайцы сооружают специальную постройку для столовой или обедают в постройке, служащей кухней. В таких случаях пищу чаще всего готовят на надворном открытом очаге, который можно встретить почти на каждой усадьбе.

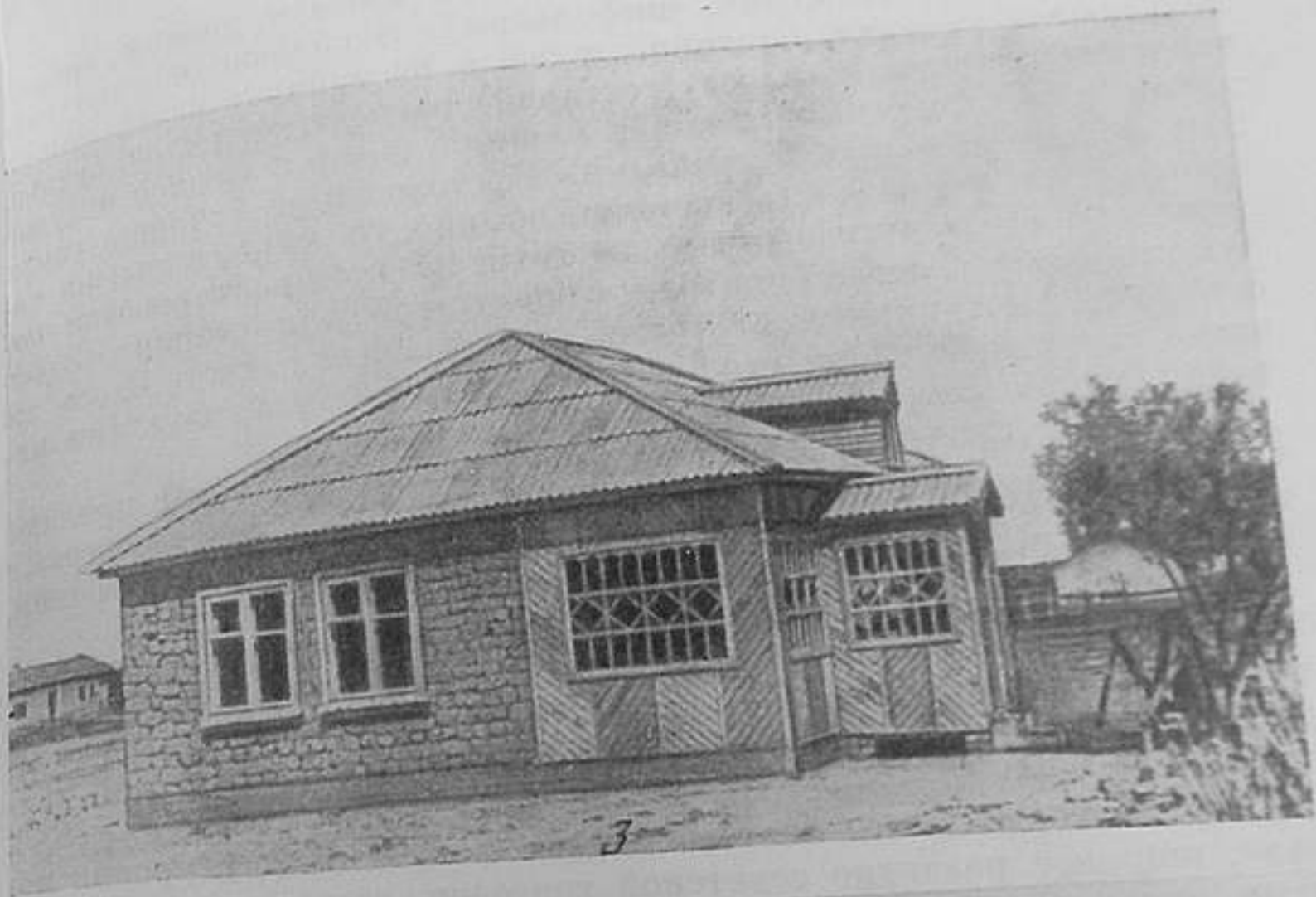
Одна из комнат в современном доме имеет традиционные нары, которые теперь делают из дерева. Они устраиваются непосредственно около входа в дом, иногда на веранде. Встречаются дома с двумя нарами, особенно если в семье есть старики.

Очень существенные изменения в интерьере жилища ногайцев наблюдаются в 50—70-е годы. Если в 30—40-е годы в доме ногайца можно было видеть самую пеструю картину сочетания традиционной обстановки с предметами городского быта, то последние два десятилетия явно преобладает интерьер городского типа, что свидетельствует о процессе урбанизации и преодоления существенных различий между городом и деревней. В настоящее время весьма существенную часть обстановки дома ногайца со-

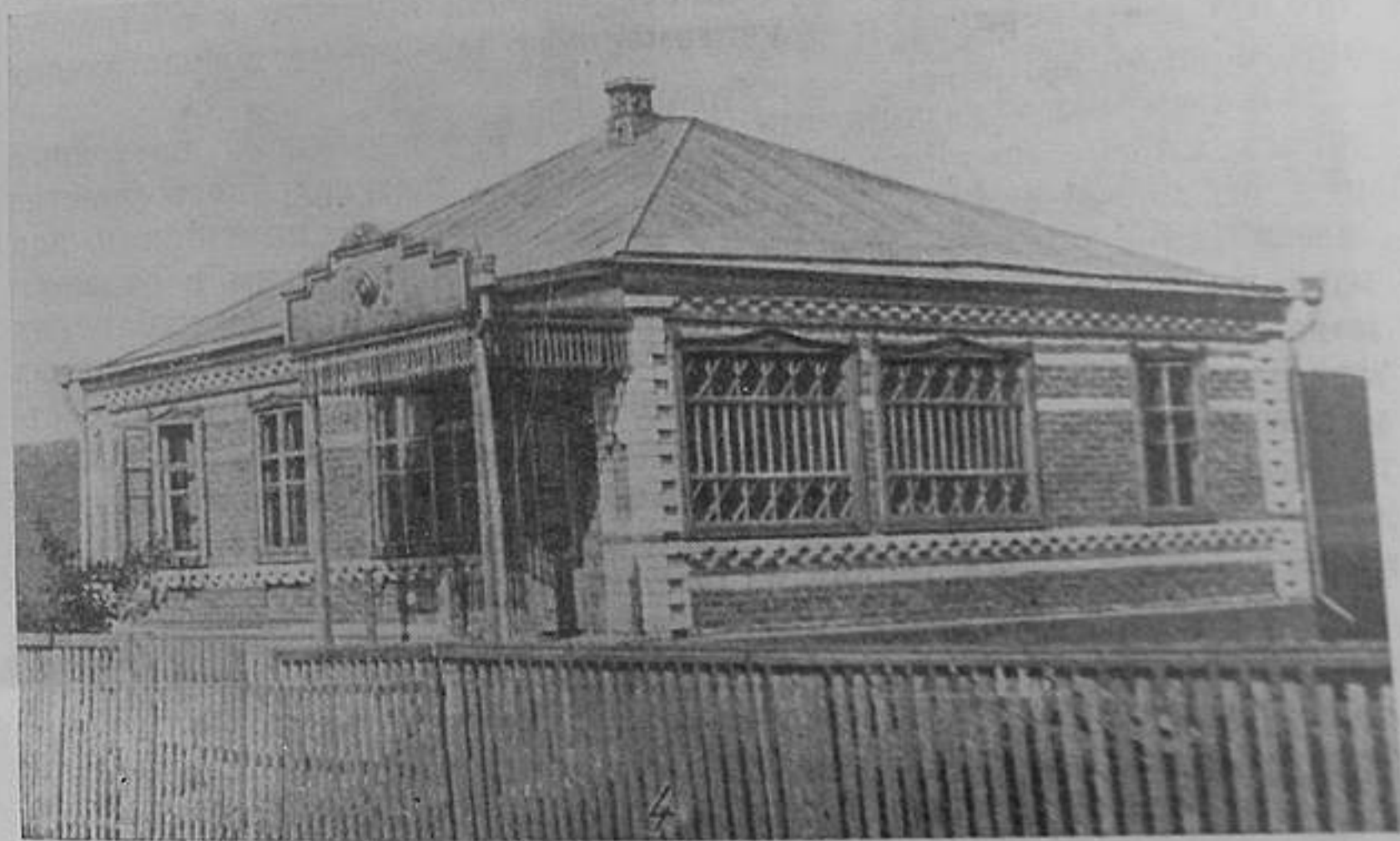
1

3

2

4

Типы современных жилищ
1 — сел. Новодмитриевка; 2 — сел. Терекли-Мектеб;

Типы современных жилищ
3 — сел. Кунбатар; 4 — сел. Кизил-Тогай

ставляет современная городская мебель (кровати, диваны, трюмо, буфеты, столы, этажерки, шифоньеры). В спальне обычно располагаются кровати, платяной шкаф и на сундуке складывается запасная постель. В «зале» (гостиной) размещаются стол, стулья, диван, радиоприемник, швейная машина, шкаф с лучшей посудой или буфет, этажерки с книгами. В столовой, где члены семьи проводят большую часть времени, обычно устроены нары, на которых разостланы узорчатые кошмы: на них размещаются подушки, иногда легкий матрац с подушкой для старика. Здесь же семья обедает, принимает гостей, работает, отдыхает. Здесь же часто стоит небольшой стол и находятся лари с продуктами питания, мукой, расставлена утварь.

Большое значение для убранства жилища ногойцы придают самодельным войлочным и покупным ворсовым и безворсовым коврам, занавесям для окон и дверей, а также цветным тканям, которыми драпируют стены.

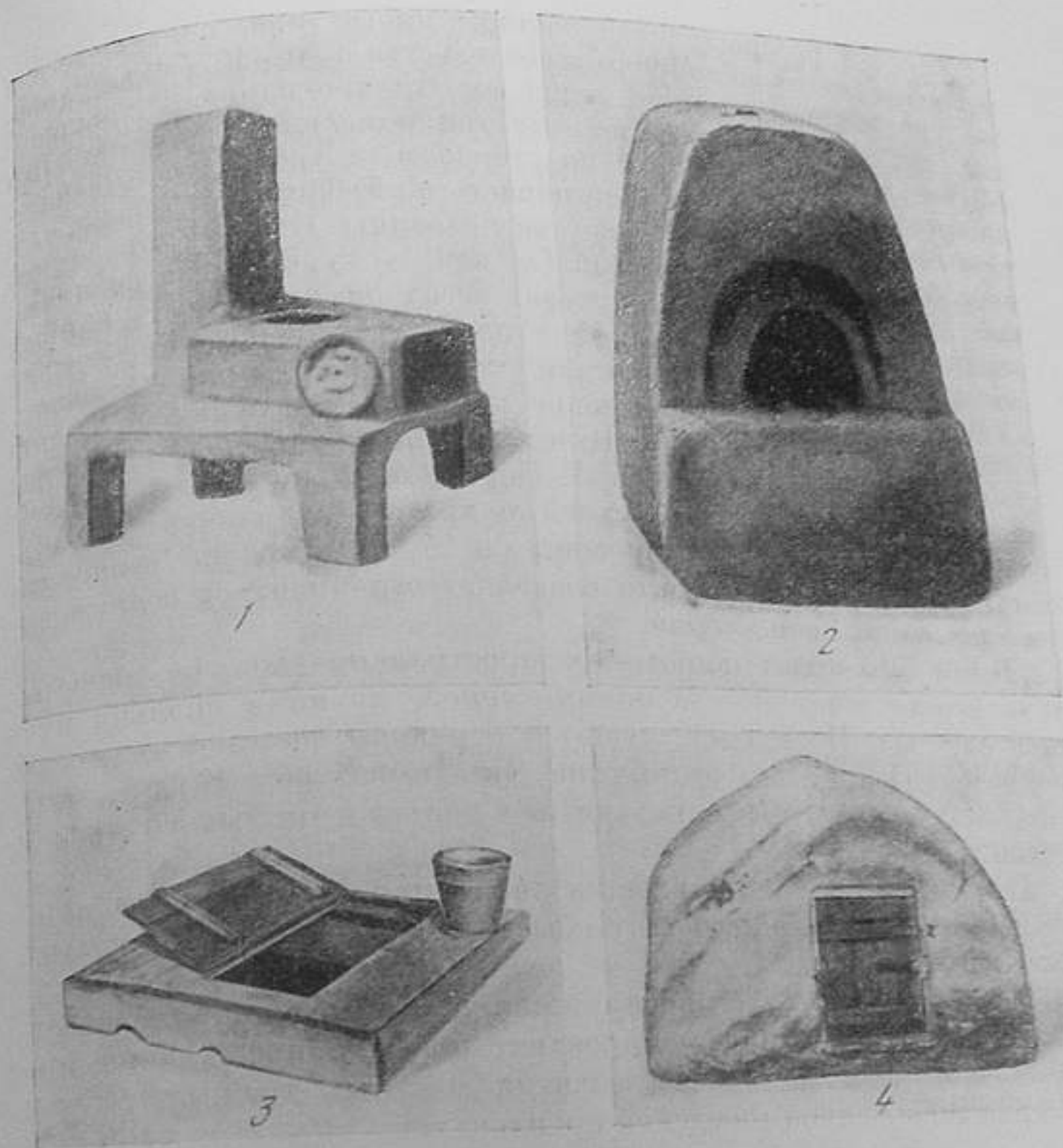
Многие предметы утвари, которыми пользуются редко или периодически (большие котлы, гончарные сосуды, маслобойки, ручные мельницы и т. д.), хранят в летней кухне или в кладовой. Иногда часть такой утвари убирают под нары жилой комнаты.

Рост материального благосостояния и культурного уровня народа, широкое развитие советской торговли, тесные связи с городами дают ногойцам возможность строить жилища и обставлять его по своему вкусу и с учетом своих все время возрастающих потребностей.

Значительно изменяется и характер усадьбы. В настоящее время многие ногойцы используют часть приусадебного участка под огород и сад. Сарай, курятники, сенники, помещения для скота (хлевы, загоны) переместились в связи с этим в отдаленную часть двора, обычно позади дома. За домом (у кубанских ногойцев) или перед ним обязательно сооружается из саманных кирпичей кухня; часто она состоит из двух помещений: собственно кухни и столовой, где нередко семья пребывает в летний период в течение всего дня. Вокруг усадьбы кубанские и ачикулакские ногойцы строят капитальную ограду из обожженного кирпича. Прежде ее сооружали из плетня, самана, досок.

В процессе формирования современного типа жилища ногойцев большое значение имели и имеют культурные связи с русским народом и с коренными народами Северного Кавказа — кумыками, черкесами, кабардинцами, осетинами, чеченцами. Эти связи из года в год растут и наполняются новым содержанием.

Во взаимодействии и взаимообогащении культур создается современный тип ногойского жилого комплекса, соответствующий новым экономическим и культурным потребностям ногойского народа. Этот тип отражает новый образ жизни, новую структуру быта народа, характерную для развитого социалистического общества.

Надворные постройки

1, 2 — печи для выпечки хлеба (1 — сел. Нариман-аул; 2 — сел. Каясула);
3 — колодец, сел. Червленые буруны; 4 — погреб, сел. Икон-халк

В настоящее время у ногойцев в основном бытуют пять видов планировки жилища, отражающие разные стадии его развития. Самые старые из сохранившихся типов относятся к концу 20-х — началу 30-х годов. Они состоят из двух помещений: первое проходное — сени и одновременно столовая. В нем размещена плита, на которой зимой готовят пищу. Из него дверь ведет в спальню. Печи в таком доме сооружаются либо в каждом из обоих помещений, либо в кухне у той стены, которая разделяет помещения. В этом случае задняя стенка печи выходит в спальню и обогревает ее. Следует отметить, что двухкамерные жилища в настоящее время сохраняются очень редко.

Широко распространено жилище иного типа, появившееся в период развития жилищного строительства в 30—40-х годах, а также начала послевоенного периода. Это трехкамерное жилище, где, как мы отмечали выше, все три помещения располагаются обычно в ряд: два жилых по сторонам, а третье, т. е. сени — посередине. Из сеней можно попасть в обе комнаты. В ряде случаев сени перегородивают на две половины. Одна из них выполняет функцию сеней, а вторая (за ней) — кухни. Если специальной кухни нет, то пищу готовят в одной из комнат, которая зимой служит также столовой и для повседневного пребывания семьи. В спальне стоит печь для отопления в зимний период.

В 50-х годах распространение получает и третий тип планировки трехкомнатного дома. В нем помещения располагаются под углом (Г-образная планировка). Первое помещение в таком доме служит сенями, второе — кухней и третье — спальней. Преимуществом этого типа планировки, как было отмечено выше, является его компактность, что позволяет ограничиться сооружением лишь одной печи в кухне.

В 60—70-х годах широкое распространение получает и четырехкамерное жилище, где помимо сеней, кухни и спальни имеется еще зал. Последний служит в основном гостиной, парадной комнатой. Планировка этого типа дома имеет компактную четырехугольную форму. Печь находится в центре и топится со стороны кухни.

В последние годы появляется тенденция строительства пятикомнатных домов. Они состоят обычно из сеней, кухни, спальни, гостиной и детской.

Таким образом в ногайском жилище произошли кардинальные изменения, причем формирование новых типов жилища осуществлялось как на основе развития местных традиций, так и влияния современной городской архитектуры.

ОДЕЖДА, ОРУЖИЕ И УКРАШЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ОДЕЖДЫ И СПОСОБЫ ИХ ИЗГОТОВЛЕНИЯ

ПРЯДЕНИЕ И ТКАЧЕСТВО

В полунатуральном кочевом скотоводческом хозяйстве ногайцев XIX — начала XX в. для изготовления одежды, обуви, головных уборов широко использовалась продукция собственного производства — овечья и верблюжья шерсть, кожа, овчина. Из шерсти делали как сукно — *шепкен*, *шогъа*, так и войлочную обувь, головные уборы и отдельные предметы верхней одежды.

Изготовлением хлопчатобумажных и шелковых тканей ногайцы не занимались. Сукно удовлетворяло преимущественно нужды семьи, и лишь незначительная его часть шла на сбыт. Недаром исследователь кустарных промыслов Северного Кавказа О. В. Маргграф отмечал, что сукна степняков-кочевников края, к числу которых он относил в первую очередь ногайцев, «редко достигают до рынков и работают главным образом для своего домашнего употребления. Те небольшие количества сукна, кои продаются на ближайших местных ярмарках, идут в руки ближайшего степного населения крестьян и казаков, на будничную одежду»¹.

На сукно шла шерсть осенней стрижки, она была длинной и мягкой. Нередко, особенно для нарядных черкесок, ткали сукно из верблюжьей шерсти (*тюре-юн*) или из шерсти молодых барашков. Различались сукна белого, черного, серого, светло-коричневого и бежевого (верблюжьего) цветов. Выше других ценилось сукно из белой шерсти.

Сукноделие, как и везде, было занятием преимущественно женским. По рассказам ногаек старшего поколения, их матери умели делать тонкие, хорошо свалянные сукна, не производимые в более позднее время. Причины падения значения тканей домашнего производства и искусства их изготовления они объясняют развитием торговли, широким распространением более дешевых фабричных тканей.

Техника, равно как и приемы труда, применявшиеся ногайцами в сукноделии, в целом были такими же, как в Дагестане и на Северном Кавказе.

¹ О. В. Маргграф. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1882, стр. 78—79.

Перед обработкой шерсть обычно очищали от грязи и при-
месей. Затем ее тщательно перебирали и расчесывали на спе-
циальном железном гребне на деревянной стойке — *таракъ*. Ча-
сто для перебирания и расчесывания шерсти устраивали *булкъа* —
одна из форм взаимопомощи — коллективная работа девушек аула.

В процессе перебирания и расчесывания шерсти осуществля-
лась и ее сортировка. Сначала вычесывалась длинная шерсть,
которая шла на основу — *бой*, затем — короткие волокна, упот-
ребляемые на уток — *аркъав*, и, наконец, самые короткие волок-
на шли, как правило, на войлок (на его средний слой). Не-
которые мастерицы предназначенную для основы длинную шерсть
прочесывали на гребне несколько раз. Разделив расчесанную
шерсть на небольшие ключья — *кудельки*, мастерицы приступали
к прядению.

Пряли ногойцы-кочевники на веретене — *уршукъ*. Более совер-
шенных прялок у них не было. Только у кубанских ногойцев при-
менялись прялки русского образца.

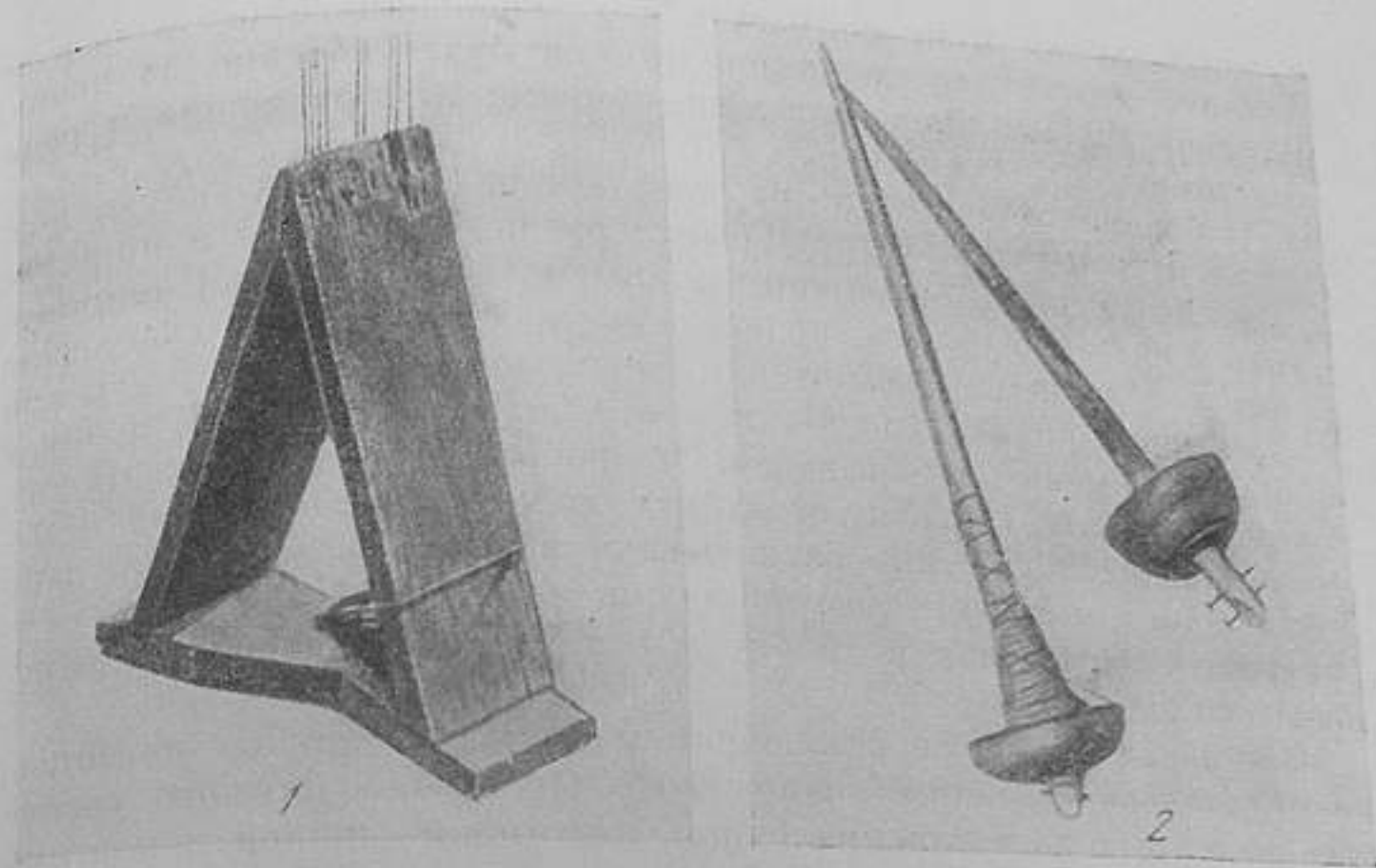
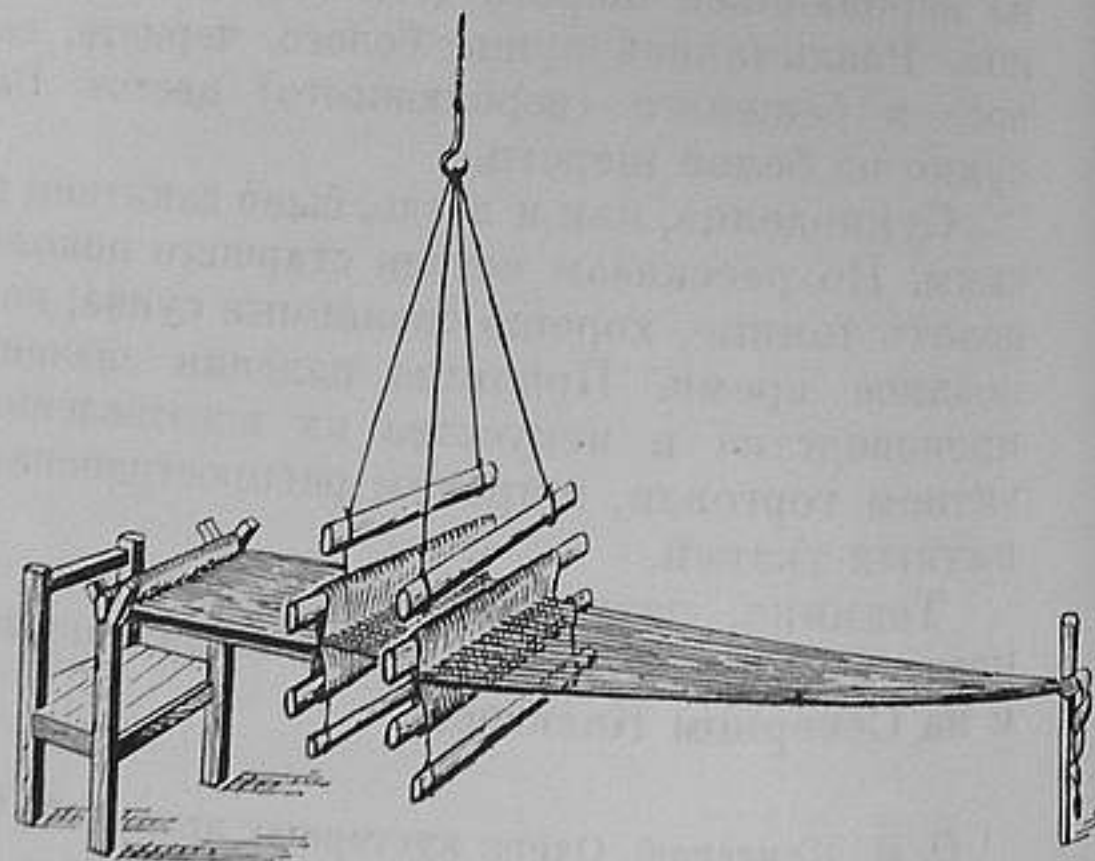
Ногойское веретено ничем не отличалось от веретен соседних
с ними народов: та же деревянная круглая палочка длиной
25—27 см с утолщением на одном конце. Веретено имело плоское
или в виде полушара пряслице из дерева или кости.

Для отреза сукна на один костюм необходимо было намо-
тать 9—10 веретен пряжи. После того в землю вбивали два ше-
ста на расстоянии 10—12 м друг от друга и затем пряжу со-

Прялка русского образца, сел. Икон-халк

Схема традиционного ткацкого станка

Гребень для расчесывания шерсти (1) и веретена (2), сел. Кунбатар

всех веретен разматывали, связывая концы ниток. Потом пряжу
сматывали в большие мотки, которые легко распускали по мере
тканья.

Ткацкий станок — *шепкен-агъаш* — был горизонтальным и
имел простое устройство. В известной степени он напоминал ку-
мыкский², осетинский³ или черкесский станки.

Выбрав удобное для работы место, мастерицы-ногойки вбивали
в землю три бруска в форме треугольника. С одной стороны
вбивали два бруска со специальными выемками в верхней части,
в которые вставляли горизонтальный валик. На расстоянии при-
мерно 3 м от них вбивали другой брусок, от которого к валику
аккуратно натягивалась нить основы, причем на самый брусок
надевалась первая запасная петля, приготовленная для тканья
пряжи, а на валик по мере выполнения работы наматывалась
ткань. В ряде случаев, особенно у кубанских ногойцев, неотъем-
лемой частью станка являлось массивное кресло, в переднюю
стойку которого горизонтально вставлялся валик — *бел-агъаш* —
для прикрепления нити основы и натягивания готового сукна.

Ногойцы нередко пользовались и еще более простым способом
тканья сукна. «Пряжа, — писал О. В. Маргграф, — растягивается
под открытым небом между колесом арбы и вертикально вбитым

² С. Ш. Гаджиева. Материальная культура кумыков. Махачкала, 1960,
стр. 99.

³ А. Калоев. Осетины. М., 1967, стр. 76; А. Х. Магомедов. Этнография осе-
тин. Орджоникидзе, 1970, стр. 73.

в землю колом и не снимается с установленного места педелью или две до тех пор, пока полотно не будет соткано до конца. На ночь все эти приспособления укрываются от дождя и росы полстями»⁴.

Ткала мастерица сидя на кресле или на какой-нибудь подставке. Кусок сукна (отрез) бывал различной длины и ширины, большей частью 8—12 аршин длины и 1—1,5 аршина ширины. Сукно, снятое со станка, подвергали уваливанию — его опускали в котел с кипятком, вынимали через несколько минут, клали на плоский предмет (доску, камень) и мяли ногами, поливая время от времени горячей водой. Эту работу делали как женщины, так и мужчины. Сполоснув затем в холодной воде, отжав и наматав на каталку, сукно раскатывали на ровном месте (на войлоках или циновках), разглаживали и сушили. Готовое сукно аккуратно свертывали в трубку и в таком виде держали до использования.

Ногайское сукно, за исключением сукна кубанских ногайцев, не отличалось большим изяществом. Оно было намного грубее прославленных дагестанских сукон, лезгинских шалей и поэтому не имело широкого спроса. Район его реализации ограничивался ярмарками Моздока, Георгиевска, Кизляра, Ставрополя, Хасавюрта и других близлежащих городов и слобод. Больше всего ногайское сукно ценилось за его прочность и толщину крестьянами Ставропольской губернии и казаками Терской области⁵.

ОБРАБОТКА ШКУР

Для изготовления национальной одежды широко использовались в прошлом и шкуры животных. На важную роль шкур разных животных (домашних и диких) в изготовлении одежды у ногайцев указывали многие путешественники разных времен. Так, например, Жан де Люк в 1625 г. отмечал, что ногайцы Северного Причерноморья много бьют диких лошадей, волков, медведей, лисиц, оленей, кошек, что «они одеваются в звериные шкуры и не носят рубах. У них считается роскошью носить штаны из бумажной материи, но самые богатые (носят) суконные, шапки меховые, барашковые или лисьи, а мурзы носят из куньяго меха, которые доставляют к ним из страны Черкесов»⁶. Выделкайская семья и в XIX — начале XX в. Из овчин ногайцы шили папахи, шубы, шаровары, куртки, из кожи крупного рогатого скота и коз — обувь.

⁴ О. В. Маргграф. Указ. соч., стр. 89—90.

⁵ Там же, стр. 97.

⁶ Описание перекопских ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка, монаха доминиканского ордена. ЗООИД, т. IX. Одесса, стр. 487.

Овчины обрабатывали преимущественно женщины. Делали это следующим образом: на овчину сыпали соль, подсушивали ее, мыли, а затем опускали в корыто или кадуюшку с квасом или рассолом — эрик, приготовленным из остатков кисломолочных продуктов⁷, айрана, сыворотки, воды с добавлением соли и нескольких горстей муки. В таком растворе овчину оставляли на пять-шесть дней, затем тщательно промывали (по возможности в проточной воде) и проветривали. Гладкую сторону овчины намазывали подсоленным кислым молоком, иногда добавляя к нему ячменной муки или отрубей, и в таком виде держали ее еще два-три дня. Затем овчину выносили на воздух для подсушки, после чего маленькой железной лопаточкой счищали мездру и приступали к мягчению. В процессе мягчения участвовали всегда два человека: сидя один против другого, они скручивали овчину и тянули изо всех сил. Это процедура повторялась с перерывами неоднократно. Иногда, особенно при отсутствии помощника мастера мяли овчину коленями или ступнями. По завершению этого процесса переходили к скоблению и белению. Скоблили, перегнув овчину «через палку, поставленную наклонно и упертую одним концом в землю, другим в грудь работницы»⁸, либо набросив на маслобойку. Скоблили острием косы от себя, обсыпая время от времени мукой, до тех пор, пока овчина полностью не отбелится, после чего ее сворачивали в жгут.

Овчины ногайской выделки считались лучшими среди местных овчин и находили широкий спрос на ярмарках Терской области и Ставропольской губернии.

Отмечая добротную обработку овчины у ногайцев, О. В. Маргграф писал, что у них «овчина никогда не перекисает чересчур в квасу и не загнивает... намокшую на дожде ногайскую овчину стоит только развесить для просушки в прохладном месте и, пока она еще не совсем высохла, помять руками, и она снова принимает прежний мягкий вид, тогда как овчина русской выделки, раз побывавшая на дожде, съезживается и сколько ее ни мни, она уже не даст такой теплоты, какую давала раньше. Кроме того, овчины ногайской выделки несравненно прочнее в носке»⁹.

Точно таким же способом обрабатывали шкуры жеребят-выкидышей. Эти шкуры шли на зимние шаровары и плащи типа бурки — «фгаки»

Многие ногайские женщины занимались выделкой овчин на сбыт. Еще в 40-х годах XIX столетия А. Павлов писал, что кара-ногайские женщины овчины и мерлушки «продают за дешевую

⁷ Еще Рубрук (XIII в.) сообщает об использовании татарами и кипчаками «кислого, сгустившегося и соленого овечьего молока» при обработке кожи («Путешествия в восточные страны, Плано Карпини и Рубрука». М., 1957, стр. 101).

⁸ О. В. Маргграф. Указ. соч., стр. 149.

⁹ Там же, стр. 153.

цену на... месте приезжающим из Астрахани русским купцам... иные шьют из них тулупы и шапочки на продажу и для своего семейства»¹⁰. Обработка овчины в отдельных аулах Ногайской степи с конца XIX — начала XX в. стала приобретать характер кустарного промысла. Многие семьи ногайцев начали выделывать на продажу овчины как из материала заказчика, так и из сырья, приобретенного для этой цели на стороне. По сообщению О. В. Маргграфа, ногайские женщины в конце XIX в. брали «выделывать овчины у богатых русских и туземных овцеводов из четвертого поля»¹¹. Свой товар ногайки сбывали на рынках Кизляра, Ставрополя, Моздока, Хасавюрта, Грозного и др., главным образом, через своих мужей или перекупщиков.

Обработка кож для обуви была несколько сложнее. С этой целью в домашних условиях производилась только сыромятная обработка шкур крупного рогатого скота и лошадей — *кобы*. Выделка кож для обуви по существовавшему в семье традиционному разделению труда была делом мужчин. Только некоторые вспомогательные процессы (мытьё шкур, закваска и др.) считались обязанностью женщины.

Начальным процессом здесь являлось квашение кожи таким же составом, что и при квашении овчины. Только шкуры крупного рогатого скота сперва разрезали на прямоугольные куски по размеру обуви. Эти куски опускались в состав на двое-трое суток. Затем их промывали и, немного подсушив, снимали с них шерсть острием ножа, топора или серповидного инструмента — *дегьре*. Мягчение — *шарыкъ тюе* — проводилось при полувлажном состоянии кожи при помощи подставки из бруска и особой колотушки — *токъмакъ*. Этот процесс длился несколько дней с перерывами. Чаще всего мужчины выходили на *ошар* — место, где они отдыхали и обменивались новостями, брали с собой кусок кожи, колотушку и подставку. Там эта работа переходила из рук в руки, так как взаимопомощь была у ногайцев очень развита. Одноаульцы охотно предлагали друг другу свои услуги.

Вышеописанный способ выделки сыромятной кожи был очень распространен, его знали в каждом скотоводческом хозяйстве.

Однако ногайцы пользовались для изготовления обуви также кожей более доброкачественной обработки. Для ее выделки ногайцы отдавали шкуры крупного рогатого скота и коз на сторону, чаще всего горским евреям, у которых это ремесло было наиболее развито. Последние обрабатывали шкуры и возвращали заказчикам в половинном размере. Часто они привозили готовые кожи — *къачалай* и сафьян — *сакътиян* и меняли на необработанные шкуры (одну за две) или просто продавали. «Обработка козловых кож, — писал О. В. Маргграф, имея в виду и часть но-

гайского населения, — вся почти находится в руках горских евреев Кумыкской плоскости и носит характер ремесла, которым они занимаются в городах и местечках; они разъезжают по аулам собирать сырые кожи или скупают их на ярмарках и сельских базарах»¹². Козлиная кожа стоила сравнительно дорого и поэтому была доступна только зажиточному слою ногайского населения.

ПРОИЗВОДСТВО ВОЙЛОКА

Немаловажную роль в изготовлении материалов для одежды, обуви и головных уборов играло валяльное производство. В этом деле славились ногайские мастерицы. Ногайцы делали валяные сапоги, бурки, кафтаны, шляпы и т. д. Вообще изделия из шерсти в ногайском costume, как и в одежде всех кочевых народов, играли важную роль. Еще Рубрук в XIII в., описывая одежду монголо-татар, отмечал, что они «издерживают много шерсти»¹³.

На войлочные изделия использовалась шерсть разного качества, в зависимости от их назначения. На бурки шла обычная шерсть среднего качества, шляпы и носки изготовляли из высококачественной, главным образом белой шерсти.

Техника изготовления войлока для одежды в основном была та же, что у соседних с ногайцами народов Северного Кавказа. Однако войлочное производство ногайцев имело и свои особенности, что в первую очередь проявлялось в приемах самого валяния.

Ногайцы сначала очищали, мыли, перебирали и пропускали шерсть через гребень. Затем ровным слоем раскладывали ее на циновке, придавая слою определенную форму, толщину и величину в зависимости от изготавливаемого предмета. Для бурки, например, на большой циновке расстилали шерсть в форме трапеции. Затем шерсть сбрызгивали кипятком, свернув вместе с циновкой в трубку. Перевязав трубку веревкой и сделав три воздушные петли для рук, ее утрамбовывали. Это делалось таким образом: три женщины брались за эти петли и били трубкой о землю 30—40 минут. Затем войлок разворачивали, сбрызгивали еще раз кипятком и, снова свернув в трубку, но уже без циновки, основательно валяли.

На этот раз женщины катали войлок предплечьями обеих рук. После этого применялся еще такой прием: четыре женщины, две с одной стороны и две с другой, садились друг против друга и каждая пара по очереди отталкивала от себя ногами свернутый в трубку войлок. Этот процесс продолжался часа полтора-два. Затем войлок еще раз разворачивали и, сложив вдвое, опять

¹⁰ А. Павлов. О нагайцах, кочующих в Кизлярской степи. СПб., 1842, стр. 14.

¹¹ О. В. Маргграф. Указ. соч., стр. 153.

¹² О. В. Маргграф. Указ. соч., стр. 155.

¹³ «Путешествия в восточные страны...», стр. 99.

катали. При этом одна женщина садилась на одном конце циновки, а другая — на другом. Они по очереди тянули войлок к себе, держа за концы, чтобы подравнять его, если отдельные части оказывались неровными. Затем войлок, сложенный вдвое в длину, вдвоем свертывали в трубку, перевязывали посередине веревкой и, поставив вертикально, сверху обливали 3—5 ведрами воды. В заключение войлок сушили в тени.

Почти таким же способом изготавливали тонкий войлок для курток и кафтанов (зипунов) для мужчин. На кафтаны шла чаще всего верблюжья шерсть, которую ногайцы собирали главным образом в поле, когда верблюды линяли.

Шерсть валяли и на обувь типа длинных чулок — уюк — как с пятками, так и без них. Способ изготовления уюков в основном был такой: на небольшой циновке укладывали ровным слоем хорошо прочесанную шерсть, по форме и размеру обуви; шерсть сбрызгивали кипятком, затем циновку вместе с шерстью сворачивали в трубку и, перевязав веревкой, катали и били. Эта процедура продолжалась примерно час. Потом уже скрепленный в какой-то степени кусок войлока разворачивали и складывали вдвое так, чтобы нижняя часть была шире, а верхняя — чуть уже (примерно на 1,5—2 см). После этого нижний край широкой половины отворачивался таким образом, что он закрывал край верхней части. В таком виде эти края сбрызгивали водой и войлок, свернув в трубку вместе с циновкой, снова катали около 30 минут.

В результате этого концы войлока хорошо скреплялись, образуя как бы узкий мешок без шва, верх и низ которого оставались открытыми. Теперь задача мастерицы заключалась в том, чтобы войлоку придать форму чулка или сапога, для чего войлок расстилали и ту его часть, из которой должна была получиться подошва и пятка, отворачивали так, что она составляла треугольник. В таком виде войлок вновь сбрызгивали кипятком и, свернув с циновкой в трубку, опять катали. После этого верхнюю и нижнюю части войлока разъединяли, просунув внутрь руку, и складывали так, чтобы шов проходил сзади, посередине. Затем чулок мыли с мылом и снова катали в течение 30—50 минут, после чего внутрь чулка вставляли палку и сушили.

Делали уюки и без пятки. Их изготавливали описанным способом, но шерсть для них складывали несколько иначе.

Шили уюки и как мягкие сафьяновые чулки, из готового войлока с пришитыми голенищами. Существует устное предание о том, что в XVIII в. ногайцы периодически платили царской казне ясак уюками — от каждого хозяйства 10—15 пар. Так уюки стали предметом обмундирования солдат¹⁴.

Шерсть ногайцы валяли и для шляп, которыми пользовались весной, летом и осенью. Для шляп выбирали лучшую овечью шерсть или козий пух. Шерсть мыли, перебирали, расчесывали гребнем и тонким ровным слоем расстилали на циновке, придав ей форму круга, затем сбрызгивали кипятком, обычным способом сворачивали в трубку, катали и приминали (как уюк). Когда войлок делался плотным, его валяли уже без циновки. После этого войлок натягивали на болванку — *кеп*, изготовленную из глины или дерева, он постепенно сушился и принимал нужную форму.

Итак, большое место в изготовлении одежды занимала обработка местных материалов. Среди них первостепенную роль играла обработка шерсти и шкур, выделка сыромятной кожи и валяльное производство. При полунатуральном характере хозяйства из них делали основные предметы одежды.

В каждом ногайском ауле были свои мастерицы по валянию шерсти, по обработке овчин. При этом некоторые виды домашних промыслов с развитием товарно-денежных отношений постепенно приобретали характер ремесла. Тем не менее особенности историко-экономического развития ногайцев привели к сравнительно раннему частичному свертыванию у них домашнего производства шерстяных тканей.

ПРИВОЗНЫЕ ТОВАРЫ

В отличие от многих оседлых народов Кавказа, живших в условиях относительной изоляции, ногайцы-кочевники благодаря сезонным перекочевкам, нередко на большое расстояние, находились в постоянных контактах с центрами торговли и ремесла. Это, несомненно, способствовало более активному процессу обмена, проникновения готовых изделий, в том числе различных тканей, в быт ногайцев.

В ранний период их истории, когда ногайцы жили вместе с другими племенами в составе больших кочевых политических объединений (Тюркский каганат, Золотая орда, и др.), к ним проникали из дальних стран различные товары, в том числе и ткани.

Рубрук хорошо отразил их торговые связи с разными странами: «Об одеяниях и платье их знайте, что из Катайи и других восточных стран, а также из Персии и других южных стран им доставляют шелковые и золотые материи, а также ткани из хлопчатой бумаги, в которые они одеваются летом. Из России, из Моксея (Махел), из великой Булгарии и Паскатира¹⁵, то есть великой Венгрии, из Керкиса¹⁶ (все эти страны лежат к северу и полны лесов) и из многих других стран с северной стороны, ко-

¹⁵ Древние башкиры.

¹⁶ Автор этот термин применяет к черкесам и киргизам.

¹⁴ Записано у Сулеймана Арсланова (1900 г.р.) в сел. Нариман-аул Ногайского района в 1967 г. Он это слышал в молодые годы от стариков Махмуд-аула (ныне Нариман-аул).

торые им повинуются, им привозят дорогие меха разного рода... в которые они одеваются зимою»¹⁷. Предки ногайцев участвовали и в торговле, которую вели народы Северного Кавказа с генуэзцами, венецианцами и т. д.

Генуэзцы в XIII—XIV вв. поставляли через свои причерноморские колонии как простые хлопчатобумажные ткани, так и дорогие итальянские сукна, букаран (ткань типа муслина) и др.¹⁸

После распада Золотой орды ногайцы установили тесные торговые отношения с Крымским ханством и преимущественно через него с Турцией, Ираном, а также вели торговлю с различными областями Русского государства и другими странами Востока и Запада.

Феодальная верхушка ногайского общества издавна получала дорогостоящие дары, преподносимые крымскими ханами, турецкими султанами и московскими царями, стремившимися удержать их в сфере своей ориентации. Достаточно отметить, что только в 1617 г. старший князь Большой Ногайской орды Иштерек получил от русского двора подарки на сумму 1064 руб., в том числе «платья на 691 рубль». При этом князь Иштерек был дарами доволен и требовал «шубы собольи черные под золотом, да шапку лисью черную, что уголь, да много полотен, да сукон много же» своим женам, детям, мурзам и сейтам¹⁹. Нередко князья посылали целые списки подарков (в частности предметов одежды и оружия), которые они желали получить от русского двора.

Еще в XVI в. ногайские феодалы ежегодно поставляли на рынки Москвы и Казани десятки тысяч лошадей и овец. Здесь они на вырученные деньги приобретали дорогие ткани, кожу лучшей выделки и другие товары²⁰. Кроме того, в более поздний период в каждом ногайском кочевом ауле имелись постоянные или сезонные лавочки из местных жителей. На кибитке лавочника, как правило, висел на тонком шесте флаг — знак торговца²¹.

Тесные торговые контакты ногайцы поддерживали с горцами Северного Кавказа. У них они приобретали бурки лучшего качества, частично сукно, ткани из конопли, хлопца, сафьян, ювелирные изделия, оружие и пр.

В XVIII в. определенную роль в торговле ногайцев играли персидские ситцы всех цветов²², турецкие ткани — шали, парча, ввозимые ими через Крым. Они шли на удовлетворение потребно-

¹⁷ «Путешествия в восточные страны...», стр. 98.

¹⁸ Е. С. Зевакин и Н. А. Пенченко. Очерки по истории генуэзских колоний. «Исторические записки», т. 3. М., 1938, стр. 96.

¹⁹ А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М.—Л., 1948, стр. 139.

²⁰ Е. П. Алексеева. Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI—XVII вв. Черкесск, 1957, стр. 76—79.

²¹ А. И. Якобий. Тюрки степей Северного Кавказа. СПб., 1901, стр. 34.

²² М. Пейсонель. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750—1762 годах (в изложении Е. Д. Фелицина). Краснодар, 1927, стр. 16, 17.

стей верхушки ногайского общества. Французский консул в Крыму в 50-х годах XVIII в. М. Пейсонель приводит большой перечень товаров, шедших к ногайцам через Крымское ханство. Среди них находились не только ткани, но и сафьян, кожа разных цветов, женские шапочки, мужские сапоги, шелковые и парчовые нитки для шитья и вышивания, басонные изделия (галуны, тесьмы и т. д.) и многое другое²³. Восточные изделия (галуны, тесьмы) поступали в Ногайскую степь, особенно в улусы, расположенные в низовьях Волги, через Астрахань, на территории которой располагались большие рынки, гостиные дворы ряда стран Европы и Азии. Так, в XVIII в. русским дворянством в Астрахани были открыты шелковые, бумажные и шерстяные гостиные дворы, а особенно с персидскими шелковыми и бумажными товарами разных видов, армянским — «персидские шелковые и бумажные материалы». Индийский гостинный двор, который обслуживало до 100 торговых людей, имел торговые сношения «с Персией, Хивой и Бухарией, не упускает и купечество с российскими жителями, а особенно с астраханскими татарами»²⁴. Ногайцы, реализуя в Астрахани свои товары — шерсть, кожу, овчину, скот, масло, сыр, вяленое мясо, кумыс, молоко и другие виды сырья и продуктов своего животноводческого хозяйства, — не могли не приобретать здесь хлопчатобумажные, шелковые ткани, дорогие меха, халаты, платки, кавказское сукно, кушаки, кутни, шитые кафтаны и многое другое²⁵.

Постепенно русские купцы вытеснили персидских и турецких из Поволжья и с Северного Кавказа. На рубеже XVIII—XIX вв. торговля товарами русского производства сосредоточивалась здесь главным образом в пяти пунктах: в Астрахани, Кизляре, Моздоке, Ставрополе и Георгиевске. Роль русской торговли с народами Кавказа и степного Предкавказья еще более усилилась с ростом этих городов. Из Кизляра, Моздока, Ставрополя, Георгиевска товары развозились по другим торговым пунктам края — базарам, ярмаркам и меновым дворам. Во все эти города, а также многие меновые дворы и известные базарами казачьи станицы ногайцы доставляли свои традиционные товары, выменивая их на хлеб, соль и другие продукты первой необходимости, а также на кожаную обувь и текстильные изделия — фабричные ситцы, миткаль, сарпинку, бязь и прочие недорогие ткани, более или менее доступные среднему слою ногайского общества.

Несомненно, что торговля с народами Северного Кавказа, в том числе с ногайцами, не лишена была колониальных черт. Царские чиновники на меновых дворах и русские купцы на ярмарках и базарах, как это справедливо отмечал известный кавказовед А. В. Фадеев, «всячески старались обмануть неискушенных

²³ Там же.

²⁴ «О нынешнем состоянии города Астрахани». «Собрание сочинений, выбранных из месячных словес за разные годы», ч. VII. СПб., 1791, стр. 25.

²⁵ Там же, стр. 29—30.

в коммерческих делах местных жителей, продавали товар по заведомо завышенной цене. Отдаленность Кавказа от промышленных центров России, изоляция кавказских горцев от экономически развитых европейских стран..., громадная разница между центральными районами империи и ее окрестностями — все это создавало благоприятные возможности для неэквивалентного обмена»²⁶. Многие другие причины также ограничивали проникновение готовых изделий в степь Предкавказья, способствовали сохранению здесь натурального хозяйства. Денежное обращение очень мало затрагивало бедные слои ногайского общества того времени, и привозные ткани, составляя предмет роскоши, употреблялись главным образом богатой прослойкой кочевников. Мелкий розничный торг в самой степи развивался очень медленно.

Все это способствовало сохранению для основной части ногайского населения ведущей роли изделий домашнего производства. Значение материалов домашних промыслов для одежды, например, в первой половине XIX в. хорошо видно из сообщения А. Павлова о мужской одежде караногайцев. «Все вообще мужчины, — писал он, — носят одежду горского и собственного изделия, т. е. шерстяные валяные зипуны и бешметы, подбитые валяной шерстью. Бритая их голова всегда покрыта папахой. Нижнее платье у них из валяной верблюжьей шерсти, на ноги надевают легкие чарички (башмаки), иногда и сапоги. На ремennom поясе висят в ножнах азиатский нож служит им для всех работ и вместо столового..., черкесская бурка и башлык от дождя»²⁷. То же самое отмечал А. Архипов. Даже несколько позже он писал, что здесь «бедный класс довольствуется грубою одеждой, приготовляемою дома»²⁸.

Однако при всей ограниченности проникновения готовых товаров в степь русская торговля имела громадное значение для ногайцев, ведущих кочевое хозяйство, и постепенно вовлекала кочевников в сферу товарно-денежных отношений. Роль русских фабрично-заводских изделий, в частности тканей, росла с каждым годом, особенно на рубеже XIX—XX вв.

Распространению русских тканей, а также готовых изделий фабрично-заводской промышленности, в том числе одежды и обуви, способствовало и то обстоятельство, что среди ногайцев было много извозчиков, работавших в Кизляре, Грозном и на почтовых станциях. Ногайцы также выполняли казенную повинность, состоявшую «в развозке нарочитого количества провианта по магазинам левого фланга линии, за прогоны»²⁹.

²⁶ А. В. Фадеев. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореволюционный период. М., 1957, стр. 221—222.

²⁷ А. Павлов. Указ. соч., стр. 46.

²⁸ А. П. Архипов. Этнографический очерк ногайцев и туркмен. «Кавказский календарь на 1859». Тифлис, 1858, стр. 353.

²⁹ Краткая записка о горских народах. «Северный архив», 1826. № 13. стр. 22.

Проникновению русской одежды и увеличению роли привозных изделий способствовало также и то, что среди ногайцев было немало отходников, работавших по найму в казачьих станицах, в хозяйствах русских помещиков, на виноградниках Кизляра и т. д.

Все это не означало свертывания домашних промыслов. Они еще долго играли весьма существенную роль в изготовлении одежды. Значительная часть ногайского населения вплоть до установления Советской власти и победы колхозного строя не могла полностью обеспечить себя одеждой из фабричных тканей, а также готовой обувью и другими изделиями фабрично-заводской промышленности.

МУЖСКАЯ ОДЕЖДА

Ногайская мужская одежда XIX — начала XX в. в основном имела единый покрой на всей территории расселения ногайцев и была приспособлена к условиям как кочевого, так и оседлого быта. По сравнению с прошлым она претерпела значительные изменения. Для анализа традиционной одежды народа, характеристики ее изменений определенным интерес представляют исторические свидетельства, хотя эти свидетельства и очень отрывочные и общие.

Так, путешественник XIII в. Плано Карпини, проезжавший ко двору монгольского хана через многие земли, в том числе земли предков ногайцев — кипчаков, отмечает, что одежда татар (он всех кочевников называет собирательным именем «татары»), как у мужчин, так и у женщин, имеет одинаковую форму, что они носят «кафтаны..., сшитые следующим образом. Сверху донизу они разрезаны (распашные. — С. Г.) и на груди запахиваются; с левого же боку они застегиваются одной, а на правом — тремя пряжками, а на левом также боку разрезаны до рукава. Полушубки, какого бы рода они ни были, шьются таким же образом, но верхний полушубок имеет волосы снаружи, а сзади он открыт, но у него есть один хвостик, висящий назад до колен»³⁰.

Другой автор XIII в., Рубрук, совершивший путешествие в Монголию через Северный Крым, половецкие степи, почти одновременно с Плано Карпини, также свидетельствует о том, что из северных стран им (татарам, кипчакам) поступают «дорогие меха разного рода..., в которые они одеваются зимою. И зимою они всегда делают себе по меньшей мере две шубы: одну, волос которой обращен к телу, другую, волос которой находится наружу к ветру и снегам. Эти шубы по большей части сшиты из шкур волчьих и лисьих или из шкур павианов...; пока татары сидят в доме, они носят другую шубу, более нежную. Бедные при-

³⁰ «Путешествия в восточные страны...», стр. 27.

готовляют верхние шубы из шкур собачьих или козьих... Они устроят также шаровары из кож... Из войлока они делают также плащи, чепраки и шапки против дождя»³¹.

Об одежде уже конкретно ногайцев, кочующих под Астраханью, оставили нам ценные сведения авторы XVII в. А. Олеарий, Я. Стрейс. «Все они, — пишет Олеарий, — носят длинные кафтаны частью из серого сукна, частью — особенно ногайцы — шубы и шапки из овечьей кожи, вывернутым наружу мехом»³². Такого вида шубу, мехом наружу, автор изобразил и на рисунке³³. Аналогичные сведения передает и Я. Стрейс³⁴, проезжавший через земли ногайцев спустя примерно 30 лет после А. Олеария. Автор XVIII в. И. Георги отмечал применительно к кубанским ногайцам, что у них «знатные и зажиточные люди наряжаются наподобие кабардинцев в шелковое и тонкое суконное платье; носят сафьянные сапоги, длинные и широкие портки, пояс и саблю, которая бывает нередко с серебряною оправой; платье окладывают иногда позументом; стеганные или вышитые шапки...»³⁵.

Однако одежда ногайцев XIX — начала XX в., как мы увидим ниже, значительно изменилась и приобрела много общих черт с одеждой горцев Кавказа.

Полный комплекс одежды ногайца середины XIX в., по описанию одного из первых исследователей ногайской культуры А. Архипова, выглядит так: «Люди богатого и посредственного состояния надевают обыкновенно свех белья бешмет или эрхалук (къаптал) желто-полосатого, зеленого или синего цвета, а в холодное время года шубы (тон-шуга), крытые синим или черным сукном и даже плисом; летом какой-нибудь халат, нередко шелковый и на шелковый же бешмет, стянутый ремненным поясом (бельбеу), а чаще кушаком, с привешанным к нему ножиком (пшяк) в черных или красных ножнах. Синие нанковые демекитоновые штаны (стан), баранья шапка (борк) с круглою верхушкой, крытою сукном, иногда под него аракетин или ермолка, шитая мишурою, черные сафьянные чулки, а на них черные или красные сафьянные с толстыми подошвами и увесистыми подборами башмаки (башмак)... Вот общий характерный костюм ногайцев... Некоторые из молодых людей носят черкески или чекмени из белого и желтого сукна домашнего изделия, без газырей и даже пор-й с газырями на груди...»³⁶ Одежда бедняков, по утверждению автора, грубая, изношенная, изготовленная из мате-

³¹ «Путешествия в восточные страны...», стр. 98—99.

³² А. Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию. СПб., 1906, стр. 404—405.

³³ Там же, стр. 404.

³⁴ Я. Я. Стрейс. Три путешествия. М., 1935, стр. 196.

³⁵ И. Г. Георги. Описание, всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ..., ч. II. СПб., 1799.

³⁶ А. Архипов. Этнографический очерк..., стр. 353.

риалов домашнего производства, а обувь — «мужицкие или солдатские сапоги, купленные где попало»³⁷.

Говоря о традиционной одежде ногайцев, нельзя не отметить влияние на нее городского костюма. В дореволюционный период с расстройением ногайского общества, вызывавшего значительный отход кочевой бедноты в города, постепенно проникают в степь его отдельные элементы городского костюма, так и (очень редко) проникал через ногайскую кочевую администрацию, служащих ногайских ставок. Народный голова, старшины, десятники, казначей, приставы нередко носили покупное белье, брюки, куртки различных фасонов, иногда обувь и головные уборы. Однако до Октябрьской революции влияние городской бытовой культуры в ногайском кочевом ауле не было значительным. И даже после революции основная масса населения вплоть до победы колхозного строя продолжала пользоваться традиционными формами одежды, которая особым образом сочетала в себе элементы старого костюма народов кочевого мира и национальных костюмов горцев Кавказа.

Традиционную одежду ногайцев исследуемого периода условно можно подразделить на нательную, верхнюю, а также на праздничную, будничную и траурную.

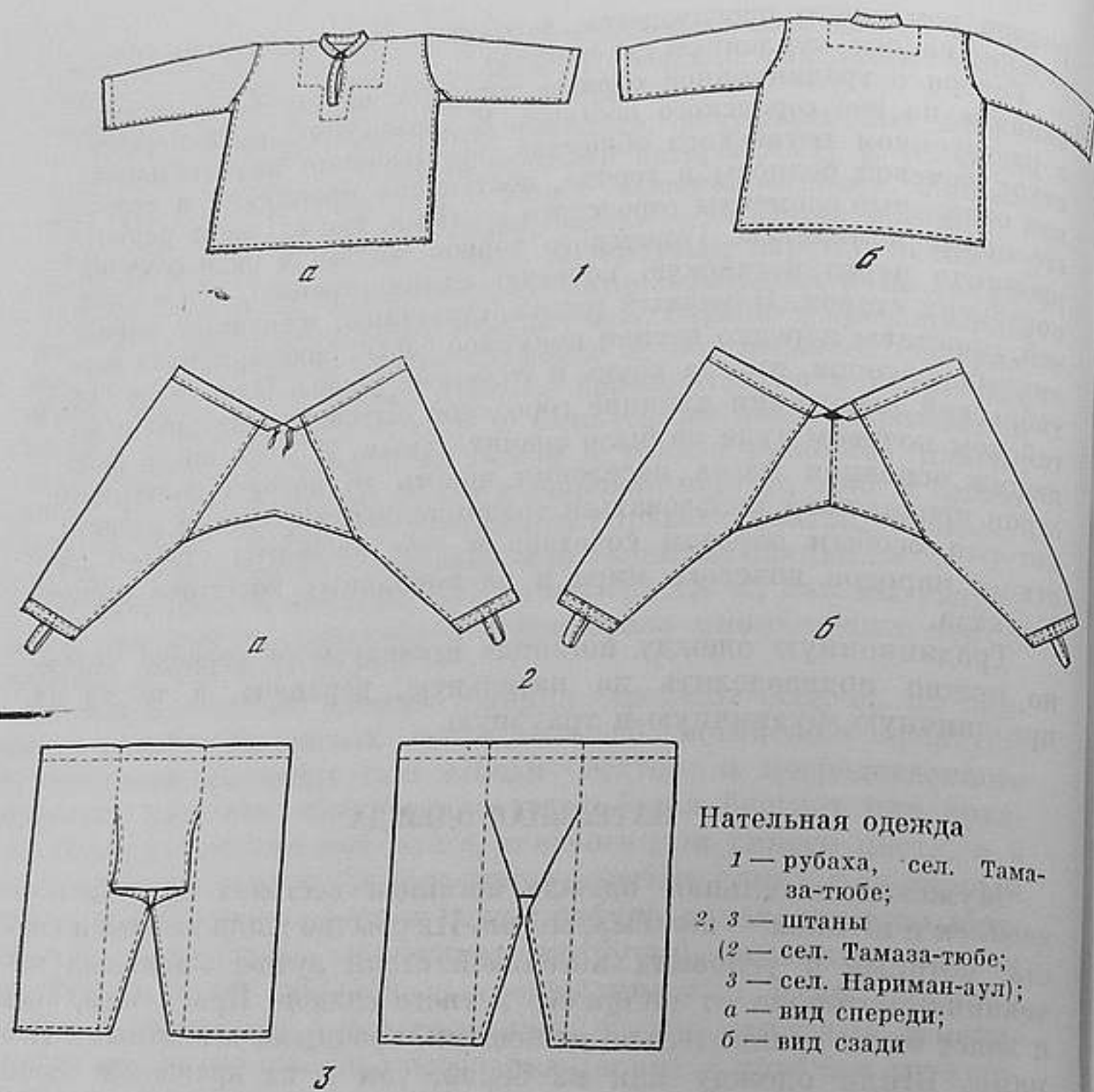
НАТЕЛЬНАЯ ОДЕЖДА

Мужская нательная одежда ногайцев состояла из рубахи — *кыйлек* и штанов — *шалбыр, ыстан*. Их обычно шили из бязи и холста, которые в условиях ногайской степи лучше защищали кочевника-скотовода от палящего летнего солнца. Кроме того, бязь и холст были сравнительно дешевыми, прочными и плотными тканями. Шили одежду как из белой, так и из крашеной серой, синей ткани. Реже употребляли сатин, ластик, тем более шелк, покупное сукно и другие дорогие ткани, доступные только богатым семьям. У молодежи лучшими тканями для штанов считались сатин, ластик и любая другая материя в полоску.

В период преобладания замкнутого натурального хозяйства мужскую нательную одежду ногайцы шили из изделий домашних промыслов — домотканого сукна, войлока, подстриженной овчины сыромятной обработки и т. д. Недаром очень авторитетный и хорошо осведомленный автор, путешествовавший по Ногайской степи в начале XIX в., А. Павлов писал о ногайцах-кочевниках Кизлярской степи, как и вообще о караногайцах, что мужчины носили одежду главным образом «горского и собственного изделия», отмечал, что «нижнее платье у них из валяной верблюжьей шерсти...»³⁸

³⁷ Там же.

³⁸ А. Павлов. Указ. соч., стр. 46.

Нательная одежда

- 1 — рубаха, сел. Тамаза-тюбе;
 2, 3 — штаны
 (2 — сел. Тамаза-тюбе;
 3 — сел. Нариман-аул);
 а — вид спереди;
 б — вид сзади

Однако постепенно материалы домашних промыслов вытеснялись покупными фабричными или кустарными хлопчатобумажными тканями, которые в первую очередь шли на нательную одежду.

Рубаха, имевшая туникообразный покрой, делалась без плечевых швов, прямой и широкой (ширина у подола примерно 80—120 см). Длинной она обычно была до колен, иногда по бедра (примерно 75—80 см). Рубаха имела прямые, длинные (до кистей), чуть суженные книзу рукава, прямой вертикальный разрез посередине груди (примерно 25—35 см), небольшой стоячий воротник (3—4 см ширины).

По характеру покроя мужская туникообразная рубаха имела несколько вариантов. В одном случае она кроилась с прямыми цельными боками, без вставных клиньев по бокам, в другом случае в бока рубахи вшивали скошенные клинья (6—8 см в верхней части, 18—20 см — в нижней), причем в верхнюю часть их

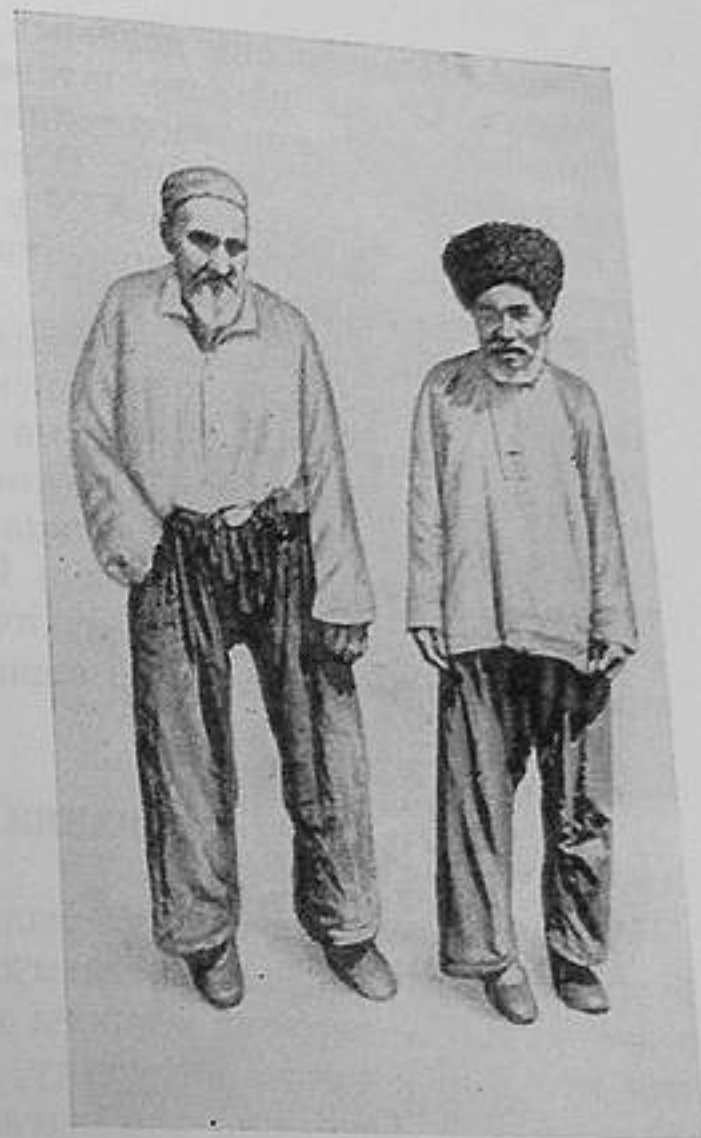
вшивали ромбовидные ластовицы — *хистек*. Делались рубахи и без ластовиц. Были рубахи с вшивными клиньями с одной стороны. Для этого полотнище складывали по длине вдвое, затем с одной его стороны вырезалась лента в виде косого клина, которую пришивали к другой стороне, широкой частью вниз. При отсутствии клиньев рубахи обычно до конца не зашивались. Продольные боковые разрезы *йырмаи* (длина 20—25 см) ногайцы, как и многие другие народы, оставляли для удобства во время ходьбы, езды верхом и работы.

Для прочности рубахи на спине, по плечам и грудному разрезу нашивали с изнанки прямоугольный кусок ткани. Нередко эта подкладка на плечах доходила до проймы рукава. Низ рубахи и боковые разрезы подворачивали и подшивали. Многие мастерицы шили рукава рубахи и на манжете, а в конце грудного разреза нашивали узкую поперечную планочку (примерно 10—12 см длины и 2—3 см ширины), особым образом подогнув ее концы. Носили рубаху навыпуск и обычно подпоясывали кожаным ремнем. Многие, особенно пожилые люди, носили ее и без пояса. На рубаху шло 2,5—3 м ткани.

Штаны ногайцев можно отнести к типу «штанов с широким шагом», весьма распространенных в прошлом у многих других народов. Шили такие штаны без боковых швов, в верхней части широкими, собранными на вздержке и сужающимися книзу.

Штаны делались с прямыми штанинами — *балакъ*, с широкой вставкой между ними четырехугольной формы (36×40 см); кроме того, от большой вставки по обе стороны почти до нижнего края штанины шла еще узкая вставка треугольной формы. Штаны делали на вздержке из самодельной тесьмы — *ышкъыр*, *ыстанбав* — из шерстяных ниток, шириной в 4—5 см, стягивались штаны на бедрах. Тесьма имела на концах кисточки. Иногда использовали и толстый шнур или веревку.

Обычно штаны доходили до щиколоток. В нижней их части, как правило, имелись штрипки — *табалдырыкъ* (длина 23—

Старики-ногайцы в старинной традиционной нательной одежде, сел. Огузер

25 см). Позднее они делались и без штрипок, особенно для молодежи. Общая ширина штанов у пояса составляла в среднем 150—200 см, а ширина штанин внизу — 45—50 см. Шло на штаны примерно 2,5 м ткани. О таких широких штанах, надо сказать, пишет автор конца XIX в. Г. Ананьев: «Штаны же шьются широчайшие и даже внизу они достигают в диаметре от 10 до 12 верш.»³⁹

По покрою нательная одежда ногайцев, как мы уже отмечали, была удобна в условиях Ногайской степи. Штаны с широким шагом, в частности, были весьма удобны для верховой езды, без чего не обходился кочевой скотоводческий быт.

Ногайская нательная одежда имеет широкие аналогии у многих народов Кавказа, а также Поволжья, Средней Азии, Казахстана⁴⁰. Ногайскую рубаху отличал от среднеазиатской лишь вертикальный разрез и стоячий воротник.

ВЕРХНЯЯ ОДЕЖДА

Мужская верхняя одежда была разнообразна. Она состояла из бешмета, черкески, шубы, иногда безрукавки, бурки и т. д. Нередко функцию верхней одежды выполняла нательная. В ней ногаец мог выйти летом на улицу, сходить в дом односельчанина, пойти в поле. Особенно это касалось поясной одежды. Поэтому ее старались шить из плотной ткани.

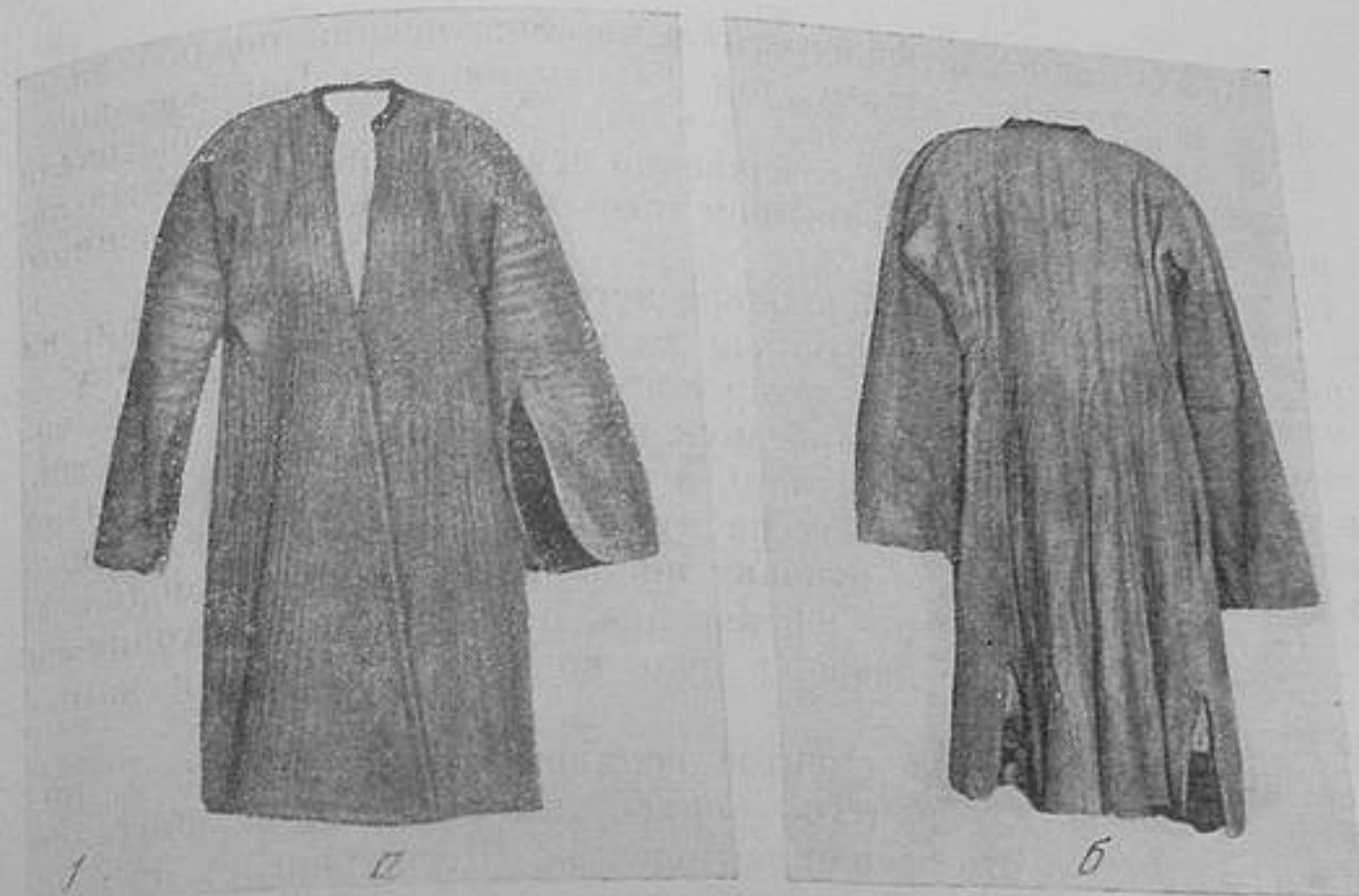
Правда, богатые ногайцы, особенно представители сельской администрации, носили и верхние штаны — *шалбыр*. Они имели такой же покрой, как и нижние, но шились из более добротных фабричных полшерстяных и хлопчатобумажных тканей или из сукна лучшего качества.

Судя по сообщениям отдельных авторов, ногайцы зимой пользовались и короткими овчинными штанами — *тери-шалбыр*. Так, А. Павлов писал о караногайцах, что они «великие мастера в случае падежа содрать с лошади шкуру с хвостом, употребить ее... без лишней выделки на шитье кафтана, шаровар и сапогов»⁴¹. Г. Ананьев также отмечал, что караногайцы зимой поверх штанов из ткани «надевают короткие овчинные штаны, обшитые снизу

³⁹ Г. Ананьев. Караногайцы, их быт и образ жизни. СМОМПК, вып. XX. Тифлис, 1894, стр. 46.

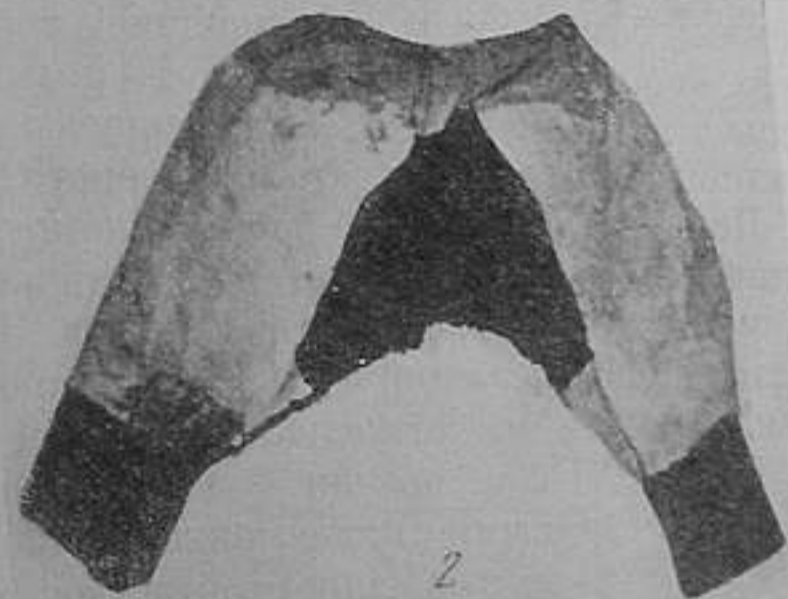
⁴⁰ Н. И. Воробьев. Казанские татары. Казань, 1953, стр. 223, 227; С. Ш. Гаджиева. Материальная культура кумыков, стр. 107; С. Ш. Гаджиева, М. О. Османов, А. Г. Пашаева. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967, стр. 204; Е. Н. Студенецкая. Кабардинцы и черкесы. «Народы Кавказа», т. I. М., 1960, стр. 170; ср.: С. П. Русайкина. Народная одежда таджиков Гармской области. «Среднеазиатский этнографический сборник», вып. 2. «Труды Ин-та этнографии», т. 47. М., 1959, стр. 159; «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I. М., 1962, стр. 293 (рис. 2, 3).

⁴¹ А. Павлов. Указ. соч., стр. 12.

Предметы одежды (ГМЭ)

- 1 — бешмет караногайца, начало XX в. (а — вид спереди; б — вид сзади);
2 — овчинные штаны

кожей»⁴². Возможно, что ношение овчинных штанов у ногайцев, так же как и у других кочевых народов, является древней традицией. По свидетельству Рубрука, монголо-татары «устраивают также шаровары из кож»⁴³.

Овчинные штаны имели почти тот же покрой, что и штаны из ткани: шили их тоже без боковых швов, суживающимися книзу, с такими же клиньями между штанинами, но верхняя часть была несколько уже. Для шнура, стягивающего и закрепляющего штаны на бедрах или на талии, пришивалась поверху полоска ткани шириной 5—6 см.

⁴² Г. Ананьев. Указ. соч., стр. 46.

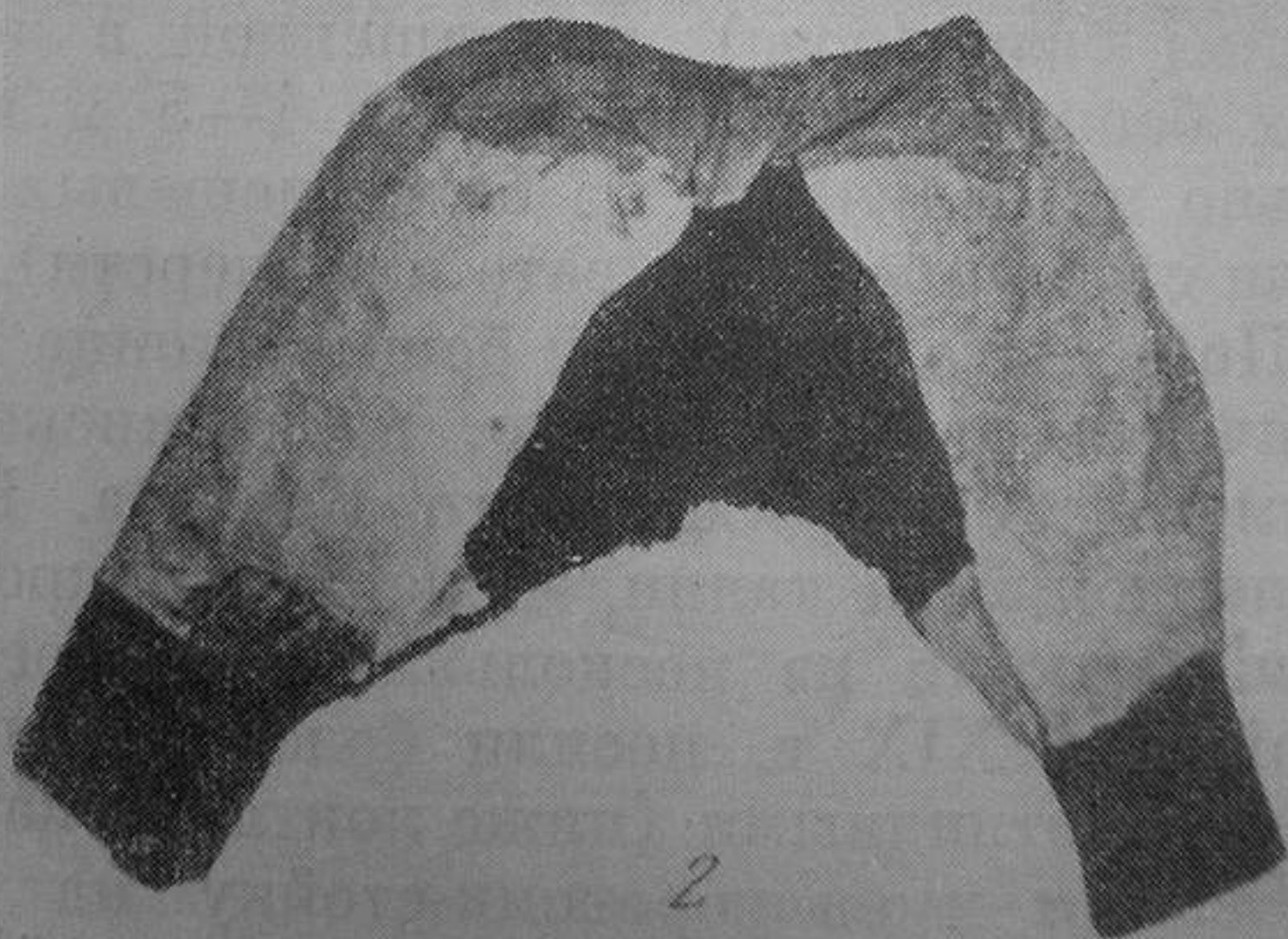
⁴³ «Путешествия в восточные страны...», стр. 99.

1 а

б

2

Предметы одежды (ГМЭ)

1 — бешмет караногайца,
начало XX в.

(а — вид спереди;

б — вид сзади);

2 — овчинные штаны

Кроме штанов подобного типа, погайцы носили позднее галифе и полугалифе, которые, так же как на всем Кавказе, получили распространение у них в начале XX в. Галифе бытовали примерно до 40-х годов и совершенно исчезли в послевоенный период в связи с распространением готовых костюмов современного городского покроя.

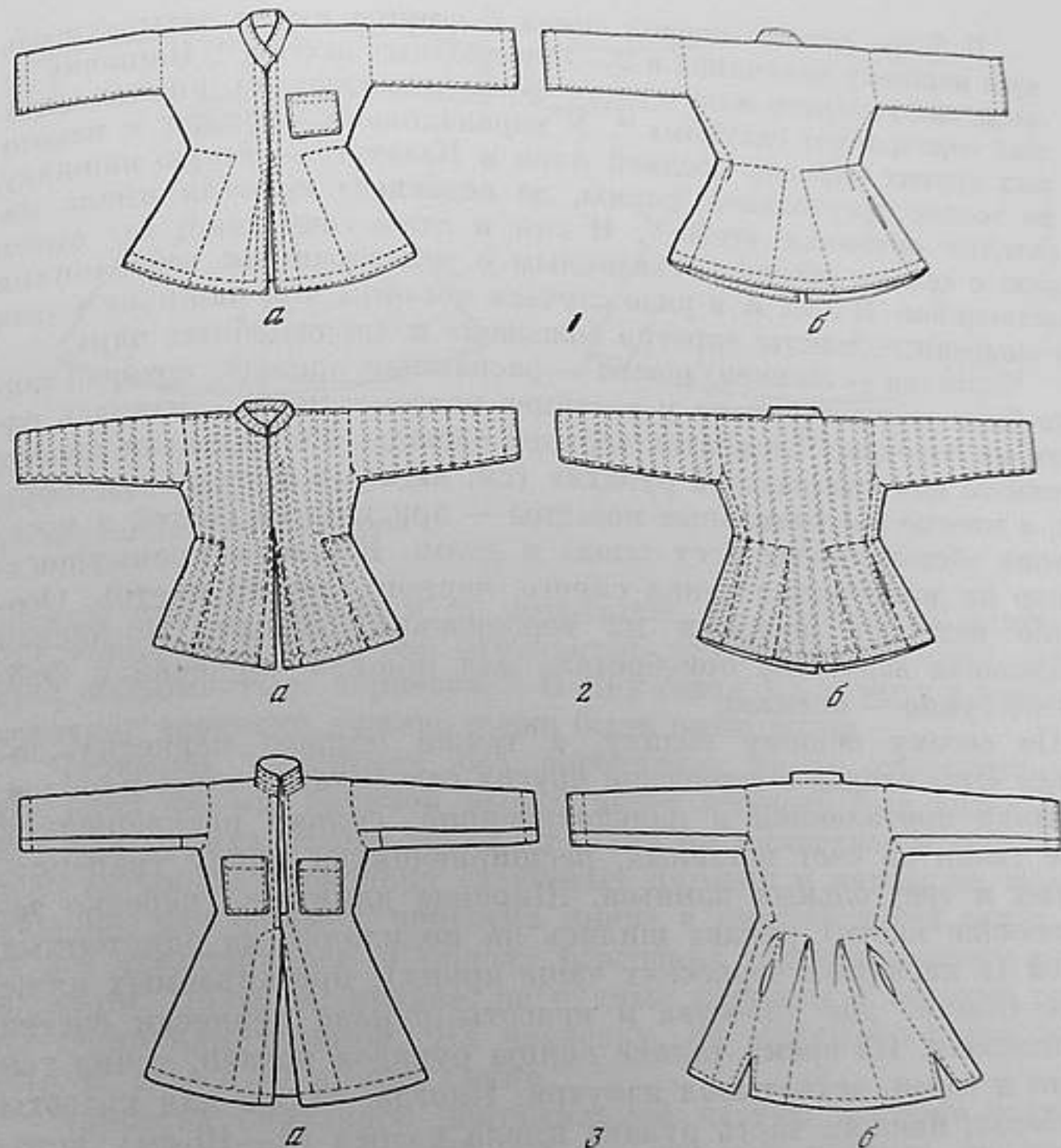
Многие погайцы, особенно среднего и старшего возраста, на рубаху надевали доходящую до талии безрукавную куртку — *къыспа, куърте тон* — типа татарского, башкирского камзола и казахского «дженсиз». Шили безрукавку из овчин мехом внутрь, в талию, со стоячим воротником, а иногда и без воротника. Она застегивалась сверху до низу на пуговицы. Известны нагольные и крытые безрукавки. Безрукавку шили и из такней на подкладке. Она была рабочей одеждой погайца, он мог в ней находиться в кибитке, работать во дворе, в поле во время заготовки камыша и т. д.

Одним из основных элементов верхней одежды погайца, который носили поверх рубахи осенью, зимой и весной, считался бешмет — *къаптал*. Это распашная одежда. Шили бешмет из сукна домашнего изготовления или (чаще) из покупных тканей — ластика, сатина, шерсти, атласа, шелка, бедные — главным образом из бязи (*бьз*), выкрашенной в черный и серый цвет. На верх бешмета использовалось 4—5 м ткани. Делали его обязательно на подкладке из более дешевых тканей. Зимние бешметы шили стеганными (на вате или шерсти), чаще однотонными.

По покрою погайский бешмет конца XIX — начала XX в. мало отличался от кумыкского, кабардинского, черкесского, т. е. от бешметов горцев Северного Кавказа. Шили его расклешенным, прилегающим в талии, чаще цельнокроенным в основе, с отрезными бочками из нескольких расширенных книзу клиньев. Но погайцы в XIX в. носили более длинные бешметы, чем горцы, причем с откидными (ниже локтя) рукавами.

Бешмет имел воротник-стойку на подкладке, выстроченной фигурной строчкой (позднее машинной), застегивался встык, наглухо и только до талии. Ниже же одна половина его находила на другую за счет вшитых треугольных клиньев. Застегивался бешмет на мелкие тесемные узелковые пуговицы и петли. Впоследствии, когда появились металлические крючки и петли, верхняя застежка из шнура приобрела чисто декоративное значение. По бокам (в швах) бешмет имел внутренние карманы (примерно 15×16 см). По краю воротника, по борту (до талии) бешмет обшивали тонким шнуром. Иногда шнур нашивали на весь борт, по долом, край рукавов и карманов. Теплые бешметы, стеганные на вате или шерсти, отделялись двойной продольной строчкой, ручной или машинной.

Бешметы шили длиной ниже колен, иногда до икр. Они имели и различную ширину у подола (150—200 см и более). Кроили

Верхняя одежда

1 — сел. Абсатыр-аул; 2 — сел. Кумли; 3 — сел. Икон-хали; а — вид спереди; б — вид сзади

и шили их женщины-мастерицы. Бешмет считался легкой верхней одеждой, в которой погаец мог находиться дома, пойти в гости, поехать в другой аул и т. д. Обычно бешмет носили наглухо застегнутым и подпоясанным, но, судя по сообщениям некоторых исследователей материальной культуры народа, погайцев можно было увидеть в бешметах «и почти всегда нараспашку»⁴⁴. В этом случае, по-видимому, проявлялась старая традиция ношения халатов — распашной одежды без застежки.

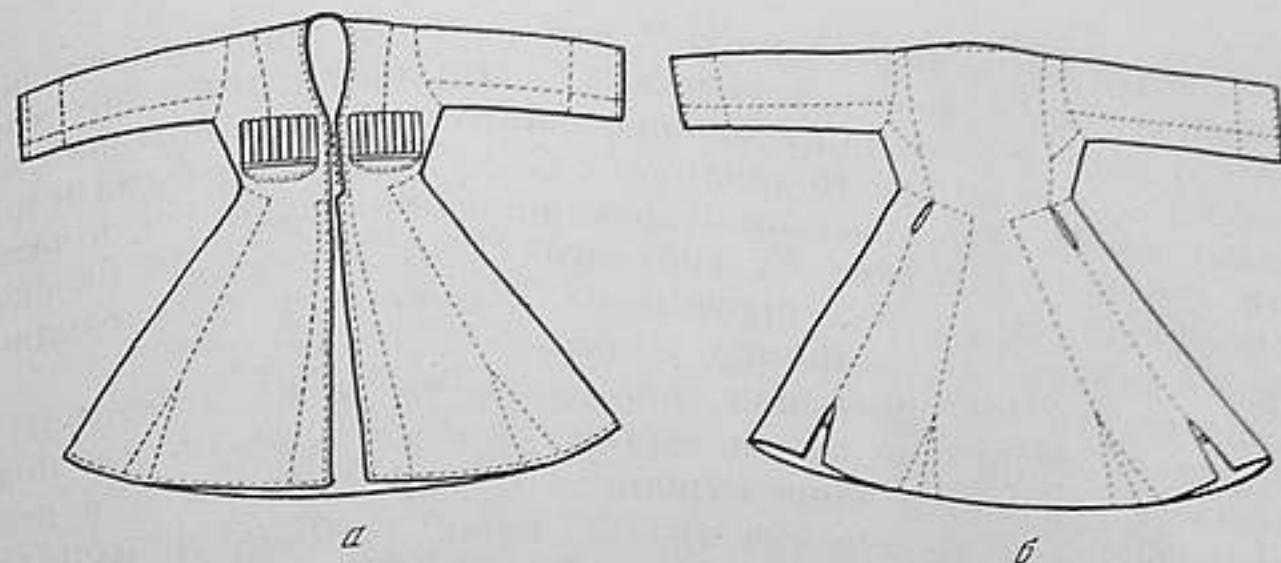
⁴⁴ Г. Малявкин. Караногайцы. «Терский сборник», вып. 3, кн. 2, 1893, стр. 149.

В более ранний период спина бешметов имела четырехугольную нашивку величиной в 2—3 квадратных дюйма⁴⁵. Нашивку делали «из красного или черного сукна или сафьяна, иногда обшитых серебряным галуном»⁴⁶. У каракалпаков, туркмен и некоторых других народов Средней Азии и Казахстана такую нашивку, но только треугольной формы, до недавнего времени имели нагольные овчинные шубы⁴⁷. И там и здесь, очевидно, мы имеем дело с общим обычаем, связанным с религиозными верованиями кочевников. В XIX в. в ряде случаев ногойцы под нашивку клали молитвенные тексты «против болезней» и «враждебных чар».

Черкеска — *шепкен, шогъа* — распашная одежда, которая также была распространена у ногойцев повсеместно и считалась одним из основных элементов верхней одежды. Ее надевали поверх бешмета или «кавказской рубахи» (см. ниже) в прохладную погоду, а многие состоятельные ногойцы — при приеме гостей и посещении общественных мест также и летом. Шили ее преимущественно из домотканого сукна синего, черного, серого цветов. Особенно ценились черкески из верблюжьей шерсти. Ногойская феодальная верхушка приобретала для пошива черкески и фабричное сукно — *исхалла*.

По своему общему облику, а также покрою черкеска ногойцев была сходна с черкеской других северокавказских народов. Ее шили приталенной и цельнокроенной, сильно расклешенной ниже талии за счет вставных, расширяющихся книзу трапецевидных и треугольных клиньев. Широкие длинные (нередко закрывающие кисти) рукава шились на подкладке из однотонных тканей (в нарядных черкесках чаще ярких), пришиваемых ниже локтя. Обычно для удобства и красоты рукава черкески слегка отворачивали. На время танцев концы рукавов ногоец, точно так же как и горец, захватывал изнутри. Иногда, также для красоты и удобства, нижняя часть рукава имела разрез (6—10 см), который застегивался на специально пришитые петли и узелковые пуговицы из самодельной черной тесьмы. На подкладке шили и лиф. На нагрудную часть черкески, особенно нарядной, нашивали газырницы. Полы имели разрезы (*йырмаш*) длиной 20—25 см, которые скреплялись особой плетенкой, не позволяющей расходиться им при ходьбе.

По покрою черкеска была сходна с бешметом, однако ее делали значительно шире внизу и длиннее. Длина зависела преимущественно от моды, господствовавшей на Северном Кавказе. Так, в конце XIX — начале XX в., по данным информаторов и судя по сохранившимся семейным фотографиям, длина ее доходила до се-

Черкеска, сел. Икон-халк
а — вид спереди; б — вид сзади

редины икр, а иногда и до щиколоток. В письменных источниках конца XIX в. также отмечается, что ногойцы носили длинные, «объемистые» черкески⁴⁸. В 30-х годах XX в. моду приобрели короткие черкески, однако и они были ниже колен.

Черкески, шившиеся без воротника, имели открытый треугольной формы грудной вырез, через который был виден бешмет или рубаха. Ниже груди до талии он застегивался справа налево встык на несколько узелковых пуговиц и петель из тесьмы. Так же, как бешмет, черкеска имела в нижней части запах, который увеличивался к подолу благодаря расширяющимся книзу клиньям. Полы ее, рукава, нагрудные карманы и боковые разрезы обшивали тесьмой. На черкеску, по данным авторов конца XIX в., шло 6—8 аршин сукна⁴⁹.

Черкеска считалась неотъемлемой частью костюма взрослого ногойца. Подростки до 15—16 лет ее, как правило, не носили.

Черкеску обычно подпоясывали ремненным поясом *белбав*, к которому прикреплялся большой азиатский нож — *пышак*. В более ранний период ногойцы пользовались и матерчатыми поясами — *кушаками*⁵⁰.

Черкеска и бешмет, судя по источникам, в более ранний период истории несколько отличались от бытовавших в конце XIX — начале XX в. Первые были более свободного кроя. Не случайно многие исследователи XVIII—XIX вв. подчеркивали своеобразие костюма ногойца, особенно его бешмета и черкески. В частности, они отмечали, что бешмет ногойца «менее аккуратного покроя», чем у других народов Северного Кавказа, «всегда мешковат и спускается ниже колена»⁵¹, что он носит

⁴⁸ Г. Апаньев. Указ. соч., стр. 46.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ С. Г. Гмелин. Путешествие по России, ч. II. СПб., 1777, стр. 178; А. Архипов. Этнографический очерк ногойцев и туркмен, стр. 353.

⁵¹ Н. Дубровин. Указ. соч., стр. 267.

«его... почти всегда параспанку»⁵², что черкеска ногойца широкая в талии и в полах, более неуклюжая⁵³. Отдельные исследователи черкеску ногойцев прямо называли «халатом... слегка похожим на черкеску»⁵⁴ и даже просто халатом⁵⁵. С. Г. Гмелин отметил и локальные особенности черкески астраханских ногойцев. Он, в частности, писал, что рукава их верхнего кафтана, т. е. черкески, «сделаны при сгибе локтя прорезьями»⁵⁶, имея в виду, очевидно, откидные рукава, как, например, у астраханских татар.

Судя по тем же описаниям, ногойские черкеска и бешмет в более ранний период не имели застежек, а запахивались и подпоясывались ремнем, а чаще кушаком. В качестве пояса передко повязывали поверх бешмета платок, сложив его по диагонали.

Итак, легкая верхняя одежда ногойцев в XIX и даже XX в. была сходна с одеждой всех народов Северного Кавказа, но в то же время сохраняла ряд существенных отличий, которые сближали ее с костюмом других тюркоязычных народов страны, в частности с халатами Средней Азии и Казахстана.

В ряде случаев бешмет и черкеска ногойца XIX в., особенно караногойца и кундровского ногойца, представляли собой нечто среднее между вариантами азиатского халата, с одной стороны, бешметом и черкеской северокавказского типа — с другой. П. Небольсин так описывал в середине XIX в. костюм ногойцев, известных под именем кундровских или карагаш, кочевавших по реке Ахтубе близ Астрахани: «Верхняя одежда состоит из бешмета, или коротенького полукафтаны, на него надевают куртё, тот же почти бешмет, только подлиннее первого; за ним следует архалак или род узкого и коротенького халата с завязками и длинными отложными воротничками, а сверх его обыкновенно хивинский полупелюшковый халат, летом на легкой подкладке, зимой на овчинном, а больше на лисьем меху, или по крайней мере с лисьей опушкой по краям рукавов и подола»⁵⁷. К концу XIX в., судя по сохранившимся фотографиям, ногойские черкески и бешметы в результате экономических и культурных связей ногойцев с горцами Кавказа имели уже более четко выраженный кавказский тип. Щегольством своего наряда среди всех групп ногойцев особенно отличались кубанские и кумыкские ногойцы.

«Кавказская рубаха» — *кобылек* — у ногойцев появилась в начале XX в. Так же как и у соседних народов, у ногойцев молодые люди, служащие, стали надевать ее под черкеску вместо бешмета. Покрой ее не отличался от покроя традиционной национальной рубахи, хотя и был в целом заимствованным элементом. Кроили рубаху из прямого полотнища, сложенного пополам.

Ногойцы в традиционной одежде

1 — бешмет, сел. Икон-халк; 2 — черкеска, сел. Икон-халк; а — вид спереди; б — вид сзади

⁵² Г. Малякин. Указ. соч., стр. 149.

⁵³ А. П. Архипов. Три отрывка...

⁵⁴ Г. Малякин. Указ. соч., стр. 149.

⁵⁵ Н. Дубровин. Указ. соч., стр. 267.

⁵⁶ С. Г. Гмелин. Указ. соч., стр. 178.

⁵⁷ П. Небольсин. Очерки волжского низовья. СПб., 1852, стр. 97.

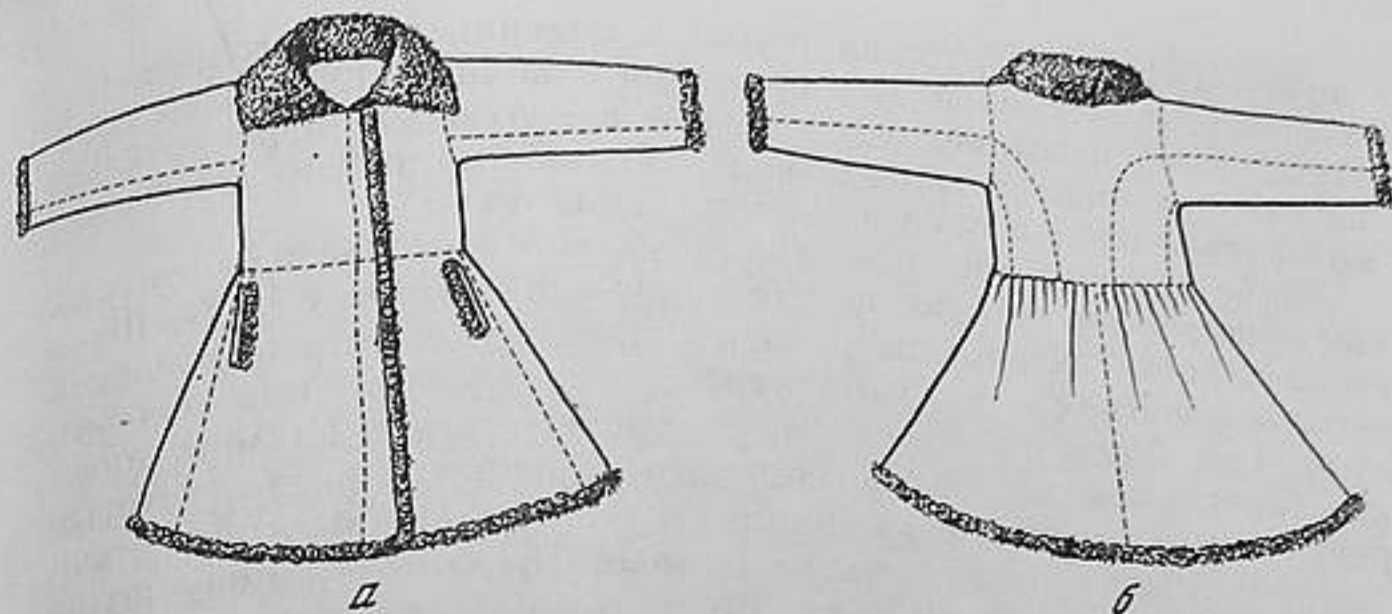
По бокам с обеих сторон вставляли клинья. В целом «кавказскую рубаху» шили длинной и широкой. Неподпоясанная, она доходила до колен. Шили ее с накладными карманами и без карманов, с воротником-стойкой, который, в отличие от воротника бешмета, не простегивался. Рукав рубахи обычно не имел манжета — широкий и прямой его покроем позволял закладывать одну часть рукава на другую и застегивать на пуговицы и петли из шнура.

Под влиянием одежды русских, с которыми ногайцы издавна находились в тесном общении (торговый обмен, отходничество), еще в прошлом столетии у них стали распространяться готовые рубахи с прямым и косым разрезом у ворота. Но выходная, праздничная одежда, как правило, была представлена бешметом (позднее и «кавказской рубахой»), черкеской и другими традиционными элементами народной одежды.

Поверх бешмета или рубахи ногаец надевал шубу — *тон* — мехом внутрь. Судя по источникам XVIII—XIX вв., у ногайцев наиболее широко бытовали два типа шуб. Характеризуя типы меховых шуб у астраханских ногайцев, С. Г. Гмелин в XVIII в. отмечал, что один тип «подобен верхним кафтанам, с тем только различием, что рукава у них цельные и длиннее, а другой российский тулупам»⁵⁸. Ногайские женщины, как указывалось выше, были большими мастерицами по обработке овчины и изготовлению из них шуб. Это отмечали исследователи еще в первой половине XIX в. «... Из овчин, — писал, например, А. Павлов о ногайцах, — выделывают они для зимнего времени довольно хорошие и теплые тулупы, а преимущественно из черных мерлушек (шкур ягнячьих), но самую малую часть из серых... Лучший овчинный тулуп, во весь рост человека, стоит не более 8 рублей меди, а мерлушчинный 15 и не выше 16»⁵⁹.

В зависимости от материала шубы были трех видов и соответственно имели разные названия. Шубы из овчины назывались *тери тон*, шубы из шкур молодых барашков — *коьрпе тон* и шубы из шкур недоношенных ягнят — *эльтир тон*. А. Павлов отмечал, что ногайцы шили также «кафтаны» из шкуры лошади «без лишней выделки»⁶⁰. Судя по памятникам фольклора, нарядные шубы ногайцы шили и из шкур жеребят.

Шить шубы в кочевом ауле умели обычно две-четыре мастерицы. Материал для шубы кроили острым ножом, а сшивали плотными самодельными или покупными хлопчатобумажными нитками. В конце XIX — начале XX в. наиболее распространенными по покрою были также два типа шуб. Один из них — *ногъай тон* или *бишимли* — с переходом ногайцев в северокавказские степи сделался неотъемлемой частью их костюма. Шубу, как и бешмет

Овчинная шуба, сел. Икон-халк
а — вид спереди; б — вид сзади

и черкеску, шили цельнокроенной, чуть прилегающей в талии (отсюда и название «бишимли тон» — приталенный), она имела от линии талии по бокам вставные клинья, расширяющиеся книзу, и прямые не широкие рукава обычной длины (до кисти руки). В отличие от бешмета шуба была свободнее и намного длиннее (нередко до щиколоток). Шалевый, отложной или стоячий воротник ее выкраивали по возможности из лучшего меха. Рукава и полы также оторачивали мехом лучшего качества. Ни карманов, ни застежки шуба не имела. Ее носили обычно нараспашку, в холодное же время года правую половину запахивали на левую; в общественных местах шубу подпоясывали ремнем. Шубу шили нагольную и крытую — *тыслав*. Последнюю покрывали какой-нибудь плотной тканью в зависимости от возможности семьи.

Эльтир-тон из каракульчи, мерлушки, крытые дорогой тканью, носили только богатые скотоводы, аулбаи, члены их семей. Развитие торговых отношений, крепнувшие связи с городом позволяли этой социальной верхушке покупать также более ценные русские меха и среднеазиатский каракуль для шуб и их отделки.

Низ рукавов, полы, иногда и подол шуб отделявали полосками черной ткани шириной 5—15 см. Такую окантовку, как объясняют ногайцы, делали для того, чтобы шубы меньше изнашивались. Эта традиция имеет широкие аналогии у туркмен, киргизов⁶¹ и других народов.

На шубу шло шесть-семь овчин, а если ее шили из шкурок ягнят — до 30 и более. Шубы носили с 9—10-летнего возраста. Но детские шубы обычно делали из шкурок ягнят, часто даже из кусков, разных по сорту.

Другого вида шубы, с отрезной талией — *бурушма тон* (шуба в сборку) или, как их еще называют, *шагъар тон* (городская

⁵⁸ С. Г. Гмелин. Указ. соч., стр. 178.
⁵⁹ А. Павлов. Указ. соч., стр. 12—13.
⁶⁰ Там же, стр. 10.

⁶¹ «Народы Средней Азии и Казахстана», т. II, стр. 85, 257—258.

шуба), *орус тон* (русская шуба), — появились у ногайцев (кумыкских, кубанских и др.) примерно с конца XIX в. Как пока- зывает само название, они, по всей вероятности, первоначально проникли в степь в готовом виде, постепенно такого же фасона шубы стали шить и сами ногайские женщины.

Шуба *бурушма тон* ниже талии обычно состояла из пяти рас- ширяющихся книзу клиньев. По талии шла густая сборка. Шуба имела длинные неширокие рукава с круглым окатом и отложной меховой воротник с острыми углами (из того же или лучшего меха). Она была чаще двубортной, застегивалась на металличе- ские (иногда и самодельные кожаные) крючки и петли, которые пришивали от воротника до талии; застегивалась такая шуба, как и вся ногайская одежда, справа налево. По борту и низу шубы нашивалась узкая полоса меха. Мехом отделялся и рукав (на некотором расстоянии от нижнего края). На груди до талии па- раллельно борту справа нашивалась полоска меха. Шуба имела спереди (ближе к бокам) два прорезных кармана с листочками, также отделанные мехом. Длина шубы зависела от моды, но всег- да была ниже колен. Этого вида шубы делали нагольными и кры- тыми. Иногда для них покупали готовые крашенные овчины в го- родах или у сельских лавочников.

В ряде случаев нагольные шубы шили в виде русских тулу- пов. В исследуемое время все шубы ногайцы носили мехом внутрь. Традиция ношения их мехом вверх, очевидно, была утеряна задол- го до XIX в. Отправляясь в путь в ненастную погоду, ногаец наде- вал поверх шубы черкеску, которая в этом случае выполняла роль плаща. Именно по этому поводу Г. Ананьев писал, что «весь запас костюмов, которые имеет караногаец, он надевает на себя; в зимнее время на нем можно видеть: несколько бешметов (каптал) и шуб (тон), а сверху их еще черкеску (чепкен)»⁶². На традицию ношения поверх шубы черкески северокрымскими ногайцами указывал еще автор начала XIX в.: «В дождливую и снежную погоду надевают сверх шапки «башлык», а на шубу «шегбен» (суконный плащ)»⁶³.

Весьма интересно указание Г. Ананьева на привычку ногай- цев носить вместо шубы одновременно «несколько» бешметов. В этом, как нам кажется, следует видеть древнюю традицию но- гайского народа. Два стеганых бешмета (или халата), видимо, ча- сто заменяли ногайцу в азиатской степи более теплую, но сравни- тельно менее доступную зимнюю одежду — шубу, которая в усло- виях северокавказской степи со сравнительно суровыми зимами становится уже неотъемлемой частью ногайского костюма. Подобная традиция существовала и у ряда других народов Азии, в частности у туркмен и казахов. Здесь ватные халаты для

Мальчики в традиционной одежде

большинства населения служили в прошлом также верхней зим- ней одеждой; в «холодное время года их носили по два или по несколько, чаще подпоясывая нижний»⁶⁴.

Согласно источникам⁶⁵, распространенной верхней одеждой но- гайцев была также войлочная куртка без начеса, хорошо защи- щавшая кочевника-скотовода от холода, ветра и дождя. Точно установить ее покрой нам не удалось, так как она давно вышла из употребления. Однако сопоставляя письменные источники и отрывочные данные, которые нам сообщили старики-ногайцы, с аналогичной войлочной одеждой киргизов⁶⁶, карачаевцев, кумы- ков и других народов, можно все же прийти к заключению, что она была распашной одеждой свободного покроя типа куртки со вшивными рукавами, а может быть, и с кашпоном.

⁶² Г. Ананьев. Указ. соч., стр. 46.

⁶³ «Краткий обзор положения ногайских татар, водворенных в Мелитополь- ском уезде Таврической губернии». «Телескоп», ч. XXXIII, 1836, № 9—12, стр. 211.

⁶⁴ «Народы Средней Азии и Казахстана», т. II, стр. 84, 418.

⁶⁵ А. Павлов. Указ. соч., стр. 46.

⁶⁶ «Народы Средней Азии и Казахстана», т. II, стр. 249.

Бурка — *ябышы, ямышы* — была накидной безрукавной верхней одеждой, которой многие ногайцы пользовались в XIX — начале XX в. и которая, очевидно, была необходимой принадлежностью и старинного костюма кочевника. Например, Рубрук сообщает, что татары «из войлока... делают также плащи, чепраки и шапки против дождя»⁶⁷. Здесь, как и на всем Северном Кавказе, бытовали бурки двух видов: колоколообразные, поменьше размером, без начеса (*черкес ямышы*), и большие, черные, с начесом (*кьаварти ямышы*). Как те, так и другие ногайцы приобретали у соседей-горцев (в Черкесии, Дагестане, Кабарде и др.) и в городах (Кизляре, Ставрополе, Астрахани, Хасавюрте, Моздоке, Темир-Хан-Шуре). Нередко их доставляли торговцы непосредственно в ногайские кочевые аулы.

Богатые ногайцы свои бурки часто подвергали особой отделке — вырез горловины и края до талии обшивали точно так же, как щеголи-горцы: шнуром и золотым позументом. У горловины для прочности и завязок делали специальные нашивки из сафьяна в форме треугольника или полукруга, через которые продевались тонкие ремешки для застёжки. Через соседей, в частности дагестанцев, к ногайцам проникали и специальные бурки для пешеходов, без швов, имеющие большой вырез у горловины. Однако широкого распространения такие бурки у ногайцев не имели.

Одежда мальчиков повторяла в целом одежду мужчин⁶⁸. Описанную выше одежду, за исключением бурок, отдельных видов шуб, черкесок, носили и мальчики. Количество ее зависело от материального положения семей. В богатых семьях детям иногда шили и черкески, однако без газырниц, а также шубы из мерлушек.

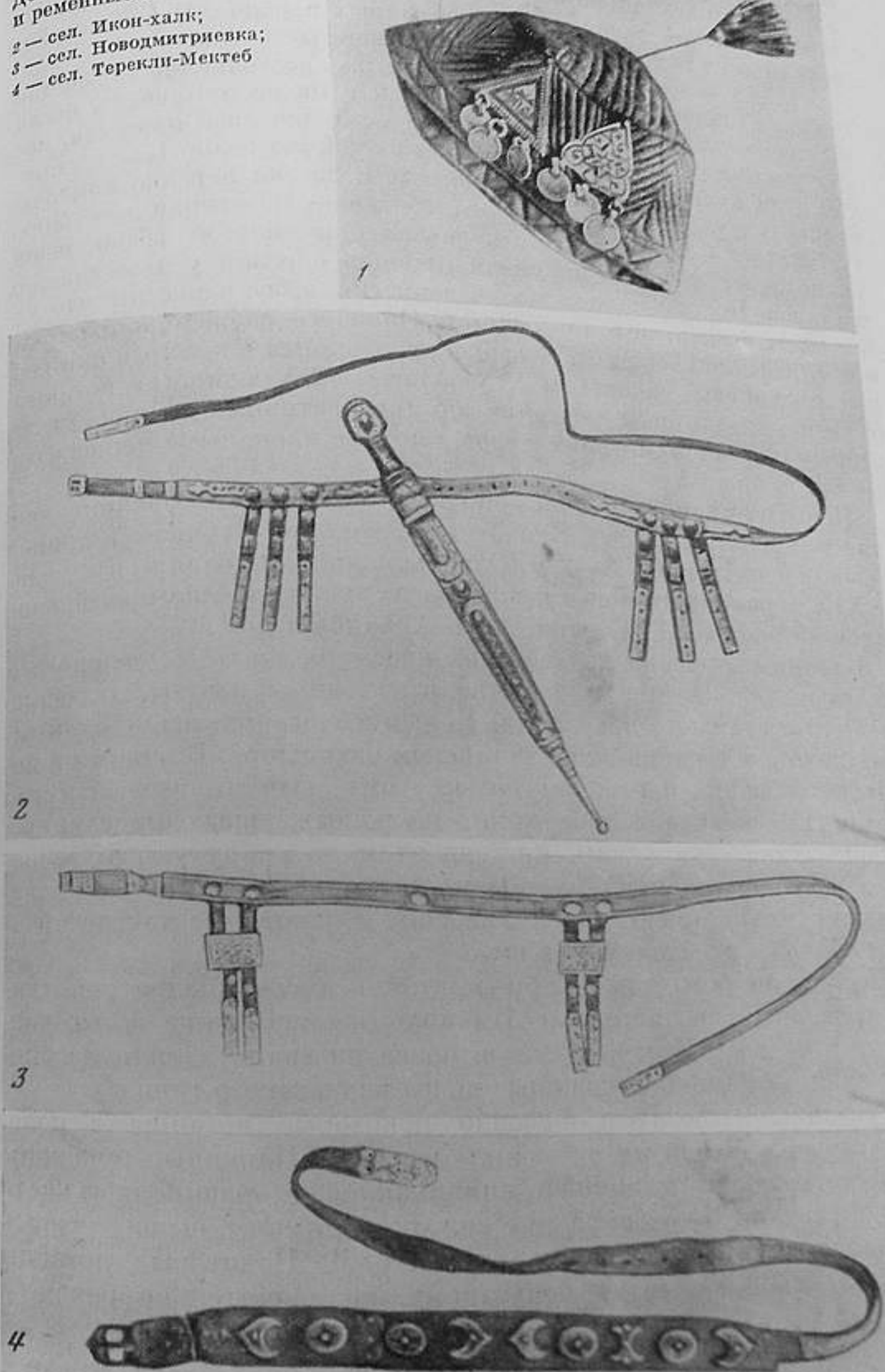
Детям старались шить костюмы из более ярких тканей и обильно украшать их вышивкой, галунами, аппликациями, а также металлическими, по возможности серебряными, подвесками из монет и блях, бусами и т. д.

В частности, в состоятельных семьях дети, начиная с 8—9 лет, носили бешметы, которые по покрою не отличались от взрослых. Однако их шили всегда из пестрых, ярких тканей, отделявали на спине и плечах лентами и серебряными украшениями, которые в ряде случаев рассматривались в качестве оберегов.

Маленьким мальчикам чаще всего шили безрукавки — *камзе* — типа описанного выше *кьыспа*, но покрытые частой мелкой строчкой. Безрукавки, надеваемые поверх туникообразной рубашки, делали преимущественно из цветных тканей — ситца, нанки, сатина, а в богатых семьях — из бархата или плотного шелка яркого цвета. Иногда шили и стеганные курточки такого же покрою, как *камзе*, но с рукавами.

Безрукавки и куртки застегивались на пуговицы и петли из цветной тесьмы и запахивались справа налево. Судя по покрою и

Детская шапочка (1)
и ременные пояса (2—4)

⁶⁷ «Путешествия в восточные страны...», стр. 99.
⁶⁸ Г. Апаньев. Указ. соч., стр. 48; С. В. Фарфоровский. Ногайцы Ставропольской губернии. Историко-этнографический очерк. «Записки Кавказского отдела РГО», вып. 7, кн. 2. Тифлис, 1909, стр. 19.

ПРИЧЕСКИ

Характеристике головных уборов ногайцев следует предпочесть краткое описание их причесок.

Все мужчины брили головы; молодые, особенно неженатые, брили также усы и бороду. Люди среднего и старшего возраста носили коротко подстриженные бороды и усы, но, в отличие от соседних горцев, их бороды имели вид узкого клина. Растительность на верхней части подбородка и вокруг узкой полосы волос на щеках и висках, а также вокруг рта тщательно убирала либо ножом, либо выщипывали щипцами. Длинные бороды отпускали только старики и представители духовенства. Молодые люди не брили бороды лишь во время траура по близким (обычно 40 дней). Бороды расчесывали гребнем, не красили.

В кочевых аулах обычно было несколько мастеров, к которым и обращались аульчане, чтобы побриться. Бритье производилось на аульных очарах. Из малодворных аулов для этой цели нередко ездили в соседние аулы, а в больших семьях чаще всего роль парикмахера выполнял кто-либо из членов семьи. Брили, смочив голову холодной водой, без мыла.

Детям брили головы, начиная с 1—2 лет, но до 7 лет на макушке оставляли пучок волос — *айдар*, *кекел*. Его не заплетали. Чтобы первый раз побрить голову мальчика, мать приносила его своему близкому родственнику (отцу, дяде), который совершал этот обряд (если сам не умел, то поручал бритье другому) и одаривал чем-нибудь, чаще всего скотом. Обряд первого бритья сопровождался угощением.

Оставление волос на макушке, видимо, является древней традицией ногайцев, распространявшейся на мужчин всех возрастов. Рубрук, в частности, отмечал этот обычай у предков ногайцев — кипчаков. Он писал, что они бреют «лоб до макушки, на которой оставляют пучок волос, спускающихся до бровей»⁷². Возможно, этот сохранившийся в детских прическах пережиток прошлого уходит своими корнями в обычай кочевников носить косы, на что также указывает Рубрук. Косы, спущенные на спину, изображены и на половецких памятниках — каменных изваяниях⁷³.

по названию, ногайское детское камзе (надо добавить и кысыма взрослого ногайца) имело генетическую связь с камзолами казанских татар⁶⁹ и других тюркоязычных народов. Пояса ногайцы носили двух видов — ременные и матерчатые (кушаки).

В XIX — начале XX в. наиболее распространенным у ногайцев был ременный пояс — *белбав*. Как и на всем Кавказе, ногайцы носили узкие пояса с маленькой металлической пряжкой, часто с узкими ремешками-подвесками из той же кожи. Как на поясе, так и на пришитые к нему ременные подвески нередко накладывались металлические звенья — небольшие пластинки или бляха (у богатых — из серебра) с черневой или золотой гравировкой. Такие пояса ногайцы покупали главным образом у дагестанских мастеров. Поясом подпоясывали черкеску, а без черкески, что чаще всего бывало летом, — бешмет. На поясе спереди или справа ногаец обычно носил нож — *пышак*, вложенный в красные или черные сафьяновые ножны. В XIX — начале XX в. многие ногайцы, особенно те, которые занимали административные должности, по данным старейших информаторов, вместе с нарядными черкесками носили кинжалы.

Пояс из ткани — кушак, — по воспоминаниям старейших ногайцев, представлял собой полотнище, чаще однотонное, шириной 25—30 см и длиной 1,5—2 м. Одновременное бытование в середине XIX в. ременного пояса и кушака из ткани хорошо прослежено рядом авторов (С. Г. Гмелин, А. П. Архипов и др.).

Нарядные кушаки делались из красного, желтого, зеленого и синего шелка. Носили их обычно взрослые мужчины, особенно среднего и старшего поколения. Ношение ногайцами кушаков запечатлено и в традиционном ногайском фольклоре. В одном из ногайских сказаний о том, как батыр Амит, сын Айсыла, восстал против Джанибекхана, говорится о шелковых поясах, присланных дочерью хана соперникам, претендентам на ее руку⁷⁰. К кушаку, а часто и к ременному поясу, кроме ножа, ногайцы подвешивали сумочку, кисет, трубку, веревку и некоторые другие предметы обихода, необходимые в поле.

Носили ногайцы также пояс-платок — кусок квадратной ткани, сложенный по диагонали. Им пользовались чаще всего подростки и чабаны. В начале XX в. пояса из ткани вышли из употребления, их заменили кожаные пояса кавказского типа.

Рукавицы — *кьолкьап* — носили некоторые ногайцы в полевых условиях. Шили их из овчины и сукна. Нарядные рукавицы ногайки украшали вышивкой, аппликацией, оторачивали у кисти хорошим мехом. По своей форме они, по-видимому, были близки к каракалпакским и казахским «дженгсе»⁷¹. Некоторые ногайцы пользовались и вязаными перчатками, но значительно реже.

⁶⁹ Н. И. Воробьев. Указ. соч., стр. 228.

⁷⁰ «Песни ногайцев». Ставрополь, 1949, стр. 18.

⁷¹ Т. А. Жданко. Каракалпаки (основные проблемы этнической истории и этнографии). Доклад по опубликованным работам, представленным на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1964, стр. 40—41.

⁷² «Путешествия в восточные страны...», стр. 99.

⁷³ Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, стр. 169—176.

Ногайцы пользовались разнообразными головными уборами: тюбетейками, меховыми шапками, войлочными шляпами, башлыками и т. д. Все традиционные мужские головные уборы изготавливались из меха, ткани и войлока.

В XIX — начале XX в. самым распространенным головным убором у мужчин всех возрастов и детей с 2—3 лет была меховая шапка *боьрк*. Зимой она предохраняла от холода, а летом от жары. Шили боьрк обычно из овчины — *тери*, шкур молодых барашков — *эльтир* — местных пород, а также, хотя и реже, из среднеазиатского каракуля — *бухара коьрне*. Меховые шапки являются старинным ногойским головным убором, претерпевшим, однако, в процессе общения с народами Северного Кавказа значительные изменения. А. Олеарий, например, свидетельствует, что ногойцы низовьев Волги (астраханские) носили на голове круглую шапку, обшитую по краям мехом. Именно такая шапка полушарической формы мехом внутрь изображена Олеарием на рисунке ногойского костюма⁷⁴. Судя по дошедшим до нас описаниям, еще в XIX в. шапки ногойцев, в частности караногойцев, были громоздкими и тяжелыми. «Шапка (папах) караногойца, — писал, например, Г. Ананьев, — очень велика и тяжела и напоминает киргизские шапки, но с плоским верхом»⁷⁵.

Шили шапки с широкой меховой тульей и суконным верхом полусферической формы. Этот вид головного убора, видимо, и имел в виду А. Архипов, когда отмечал, что ногойцы носят «баранью шапку «боьрк» с круглою верхушкою, крытою сукном»⁷⁶.

Примерно такого же рода меховую шапку, но с более высоким суконным верхом мы видим на ногойце, изображенном на рисунке, приложенном к статье «Кавказские жители» анонимного автора второй половины XIX в.⁷⁷ Форма и высота суконного донышка менялись в зависимости от местной моды и под влиянием кавказских головных уборов. В конце XIX — начале XX в. шапки с высоким донышком перестают бытовать — их заменили плоскодонные.

В это время наиболее широкое распространение у караногойцев и ногойцев, проживающих в Терско-Сулакском междуречье, получили меховые шапки двух видов: 1) *ногъай боьрк* (ногойская шапка) и 2) *къумукъ боьрк* (кумыкская шапка) или *бухар боьрк* (бухарская шапка).

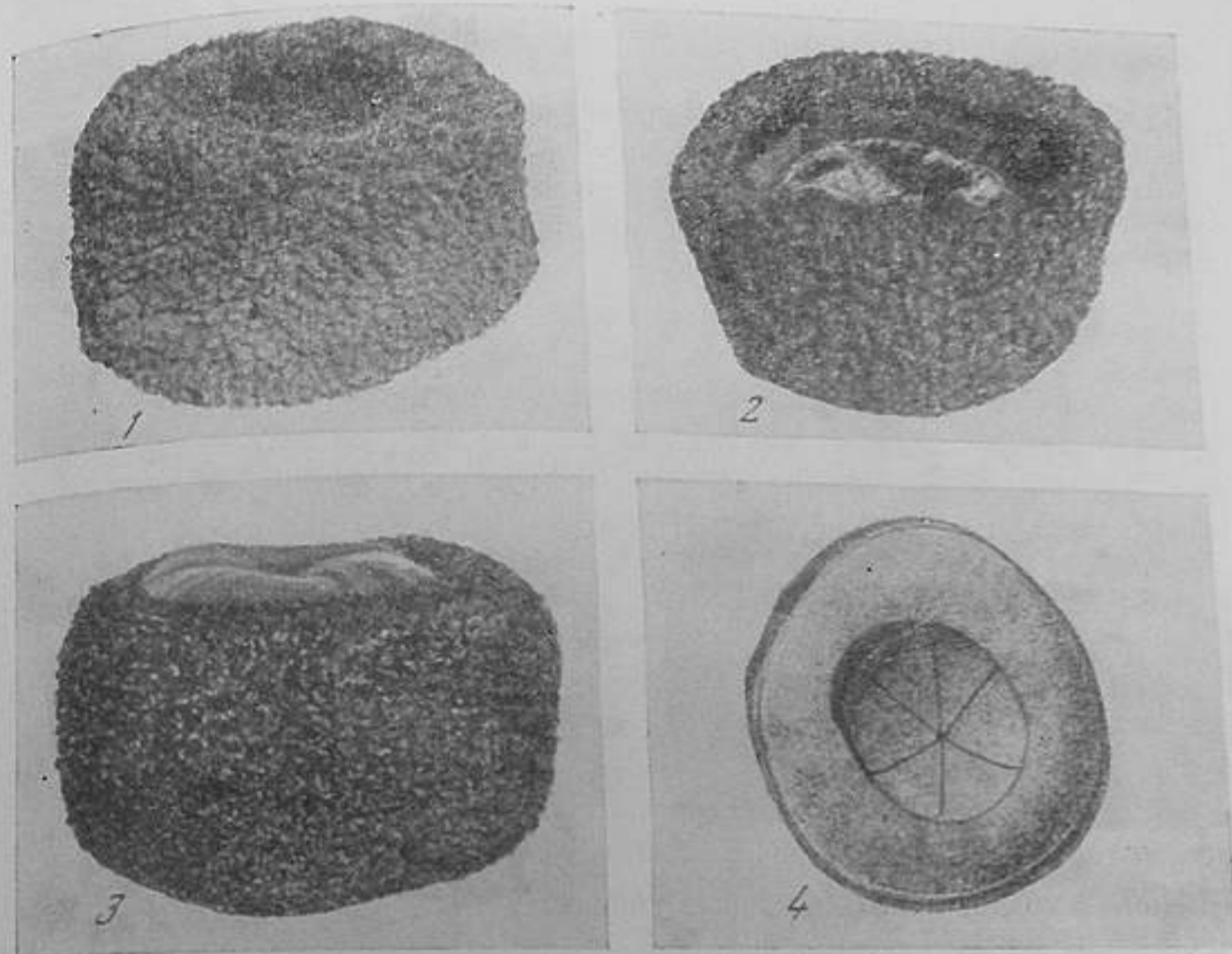
Шапка первого вида имеет форму невысокого цилиндра с круглым плоским меховым донышком, изнутри к ней подшивалась стеганая подкладка или нередко подстриженная овчина мехом на-

⁷⁴ Олеарий. Указ. соч., стр. 404.

⁷⁵ Г. Ананьев. Указ. соч., стр. 46.

⁷⁶ А. П. Архипов. Этнографический очерк..., стр. 353.

⁷⁷ «Кавказские жители», стр. 8.

Мужские головные уборы

1—3 — меховые шапки; 4 — войлочная шляпа

ружу. У этой шапки есть большое сходство с некоторыми видами меховых шапок народов Кавказа и в первую очередь соседей ногойцев. Шили ее из шкур барашков местной породы. Очевидно, не от формы, а от материала (шкур местной породы овец) происходит и название ее — «ногъай боьрк».

Къумукъ боьрк или бухар боьрк имеет суконное донышко. По форме она наиболее близка к распространенным в тот же период меховым шапкам народов Дагестана⁷⁸. Шили ее главным образом из среднеазиатского каракуля, а в ряде случаев из мелкой смушки — *коьрне* — ягнят местной породы. Тулья и донышко делались на стеганой подкладке. Высота тульи и донышка менялась в зависимости от моды, господствовавшей в то время у народов Северного Кавказа или в отдельных его регионах. В XIX в. были распространены высокие шапки (папахи), несколько суженные кверху; в начале XX в. входят в моду более низкие, имеющие форму цилиндра, расширенного кверху.

⁷⁸ С. Ш. Гаджиева. Указ. соч., стр. 118; С. Ш. Гаджиева, М. О. Османов, А. Г. Пашаева. Указ. соч., стр. 209.

Мужчины в традиционных головных уборах

1 — кубанский ногаец; 2 — караногаец

По мере изменения формы шапок менялись и способы пришивания доньшка к тулье. Если в старину доньшко пришивалось по верхнему краю тульи, то в начале XX в., напротив, — по нижнему его краю, и высота его становится ниже верхнего края самой шапки. Шапка состояла, таким образом, из двух самостоятельных частей, едва соединенных между собой: маленькой круглой стеганой шапочки, покрытой сукном (доньшко), и пришитой к ней по нижнему ее краю широкой полосы каракуля, составляющей тулью. Такого покроя шапки продолжали бытовать и в более поздний период, встречаются они даже в настоящее время.

Распространение у караногайцев и ногайцев Терско-Сулакского междуречья именно дагестанского варианта северокавказской формы папахи объясняется рядом причин. Во-первых, тем, что северо-восточные ногайцы были ближайшими соседями горцев, во-вторых, тем, что шапки эти, по всей вероятности, шили чаще всего дагестанские мастера-шапочники, преимущественно из лакских и цудахарских селений⁷⁹, уходившие в Ногайскую степь на заработки и обычно диктовавшие моду заказчикам. Кроме того, ногайцы нередко приобретали меховые шапки, прежде всего кара-

⁷⁹ Всех дагестанцев ногайцы, как и многие другие народы Северного Кавказа, называют кумыками, точно так же как народы Закавказья — лезгинками.

кулевые, в готовом виде на еженедельных базарах в крупных кумыкских селениях. В Хасавюрте, Темир-Хан-Шуре, Кизляре, Владикавказе, Грозном существовали специальные шапочные мастерские. Прикубанские же ногайцы носили папахи — *черкес боьрк* — такого же образца, но с более низкой тульей, т. е. такие, какие бытовали у народов северо-западного Кавказа (кабардинцев, черкесов, осетин и др.).

По сравнению с первым видом меховых шапок (ногъай боьрк), считавшихся в основном зимними, шапка с матерчатым доньшком северокавказского типа в дореволюционный период была менее распространена, имела, очевидно, позднее происхождение и считалась весенне-осенней. Неслучайно автор середины XIX в. П. Небольсин данного вида шапку у кундровских ногайцев называет «заимствованной от горцев» и «летней»⁸⁰.

Дорогая шапка из среднеазиатского каракуля — бухар боьрк — была доступна только состоятельным ногайцам, и поэтому для большинства населения она служила лишь праздничным головным убором. Она могла быть принадлежностью всей семьи, которой молодые люди пользовались по очереди, когда отправлялись на торжества, свадьбу и т. д.

В советское время, особенно в 30—40-е годы, шапка этой формы, напротив, широко вошла в быт. Ее стали носить почти все взрослые ногайцы, особенно молодого и среднего поколения; шили их на заказ в специальных мастерских. Позднее, в 50—60-е годы, широкое распространение получили более современные виды головных уборов, в частности ушанки.

У некоторых этнических подразделений ногайцев, в частности у кундровцев (карагашцев), кочевавших под Астраханью в середине XIX в., еще сохранялся старинный головной убор — малахай, характерный для многих кочевых тюркоязычных народов (казахов, киргизов и т. д.). «Зимняя шапка малахай, — писал об этом уборе кундровцев тот же П. Небольсин, — несколько напоминающий своею формою зимние шапки петербургских финнов: перед, т. е. надлобник, и уши у него поднимаются и подвязываются к суконной подкрышке малахая. В ветер и холода малахай распускается, в тепло — принимает другую форму»⁸¹.

Носили ногайцы также меховую шапку в виде колпака, мехом внутрь, — *ятакъ боьрк* (ночная шапка) или *къапан*. В ряде случаев ее делали из ткани на вате и простегивали. Поздние ее образцы, согласно описанию стариков и по сохранившимся шапочкам из ткани, были близки к тибетейкам, но имели более высокий околыш. При их изготовлении отдельно выкраивалось круглое доньшко и пришиваемая к нему тулья, несколько расширяющаяся книзу. Сверху шапочку покрывали однотонной тканью (черной, серой и т. д.), а по нижнему краю тульи — оторачи-

⁸⁰ П. Небольсин. Указ. соч., стр. 96.

⁸¹ Там же, стр. 98.

Тубетейки (1—3) (ГМЭ)

вали мехом. Носили такие шапочки в основном пожилые люди. В далеком прошлом эта шапочка имела, по-видимому, широкое бытование, хотя письменные источники XIX в. ее фиксируют лишь в качестве траурного головного убора мужчин. Такую шапочку, по всей вероятности, имел в виду А. Архипов, когда писал, что у ногайцев «есть особая шапка», шапка «траура», что она «имеет нагольную верхушку, овчиною вниз, только бока ее возле оторочки из курпая обшиваются гладкою сарпинкой... в виде фестонов. Шапка эта снимается по истечении траурного года»⁸². Автор, однако, отмечает, что носили «такую шапку и просто в домашней жизни, как весьма легкую и удобную для кибитки»⁸³.

Такая меховая шапочка, по нашему мнению, претерпела со временем значительную эволюцию в форме (и, возможно, в материале). В своих архаических чертах шапочка имела близкие аналогии с головными уборами киргизов, каракалпаков, казахов и др.

⁸² А. П. Архипов. Этнографический очерк..., стр. 353.
⁸³ Там же.

известными у них под названием «кулах»⁸⁴. Однако о ее форме и материале сейчас что-либо сказать трудно.

Тубетейки — топтай и арахсин (арахчин) — также являлись типичными традиционными головными уборами ногайцев, широко распространенными еще во второй половине XIX — начале XX в. Это были круглые, облегающие голову шапочки из ткани на подкладке. Топтай и арахсин имели почти одинаковый покрой. Та и другая состояли из неширокой тульи и пришитого к ней плоской или полусферической формы доньшка и шились обычно из однотонных тканей: для пожилых людей — темных тонов, для молодежи — ярких. Для взрослых мужчин та и другая являлись нижним головным убором, который надевался под выходную меховую шапку, а у молодежи — легким летним головным убором.

Однако между арахсином и топтаем, по свидетельству самих ногайцев и ряда авторов, писавших о них, были некоторые различия, сводившиеся в основном к украшениям. Арахсин шили из сукна и более дорогих тканей. Его богато украшали вышивкой из золотой и серебряной канители или просто галуном. Галун нашивали, как правило, вокруг доньшка и поверх него крест-накрест, а также по нижнему краю тульи. Иногда вместо галунов и вышивок применялись аппликации. Топтай делался из более простых тканей. Его не расшивали, а прострачивали узорами. «Тобытай шьется из простой материи, а рахчин — из сукна и вышивается серебряными и золотыми нитками собственной работы»⁸⁵, — писал Г. Ананьев. Можно предположить, что топтай делался только с плоским верхом и более глубокими, т. е. с высокой тульей.

В конце XIX — начале XX в. арахсин носили преимущественно состоятельные ногайцы. Нарядные арахсины преподносились в виде свадебного подарка невестам. Дарить арахсины начинали со дня сватовства. С. В. Фарфоровский писал, что отец невесты, получив платок и деньги от жениха из рук сватов, взамен дарил им в числе других подарков и арахсин⁸⁶.

Уметь шить и расшивать арахсины должна была каждая ногайская девушка. Этому учили девочек матери с 9—10-летнего возраста.

Как отмечают исследователи и подтверждают сами ногайцы, пожилые мужчины с шапочкой такого вида никогда не расставались. В помещении обычно снимали верхнюю меховую шапку и оставались в одном арахсине или топтае, но при выходе на улицу поверх него обязательно надевали какой-нибудь другой головной убор. Арахсин и топтай использовались пожилыми людьми и в качестве ночного колпака.

⁸⁴ О. А. Сухарева. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии. «Труды Ин-та этнографии», т. XXI. М., 1954.

⁸⁵ Г. Ананьев. Указ. соч., стр. 46.

⁸⁶ С. В. Фарфоровский. Ногайцы Ставропольской губернии, стр. 27.

Для молодежи и детей топтай нередко шили на вате, простеганный мелким узором на машинке (в ранний период руками), чаще в виде елочки в определенном сочетании с треугольниками. Детский топтай украшали серебряными бляхами, к нему пришивалась еще кисть из разноцветных ниток, свисающая с макушки.

Арахсин и топтай по своей форме и назначению настолько близки к отдельным вариантам тюбетеек многих тюркоязычных народов⁸⁷, особенно поволжских татар, что их генетическое родство не вызывает сомнений. Очевидно, с этим арахсином имеют отдаленное родство и стеганые ночные шапочки народов Дагестана. У кумыков они были известны под названием «ялан папах» (нижняя папах).

В настоящее время ногайцы арахсин и топтай не носят. Изредка их шьют для старых людей из темной ткани без украшений, а также для детей. Многие ногайцы в качестве обыденного головного убора используют тюбетейки среднеазиатского покроя. Что касается традиционных арахсинов, украшенных вышивкой, галуном или аппликацией, то на местах они не сохранились даже в качестве музейного экспоната.

Наряду с разнообразными видами шапок широко распространенным головным убором ногайцев был и башлык — *баслык*. Шили его обычно из местного сукна, а нарядные — из белого кавказского или русского сукна. По покрою и способу украшения ногайский башлык почти ничем не отличался от башлыка соседних кавказских народов. Делали его в виде капюшона с остроконечным верхом, с длинными полосами, используемыми для обматывания шеи. Нарядные башлыки украшали галуном, тесьмой, иногда и аппликацией из ярких тканей.

Трудно установить, заимствован ли башлык ногайцами у более древних аборигенов Северного Кавказа или является традиционным головным убором самих ногайцев, равно как и то, насколько глубоко он уходит в прошлое этого народа. Бытующее у многих народов название этого головного убора имеет тюркское происхождение («баш» — голова, «лык» — аффикс). Под таким названием он распространен у всех народов Кавказа, Передней (у турок) и Средней Азии. Можно допустить, что на Кавказ его занесли степняки-кочевники, тюрки или скифо-сарматские племена. По-видимому, этот головной убор своими корнями уходит в глубокую старину и имеет генетическую связь с отдельными формами древних головных уборов не только народов Кавказа, где башлык в XVIII — начале XX в. имел наиболее широкое распространение, но и народов Алтая, Средней Азии и Казахстана, Поволжья и более того — малоазиатского и фракийского круга народов. Нам, например, представляется, что по форме он очень близок к шлемовидным головным уборам древних саков Средней Азии, изобра-

⁸⁷ О. А. Сухарева. Указ. соч.; Г. П. Васильева. Туркмены-нохурли. «Труды Ин-та этнографии», т. XXI. М., 1954.

женным на рельефах дворца в Персеполе (V в. до н. э.)⁸⁸.

Геродот (V в. до н. э.) в своей «Истории» дал очень четкое описание таких головных уборов саков. По его словам, они «имели на голове остроконечные шапки из плотного войлока, стоявшие прямо»⁸⁹. Прототипом башлыка, можно допустить, является и головной убор (со свисающим назад выступом) жителя Средней Азии в VI—IV вв. до н. э., изображенный на золотой пластинке из Амударьинского клада⁹⁰, или же скифа на сосуде из кургана Куль-Оба Северного Причерноморья⁹¹.

Такого же типа островерхие головные уборы мы встречаем в последующие периоды у гуннов⁹², на хорезмийских серебряных монетах III и VIII вв.⁹³

Думается, что такие капюшоны носили и кипчакские племена. Половецкие каменные изваяния, которые устанавливались в честь умерших, дают возможность воспроизвести многие детали головных уборов, одежды и украшений мужчин и женщин⁹⁴ того времени. На ряде женских статуй изображены шляпы в виде капюшонов с лопастями, спускающимися на затылок и плечи. Некоторые из этих шляп сделаны с остроконечным верхом, как и башлык, и подобно ему имеют на макушке украшение в виде круглободка. Правда, башлык в более позднее время бытует в качестве мужского головного убора, однако у ряда народов Кавказа еще в конце XIX — начале XX в. сохранялась традиция ношения его женщинами (в дорогу, в непогоду).

⁸⁸ «Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства». М., 1956, стр. 255; «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I, стр. 49.

⁸⁹ Геродот. История, т. VII. М., 1886, стр. 64.

⁹⁰ «Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй...», стр. 254; «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I, стр. 50.

⁹¹ «Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй...», стр. 305.

⁹² Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния южной Сибири и Монголии. Материалы и исследования по археологии СССР, т. 24, стр. 104; М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 42.

⁹³ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, табл. 84 (верхний ряд, четвертая слева); «Очерки истории СССР III—IX вв.» М., 1958, стр. 404.

⁹⁴ Г. А. Федоров-Давыдов. Указ. соч., стр. 171—173.

Башлык, сел. Икон-халик

Ногайка, XVIII в.
Из книги И. Г. Георги

Из сохранившихся видов головных уборов, на наш взгляд, генетическую связь с башлышанка малахай.

Малахай и башлык развились самостоятельно, в разной этнографической среде в течение столетий, что на первый взгляд делает их сравнение почти невозможным. Однако при тщательном анализе, по нашему мнению, можно установить общие реликтовые черты, напоминающие древние уборы ряда народов Азии, подвергавшиеся затем значительной трансформации. Только дальнейшее накопление материалов позволит высказать суждение по этому поводу более определенно.

Войлочная шляпа — *картуз*, *кийиз боьрк* — также известна ногайцам. Ею они иногда пользовались весной и летом. Шляпы валяли преимущественно из белой шерсти. Их делали с ши-

роками, несколько опущенными полями и невысокой головкой полусферической формы. По краям, а также вокруг тульи шляпу обшивали белым материалом. Вместо ткани для обшивки или окантовки нередко использовали рукодельную или фабричную тесьму и шнур.

По рассказам стариков, раньше ногайцы носили и более островерхие войлочные шляпы с небольшими полями⁹⁵.

Ногайский тип войлочной шляпы исследуемого периода имеет полные аналогии у других народов Северного Кавказа — кумыков, кабардинцев, осетин, а также терских, кубанских казаков и сравнительно далек от войлочных шляп многих родственных ногайцам тюркоязычных народов, в частности народов Средней Азии, где они шились из четырех долек войлока треугольной формы и поля их спереди и сзади или по бокам имели разрезы⁹⁶.

По-видимому, ногайцы, пронеся этот элемент головного убора

⁹⁵ Записано в 1967 г. в сел. Центральная Тамаза-тюбе Бабаюртовского района у Джансаида Батыргазиева (1880 г. р.).

⁹⁶ О. А. Сузарева. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии. «Труды Ин-та этнографии», т. XXI, 1954, стр. 332; «Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан». «Труды Ин-та этнографии», т. 37, стр. 185, 186, 188.

сквозь века, на новом месте — в степном Предкавказье — подвергли его изменениям, приблизив к той форме, которая существовала у соседних горцев Северного Кавказа и казаков — терских и кубанских. У ногайцев не сохранилось и старое, тюркское название этой шляпы — *къалпакъ*, которое заменено наименованием кийиз боьрк, «картуз». Последнее, несомненно, заимствовано у соседей — казаков, хотя те обычно называли картузом головной убор с жестким козырьком или неформенную фуражку.

Чалма — *шалма* — бытовала только среди представителей духовенства, преимущественно имеющих духовное звание «хаджи», т. е. совершивших паломничество в Мекку. Чалму носили из белой ткани, поверх папахи.

Все охарактеризованные выше виды головных уборов, за исключением башлыка и чалмы, носили и мальчики. Но наиболее распространенным головным убором мальчиков была тюбетейка — *бала топтай*, которую шили по возможности из дорогих тканей ярких расцветок (из бархата, парчи, плотного шелка и т. д.). Бала топтай украшали галунами, аппликациями, нередко вышивали цветными нитками, в том числе золотой и серебряной канителью. Детские меховые шапочки традиционного типа шили чаще всего из шкурки белых ягнят.

ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА

Женская одежда ногайцев, являясь наиболее устойчивой частью старинной национальной одежды, отличалась сравнительно большим разнообразием, чем мужская. В своей основе она также была в прошлом однотипна для всех районов, что, однако, не означало отсутствия локальных особенностей. Различия в костюме отдельных этнических подразделений объясняются как местными условиями, так и чересполосным расселением ногайцев, т. е. отсутствием единой этнической территории, историческим разделением народа на ряд территориально обособленных групп, что вело к воздействию на культуру каждой отдельной этнографической группы ногайцев культур соседних с ними народов. Кроме того, женский костюм большой группы ногайцев (караногайцев) меньше мужского подвергался нивелировке, сохранил больше древних черт, ибо женщины редко выезжали из степи, меньше общались с другими народами.

По своему покрою традиционная ногайская женская одежда в основных своих элементах была близка мужской. Это сходство было отмечено некоторыми авторами еще в первой половине XIX в. «Одежда их (ногайских женщин. — С. Г.), — писал А. Павлов, — во всем похожа на мужскую, исключая только то, что сверх шапки женщины имеют тонкие кисейные для закрытия лица покрывала»⁹⁷.

⁹⁷ А. Павлов. Указ. соч., стр. 46.

Молодые женщины шили одежду из тканей ярких расцветок, в большинстве случаев гладких, а иногда и с цветным рисунком, различными узорами. Женщины старшего возраста предпочитали спокойные, темные тона.

Характеризуя ногайскую женскую одежду середины XIX в., А. Архипов писал: «Костюмы женщин так же незатейливы, как и мужчин; в обыкновенное время — красная или желтая рубаха, туфли, полосатые шальвар, а на голове белое покрывало, всегда откинутае назад. Сверх рубахи надевают также цветной женский бешмет — зеленый или красный, другие — кафтан из красного сукна, принадлежащего к числу лучших нарядов. Богатые женщины носят такого же цвета и покроя одежду, но чаще из канауса и других шелковых материй... Отличительный головной убор замужних женщин заключается в небольшом платке, повязываемом вокруг головы; сверх него накидывается тастар, опускающийся почти до пяток, девушки вместо того носят до выхода в замужество меховые или стеганые шапочки, с круглыми, почти всегда из красного сукна, верхушками, обшиваемые накрест тесемками из кованого серебра, что весьма красиво на гладкопричесанных и смолью блестящих азиатских волосах»⁹⁸.

НАТЕЛЬНАЯ ОДЕЖДА

Нательная одежда состояла из двух основных элементов — штанов и рубахи.

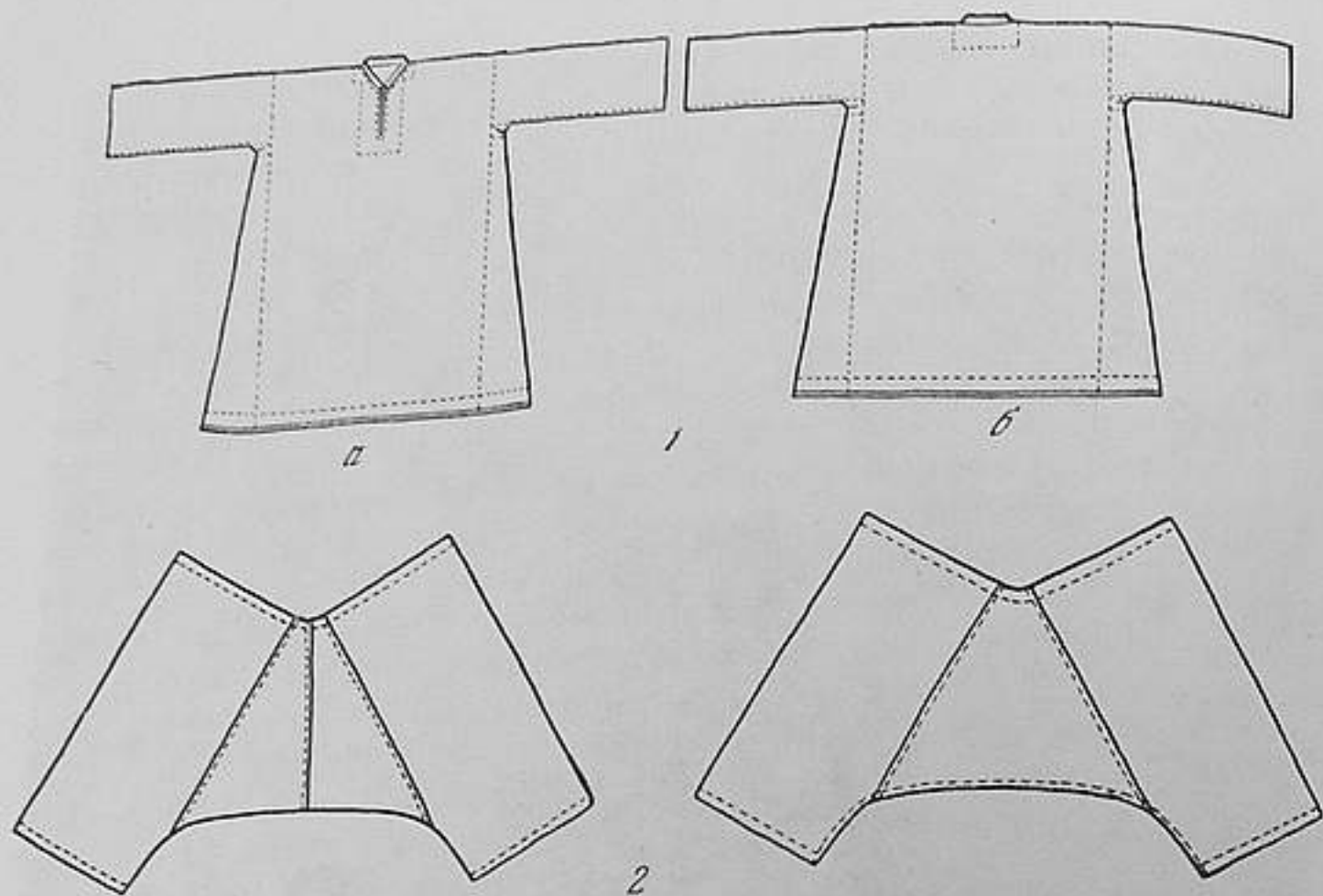
Рубаха — *кобылек*, — одновременно являвшаяся и платьем ногайки, имела туникообразный покрой. Шили ее длинной (до пят) и широкой (ширина у подола в среднем 210—240 см), с расширяющимися книзу клиньями по бокам — *шабу*, с небольшими квадратными или ромбовидными ластовицами — *хистек*. Рубаха имела прямые, длинные и широкие вшивные рукава без манжета, закрывающие кисти руки, а в ряде случаев и свисающие ниже, и прямой вертикальный разрез посредине груди (примерно 30—35 см длины). Делалась рубаха чаще без воротника или с небольшим воротничком-стойкой — *ягъа* — шириной 2—2,5 см. Для прочности верхнюю часть рубахи (до пояса) делали на подкладке. Нижнюю часть рубахи и рукавов, а нередко горловину и разрез на груди обшивали поперечной полоской ткани другого цвета, которая с лицевой стороны образовывала кант — *эдин*. В прошлом эти канты внизу рубахи иногда делались более широкими.

Шили рубаху из тканей разной расцветки и разного качества — из нанки, ситца, шелка, тонкой шерсти, но, как отмечал еще в XVIII в. М. Пейсонель, чаще из ситца, «более всего... малинового цвета»⁹⁹. Цвет ткани зависел от возраста женщины

Ногайка из знатной семьи, конец XVIII — начало XIX в.
Худ. Е. Корнеев

⁹⁸ А. П. Архипов. Этнографический очерк..., стр. 354—355.
⁹⁹ М. Пейсонель. Указ. соч., стр. 16.

Женская нательная одежда

1 — рубаша, сел. Терекли-Мектеб; 2 — штаны, сел. Тамаза-тюбе; а — вид спереди; б — вид сзади

(молодые носили из ярких, пестрых тканей (чаще красной и желтой), старшие — из гладких тканей светлых и темных тонов). Качество тканей зависело от состояния семьи. На рубаху-платье шло 6—7 м ткани.

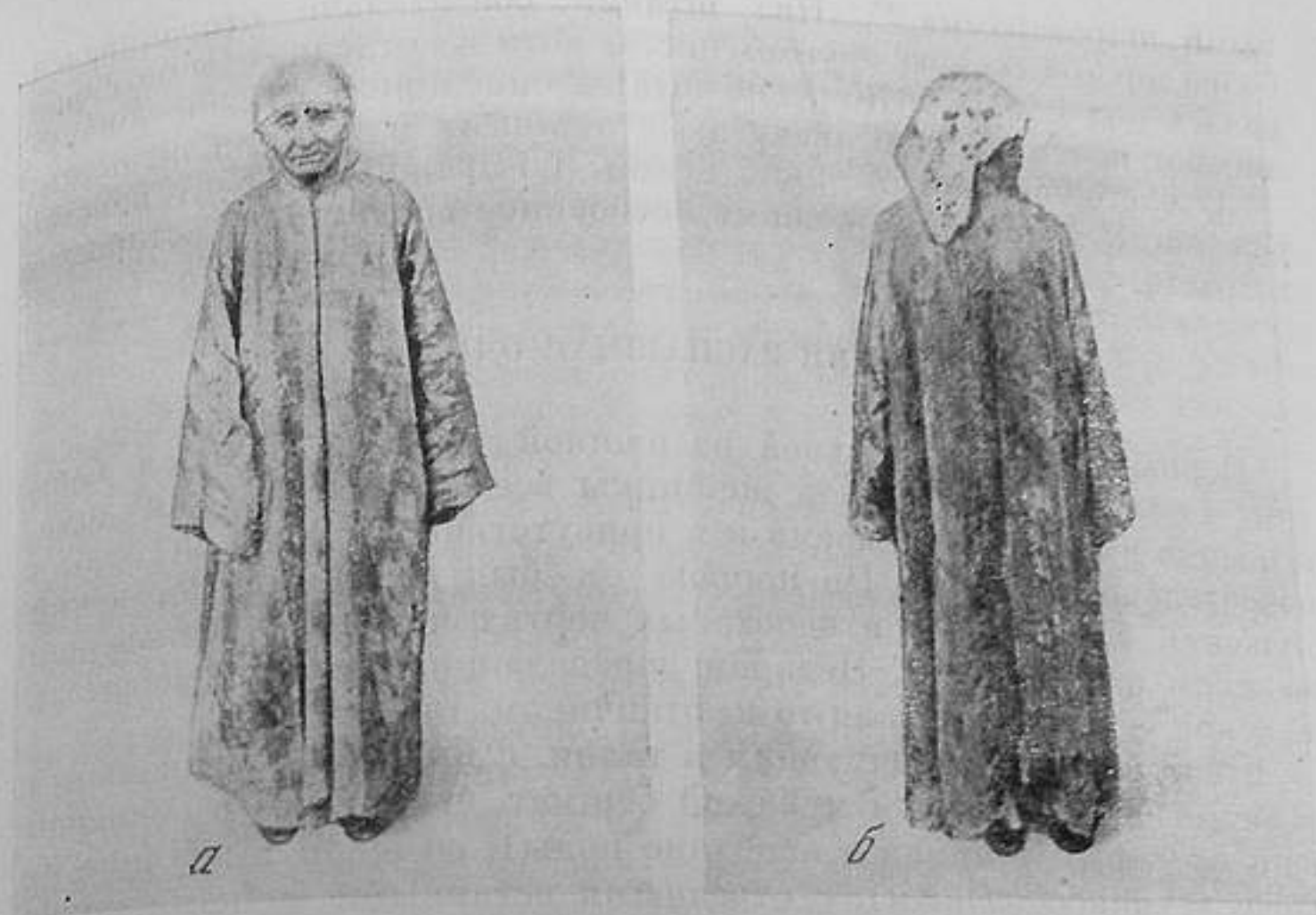
О платье-рубаше такого покроя автор конца XIX в. Г. Малявкин писал, что у ногайской женщины «длинная рубаша просторного покроя, с широкими рукавами, большей частью красная, обыкновенно из кумача»¹⁰⁰.

В летнее время женщины среднего и старшего возрастов в домашней обстановке носили обычно одну рубаху-платье навыпуск, подпоясывая ее узким вязаным поясом или платком, сложенным по диагонали. Однако ходить в таком виде в общественные места не полагалось. Девушки и молодые женщины одевались иначе. Г. Малявкин в связи с этим писал: «Молодые женщины и девушки всегда одеты во все свои одежды; обычай не допускает, чтобы девушка или молодая женщина ходила в одной рубашке»¹⁰¹.

Штаны — *ыстан* — по типу могут быть отнесены к так называемым штанам с широким шагом. Их шили узкими у щиколоток — *балакъ* и довольно широкими в верхней части, они имели вставку в виде ромба или, чаще, широкой полосы между штанинами, не-

¹⁰⁰ Г. Малявкин. Указ. соч., стр. 151.

¹⁰¹ Там же.

Женщина в платье-рубаше
а — вид спереди; б — вид сзади

редко доходящую до верхнего края штанов. У пояса верхняя часть штанов закладывалась в широкий рубец, в который продевали шнур или тесьму из шерстяных, хлопчатобумажных ниток — *ыстанбау*, *ышкъыр*.

Согласно сообщению Г. Малявкина, у караногайских женщин штаны внизу собирались в сборки. Он писал, в частности, что у них «штаны из ситца», восточного покроя, т. е. широкие, а по выше ступни «стягивающиеся шнуром»¹⁰².

Штаны такого покроя не сохранились не только в быту, но и в памяти народа. Возможно, что некоторые женщины из ногайской феодальной верхушки или вышедшие замуж за местных ногайцев крымские татарки, туркменки носили штаны на турецкий манер и их имел в виду автор.

Обычно штаны шили из той же ткани, что и рубаху-платье. Существовала традиция изготавливать их из двух различных по качеству кусков ткани — верхнюю часть из простых, нижнюю — из более нарядных дорогих тканей — тафты, бархата, набивного шелка. В обычной же обстановке подавляющее большинство ногайских женщин пользовалось ситцевыми штанами, либо, как отмечали исследователи XIX в., «полосатыми или узорчатыми ситце-

¹⁰² Там же, стр. 151.

выми шароварами»¹⁰³. Низ штанин обязательно оторачивался более дорогой тканью другого цвета, хотя эта отделка обычно скрывалась под платьем. Женские штаны описанного покроя обнаруживают почти полную аналогию с нижними мужскими штанами. В настоящее время такие штаны по-прежнему носит некоторая часть ногайских женщин, особенно среднего и старшего возраста.

ВЕРХНЯЯ РАСПАШНАЯ ОДЕЖДА

Основным видом верхней распашной одежды являлся бешмет — *къаптал*. Его носили женщины всех возрастов как дома, особенно в прохладное время и в присутствии посторонних, так и обязательно на улице. По покрою он был сходен с ногайским мужским бешметом, а в некоторых чертах и с северокавказским женским кафтанчиком. Недаром дореволюционные исследователи женский бешмет называли то кафтанчиком, то зипуном.

Шили бешмет прилегающим в талии, с прямым вертикальным разрезом спереди; как и мужской бешмет, его делали в основном цельнокроеным (спинка и передние полы), со швом и без шва на плече (туникообразным), с отрезными вставными бочками, ниже талии расклешенным за счет расширявшихся книзу клиньев, идущих от линии талии. Из десяти полос и клиньев, которые обычно имел бешмет от лифа вниз, четыре были вшивными, прямоугольной формы, три — скроенными вместе с верхней частью, а два небольших клина треугольной формы пришивались спереди к нижней части полы, образуя «косой запах».

В отличие от мужского бешмета, клинья женского только сзади образовывали небольшие фалды, по бокам они лежали ровно. Боковые швы бешмета делались немного смещенными назад: в обоих швах, ниже талии, многие женщины оставляли разрезы для внутренних карманов. Нередко разрезы оставались также у подола, с боков, как на отдельных образцах халатов народов Азии или на кавказской черкеске.

Бешмет имел прямые вшивные рукава с небольшим окатом у проймы, без ластовиц. В нижней части рукав имел разрез длиной 19—20 см от локтя до кисти руки наподобие откидных рукавов некоторых видов платьев кавказских женщин (кумычек, абхазок, азербайджанок и др.). Рукава шились такой длины, чтобы край откидной части закрывал кисти рук. Во время работы ногайки откидывали вверх и подворачивали ту часть рукава, по которой проходил разрез. Поэтому ее красиво отделявали тканью другого цвета, чаще на яркой подкладке.

Бешмет имел небольшой пришивной воротник-стойку, обычно из ткани темного цвета, на подкладке, простеганный фигурной го-

ризонгальной строчкой. Бешметы шили на подкладке (чаще из пестрого ситца) и простегивали; зимние, особенно для женщин старшего возраста, подбивали ватой или шерстью.

Женский бешмет не запахивался (только иногда полы чуть заходили одна на другую). Спереди он застегивался встык (справа налево) на шаровидные узелковые пуговицы или металлические крючки и петли. Такой бешмет плотно облегал бюст, уплощая грудь, что, очевидно, в прошлом у ногайцев, так же как и у многих других народов Востока, считалось одним из главных признаков женской стройности и красоты. В конце XIX — начале XX в. многие женщины среднего и старшего возраста, а также кормящие молодые матери для удобства часто оставляли незастегнутыми крючки и пуговицы на груди, таким образом из-под бешмета виднелась рубаха. Открытую часть бешмета частично прикрывали лишь серебряные застежки на цепочках и другие украшения.

Девушки, напротив, были обязаны наглухо застегивать грудь бешмета в любой (домашней и парадной) обстановке, что подчеркивало их стройную фигуру.

Бешмет молодой женщины, девушки и детей покрывали узорной стежкой (раньше ручной работы, позднее машинной): спинку лифа — мелкими квадратиками или вертикальными линиями, остальную часть — частой строчкой, причем стан — вертикальными линиями, рукава до локтя — горизонтальными или же елочкой. Ворот, края бортов, полы, низ подола, боковые разрезы, край откидной части рукавов покрывали волнистыми или ровными линиями. Не покрывалась стежкой лишь откидная часть рукавов, и это, видимо, делалось из практических соображений — для удобства подворачивания их во время работы.

Для женщин старшего возраста бешметы простегивали более скромно — редкой двойной строчкой. Многие молодые женщины и девушки из богатых семей края бешмета обшивали самодельным шнуром из золотых и серебряных ниток или готовым галуном.

По покрою, типу украшений, композиции узора женский бешмет напоминает некоторые варианты среднеазиатских и поволжских бешметов или камзолов и особенно — каракалпакские¹⁰⁴.

Бешметы шили разной длины. Судя по сохранившимся в музеях образцам и по фотографиям, в более ранний период ногайки носили бешметы значительно длиннее, нередкоходящие до середины икр; позднее их стали шить короче, длиной до колен или только закрывающими бедра. Соответственно покороче, доходящими до кисти, стали делать и рукава. Размеры современных бешметов для женщины среднего роста примерно таковы: длина — 65—70 см, длина рукава — 51—56 см, ширина в окружности — 45—50 см, высота воротника — 2—2,5 см, общая ширина подола — 130—135 см.

¹⁰³ Н. Дубровин. Указ. соч., стр. 268—269.

¹⁰⁴ Т. А. Жданко. Каракалпаки. «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I, стр. 479—482.

Бешмет из сел. Терекли-Мектеб
а — вид спереди; б — вид сзади

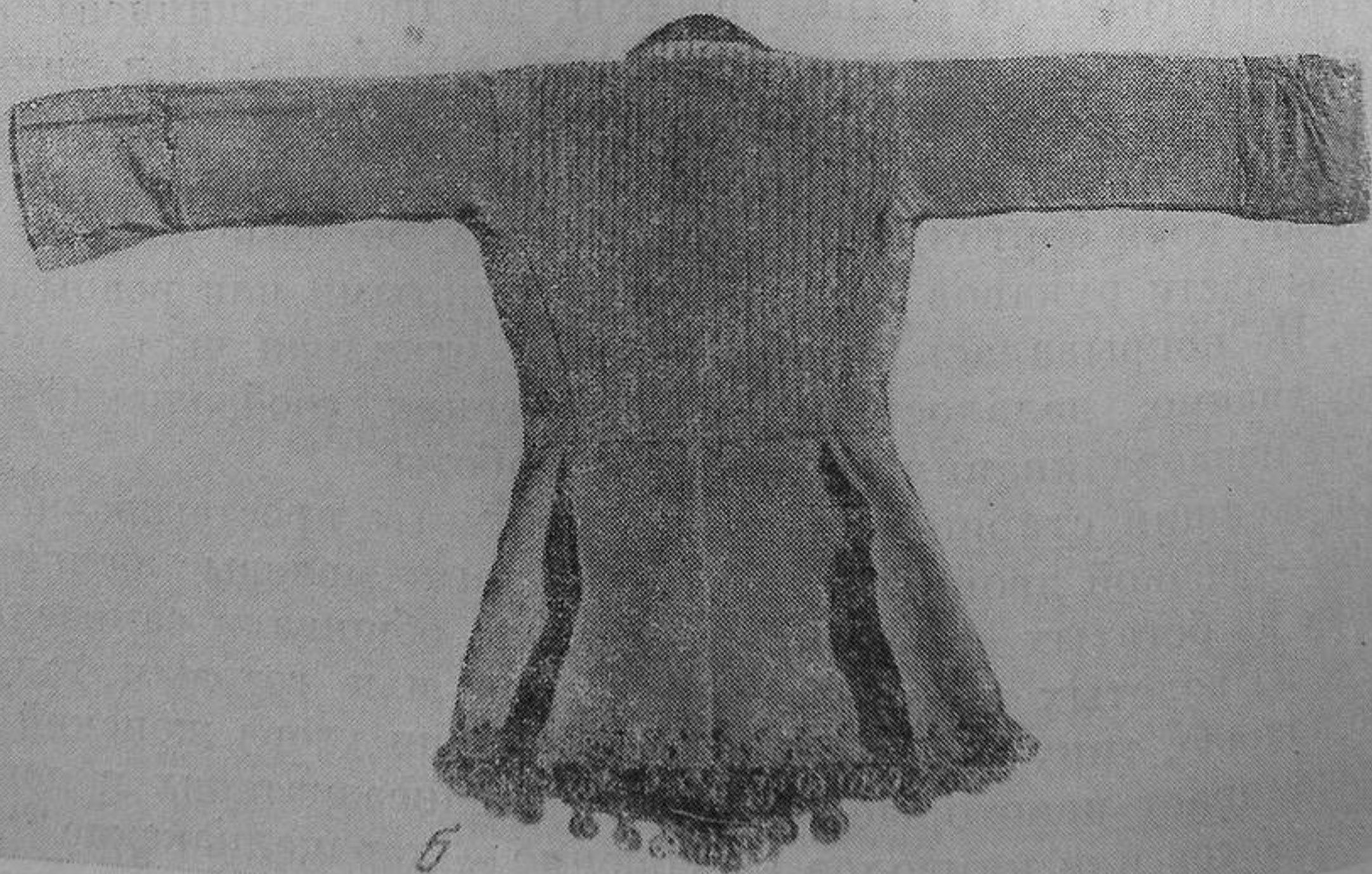
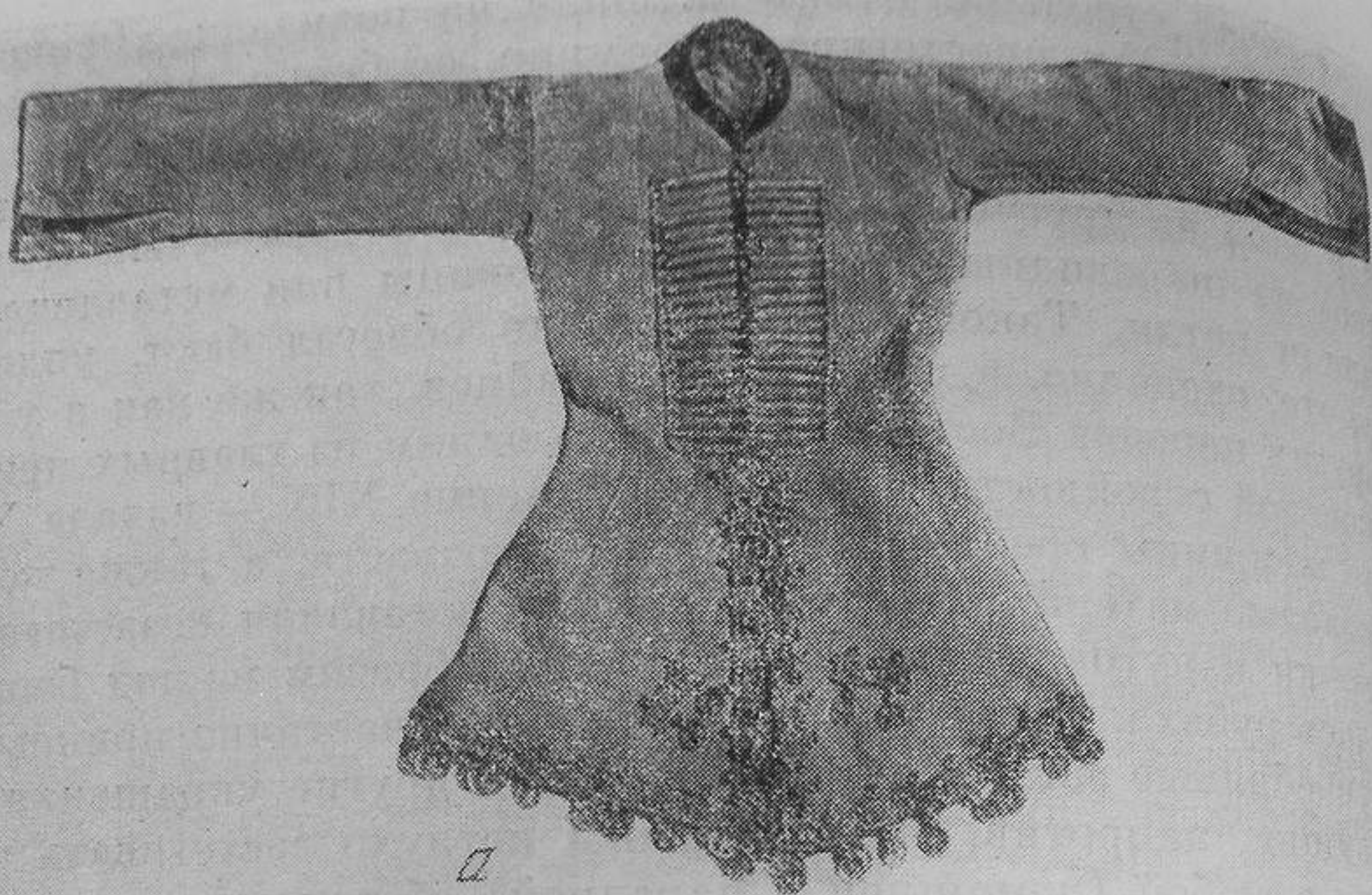
Бешметы шили из разных, обычно плотных тканей, главным образом из однотонного атласа, канауса, сукна. Старые женщины делали их из темных одноцветных тканей. Праздничный нарядный бешмет погайки отличался не только лучшими сортами ткани, но и богатой нашивкой из галуна и ажурной стежкой. Излюбленными цветами погаек для нарядных бешметов были красный, малиновый, зеленый и желтый.

Бешмет из сел. Карагас
1 — вид спереди; 2 — вид сзади

А. Архипов пишет, что у погаек из семей среднего достатка в XIX в. лучшим нарядом считался «кафтан из красного сукна» и что богатые женщины носили «такого же цвета и покроя одежду, но чаще из канауса и других шелковых материй»¹⁰⁵.

¹⁰⁵ А. П. Архипов. Этнографический очерк..., стр. 354.

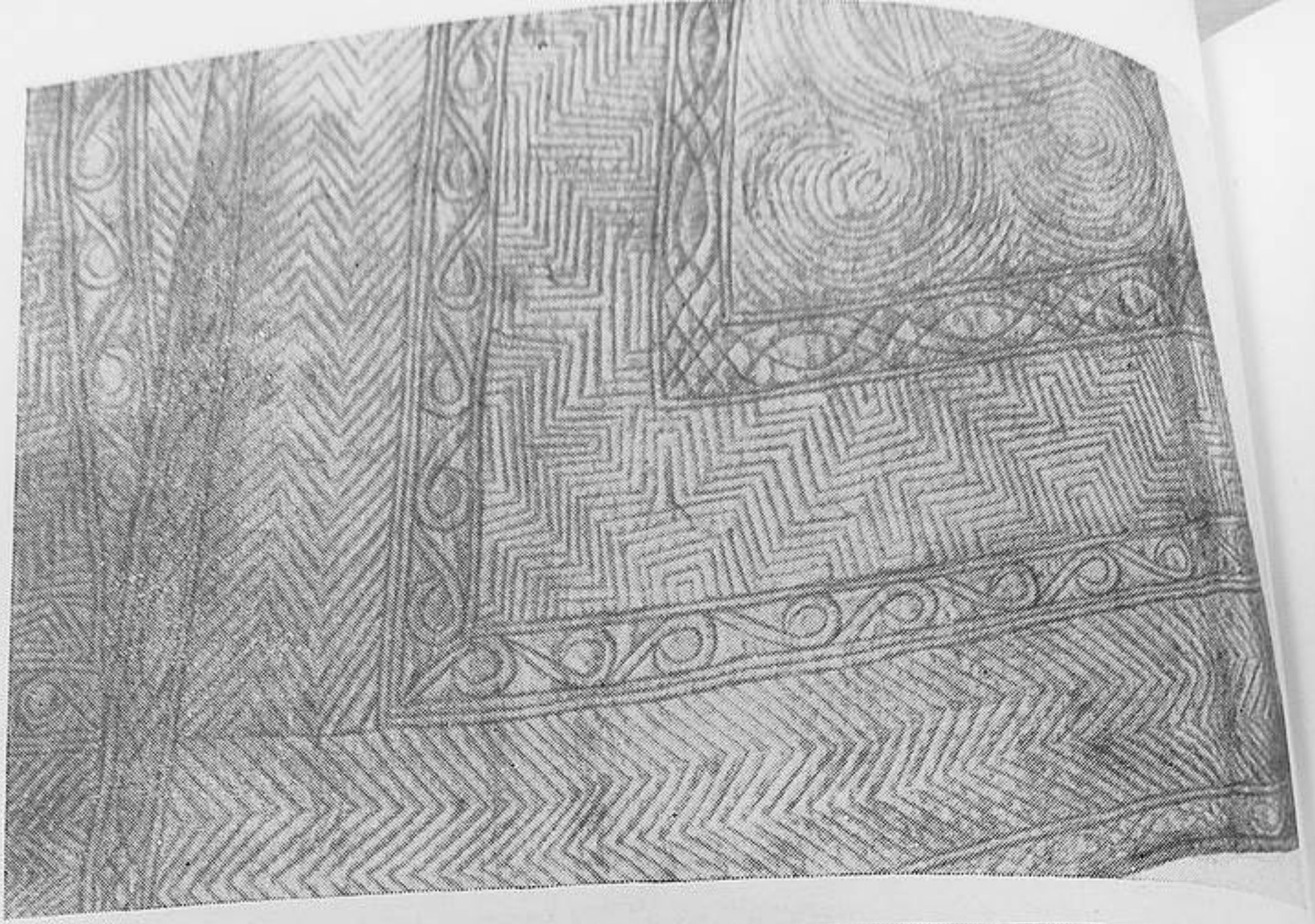
Бешмет из сел. Терекли-Мектеб
а — вид спереди; б — вид сзади

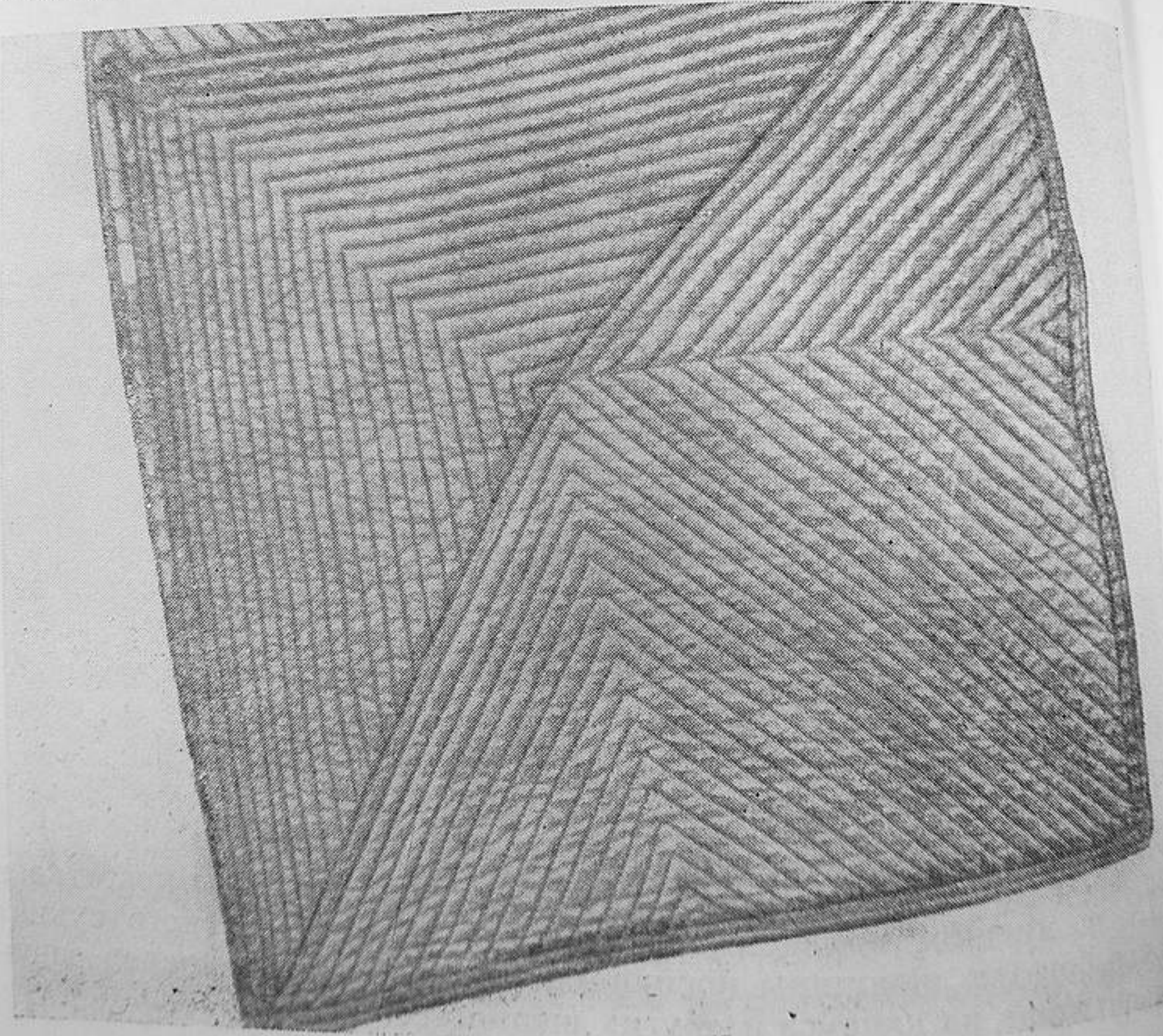
2

Бешмет из сел. Карагас

1 — вид спереди; 2 — вид сзади

Н
ны
груд
раш
та
вал
со
па
ка
га
л
н
н
б

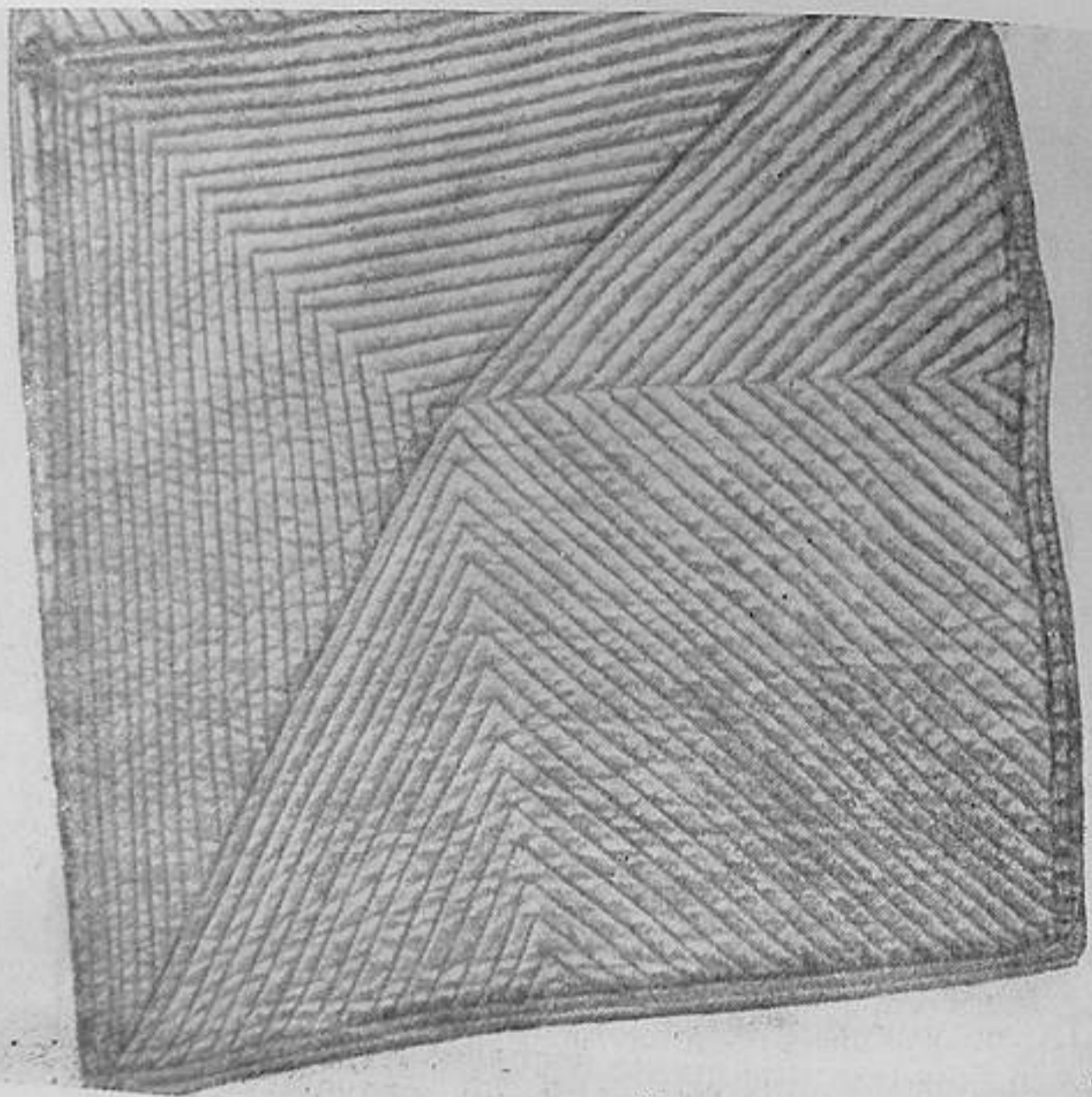
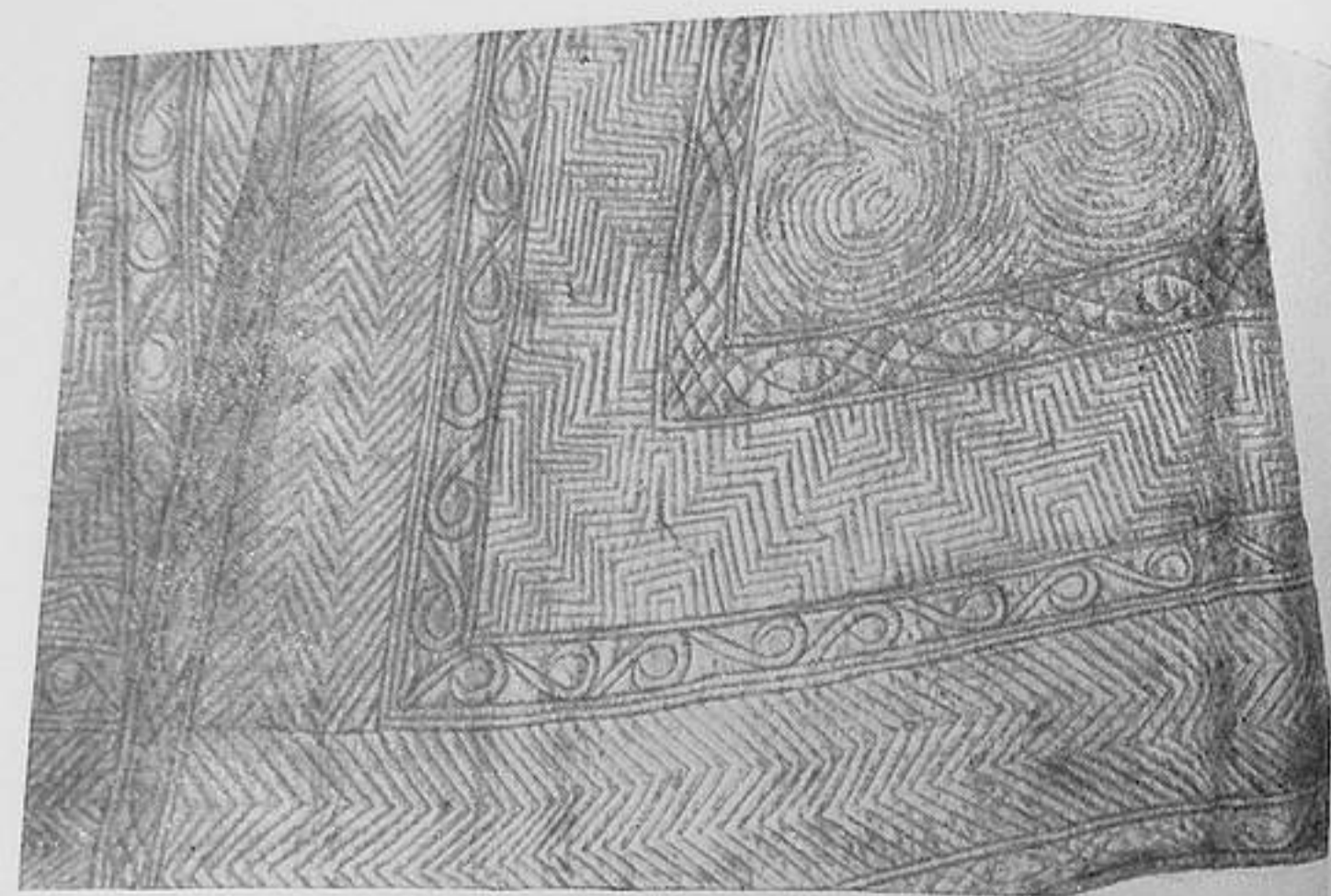

Фрагменты стежки бешмета (ГМЭ)

Вид длинного бешмета,
конец XIX — начало XX в. (ГМЭ)

Фрагменты стежки бешмета (ГМЭ)

Нарядные бешметы женщины всех возрастов носили с нагрудными металлическими украшениями — *тоьс тюйме* или *таста тюйме*, а в талии стягивали их широким кожаным поясом.

Другим видом верхней распашной одежды была безрукавка — *дженгсиз куьрте* (у караногойцев), *къыспа* (у терско-сулакских ногойцев). В XIX — начале XX в. она не имела такого широкого бытования, как бешмет. Ею пользовались главным образом женщины преклонного возраста и дети.

Женские безрукавки по покрою мало отличались от мужских. Шили их в талию, плотно облегающими фигуру, с боковыми разрезами, с накладными или прорезными карманами спереди, ниже талии, в ряде случаев с хлястиком сзади. Длина их доходила до бедер. Ее делали с круглой проймой для рукавов, без воротника, с глубоким треугольным вырезом горловины, со срезанными полами, застегивалась она справа налево на три-четыре пуговицы или ювелирных крючка и прорезные обметные петли либо шаровидные узелковые пуговицы и петли из шнура.

Шили безрукавку из разных, но всегда плотных однотонных тканей, на подкладке. Зимние безрукавки подбивались ватой. Ворот, края полы, подола, пройму обшивали ручной или машинной строчкой.

Как мы уже отмечали выше, женская одежда имела и локальные особенности, появившиеся у отдельных этнографических групп ногойцев под влиянием разного иноэтнического окружения, природно-географических условий зон. Так, в отличие от одежды женщин ряда этнических подразделений ногойцев (ачикулакских, караногойских) ногойки Кумыкской равнины в исследуемое время в качестве верхней одежды в основном носили, так же как и кумычки, длинные распашные платья — *къабалай*, *къангал*, *полша*, надеваемые поверх длинной рубахи, а также (частично) длинные платья-рубахи с отрезной талией — *кыйлек къангал*.

Распашное платье шили длиной до пят, отрезным в талии, с плотно облегающим фигуру лифом и широкой юбкой из пяти-шести обычно расклеванных полотнищ. По талии, преимущественно сзади, на юбке делались мягкие складки или сборка. Пла-

Вид длинного бешмета, конец XIX — начало XX в. (ГМЭ)

Ногайка в нарядном костюме
а — вид спереди; б — вид сзади

тье имело прямые, неширокие, суженные книзу, без манжетов рукава. В ряде случаев нарядные полша делали и с двойными рукавами: нижние поуже и верхние откидные подлиннее (кумыкского типа). Лиф, рукава, низ юбки и полы полши делались на подкладке.

Платье имело спереди глубокий треугольный вырез и застегивалось встык на две-три серебряные застежки на уровне талии. Полы его не имели запаха, поэтому между ними виднелась рубашка, но подол его всегда закрывал более короткую нижнюю рубашку.

По покрою данный вид платья почти ничем не отличается от кумыкского «кьабалая» или полши, которое, кстати, засулакские кумычки, в отличие от остальных, нередко называют кьапталом. Другой вид платья — коьйлек кьаптал, — которое носили под полша, напоминает тип кумыкского «бузма гейлек»¹⁰⁶. Некоторые отличия объясняются, по-видимому, заимствованиями особенностей у других более поздних образцов женских платьев-рубашек.

Шили его длиной до середины икр, с чуть приталенным лифом, отрезным по линии талии, с широкой юбкой из трех-четырех прямых полотнищ, пришиваемых к лифу, заложенных в глубокие складки или собраненных. Платье имело вшивные неширокие ру-

¹⁰⁶ С. Ш. Гаджиева, Указ. соч., стр. 125.

1

а

б

2

а

б

Платья

1 — полша, сел. Тамаза-тубе; 2 — коьйлек кьаптал, сел. Тамаза-тубе; а — вид спереди; б — вид сзади

кава, чаще с манжетами, которые застегивались на одну-две пуговицы или кнопки. Для него характерен круглый вырез горловины, прямой грудной разрез, доходящий до талии. Застегивалось оно справа налево на три-четыре пуговицы и прорезные обметанные петли и имело небольшой запах. По талии в виде пояса нашивалась полоска ткани. Лиф и рукава делали на подкладке.

От собственно ногойского костюма отличается и нарядный костюм кубанских ногоаек, сходный как по покрою, так и отделке с костюмом черкешенок, кабардинок и других женщин северо-западного Кавказа¹⁰⁷.

¹⁰⁷ Е. Н. Студенецкая. Кабардинцы и черкесы. «Народы Кавказа», т. I, М., 1960; она же. Карачаевцы. Там же, стр. 171—173, 258; М. Г. Ауглаев, Е. С. Зевакин. Адыгейцы. Там же, стр. 207—208.

1 а

б

2 а

б

Платья

1 — полша, сел. Тамаза-тюбе; 2 — коьйлек къаптал, сел. Тамаза-тюбе; а — вид снере-
ди; б — вид сзади

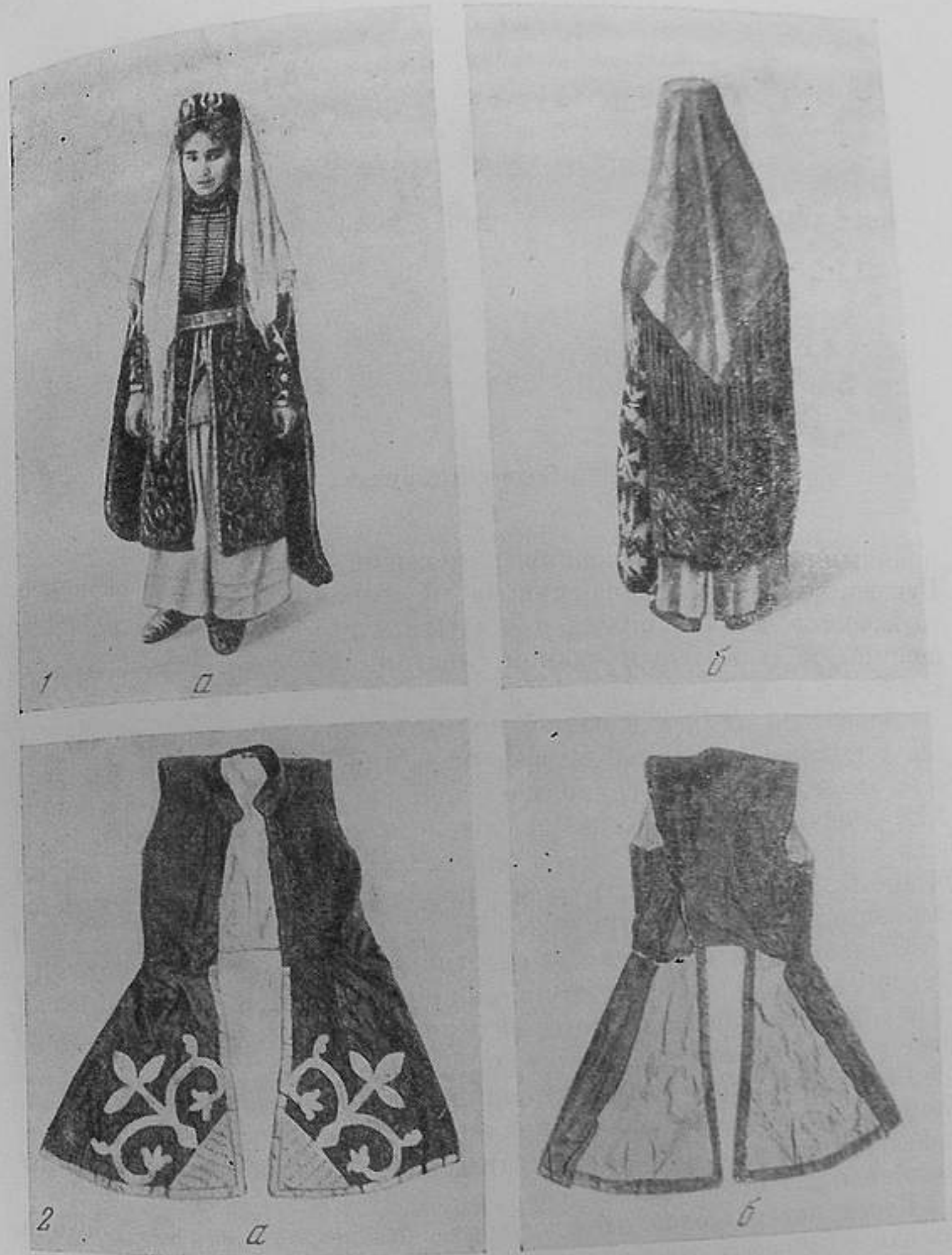
С длинной туникообразной рубахой *кыйлек*, чаще красного или фиолетового цвета, молодая ногайка Кубани носила короткий кафтанчик — *зыбын*, а поверх него — длинное распашное платье — *шыба*. Ногайский *зыбын* по покрою был близок и с горским мужским бешметом, и особенно с ногайским женским бешметом, но был короче, плотно облегал фигуру, имел узкие рукава, невысокий воротник-стойку и застегивался на груди (от воротника до талии) обычно десятью и более парами серебряных застежек ювелирной работы. Кафтанчик украшали галуном, а полы и рукава — еще золотой вышивкой (апликацией).

Однако в конце XIX — начале XX в. нередко эти кафтанчики шили безрукавными, а сзади, до талии, в форме жилета, т. е. без клиньев. Как полагают сами ногайки, это делалось как для удобства ношения и экономии ткани, так и для того, чтобы подчеркнуть стройность фигуры. В этом случае *зыбын* имел отдельные нарукавники — *енгсе*, прикрепляемые к платью при надобности. Одни из них зашивались вдоль, как рукава, другие просто застегивались на шнуровые пуговицы и петли. *Енгсе* нередко покрывали золотым шитьем, обшивали галуном или шнуром. Выше локтя их укрепляли посредством шнуров или пришивали к другому, откидному рукаву верхнего платья. Эти *енгсе* обычно носили с верхним нарядным платьем, которое имело длинные откидные рукава. Платье *шыба* шили также распашным, с узким, плотно облегающим талию лифом и широкой длинной юбкой, с длинными откидными или прямыми рукавами. Однако к нарядному платью, как кабардинки и черкешенки¹⁰⁸, ногайки Кубани нередко прикрепляли ниже плеча длинные (до 30 см) нарукавные подвески — *къапашыкъ*. Подвески эти делались из той же ткани, что и платье (из шелка, бархата), на подкладке, украшались золотым шитьем, обрамлялись галуном. Некоторые виды нарукавников, по мнению ученых, имеют многовековую историю и являются характерным элементом костюма ряда народов Европы и Азии. С. П. Толстов, рассматривая подобный элемент костюма каракалпаков в качестве древнейшего и близкого хорезмской культуре, пишет: «Типичные для каракалпакского женского наряда приставные вышитые нарукавья женсе мы можем видеть на изображении четверорукой хорезмской богини афригидского времени»¹⁰⁹.

Меховые женские шубки — *тон*, *куърте тон*, *зыбын* (у кубанских ногаек) — в исследуемое время не имели широкого распространения. Однако, судя по воспоминаниям представителей старшего поколения, в прошлом они встречались довольно часто. Носили их преимущественно во время работы в поле, на заготовке кизяка, камыша, хвороста и т. д. Шили шубки из подстриженных овчин — *тери тон*, из мерлушек — *эльтир тон*, *кърпе тон*. На

¹⁰⁸ Е. Н. Студенецкая. Кабардинцы и черкесы, стр. 171, 173.

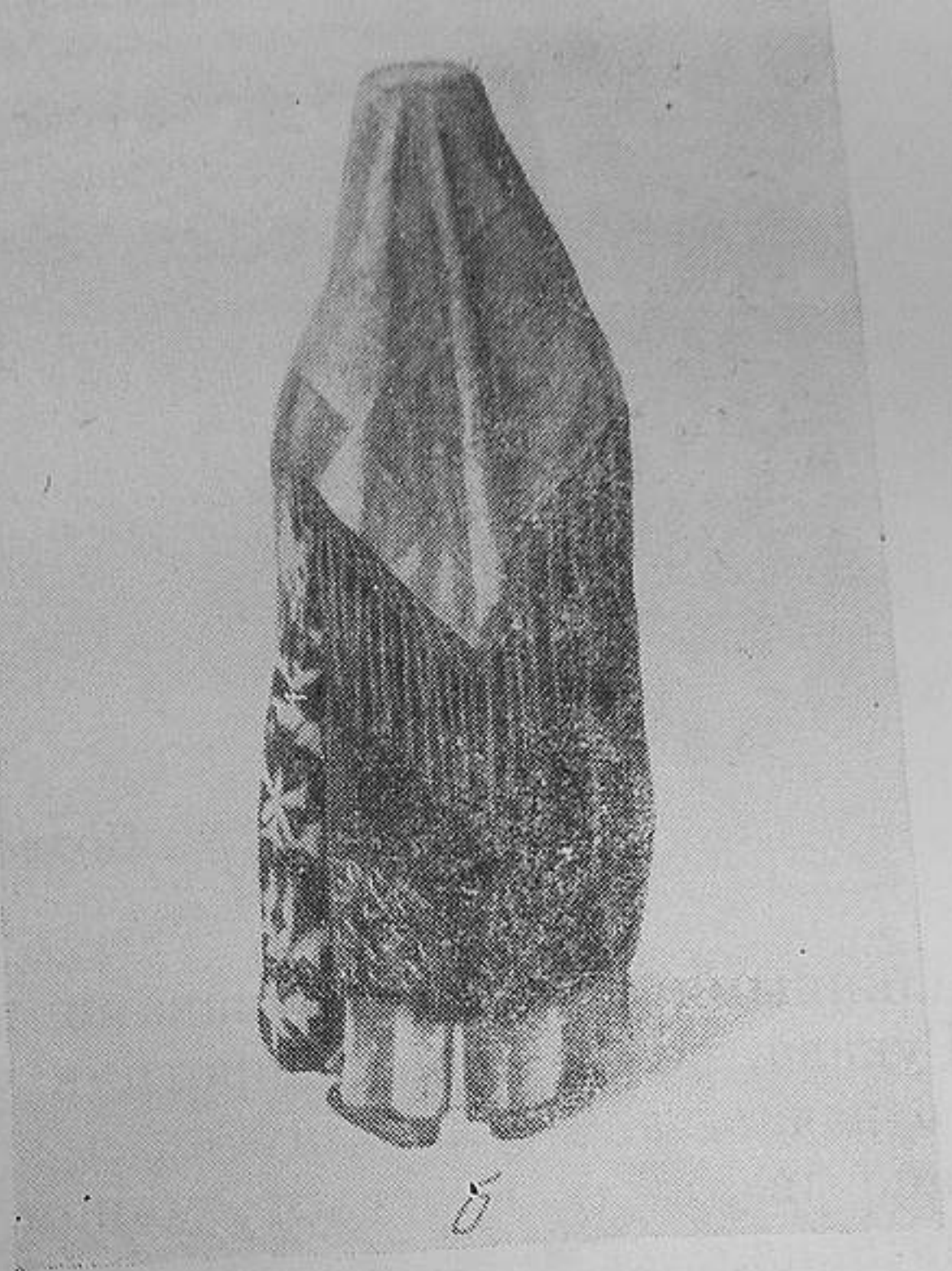
¹⁰⁹ С. П. Толстов. К вопросу о происхождении каракалпакского народа. КСИЭ, вып. II, М., 1947, стр. 72—73.

Кубанская ногайка в традиционном нарядном костюме, сел. Икон-халк (1); безрукавный кафтанчик *зыбын*, надеваемый под нарядное платье *шыба* (2) (кубанские ногайки)

а — вид спереди; б — вид сзади

шубку среднего размера шло пять-шесть овчин или около 30 штук рок маленьких ягнят. Шили их мехом внутрь. Фасон шуб был один и напоминал бешмет. Делались они отрезными по линии талии, длиной чуть ниже колен, приталенными, с неширокими

Кубанская ногойка в традиционном нарядном костюме, сел. Икон-халк (1);
безрукавный кафтанчик зыбын, надеваемый под нарядное платье шыба (2)
(кубанские ногойцы)

а — вид спереди; б — вид сзади

Подвесные рукава (1) и нарукавники (2)

длинными до кисти рукавами и невысоким воротником-стойкой. Рукава, полы, подол, воротник часто оторачивали мехом хорошего качества. Делали шубки и крытыми, и нагольными. Молодые покрывали их красным сукном, постарше — синим, коричневым материалом.

Добротной зимней одеждой пользовались при этом далеко не все ногайские женщины. Шубы, особенно из шкурок ягнят, для всех этнографических групп ногайцев, по крайней мере в конце XIX — начале XX в., были показателем большого достатка. Женщины из бедных семей зимой поверх бешметов надевали старые бешметы, черкески своих мужей, споров предварительно с них газырницы и нагрудные карманы.

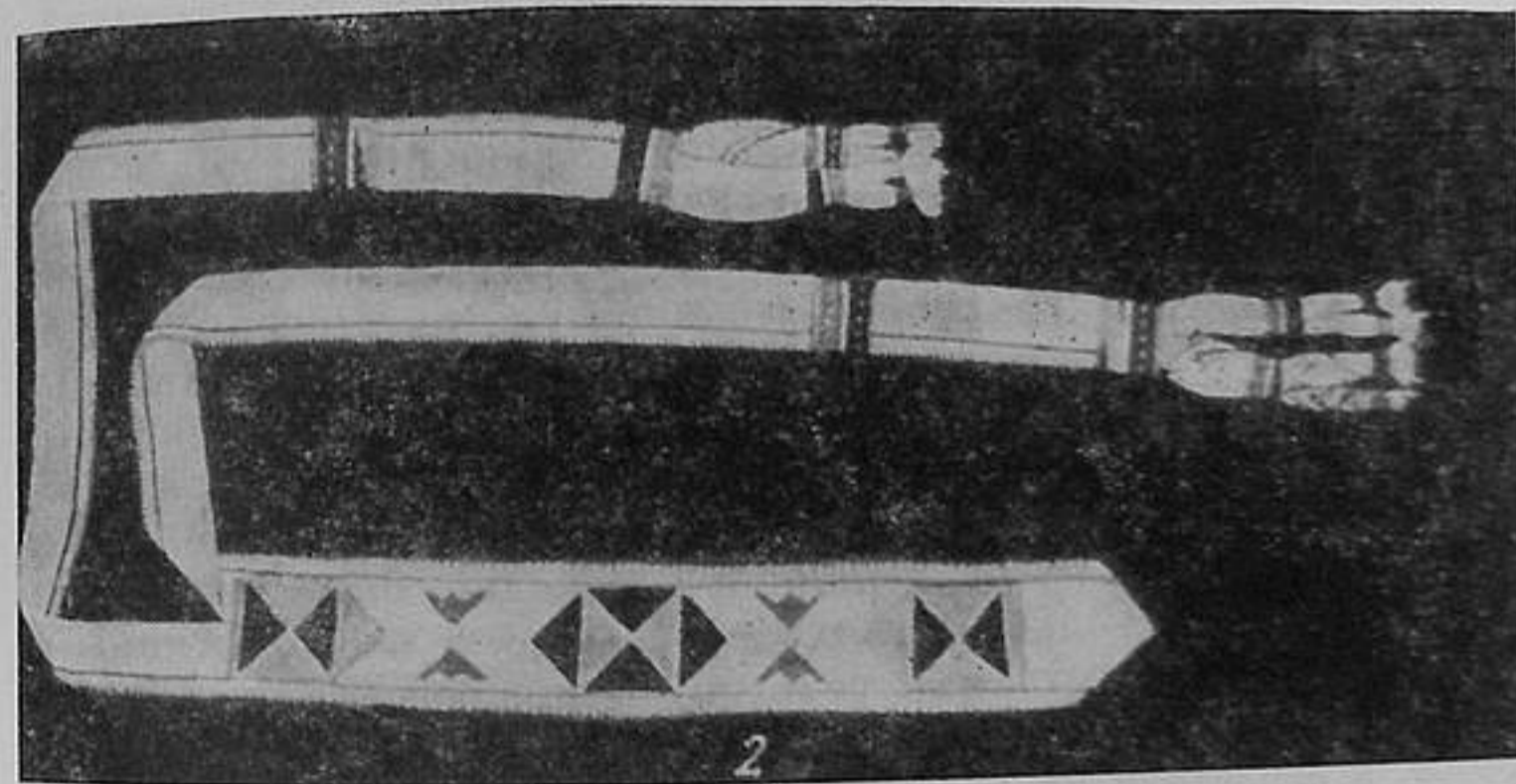
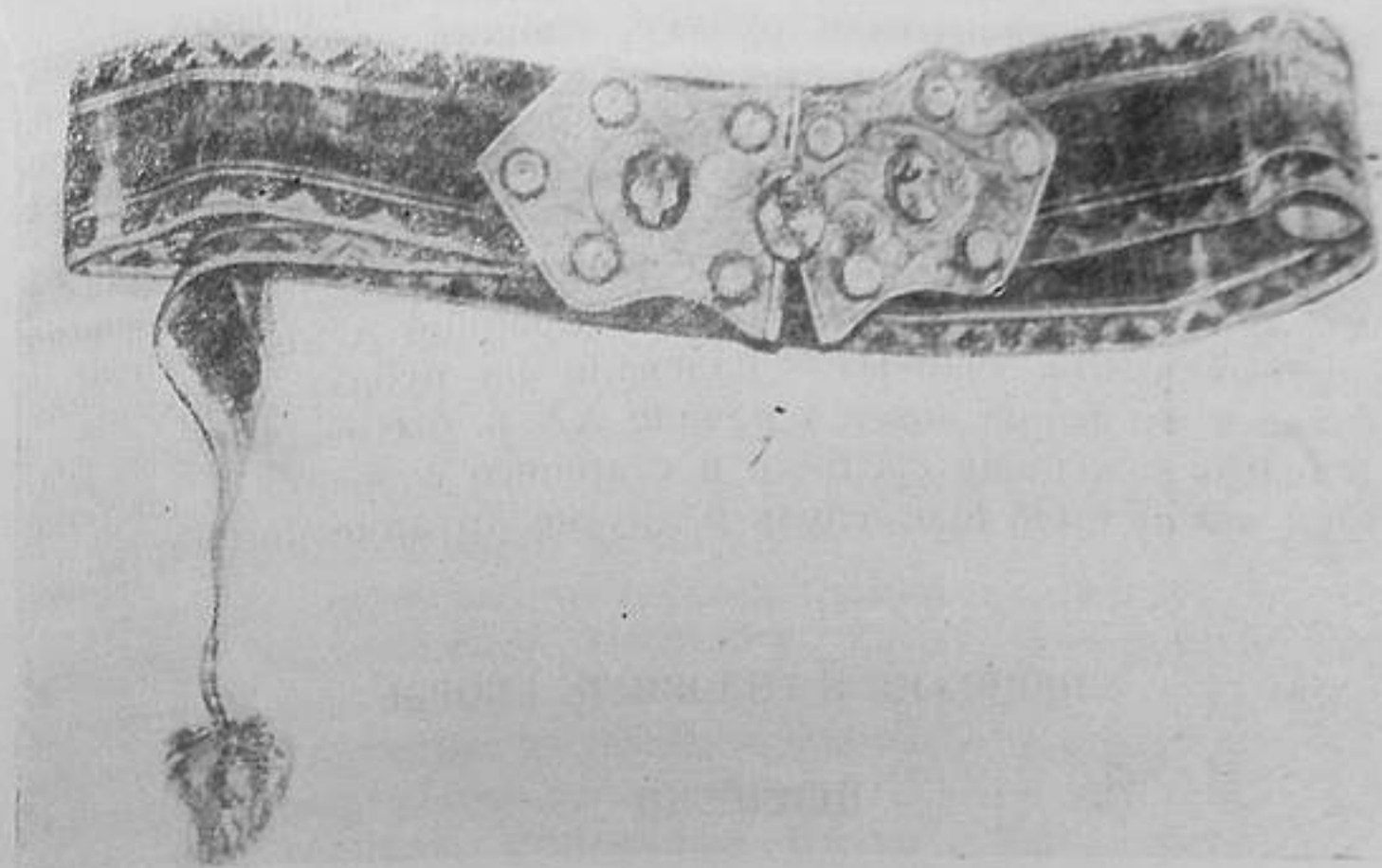
Одежда девочек по покрою не отличалась от одежды взрослых женщин, но шили ее обычно из тканей лучшего качества и более ярких расцветок; кроме того, бешметы их отделывались более частой и мелкой фигурной строчкой.

Еще до рождения детям готовили нарядную одежду: рубашки, безрукавные курточки на подкладке или на вате, тубетейки, пеленочки, платочки. Занимались этим свекровь или мать роженицы (особенно для первенца).

Пояса поверх одежды — *къусакъ белбав*, *явлыкъ* — ногайки носили в основном трех видов: кожаные, тканые и пояса-платки.

Кожаный пояс делали чаще из широкой (4—5 см) полосы красного или черного сафьяна с широкой же и длинной массивной металлической, обычно серебряной, пряжкой, состоящей из двух половин. Богатые женщины носили и пояса, сделанные целиком из серебра. Они состояли из пряжки (застежки) и ряда звеньев-пластинок, соединенных между собой кольцами, и были массивны.

Те и другие пояса носили поверх бешмета, в особенности нарядного, при выходе в общественные места, а невесты — и в до-

Пояса (1, 2) (караногайцы)

машней обстановке. Пояс считался необходимым элементом их повседневного костюма.

Пояс белбав у караногаяек представлял собой узкую шерстяную домотканую полосу, чаще с каймой, с кистями на концах. Его нередко украшали спереди аппликацией из различных ярких тканей. Завязывался он поверх рубахи двойным узлом, концами назад: им подпоясывались главным образом дома во время работы. Носили его обязательно женщины во время беременности, а также 40 дней после родов. Примерный размер пояса 190—198×11 см.

Пояс являлся представлял собой небольшой квадратный платок, которым туго подпоясывали рубаху, сложив его по диагонали. В XIX — начале XX в. им иногда пользовались женщины среднего и старшего возраста при переноске тяжестей, при далеких переходах и т. д., считая, что это облегчает несение груза.

Не отрицая практического значения этого обычая, мы видим в нем и древнюю традицию народа. Он имеет ближайшие аналогии у ряда других народов Азии, особенно Средней Азии, где пояс — квадратный платок «чарчы» — надевали на рубаху мужчины¹¹⁰. У ногайцев эта форма пояса в начале XX в. бытовала очень редко, и только у женщин среднего и старшего возраста, в costume которых можно было проследить и другие архаические черты.

ПРИЧЕСКИ И ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ

ПРИЧЕСКИ

Прически замужних женщин и девушек имели ряд различий. Женщины должны были тщательно прятать волосы под головной убор, оставляя снаружи только пейсы или небольшие локоны — *самай*. Девушкам разрешалось носить, кроме того, челку — *кекел*. Это, очевидно, и имел в виду Р. Эркерт, когда писал, что у ногайских девушек «волосы спереди, по бокам и перед ушами коротко подстрижены»¹¹¹. Однако выйдя замуж, на второй же день после свадьбы молодая должна была запрячь свою челку под головной убор.

Девочки до 5—6 лет летом ходили без головного убора, причём в ряде случаев им брили головы, оставляя только челку. Обычай закрывания волос женщиной, очевидно, был связан с ее подчиненным положением в семье мужа, с ее ролью работницы и жены, а также с некоторыми религиозными представлениями.

Девушки и женщины причесывали волосы гладко, на прямой пробор, и заплетали их в две косы. В концы кос вплетали длинные и широкие полосы материи — *шаибав*. По данным С. Г. Гмелина, ленты у женщин и девушек астраханской группы имели отличительные признаки: девушки носили только ленты с серебряными украшениями, а замужние — шелковые или хлопчатобумажные, без серебра¹¹². Согласно сообщению А. П. Архипова, девушки использовали «белое полотенце, в качестве ленты девушки использовали «белое полотенце, скрученное жгутом»¹¹³, опускавшееся позади едва не до самой земли.

¹¹⁰ «Узбеки». «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I, стр. 296; «Киргизы». «Народы Средней Азии и Казахстана», т. II, стр. 257.
¹¹¹ R. Erckert. Der Kaukasus und seine Völker. Leipzig, 1887, S. 42.
¹¹² С. Г. Гмелин. Указ. соч., стр. 179.
¹¹³ А. П. Архипов. Три отрывка...; он же. Этнографический очерк..., стр. 355.

Головные уборы ногаек были довольно разнообразны. Все традиционные женские и девичьи головные уборы можно условно разбить на три группы: уборы типа шапок, типа мешочков и типа платков.

Меховая шапка — *боьрк* — бытовала в XIX — начале XX в. у караногайцев, а также ногайцев волжского низовья (как убор девушек) и северокрымских степей и т. д. Делали шапку из шкурочек речной выдры, лисы, котика, а в бедных семьях — зайца. Ногайки, жившие на Кубани, и Терско-Сулакской низменности меховые шапки в это время вовсе не носили.

Судя по некоторым образцам, шапки караногайцев были громадными, широкими и высокими, имели форму перевернутого усеченного конуса. По своей форме и величине они несколько напоминают круглые высокие, «длиною в один локоть», расширяющиеся кверху головные уборы татаро-монгольских племен, именуемые «бокка», описанные Плато Карпини и Рубруком¹¹⁴. Примечательно и то, что караногайские женщины еще в конце XIX в. в отдельных случаях на тулью шапки использовали древесную кору (фанерный ободок сита) или картон, на который натягивали мех и ткань.

Шили ногайки свои шапки почти так же, как и мужские: на плотной стеганой подкладке, с глубоким донышком полусферической формы. Сверху донышко покрывалось обычно красным сукном, вельветом или другим плотным материалом.

Тулья и донышко соединялись между собой по нижнему краю шапки точно так же, как и у мужской шапки *кьумукь боьрк*. Но высота донышка женской шапки, по крайней мере в поздних ее образцах, была ниже. Кроме того, мех у женской шапки занимал примерно $\frac{3}{4}$ высоты тульи, так как верхняя часть ее (5—6 см) делалась чаще из черной материи, на вате и для плотности простегивалась. Высота шапки была 24—26 см.

Такого образца шапку имел, очевидно, в виду С. В. Фарфоровский, когда писал: «Оригинальны их головные уборы. Высокая суконная шапка спереди обшивается кундузом, т. е. мехом речной выдры. Верх шапки делается из сукна красного цвета»¹¹⁵.

Носили шапки во все времена года, обычно низко надвинув на лоб.

Девичьи шапки делались с ярко-красным донышком, на которое нашивали крест-накрест галун или, как отмечал А. П. Архипов, ленту «из литого серебра... с серебряной маковкой на самой верхушке»¹¹⁶. Относительно кундровских ногайцев П. Небольсин

¹¹⁴ «Путешествия в восточные страны...», стр. 27, 100.

¹¹⁵ С. В. Фарфоровский. Народное образование у ногайцев Северного Кавказа в связи с их современным бытом. ЖМНП, 1909, ч. 24, № 12, стр. 203.

¹¹⁶ А. П. Архипов. Три отрывка...

Шапки девичьи

1 — караногайская меховая шапка (ГМЭ); 2 — шапочка из ткани, украшенная аппликацией (кубанские ногайцы)

писал, что здесь «шапки девочек похожи на мужские летние шапки, только поминиатурнее их; верх обшивается бархатом или шелковой материею, а околыш — лисьим мехом. Из-под этих шапок девушки выпускают поверх бешмета косы, обрамляемые на концах серебряными и медными привесками. У женщин волосы подбираются под шапку»¹¹⁷.

Однако в конце XIX — начале XX в. меховые шапки у ногайцев бытуют уже реже, а в караногайской степи сохраняются в качестве головного убора только замужней женщины.

Наряду с меховыми шапочками у ногайцев бытовали высокие и низкие шапочки из тканей (бархата, сукна, вельвета) и галунов, которые носили главным образом молодые женщины и девушки. Такие шапочки имели несколько видов.

Тюбетейка — *такъья* — перестала бытовать здесь, очевидно, во второй половине XIX в. Точно судить о ее форме трудно. Но по отрывочным сведениям старых ногаек она представляла собой неглубокую шапочку, имела в основе полусферическую форму, делалась из яркой, чаще красной плотной ткани, на подкладке или на вате. Иногда тахия укреплялась на голове при помощи небольших лент, которые застегивали или завязывали под подбородком. Однако, судя по данным путешественников более раннего периода, у ногайских женщин в прошлом бытовали и островерхие племенидные шапочки. Такой убор, в частности, изобразил А. Олеарий на рисунке астраханской ногайки¹¹⁸.

Тахия была, по-видимому, чисто девичьим головным убором. Об этом свидетельствует сохранившееся до недавнего времени народное выражение: «Бир атаны тахиялы къызы да тастарлы къы-

зы да болгъан» («У одного отца была дочь в тахия и дочь в тастаре»), т. е. были две дочери: девушка и замужняя¹¹⁹. Сосватанную девушку называли «башына тастар туышкоын» (накинувшая на голову тюль, белый платок).

Ал тахия кис боьркинъ
Яркырайды басынъда
Кобгершиндей коьзелим,
Абруьв эдинъ ясынъда,

Алая девичья тахия
Блестела на твоей голове,
Любимая моя, подобно голубке
Была та в юности,

говорится в сказании «Карайдар и Кызыл-Гуьл»¹²⁰.

Тахию носили девочки с 9—10 лет, и когда девочка подрастала, о ней говорили: «Тахия ли къыз болгъан» (повзрослела).

Думается, что ногайская девичья тахия, о которой мы имеем далеко не полное представление, была в своей основе близка к некоторым образцам девичьих головных уборов у туркмен¹²¹, татар¹²², чувашей¹²³, башкир и других тюркских народов. Она известна у них под названием «такия», «такие», «тухье», «тепелик» (у турок), «такъя» (у удмуртов)¹²⁴. Некоторые из них, судя по описаниям, напоминали старинные воинские шлемы с шишаком или без него.

Другой вид шапочки — *теке боьрк* (буквально козлиная шапка) — высокий головной убор невесты или молодухи. Уже в XIX — начале XX в. этот старинный убор встречается редко. В настоящее время он не сохранился даже в качестве музейного экспоната. Его можно описать лишь по сохранившимся семейным фотографиям и отрывочным сведениям информаторов.

Эта шапочка состояла из конусообразного каркаса, сделанного из древесной коры, картона или холста, высотой до 50—60 см, обтянутого сверху красным, бордовым, синим бархатом или сукном, с двумя свисающими от висков до груди широкими лентами на подкладке. Укреплялась на голове она особым образом¹²⁵.

Вышивали шапочку гладью или традиционным способом, золотыми, серебряными нитками, а в ряде случаев украшали аппликацией. Наиболее распространенным мотивом традиционного орнамента на этом уборе является изображение стилизованных голов или рогов животных, особенно коз (отсюда и название),

¹¹⁹ Записано в 1965 г. у Эсней Аракчиевой (1885 г. р.) в сел. Терекли-Мектеб Ногайского района.

¹²⁰ «Авыл поэзиясы». Сост. А. Джанибеков. Пятигорск, 1936.

¹²¹ Г. П. Васильева. Туркмены-нохурли, стр. 174 (рис. «а»); «Туркмены».

«Народы Средней Азии и Казахстана», т. II, стр. 34.

¹²² Н. И. Воробьев. Указ. соч., стр. 280.

¹²³ «Чуваши. Этнографические исследования». Чебоксары, 1956, стр. 307.

¹²⁴ В. Н. Белицер. Народная одежда удмуртов. «Труды Ин-та этнографии», т. X. М., 1951, стр. 58.

¹²⁵ П. И. Ковалевский. Кавказ, т. I. СПб., 1914, стр. 177.

¹¹⁷ П. Небольсин. Указ. соч., стр. 99.

¹¹⁸ А. Олеарий. Указ. соч., стр. 404.

Ногайки в традиционных головных уборах

1 — шапочка теке-боьрк; 2 — высокая галунная шапочка окъа-боьрк

что, очевидно, является отражением древнего культа животных. Самым популярным был рисунок *къошкъар муюз* (бараньи рога). Вышивкой богато украшались и ленты шапочки.

По нижнему краю шапочки нашивали украшения из серебряных цепочек или кораллов с мелкими бляхами на концах или густую короткую бахрому из золотых или серебряных ниток.

В богатых семьях к шапочке (спереди) прикрепляли инкрустированные цветными камнями бляхи и медальоны, большие сердоликовые камни в серебряной оправе. От висков, поверх вышитых лент, свисали связки коралловых, стеклянных бус, бисер.

На второй день после свадьбы все серебро, так же как и многие другие свадебные украшения, с шапочки невесты снимали и посылали свекрови на блюде в качестве дара. Это означало, что молодая хозяйка вступила в роль работницы и должна браться за дело, засучив рукава.

Весь комплекс пришиваемых к шапочке украшений назывался у ногайцев *бастырман маржан*. С распространением новой моды, что несомненно происходило под влиянием народов Северного Кавказа, с шапочки постепенно исчезали украшения, уступая место золотому шитью.

Этот старинный головной убор ногаек очень сходен по форме и по назначению с головным убором казашек и каракалпачек, известным под названием

«саукеле»¹²⁶. Однако в отличие от казахского ногайский свадебный головной убор, судя по его поздним образцам, содержал меньше металлических украшений. Кроме того, он несомненно являлся головным убором преимущественно зажиточных слоев населения. Возникает вопрос, не связан ли этот головной убор генетически с головным убором, описанным некоторыми авторами в более ранний период. Так, судя по описанию П. Небольсина, ногайские женщины низовьев Волги носили высокие шапки цилиндрической формы, чуть суженные в верхней части, «обложенные фольгой и снаружи, сверх фольги, обшитые серебряными и даже золотыми монетами; около лба тоже навешивались монеты и в несколько рядов»¹²⁷. Согласно сведениям А. Олеария и Я. Стрейса, у ногайских женщин бытовали и какие-то складчатые круглые шапки, заостряющиеся кверху, вроде каски, которые были «увешаны русскими копейками»¹²⁸. Шапку, правда типа шлема, А. Олеарий изобразил и на рисунке ногайки¹²⁹. Трудно теперь судить о различии и сходстве старинных головных уборов, ныне исчезнувших. Возможно, что все они представляют собой варианты одного и того же типа, претерпевшего со временем ряд существенных изменений.

Ногайские женщины, особенно прикубанские и частично ачикулакские, носили также круглые шапочки разной высоты, с острым или полусферическим верхом, близкие к шапочкам женщин северо-западного Кавказа¹³⁰. Здесь они были известны в основном под названием *окъа боьрк* (золотая или галунная шапочка).

Все эти нарядные шапочки высокие и низкие, в ряде случаев напоминающие шлемы, покрывали узорной строчкой или вышивкой (особенно свадебные) с традиционными орнаментами *къошкъар муюз* (бараньи рога), *къуман бав* (ручка кувшинчика), *къулун туякъ* (копыта жеребенка) и т. д. Многие девушки из состоятельных семей нашивали на шапочки также серебряные украшения, состоящие из мелких и крупных монет (русских, персидских, турецких и др.). Макушка шапочек невест в ряде случаев имела серебряные купола — *къумлама* — в виде полушария, нередко с небольшим четырехгранным пишаком на вершине купола, к которым прикрепляли платок. В таком случае их в ряде мест называли *тах боьрк* (шапка-корона).

Особенно ценились женщинами шапочки *окъа боьрк* на кожаной или другой жесткой подкладке (на картоне, сафьяне, просте-

¹²⁶ С. А. Токарев. Этнография народов СССР. М., 1958, стр. 382; «Казахи». «Народы Средней Азии и Казахстана», т. II, стр. 424; «Каракалпаки». Там же, т. I, стр. 483—485.

¹²⁷ П. Небольсин. Указ. соч., стр. 99.

¹²⁸ А. Олеарий. Указ. соч., стр. 404—405; см. также: Я. Я. Стрейс. Указ. соч., стр. 196.

¹²⁹ А. Олеарий. Указ. соч., стр. 405.

¹³⁰ П. И. Ковалевский. Указ. соч., т. I, стр. 43, 45, 90—91, 176; Е. Н. Студенецкая. Кабардинцы и черкесы, стр. 171—173; «Адыгейский народный орнамент». Сост. Мин-Кутас Азаматова. Майкоп, 1960, рис. 20—27.

ганной на вате материи). Обычно их делали из широких галунов (самодельных или покупных), аккуратно пришивая их друг к другу встык в шесть — восемь рядов в зависимости от высоты тульи. Из всевозможных вариантов этого вида шапочек у ногайцев наиболее распространены были шапочки с полусферическим верхом, из двух-трех полос галунов, между которыми оставались отверстия. Делали шапочки и наглухо закрытыми, с более высоким верхом. Те и другие имели шишечку в виде пуговицы из золотых, серебряных ниток, прикрепляемую на макушку, к которой особым образом крепились тонкий тюлевый или газонный платок, косынка или шарф.

Наибольшее распространение имели невысокие матерчатые шапочки с плоским верхом — *кърым боърк*. Их изготавливали из бархата разного цвета, чаще красного, и из сукна на плотной подкладке. Украшались они золотой вышивкой — *окъа биелей* и галуном. Орнаментировалось при этом донышко шапочки, особенно его центральная часть, на которую пришивали шнур из золотой канители с кисточкой на конце, свисавшей обычно на грудь с правого плеча.

Как показывает само их название, они вначале завозились из Крыма. М. Пейсонель свидетельствовал, что шапочки-колпачки, или, как их называл сам автор, *тарочес*, привозили ногайцам из Константинополя. Очевидно, *окъа боърк* и *кърым боърк* постепенно вытесняли более старинные высокие шапки. По словам М. Пейсонеля, их много покупали крымские ногайцы и «весьма большое количество» отправляли «потом в Тамань и Черкесию». Он отмечает, что «ежегодно расходуется этих колпачков от 150 до 200 тысяч»¹³¹. Первоначальная форма колпачков неизвестна, так как они не сохранились. Можно говорить только о поздних образцах, проникших из Крыма.

Были, конечно, и другие разновидности шапок и украшений, как общераспространенные, так и локальные. По сведениям наших информаторов, у ряда групп ногайцев в исследуемое время бытовал еще *силяуш*¹³², или *бастырман*, — род чепчика, носимого под меховой шапкой. В одних аулах *силяуш* считался нарядным головным убором невесты. Его покрывали здесь всевозможными

¹³¹ М. Пейсонель. Указ. соч., стр. 11.

¹³² Обращает на себя внимание распространение головного убора под таким же названием у тухмен Северного Кавказа («селауч») из красного сукна. По описанию П. Небольсина, «это небольшой, закругленный со всех сторон лоскут красного сукна, вышитый разноцветными шелками... отороченный желтым или синим сукном или полосой меха и, посредством подшитых к нему цветных тесемок, подвязываемый у подбородка» (П. Небольсин. Указ. соч., стр. 145—146). Под названием «сылавыц» известен головной убор и у некоторых других тюркоязычных народов нашей страны, в частности у татар-мишарей (Р. Г. Мухамедова. Сибирско-Алтайские аналогии в культуре татар-мишарей. Тезисы докладов на всесоюзной научной сессии, посвященной итогам полевых археологических и этнографических исследований 1970 г. Тбилиси, 1971, стр. 67).

украшениями (серебряными монетами, бляхами, кораллами, бирюзовыми и т. д.). От височной части убора с двух сторон спускались длинные тесемки, серебряные подвески. В других селе-ниях его носили только пожилые женщины под меховой шапкой, и поэтому он не имел украшений. Шили *силяуш* из разноцветных кусков ситца, сукна, на подкладке; завязывался он на затылке при помощи лямок, пришитых к обоим концам.

В этой связи большой интерес представляют сообщаемые Р. Эркертом сведения об одном из видов головного убора женщины. В работе «Кавказ и его народы» он описывает головной убор молодой женщины из ногайского аула Исса-Хаджи, называя этот убор особым рода шапочкой или чепцом. Он пишет, что этот убор, шапочка или чепец, спереди по нижнему краю имеет от одного уха до другого оторочку из пестрой ленты, на которую нашита лобовая бахрома из тонких серебряных нитей, в форме спирали; далее располагается поперечная полоса, которая расширена конским волосом и серебром; следующая полоса состоит из маленьких круглых серебряных бляшек; затем следует маленькая четырехугольная серебряная бляшка и круглые пуговицы. Посередине находится бляха, украшенная стеклом и разноцветным камнем. У ушей, где кончается лобовая бахрома, закреплены по две кисти длиной до 5 см, одна состоит из бисера (бус), а другая — из серебра, с четырьмя маленькими колокольчиками¹³³.

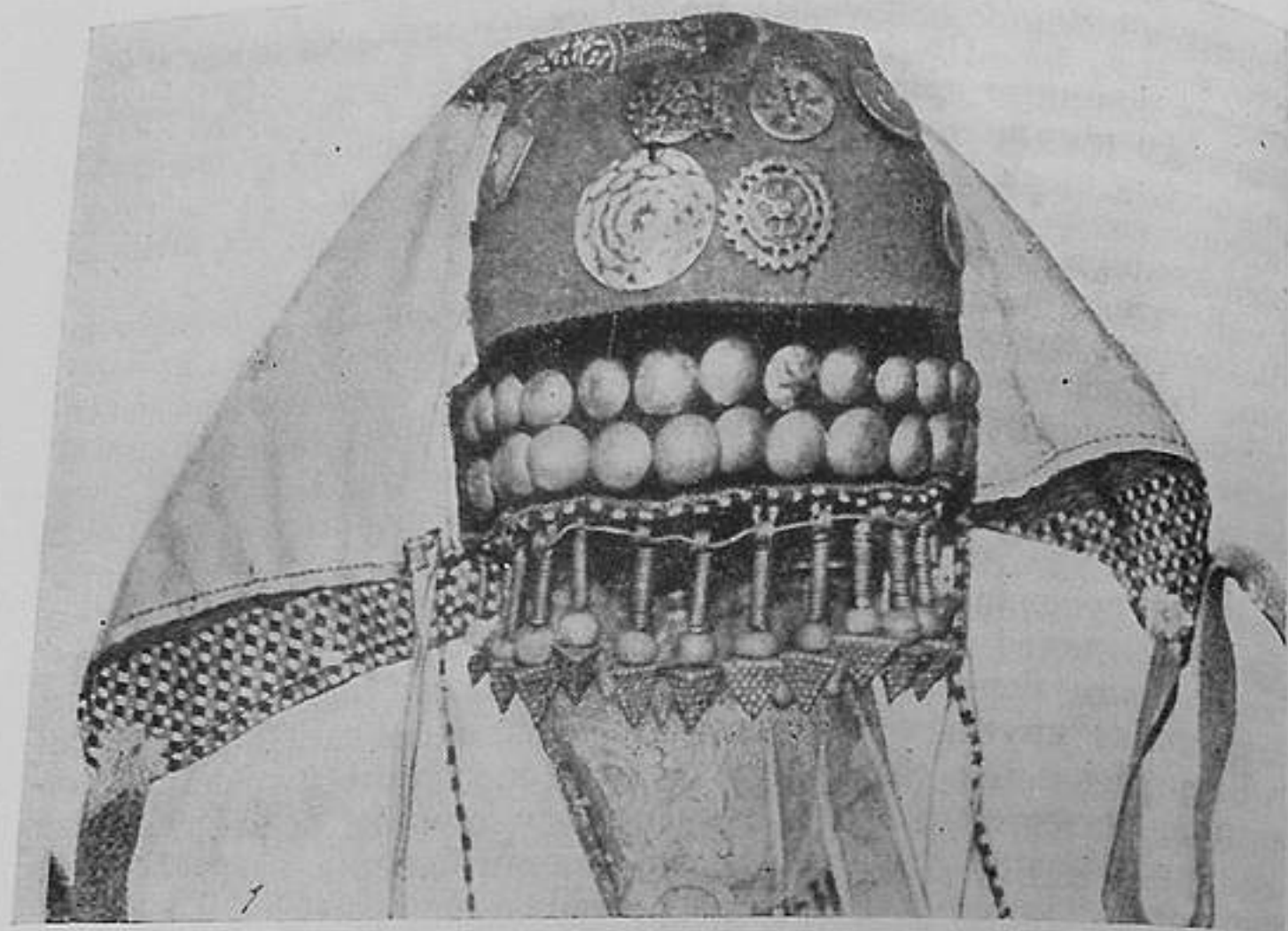
Заслуживают внимания сведения Р. Эркерта и о головном уборе молодой девушки до вступления в брак, из того же аула Исса-Хаджи. Он пишет, что у девушки «на туго облегающем головном платке нашиты в форме треугольника в семь рядов серебряные монеты»¹³⁴. Нам думается, что в том и другом случае мы имеем дело с головным убором *силяуш*, который, как подтверждает полевой материал, был в одном случае в виде чепчика, в другом — косынки. У ногаек Терско-Сулакской низменности в конце XIX — начале XX в. *силяуш* называлась косынка с украшениями, которую носили под шапкой¹³⁵. Позднее вместо *силяуша-косынки* или *силяуша-шапочки* невесты стали носить на лобную повязку — широкую ленту, на которую нашивали украшения, использовавшиеся ранее на шапочке. Обычно это были подвески из кораллов, блях и монет, закрывавшие лоб и частично глаза. Такая лента также называлась *быстырман маржан*.

Шуткъу был исключительно узко-локальным нижним головным убором ногаек Терско-Сулакской низменности. Шили его в виде мешочка из куска черного атласа, сатина, бязи, цветного кашемира длиной 80—90 см и шириной 60—70 см. В верхней своей части он имел с двух сторон ленты-завязки, при помощи

¹³³ R. Erckert. Op. cit., S. 41.

¹³⁴ Там же, стр. 42.

¹³⁵ Сообщение информатора из сел. Центральная Тамаза-тубе Бабаюртовского района Джансаида Батыргазиева (1880 г. р.).

которых укреплялся на голове. Ленты перекрещивались на затылке, проходили над теменной частью и завязывались сзади.

В шуткью сперва опускали косы, а затем его, как чепец, надевали на голову. Убор плотно облегал голову и спадал с косами на спину.

Поверх шуткью вне дома обязательно надевали платок. По покрою и способу ношения этот головной убор ногаек ничем не отличался от «чуткью»¹³⁶ кумычек и несомненно был заимствован у последних. По-видимому, шуткью пришел на смену меховым шапкам, тибетейкам или другим головным уборам, которыми пользовались женщины этой этнографической группы ногайцев до XVII—XVIII вв.

Следующую группу головных уборов ногаек составляли всевозможные платки, а также свадебные покрывала.

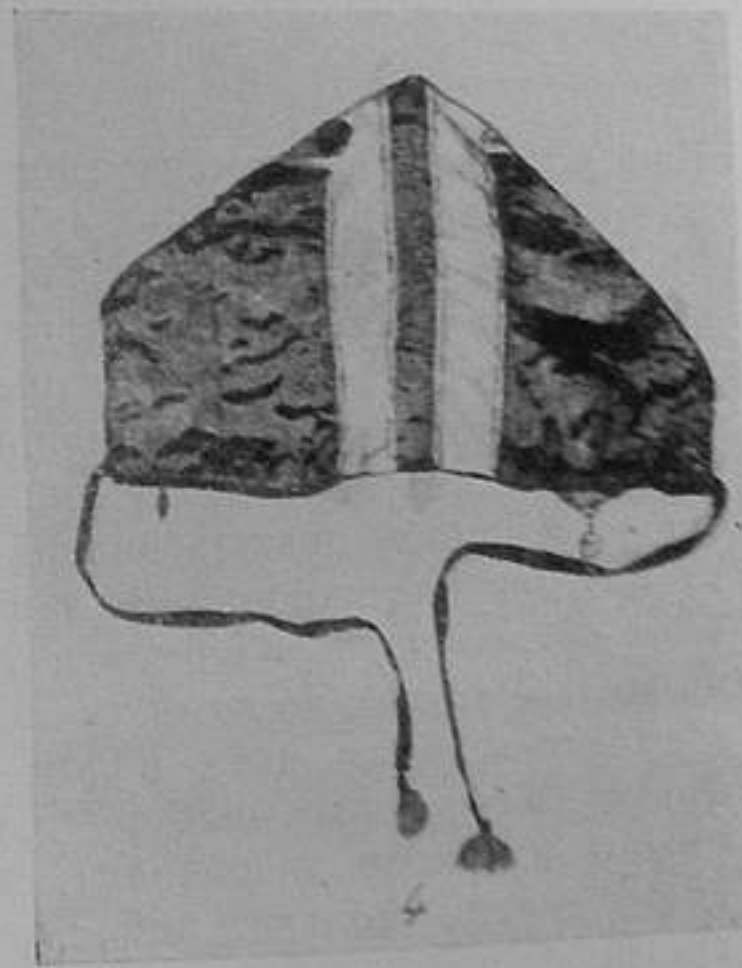
Караногайские женщины под меховой шапкой, а кубанские ногайки под большим платком почти всегда носили в виде косынки маленький платочек — *явлыкъ*, *шокъана*, *бастарткъыш* — или повязку — *бастарткъыш* (караногайцы), *шокъана* (кубанские ногайки) — из тонких хлопчатобумажных тканей чаще из белой бязи. Концы платочка, сложенного по диагонали, или косынки перекрещивались на затылке и завязывались спереди на темени.

¹³⁶ С. Ш. Гаджиева. Указ. соч., стр. 129.

Шапочки сляуш (1—2) (ГМЭ)

Шапка сляуш
3 — вид спереди; 4 — вид сзади

Ногайки в верхних традиционных головных уборах тастар, сел. Кумли

Как устойчивый элемент головного убора эти повязки продолжают бытовать в ногайских аулах и в настоящее время.

Большие платки — *явлыкъ*, *тастар* — были наиболее распространенными видами верхних головных уборов ногайских женщин всех этнических подразделений. Ими пользовались ногайки всех возрастов и всех территориальных и социальных групп. Платок женщины отличался от платка девушки преимущественно цветом ткани: женщина носила поверх меховой шапки белый тастар, девушка поверх шапочки — главным образом красный. Шили тастар обычно из белой бязи и только состоятельные женщины — из шелка, других дорогих тканей и даже из тюля.

Тастары были двух видов — большие широкие, квадратной формы, на которые шло 5—5,5 м ткани (женщины носили их, сложив вдвое по диагонали), и треугольные, типа косынки. Из тюля делали только либо одинарные косынки, либо широкие шарфы.

Край платка или косынки, особенно его налобную часть, до перекрещивания под подбородком обшивали мелкими серебряны-

ми монетами, бляхами (у бедных оловянными жетонами). Концы тастара перекрещивались под подбородком и завязывались узелком на затылке. Обычно платком закрывали весь лоб, открытыми оставались только глаза.

Начиная со средних лет женщины носили платок несколько иначе: накинув на голову, погайка забрасывала его концы назад через плечи так, что они почти целиком свисали вдоль спины. Тастары, как отмечают авторы, доходили почти до пяток¹³⁷, а у многих женщины волочились «по земле, как шлейф»¹³⁸. Девушки, как мы уже отмечали, тоже носили большие платки такого же покроя — хлопчатобумажные, кашемировые, шелковые, но ярко-красные или пестрые. Исследователи материальной культуры и быта ногайцев пишут, что только по цвету платка можно было отличить девушку от молодой замужней женщины, ибо к 11—12 годам она считалась невестой, а в 12—14 лет уже выходила замуж¹³⁹. Носили девушки платки так же, как молодые женщины, перекрестив под подбородком или на груди и завязав сзади. Некоторые щеголихи концы платка сзади не завязывали. В этом случае платок спереди прикреплялся к шапочке при помощи серебряной брошки.

Невеста красный платок заменяла белым. Сначала она это делала в доме родителей, позже уже в доме мужа, на второй день после свадьбы, одновременно с обрядом прятания челки под шапку или платочек и раздариванием украшений. Этот обряд свидетельствовал о наступлении нового этапа в жизни женщины, о ее новом семейном положении.

Чалму — *шалма* — ногайские женщины носили сравнительно редко. Иногда ею повязывали головы грудных детей в люльке, поверх платочка. В отдельных случаях чалму носили и пожилые женщины, особенно при головной боли. Видимо, такое ограниченное использование свидетельствовало об исторических изменениях, которые претерпевал костюм ногайской женщины.

У ногайцев чалму делали из небольшого куса материи, с тем чтобы можно было обвязать голову один раз. Завязывали ее, как налобную повязку, сзади. Чалму нередко делали и из квадратных платков, сложив их в виде ленты.

Свадебная накидка невесты — *буьркенишик* — изготовлялась из тяжелой шелковой ткани, обычно бордового цвета, четырехугольной формы, размером примерно 1,5×1 м, на подкладке. Шили ее сами ногайки, украсив обычно золотой вышивкой, аппликациями и дорогой бахромой. Покрывало набрасывали на голову невесты поверх платка во время ее переезда в дом жениха и при-

¹³⁷ А. П. Архипов. Этнографический очерк..., стр. 354; Г. Ананьев. Указ. соч., стр. 47.

¹³⁸ Г. Малявкин. Указ. соч., стр. 151.

¹³⁹ Г. Ананьев. Указ. соч., стр. 47; Г. Малявкин. Указ. соч., стр. 142; С. В. Фарфоровский. Ногайцы Ставропольской губернии, стр. 18.

исполнении некоторых церемоний во время свадьбы; накидывали его таким образом, что оно закрывало голову и частично лицо, а его концы свисали до пояса. Затем буюркеншик хранили как семейную реликвию до случая выдачи замуж дочери или другой девушки из родственной группы.

В настоящее время буюркеншик, исчезнувший в 30-е годы, заменяется капроновыми, шелковыми шарфами или тонкими платками, которые лишь слегка опускают на лоб невесты.

По своей форме и назначению ногойский буюркеншик близок к свадебным покрывалам под разными названиями, в том числе буюркеншик и «сюлык», у многих тюркских народов и их соседей. Таким покрывалом («перкенчик») пользовалась, в частности, невеста у чувашей¹⁴⁰, удмуртов (сюлык), у народов, проживающих на территории Башкирской и Марийской АССР¹⁴¹.

Однако были буюркеншики и совершенно другого образца: в виде балахона, который надевала поверх свадебного наряда невеста, отправляясь в дом жениха.

Таким образом, ногойские женские головные уборы отличались большим разнообразием, чем мужские, больше сохранили старые традиционные черты и возрастные различия, хотя и подвергались с течением времени значительным изменениям, определенной унификации. В них ярко отразились сложная этническая история и условия развития ногойского народа, его связи со многими народами кочевого мира в разные исторические эпохи, многовековое переплетение элементов культуры разных народов.

МУЖСКАЯ И ЖЕНСКАЯ ОБУВЬ

Обувь ногойцев была разнообразна по видам, но единообразна для различных половозрастных групп населения. Женскую обувь шили лишь из более качественных и лучше обработанных, частично покупных (цветной сафьян) материалов (кожи, шерсти и т. д.) и больше украшали. В качестве отделки широко применяли аппликацию, вышивку, басонные нашивки, пользуясь при этом традиционными рисунками и узорами. Изготавливалась она в основном в хозяйстве самого потребителя. О специальных сапожных мастерских в ногойских кочевых аулах не могло быть и речи. Сапожников-кустарей можно было встретить лишь в крупных селениях и то в зимнее время. В изготовлении обуви издавна существовало разделение труда: мягкую обувь, в том числе и мужскую, изготовление которой не было трудоемким процессом, шили в основном женщины, а твердую, уличную обувь — мужчины. Среди тех и других были признанные мастера.

¹⁴⁰ «Чуваши. Этнографические исследования», стр. 306.
¹⁴¹ В. И. Белицер. Указ. соч., стр. 66—67 (рис. 35, 4).

Войлочные чулки
1 — мужские, сел. Кунбатар; 2, 3 — женские (2 — сел. Терекли-Мектеб, 3 — ГМЭ)

Ногойцы изготавливали обувь из кожи домашних животных и шерсти. Одни и те же виды обуви носили и летом, и зимой. В Ногойскую степь, особенно в так называемую Малую Татарию (к кубанским, северокрымским ногойцам), издавна поступала и готовая обувь (сапоги, башмаки), а также кожа из Крыма, России, Турции, Персии.

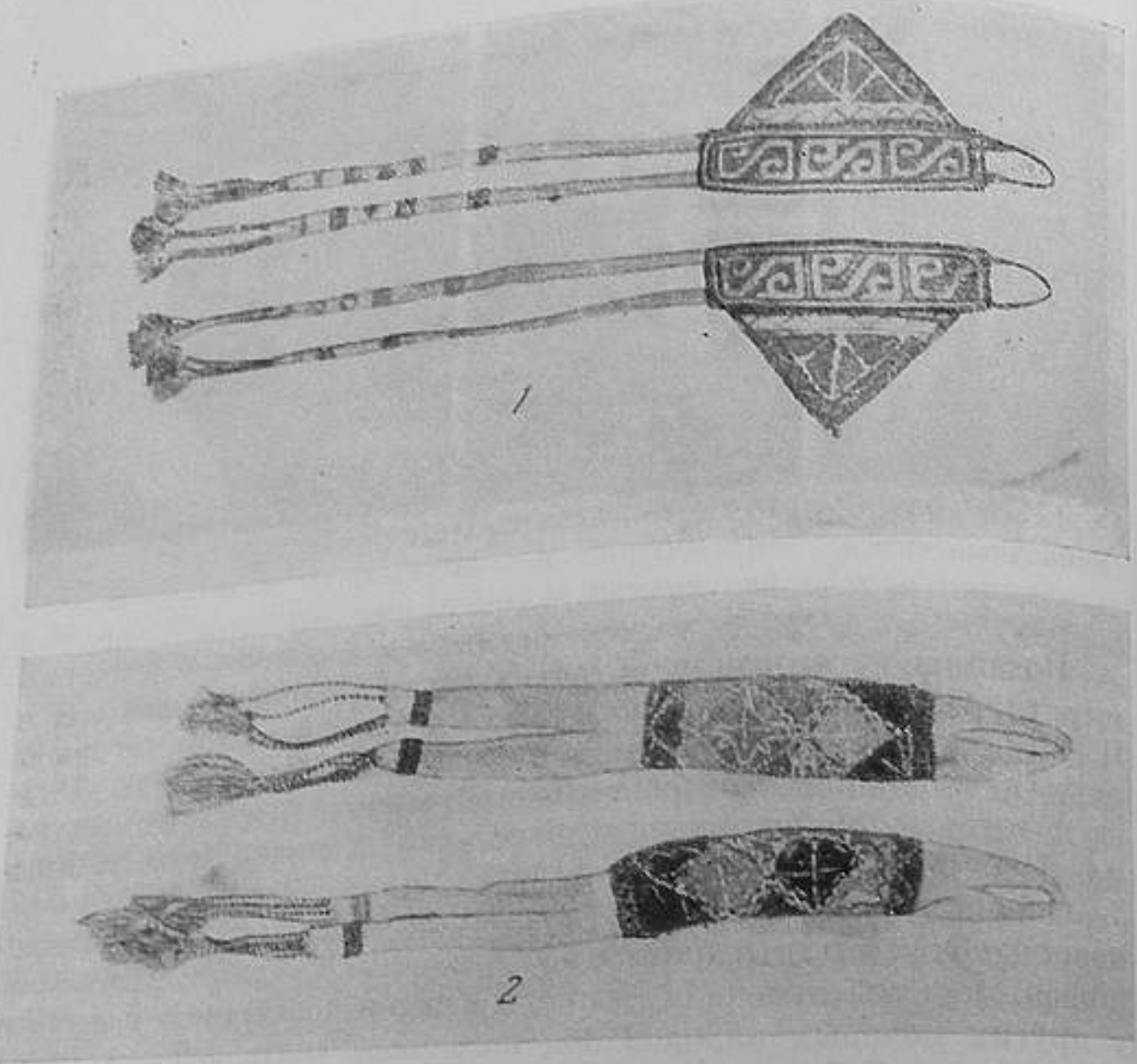
Обувь из шерсти. Одним из основных видов повседневной обуви были валяные войлочные чулки — *уюкъ*, изготавливавшиеся, как мы отмечали выше, в каждом хозяйстве и известные у других кочевых народов под названием «кита байбак» (у казахов) или «байпак» (у киргизов). Как свидетельствует Г. Ананьев, уюки носили все ногойцы-мужчины, женщины, дети — и «все время года»¹⁴².

Один вид уюков напоминал по форме мягкие сафьяновые сапоги длиной до колена. Как отмечалось выше, цельному куску войлока, к которому в процессе валяния особым образом приделывали пятки, придавали форму чулка или сапога.

Другой вид делался попроще, без пятки. Уюки надевали на босые ноги, заправляя в них штаны (мужчины). Ими широко пользовались в домашних условиях и вне дома, но при выходе на улицу поверх них надевали кожаную обувь.

Уюки изготавливались из белой, черной, серой шерсти, а женские — из лучшей белой шерсти. Верхнюю часть голенищ белых уюков покрывали узорной строчкой из разноцветных ниток, украшали орнаментом, характерным для войлочных ковров. Спереди делали от верхнего края голенища надрез длиной 5—7 см и соединяли его плетенкой из шнура.

¹⁴² Г. Ананьев. Указ. соч., стр. 46.

Женские подвязки (1, 2) (ГМЭ)

Ногайцы, преимущественно из состоятельных семей, носили, кроме того, вязаные гладкие носки — *джорап* — из белой, черной, или серой шерсти. Однако широкого бытования они не имели. Вязание носков, так же как и изготовление уюков, было делом женщин.

Кожаная обувь. Среди видов кожаной обуви, изготовлением которой почти исключительно занимались мужчины, наиболее широкое распространение имели сапоги — *коьн этик* — с голенищами до колен. Их шили из сыромятной коровьей, воловьей или верблюжьей кожи домашней выделки. Иногда для подошвы покупали кожу более хорошей выделки. *Коьн этик* часто шили с загнутым кверху носком. По внешнему виду эта обувь напоминала старинную среднеазиатскую обувь из сыромятной телячьей или верблюжьей кожи — «мукки» — и, по-видимому, имела общее с ней происхождение.

Богатые ногайцы шили на заказ и модные сапоги из хорошей кожи или приобретали их в готовом виде. В середине и во вто-

рой половине XIX в. сапоги шили на высоких каблуках. А. П. Архипов отмечает, в частности, что они носили «сапоги с высокими каблуками калмыцкого покроя»¹⁴³.

Под влиянием капризной общекавказской моды форма голенища и каблука неоднократно менялась — от высокого каблука к низкому и от длинных, иногда выше колен, голенищ с раструбами к средним, и наоборот.

Другим видом кожаной обуви были чарыки — *коьн шарыкъ, поршун*. Их также шили из сыромятной воловьей или коровьей кожи домашней выделки. Чарыки были двух видов. Один из них, наиболее распространенный, воспроизводил покрой горских чарыков. Он служил основным видом обуви для широких слоев ногайского населения. Шили такие чарыки, как и горцы Кавказа, из целого прямоугольного куска кожи, сложив его вдвое и чуть подрезав углы у носка и пятки. Шов шел от носка вверх и по заднику. Чарыки были высотой по щиколотку и имели чуть загибающийся носок. Край обуви собирали на длинный кожаный ремешок, продеваемый в нескольких местах спереди, по бокам и сверху. Чарыки укреплялись на ноге путем двукратного или трехкратного обматывания ремешка вокруг ноги и закрепления его у щиколотки.

Чарыки надевали поверх носков или уюков. Бедняки носили их с портянками или надевали их на босу ногу, подложив войлочную подстилку, а нередко — мягкую сушеную траву, которую ногаец ежедневно перебирал. Их носили и с голенищами — *сым*. Голенища шили из войлока, сафьяна или сукна. Чуть ниже колен голенища стягивали узким ремнем — *къоныш бау* — на пряжке.

Изготавливали ногайцы (караногайцы) и чарыки, близкие по типу к кавказским «трехам»¹⁴⁴, особенно к некоторым образцам среднеазиатских чарыков¹⁴⁵, и даже к русским поршням. Ногайцы их называли «поршун», что наводит на мысль о заимствовании последними по крайней мере какого-то образца у соседей станичных казаков. Однако старики ногайцы утверждают, что «поршун» — их традиционная обувь.

Делали эти чарыки также из целого прямоугольного куска коровьей, бычьей, телячьей, верблюжьей и конской кожи, но без шва, чуть подрезав углы, особенно у носка. Край собирали на кожаный ремешок или шерстяной шнур. У носка чарыки украшали еще плетенкой из того же шнура или ремешка. Носили их с носками или войлочными чулками, поверх которых плотно по ноге обматывали шнур в два-три оборота.

¹⁴³ А. П. Архипов. Три отрывка...

¹⁴⁴ «Народы Кавказа», т. II. М., 1962, стр. 519; К. Каракашлы. Материальная культура азербайджанцев. Баку, 1964, стр. 160—162.

¹⁴⁵ Я. Р. Винников. Социалистическое переустройство хозяйства и быта дайхан Марыйской области Туркменской ССР. «Труды Ин-та этнографии», т. XXI. М., 1954, стр. 61—62.

Этот вид обуви широкого распространения не имел и в 30-х годах нашего столетия совершенно перестал бытовать. Чарыки и описанного вида сапоги женщины, как правило, не носили.

Мягкие сафьяновые сапоги — *мес, меси* — являлись одним из распространенных видов кожаной обуви и мужчин, и женщин в XIX — начале XX в. Меси бытовали как парадная обувь главным образом среди ногайцев среднего и старшего поколения. Судя по сообщениям древних авторов, обувь типа меси являлась очень ранней формой обуви многих народов, в том числе и тюрков. Еще в V в. Аммиан Марцеллин отмечал, что гунны за «Меотийским болотом» (Азовским морем) носят мягкую обувь из козьей кожи¹⁴⁶.

В XIX—XX вв. у ногайцев, как у многих народов, этот вид обуви являлся одним из традиционных и распространенных. Молодые люди пользовались этой обувью реже, чем пожилые. В богатых семьях детям и юношам делали меси из красного и желтого сафьяна. Голенища их покрывали ажурной цветной стежкой, золотой, серебряной тесьмой или реже — аппликациями из сафьяна другого цвета, с традиционным узором.

Покрой меси воспроизводил покрой описанных выше сапог из сыромятной кожи. Но делались они на мягкой подошве, без каблучков и накладного твердого задника, с невысокими голенищами.

Очевидно, эту обувь имел в виду Н. Дубровин, когда писал, что «на ногах ногайцы носят сафьяновые черные сапоги, вроде чулков, без подошв, подборов и задников, на которые надевают сафьяновые же красные или черные башмаки»¹⁴⁷.

В отличие от других видов кожаной обуви (сапоги, чарыки) меси шили женщины. Особенно нарядно выглядели меси и женские сапоги или чулки — *атув*, — которые шились с короткими голенищами, для молодых из цветного сафьяна (желтого, красного), и нередко покрывались аппликациями.

При выходе на улицу поверх меси надевали обувь из более толстой кожи и на твердой подошве.

Калоши — *бапиш* — ногайцы надевали поверх мягкой войлочной, вязаной или сафьяновой обуви, шили с твердой подошвой и сафьяновым или хромовым верхом. По сообщениям отдельных авторов, ногайцы в конце XIX в. носили бапиш на высоких каблуках, украшенные аппликациями. Г. Ананьев, в частности, писал, что караногайцы поверх сафьяновых чулок с короткими голенищами носят «кожаные калоши (бабыш) на высоких каблуках. На калошах иногда нашиваются разные узоры из зеленого сафьяна»¹⁴⁸. Это была обувь типа глубоких туфель, с тупым или острым носом подобно существовавшей моде. К каблукам нередко

Кожаные чулки и сапоги (ГМЭ)
1—3 — мужские; 4 — женские

прибивали металлическую подковку. Нарядные женские бапиш делались с аппликациями из зеленого сафьяна (на черной коже), с бубенчиками внутри каблуков (*акъшалы бапиш*, буквально туфли с деньгами).

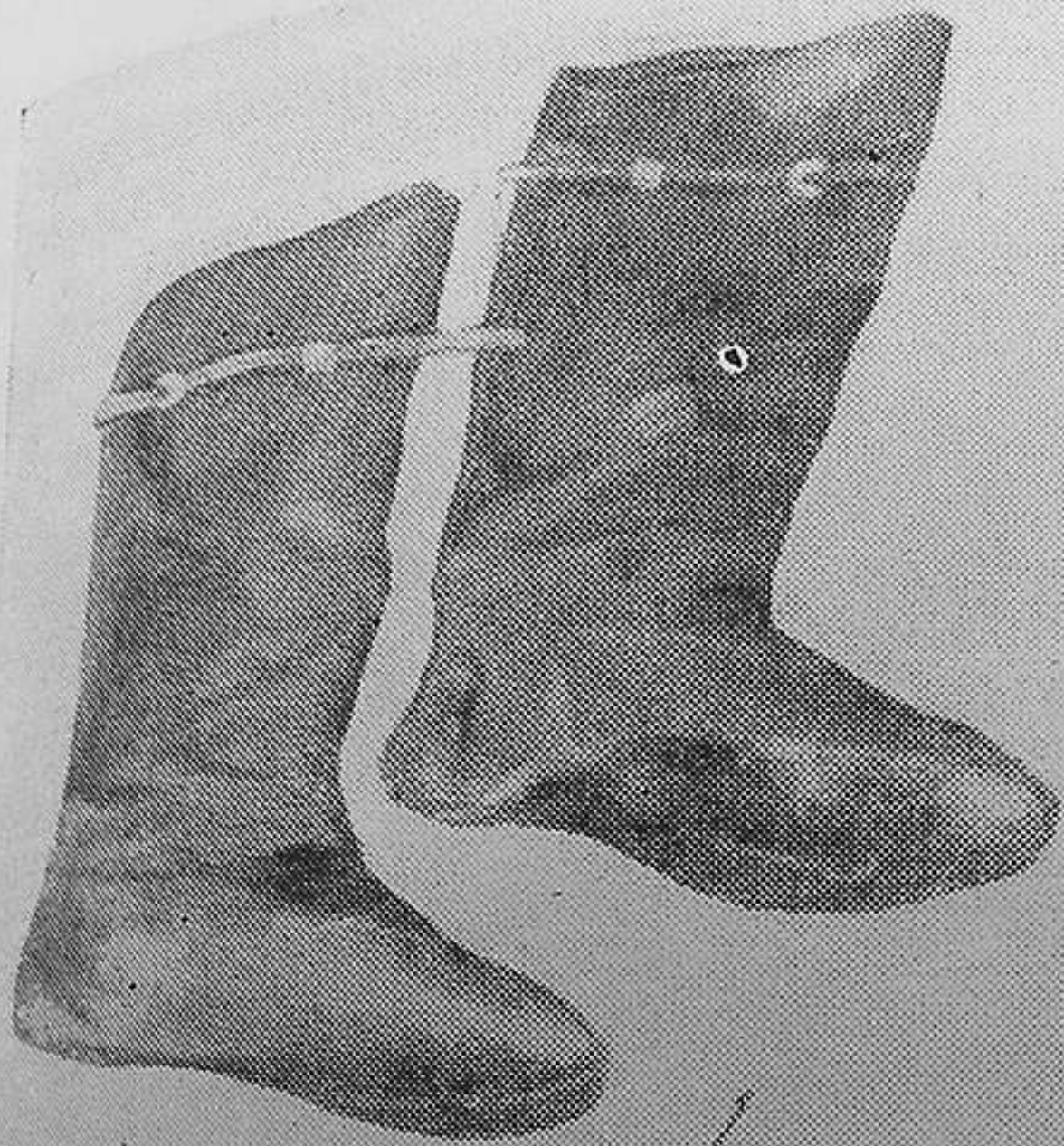
Для бапиш использовалась кожа как домашней выделки, так и более хорошей обработки, в том числе и заводской. Богатые ногайцы шили бапиш из хрома на прочной подошве заводской выделки. Производство бапиш выделилось в специальный промысел — их шили специальные мастера-сапожники.

Башмаки — *басмакъ, башмакъ* — были распространены меньше, чем бапиш. Правда, Н. Дубровин, сообщая об их широком бытовании в середине XIX в., отмечал, что «ногайцы поверх мягких сафьяновых сапог надевают сафьяновые же красные или черные башмаки с прочными подборами»¹⁴⁹. Их больше носили

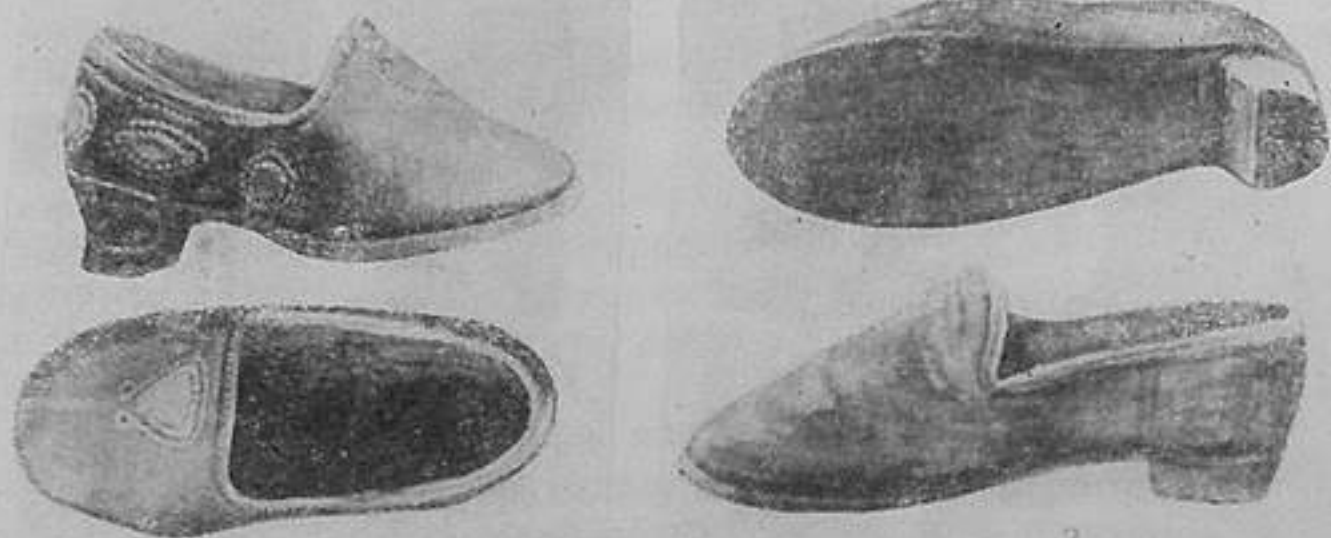
¹⁴⁹ Н. Дубровин. Указ. соч., стр. 267.

¹⁴⁶ Аммиан Марцеллин. История, вып. III. Киев, 1908, стр. 238.
¹⁴⁷ Н. Дубровин. Указ. соч., стр. 268.
¹⁴⁸ Г. Ананьев. Указ. соч., стр. 46.

Кожаные чулки и сапоги (ГМЭ)
1-3 — мужские; 4 — женские

Женские калоши (1, 2), сел. Терекли-Мектеб

женщины, чем мужчины. Верхние нарядные башмаки женщин отделявали вышивкой или аппликациями. Женские башмаки и сапожки чаще приобретались у торговцев, в частности крымских, татарских, а также турецких и персидских купцов. Как видно из данных М. Пейсонеля о торговле ногайцев с Крымом в XVIII в., большое место среди ввозимых ими товаров занимали готовые кожи, «мужские сапоги желтые, красные и черные; желтые сапожки для женщин. Katirs или обувь в форме башмака, красные и черные, мужские и женские. Кожаные подошвы в готовом виде для обуви»¹⁵⁰.

Мужские башмаки в конце XIX — начале XX в., как показывает полевой этнографический материал, служили исключительно для домашнего обихода. Но старики иногда ходили в них в мечеть, если она была расположена поблизости, на очар и т. д. Женщины же в башмаках работали дома, ходили в гости и т. д. Чисто женской обувью были сафьяновые чупяки — *шарнай* (караногайцы), *мачий* (кумыкские ногайцы). Их шили из черного (пожилые), красного, желтого (молодые) сафьяна, в одном случае на твердой пришивной подошве, в другом — только из сафьяна.

Чисто девичьими называют ходульные колодки — *тавалдрыкь* или *агъаш аякъ*. Это была обувь, не имевшая широкого распространения. Как правило, ходули использовались для сбережения мягкой кожаной обуви, особенно в ненастную погоду. Они, судя по сообщениям отдельных исследователей, употреблялись «преимущественно малорослыми девицами». Возможно, что ходульные колодки, во всяком случае некоторые их виды, появились у но-

¹⁵⁰ М. Пейсонель. Указ. соч., стр. 17.

гайцев под влиянием обуви черкешенок, а к караногайцам ходули-подставки проникли через ачикулакских и прикубанских ногайцев.

Тавалдрыкь ногайки, описанный еще А. П. Архиповым¹⁵¹ в середине XIX в., представляет собой обувь типа сандалий с двумя подставками — *туякъ*, — укрепленными поперек обуви железным прутиком. По свидетельству того же автора, они имели две разновидности.

Эта обувь совершенно не сохранилась. Она, очевидно, исчезла еще в конце XIX в., и трудно отчетливо представить себе ее форму, покрой и материал. Думается, однако, что эта обувь была сходна с подставками или ходулями, распространенными в Кабарде, Черкесии, Адыгее¹⁵².

Глубокие резиновые галоши — *калуш* — проникали в ногайские кочевые аулы еще в дореволюционный период, но очень редко. Широкое распространение они получили лишь в советское время.

Обувь мальчиков и девочек повторяла обувь взрослых как по форме, так и по покрою. Они носили те же мягкие войлочные чулки, шерстяные вязаные носки, чарыки из сыромятной кожи, кожаные чулки из овчины с подстриженным мехом внутри и т. д. Нередко в семьях бедняков дети обходились старой, латаной обувью родителей, а самые маленькие за отсутствием ее сидели зимой в кибитке. В теплое время года малолетние дети обычно ходили босиком. Нарядные mesi состоятельные ногайцы шили своим детям из красного или зеленого сафьяна. Для них делали также белые валяные уюки, чулки, украшенные вышивкой или аппликацией.

* * *

У большинства населения был один комплект одежды, которая по частям заменялась по мере изнашивания. Дети и женщины в малообеспеченных семьях, как правило, в зимний период пользовались старой теплой одеждой мужчин (черкесками, обувью). Не всегда все взрослые члены семьи ногайца имели шубу на зиму, хотя народ занимался почти исключительно животноводством.

Исследователи отмечали, что здесь бедные люди довольствовались грубой одеждой из материалов домашнего изготовления, и что во время холодов «дети караногайца голые или в одних оборванных рубашечках прячутся под овчины и дрожат как лист»¹⁵³. Различия в одежде разных социальных прослоек ногайцев сказывались преимущественно в материалах, из которых она

¹⁵¹ А. П. Архипов. Домашняя ногайская утварь, стр. 83—84.

¹⁵² Е. Н. Студенецкая. Кабардинцы и черкесы, стр. 172, 173; М. Г. Аутлев, Е. С. Зевакин. Адыгейцы, стр. 208; Е. Н. Студенецкая. Карачаевцы, стр. 258; «Адыгейский народный орнамент», стр. 29—30.

¹⁵³ «Кавказские жители», стр. 3.

изготавливалась, в числе комплектов. Богатые ногайцы имели по несколько комплектов одежды, головных уборов и обуви, сшитых по моде времени. В то время как бедняк-ногаец с большим трудом справлял себе овчинную шубу и не всегда имел приличную черкеску, богатый скотовод щеголял в черкеске из верблюжьей шерсти, в шубе из дорогостоящего каракуля или мерлушки и, более того, нередко имел их по несколько штук. Подавляющее большинство населения до Октябрьской революции нательного белья в современном значении этого слова не имело.

ОРУЖИЕ

Имеющиеся в литературе сведения об оружии и украшениях ногайцев очень скудны, отрывочны и относятся лишь к XIX — началу XX в. Что касается более раннего периода, то определенного суждения как об отдельных предметах вооружения, так и о вооружении ногайского воина в целом высказать почти не представляется возможным.

В ногайском фольклоре из оружия обычно фигурируют колчан, стрелы, большой кедровый лук¹⁵⁴. Встречаются такие описания, как, «левой рукою лук зажав... держит в правой стрелу» и т. п. В ногайской былине «О том, как батыр Амит сын Айсыла восстал против Джанибек-хана», есть такое описание встречи сына с отцом после долгой разлуки: «Войдя, он (речь идет о юноше, сыне Айсыла.— С. Г.) больше, чем на Айсыла, смотрел на его огромный лук и колчан со стрелами. «Разреши мне, гость, испытать твое оружие!» — попросил Амит и, получив позволение, далеко послал звонкую стрелу из лука, которую никто еще никогда не поднимал, кроме самого Айсыла. Понял тут счастливый отец, что будет сын его великим батыром, и открыл ему свое имя»¹⁵⁵.

Думается, что, говоря о вооружении ногайцев на более раннем этапе их истории, нельзя его рассматривать изолированно от истории всего широкого татаро-монгольского кочевого мира, от истории империи монголов, от истории Золотой Орды, в составе которых находились и кочевали ногайцы длительный период.

Вопросы вооружения, военной организации, тактики ведения боя у монголо-татар в литературе нашли довольно полное отражение. Среди источников, касающихся данной темы, очень ценны, например, сведения Плато Карпини и Рубрука.

Плато Карпини, перечисляя предметы вооружения кочевников XIII в., пишет: «Оружие же все по меньшей мере должны иметь такое: два или три лука, или по меньшей мере один хороший, и три больших колчана, полных стрелами, один топор и

Вооруженные ногайцы, XVIII в.
Худ. неизвестен (ГИМ)

¹⁵⁴ «Песни ногайцев». Запись А. Джанибекова. Ставрополь, 1949.

¹⁵⁵ Там же, стр. 16.

веревки, чтобы тянуть орудия. Богатые же имеют мечи, острые в конце, режущие только с одной стороны и несколько кривые; у них есть также вооруженная лошадь, прикрытия для голени, шлемы и латы. Некоторые имеют латы, а также прикрытия для лошадей из кожи...

...У некоторых из них есть копьа, и на шейке железа копьа седла. Длина их стрел составляет два фута, одну ладонь и два пальца... Железные наконечники стрел весьма остры и режут с обеих сторон наподобие обоюдоострого меча; они всегда носят при колчане напильники для изошрения стрел. Вышеупомянутые железные наконечники имеют острый хвост длиною в один палец, который вставляется в дерево. Щит у них сделан из ивовых или других прутьев, но мы не думаем, чтобы они носили его иначе, как в лагере и для охраны императора и князей, да и то только ночью. Есть у них также другие стрелы для стреляния птиц, зверей и безоружных людей, в три пальца ширины. Есть у них далее и другие разнообразные стрелы для стреляния птиц и зверей»¹⁵⁶. Автор дает также полное описание лат, шлема и других элементов вооружения кочевников.

Судя по сообщениям старейших ногайцев, в памяти которых сохранились рассказы их отцов о далеком прошлом, а также по данным фольклора, эти предметы вооружения продолжали бытовать и в более поздний период, до полного их вытеснения огнестрельным оружием. В большом ходу были кривой меч и лунообразный топор. Когда ногайцы рассказывают о возмущенном чем-нибудь человеке, они и сейчас нередко говорят: «Гелген эти кынкыр кылычын сувуруп, ай балтасын гетерип» («Вынув из ножен кривой меч и подняв лунообразный топор»).

В XIX — начале XX в., как сообщают хорошо осведомленные авторы, оружие ногайцев составляли «азиатский нож, висящий в кожаных ножнах на ремennom поясе» и служащий «им для всех работ и вместо столового..., ружье, кинжал, шашка и аркан для одержания победы над неприятелем»¹⁵⁷. Нарядные ножны делались из красного сафьяна.

Примечательно, что наряду с большим дальнобойным луком важнейшим предметом вооружения кочевников являлся аркан, который был известен в более отдаленную эпоху. Им широко пользовались, например, гуннские племена еще в IV в. н. э. Гунны его «ловко набрасывали на противника; ставив с лошади, они волочили его за собой, чтобы затем, в зависимости от обстоятельств, взять в плен или прикончить»¹⁵⁸.

Отдельные ногайцы пользовались кинжалами и шашками работы кавказских мастеров, а также пистолетами кавказского (да-

¹⁵⁶ «Путешествия в восточные страны...», стр. 50—51.

¹⁵⁷ А. Павлов. Указ. соч., стр. 46.

¹⁵⁸ М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 44.

дагестанского) образца. Однако как огнестрельное, так и холодное оружие в исследуемое время носили далеко не все. Не случайно отдельные авторы отмечали, что ногайцы «не носят никакого оружия и даже черкески бывают без дудочек с патронами»¹⁵⁹. Часто даже кинжал ногайца висел в кибитке как украшение, в то время как горец никогда с кинжалом не расставался.

Известно, что после подчинения управлению царской администрации ногайцы перестали нести всеобщую воинскую повинность, которой они были обязаны еще в XVIII в. крымскому хану. Царское правительство осуществляло по отношению к ним политику дискриминации: вместо отбывания воинской повинности оно облагало ногайцев военным налогом и обязывало нести на личной кордонную службу вместе с калмыками.

В результате после «умиротворения» края ногайцы в обычной обстановке не носили никакого оружия, кроме азиатского ножа, с которым они не расставались, как горцы с кинжалом. Вооружались же ногайцы только на охоту или в особых случаях. Холодное оружие они покупали у горцев — своих соседей.

УКРАШЕНИЯ

Мужская одежда почти не имела украшений, если не считать отмеченных выше аппликаций и нашивок.

Наиболее нарядным дополнением к мужскому костюму являлся ремной пояс, на который нанизывались небольшие металлические (у богатых серебряные) звенья или подвески.

Парадное оружие (пистолеты, ножны и рукоятки шашек, кинжалов, головки газырей и т. д.) в серебряной оправе с позолотой и накладными резными пластинками из слоновой кости ногайские богачи заказывали дагестанским и адыгейско-черкесским мастерам. С проникновением в степь изделий городского быта богатые ногайцы среднего и старшего возраста стали носить в нагрудном кармашке бешмета часы с цепочкой, причем конец цепочки с брелоком часто прикрепляли на уровне груди булавкой к застёжке. Многие ногайцы носили и кольца с печатками и без печаток (обычно не больше одного) на безымянном пальце, и имели при себе богато украшенные вышивкой, аппликацией или стежкой кисеты для табака и кошельки для денег.

Ногайцы, как кочевой народ проводившие много времени верхом на лошади, любили богато украшать седла и сбрую пластинками из серебра. Красиво также украшали и стремяна. Лошадей они украшали красивыми попонами. Специальные мастерицы вышивали золотом или серебром мягкую кожаную подушку седла. Чем богаче был ногаец, тем наряднее были седло и сбруя его коня.

¹⁵⁹ М. Татарское племя на Кавказе. «Кавказ», 1859, № 89.

Ногаец с парадным оружием

Одежда мальчиков была нарядной. Детские бешметы и шапочки чаще украшали позументом, аппликациями, вышивками. К детской одежде пришивали также разнообразные металлические бляхи, бусы, талисманы, зашитые в футляры квадратной формы из ярких плотных тканей. Больше всего украшались спинка и плечи детского бешмета или безрукавки.

Чаще всего для украшения применяли растительные мотивы, например узоры *уьш япракь* (три листка), *машпакь* (веточка с загнутыми вниз листочками).

Вышивали ногайки разными способами, но в золотошвейном деле основными приемами были *биелей*, *ногъай тигис* (ногайская вышивка) — шитье в прикреп и гораздо реже — *базар тигис*

(базарная вышивка) — шитье гладью.

Первый, самый старинный способ мало чем отличался от традиционных приемов золотого шитья, распространенных у соседних народов Северного Кавказа. Базар тигис ногайки называли шитье гладью, очевидно, потому, что оно, как показывает само название, проникло к ним извне с готовыми изделиями художественного ремесла других народов.

Способ *ногъай тигис* состоял в следующем. Мастерница вырезала узор из бумаги и закрепляла его на белую бязь. После обшивания ниткой или обведения мелом, карандашом трафарет снимали и вышивали, затем вышивку с изнанки слегка протирали раствором столярного клея (*окъа елим*) и подсушивали.

Это делалось для того, чтобы придать вышивке упругость. Затем вышитый узор вырезали ножом и нашивали на украшаемый предмет (готовое платье, кафтан и т. п.) Края вышивки для красоты и прочности обшивали тонкой тесьмой, сделанной из тех же ниток.

Гладью же вышивали непосредственно на украшаемом предмете — бархате, сукне, шелке, при этом трафареты из бумаги обычно оставляли под вышивкой, чем достигалась некоторая выпуклость рисунка. Вышиваемые рисунки у ногайцев именовались часто по предметам одежды, обуви и т. д.: *зыбын оьрнек* — рисунок или узор для зыбына; *шыба оьрнек* — узор для платья;

енгсе оьрнек — узор для нарукавника; *машпак оьрнек* — узор для башмака и т. д.

Каждый из этих рисунков включал в себя целый ряд узоров в своеобразном сочетании. Особое значение ногайские женщины придавали металлическим украшениям, украшениям из всевозможных бус, кораллов, цветного стекла, сердолика, бирюзы и т. д. Эти украшения бережно хранились как семейные драгоценности и передавались от матери к дочери из поколения в поколение.

Любовь к серебряным украшениям отмечали авторы, писавшие о ногайцах еще в XIX в. «Серебряные украшения, — отмечал в середине XIX в. А. П. Архипов, — вообще в большом употреблении у ногайцев и туркмен даже и тогда, когда у иного нет для того решительно никаких средств»¹⁶⁰. При этом он подчеркивал, что украшения из серебра, «столь любимые в степях, можно видеть рядом и на ценной одежде и на лохмотьях, на дряхлости и на молодости, на безобразии и красоте»¹⁶¹.

Бедняки пользовались и дешевыми металлическими изделиями из латуни, посеребренной меди и т. д. На это обратил внимание в свое время Г. Малявкин, который писал о караногайцах, что их «кольца и перстни плохой работы», что большую часть их составляют медные¹⁶².

Ювелирные изделия из золота встречались у ногайцев весьма редко, даже у довольно состоятельных людей. Из драгоценных и полудрагоценных камней наибольшее распространение имели сердолик и несколько реже бирюза. В инкрустированных украшениях чаще всего наряду с сердоликом встречается цветное стекло.

Данные украшения были очень разнообразны как по назначению, так и по форме. Изготавливали их в основном местные мастера-ногайцы. В ряде случаев в ногайских кочевых аулах работали дагестанские (кумыки, лакцы, даргинцы) и черкесские ювелиры, которые выполняли работу по вкусу заказчиц-ногаек, по образцам ногайского традиционного ювелирного искусства.

В качестве украшений ногайки использовали и привозные предметы: монеты, проникавшие в различные исторические периоды из разных стран, стеклянные бусы, кораллы, сердолики, а в ряде случаев и готовые ювелирные изделия, изготовленные далеко за пределами Ногайской степи.

Все эти украшения по назначению и способу их ношения можно разбить на следующие группы: головные, шейные, нагрудные, поясные и носимые на руках.

Среди женских украшений известны украшения, составляющие дополнения к костюму (пояса, кольца, серьги, браслеты,

¹⁶⁰ А. П. Архипов. Три отрывка...

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Г. Малявкин. Указ. соч., стр. 152.

стеклянные и сердоликовые бусы, ожерелья из монет, кораллов, бисера, всевозможные металлические подвески и т. д.), и украшения, которые пришивались к одежде, составляя как бы ее неотъемлемую часть.

Одни украшения были предметами, предназначенными для постоянного ношения — повседневные, а другие — для пользования лишь по праздникам, на свадьбах и других семейных и общественных торжествах.

Украшения для головы и головных уборов состояли из монет разной величины и разного происхождения, а также из различных ювелирных изделий, бисера, сердолика и т. д.

Монетами, как мы уже отмечали, караногайские женщины украшали налобную часть свадебного тастара, иногда и платки детей. У костюковских и таркинских ногайцев в конце XIX — начале XX в., очевидно после исчезновения шапочек с украшениями, было принято покрывать налобную и теменную часть покрывала невесты монетами и разными бляхами. Для этого сперва на четырехугольный кусок ткани сплошь нашивали монеты и другие украшения, а затем его пришивали к покрывалу.

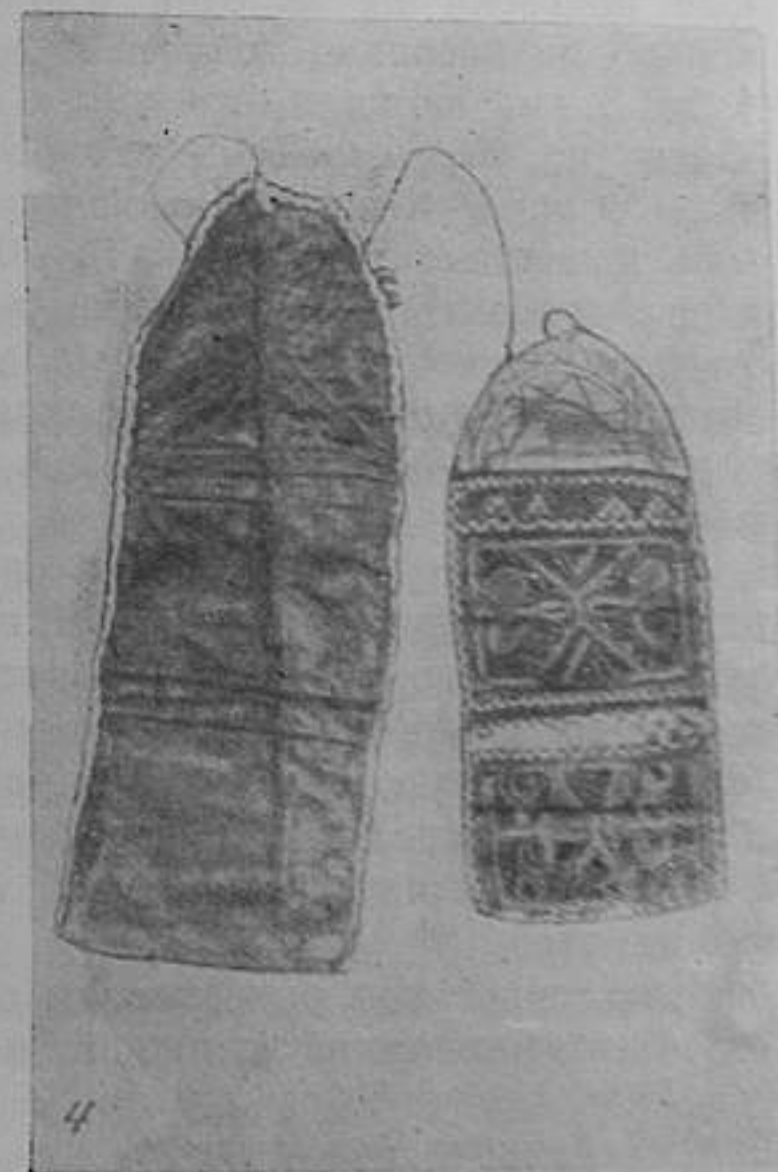
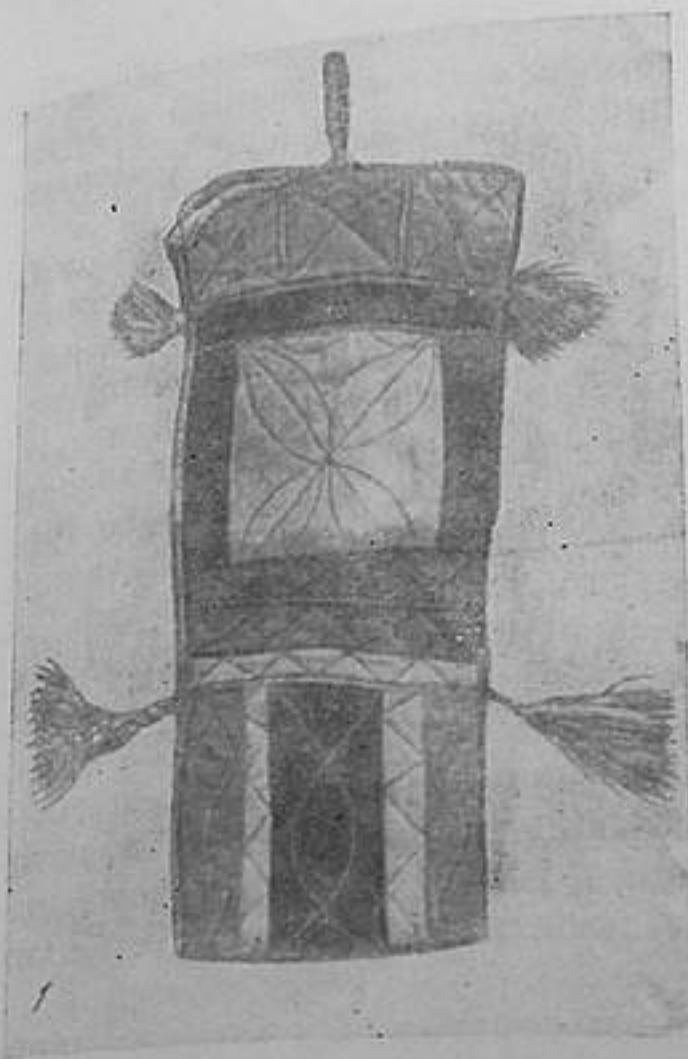
Монетами, пластинками, подвесками в виде цепочек с мелкими бляхами на концах ногайки украшали и тахию девушек, особенно налобную часть, по нижнему краю тюбетейки также нашивали мелкие монеты или жетоны.

Праздничным налобным украшением, носимым иногда и под подбородком, были *бет аякъ* и *бастырман маржан*. То и другое состояло из серебряных цепочек и колечек, прикрепленных концами к серьгам¹⁶³, или подвесок из цепочек в особом сочетании с кораллами, бляхами, бисером¹⁶⁴ и т. д. Эти украшения чаще пришивались к ободку шапочки по ее нижнему краю так, чтобы подвески, спускаясь на лоб, чуть-чуть прикрывали брови и глаза.

В начале нашего века этими украшениями иногда пользовались девушки-невесты.

Длинные подвески из кораллов, бисера, стеклянных бус, нанизанных на нитки, делали и для шапки *силяуш*. Свисая с двух сторон, они закрывали уши, щеки и спадали на грудь. Многие из этих украшений, правда в разобранном виде, и сейчас сохраняются в ногайских семьях.

Из ушных украшений были распространены только серьги — *кзулакшыи*, которые носили все ногайки. Кроме того, бытовали и носовые серьги — *тогъа*. Еще в 6—7-летнем возрасте девочкам в ушах и левой ноздре прокалывали для этого отверстия. Серьги начинали носить девочки с раннего детства, а *тогъу* носили только невесты (в 12—13 лет).

¹⁶³ А. П. Архипов. Три отрывка...

¹⁶⁴ Полевой материал. Записано в 1967 г. в сел. Терекли-Мектеб Ногайского района у Т. Абубекеровой (1893 г. р.).

Кисеты и кошелек, сел. Терекли-Мектеб
1—3 — кисеты; 4 — кошелек

Ногайские серьги взрослых женщин были массивны. Исследователи отмечали, что эти серьги весьма «весомой величины»¹⁶⁵, «тяжеловесные»¹⁶⁶ или просто «огромные»¹⁶⁷. Недаром ки до замужества носили серьги поменьше и попроще. Судя по сохранившимся образцам, ногайские серьги можно подразделить на четыре типа.

Первый тип — серьги, имеющие форму кольца, изготовленного из довольно толстой серебряной проволоки, с несходящимися концами (диаметр 5—8 см). Верхняя его часть служила дужкой, а к нижней прикреплялись при помощи тонкой проволоки, которая одновременно служила и украшением, от одного до трех дуговых полых шариков. Шарики в свою очередь имели маленькие петельки, в которые продевались другие небольшие шарикоподобные шары. Серьги с одним шариком назывались *бир туймели кьулакъшын*, с двумя — *эки туймели*, с тремя — *уьш туймели кьулакъшын*.

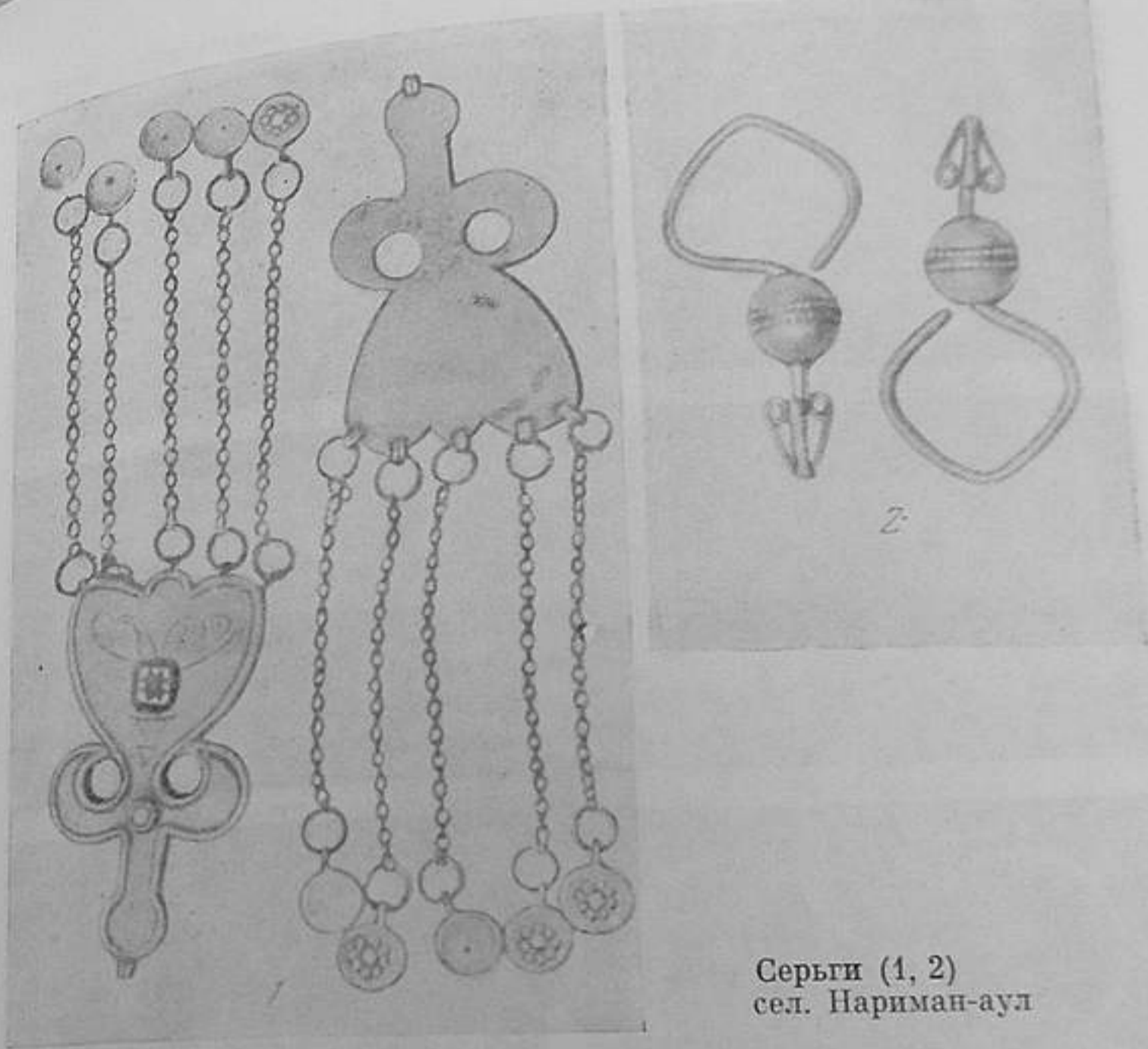
Разновидностью этого типа серег являлись серьги, имеющие вместо шариков три серебряных бусины в виде зерен, к которым прикреплялись подвески из монет на кольцах. Каждое кольцо внутри часто имело серебряную пластинку в форме бараньих рогов.

Второй тип близок к дагестанским серьгам. Они имели длинные подвески из колечек или цепочек. Основу их составляло кольцо из довольно толстой серебряной проволоки диаметром от 4 до 5 см; верхняя его часть служила дужкой; к нижней же части (на внутренней ее стороне) припаивалась литая фигурка, чаще в виде птички. С внешней стороны к кольцу припаивались колечки для цепочек (4—6 штук), а к цепочкам прикреплялись небольшие жетончики или бляшки треугольной формы. Этот тип серег, очевидно, был занесен в Ногайскую степь ювелирами из Дагестана. Назывались все серьги с подвесками *аякълъ кьулакъшын*, а с пластинкой в виде птички — *кьораз кьулакъшын*.

Третий тип представляют серьги, основой которых служила толстая проволока, согнутая в виде крючка с длинным прямым концом, на который надевали дуговой полый шарик; нижний конец проволоки оформляли при помощи более тонкой проволоки в виде треугольника. Эта форма серег называлась *буькбе* (согнутый).

Буькбе несколько напоминают отдельные образцы чувашских и особенно киргизских серег¹⁶⁸ и их разновидности у ряда других народов.

Четвертый тип представлен серьгами, изготовленными из литой и штампованной широкой, но не толстой пластинки в форме

Серьги (1, 2)
сел. Нариман-аул

полумесяца, иногда усложненного очертания, с небольшой дужкой. К пластине прикреплялись с помощью колечек 4 подвески из монет. Эти пластинки украшались накладной филигранью, чернью, разноцветными камнями, а чаще стеклом — одним крупным или тремя—восемью мелкими.

Носовая серьга также была, как отмечали исследователи, «большой и тяжеловесной»¹⁶⁹. Она представляла собой круглое кольцо диаметром 5—6 см, изготовленный из серебряной массивной проволоки с несомкнутыми концами. Иногда к кольцу прикреплялись один—три полых шарика.

На ночь носовую серьгу обычно снимали. Носили ее до пожилого возраста.

Обычай носить носовые серьги давно исчез. Вышли из быта и большие, тяжелые ушные серьги из серебра. Их заменили фабричные серьги.

В настоящее время ногайки чаще всего носят небольшие золотые серьги с рубинами или цветным стеклом. Встречаются

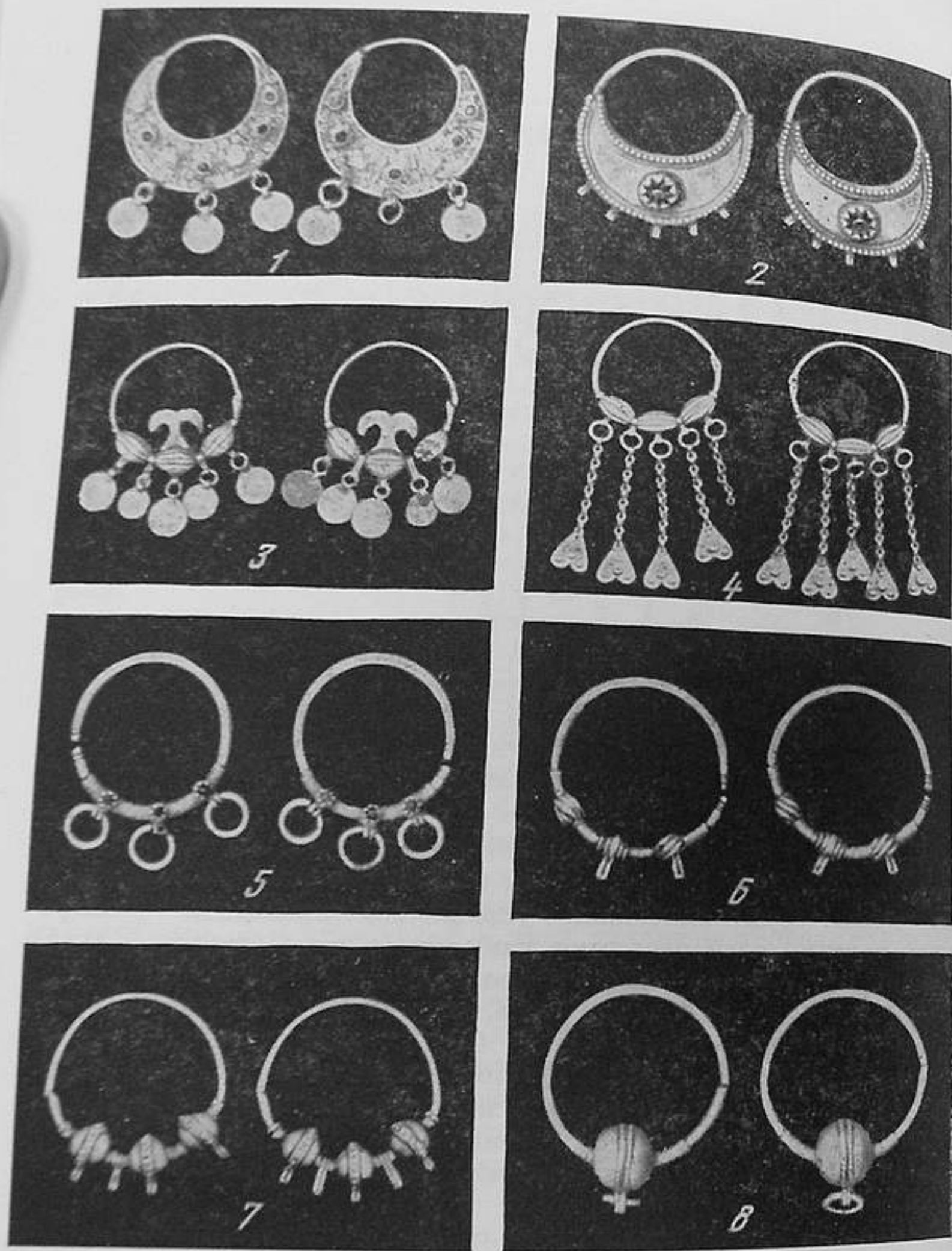
¹⁶⁹ С. В. Фарфоровский. Ногайки Ставропольской губернии, стр. 19.

¹⁶⁵ А. П. Архипов. Три отрывка...

¹⁶⁶ Г. Анасьев. Указ. соч., стр. 47.

¹⁶⁷ Г. Малаякин. Указ. соч., стр. 152.

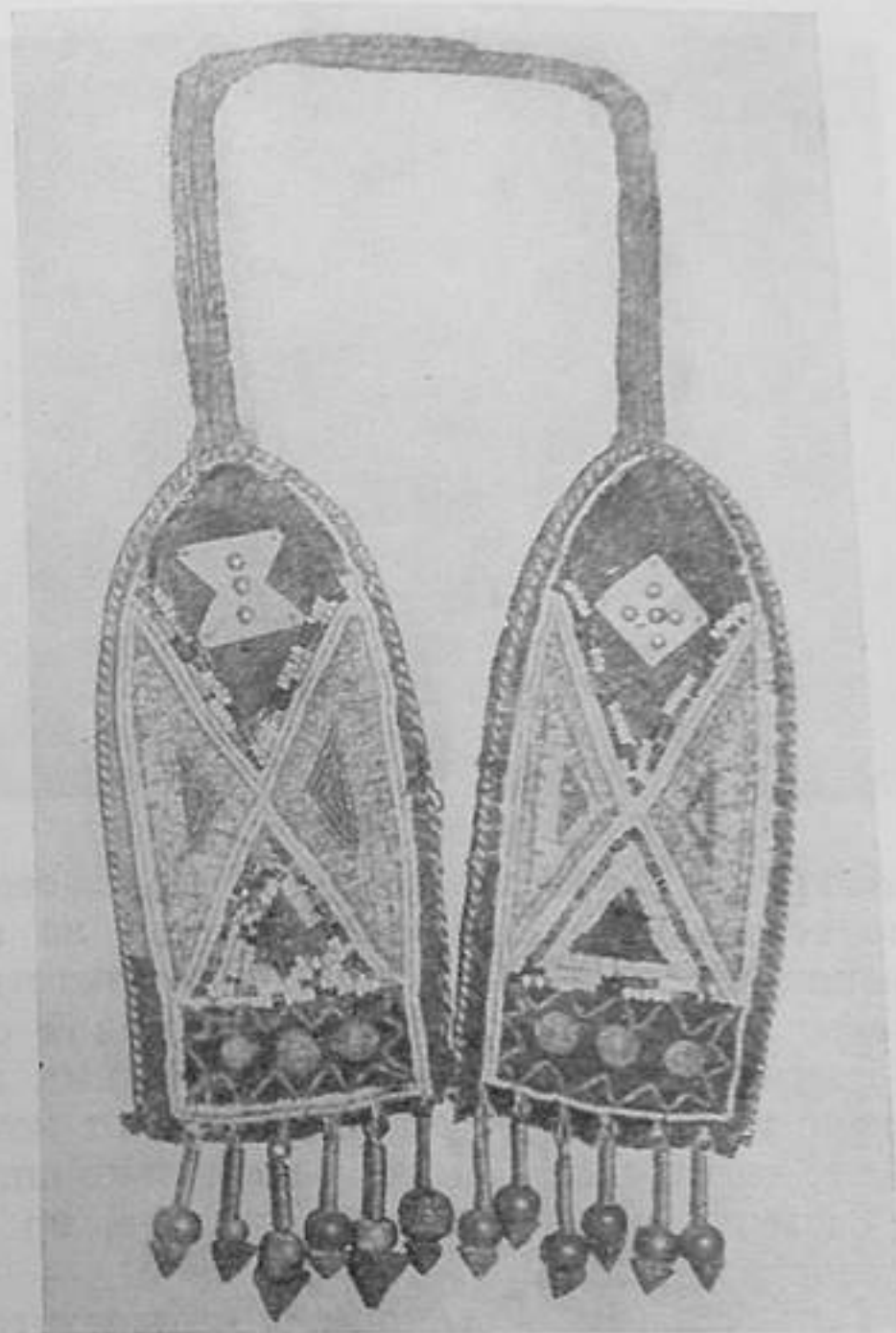
¹⁶⁸ «Чуваши. Этнографические очерки...», стр. 315; «Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан», стр. 147 (рис. 59, 5).

Серьги

1, 2, 4, 5, 7, 8 — сел. Карагас; 3, 6 — сел. Уйсалган

Нагрудное украшение
(ГМЭ)

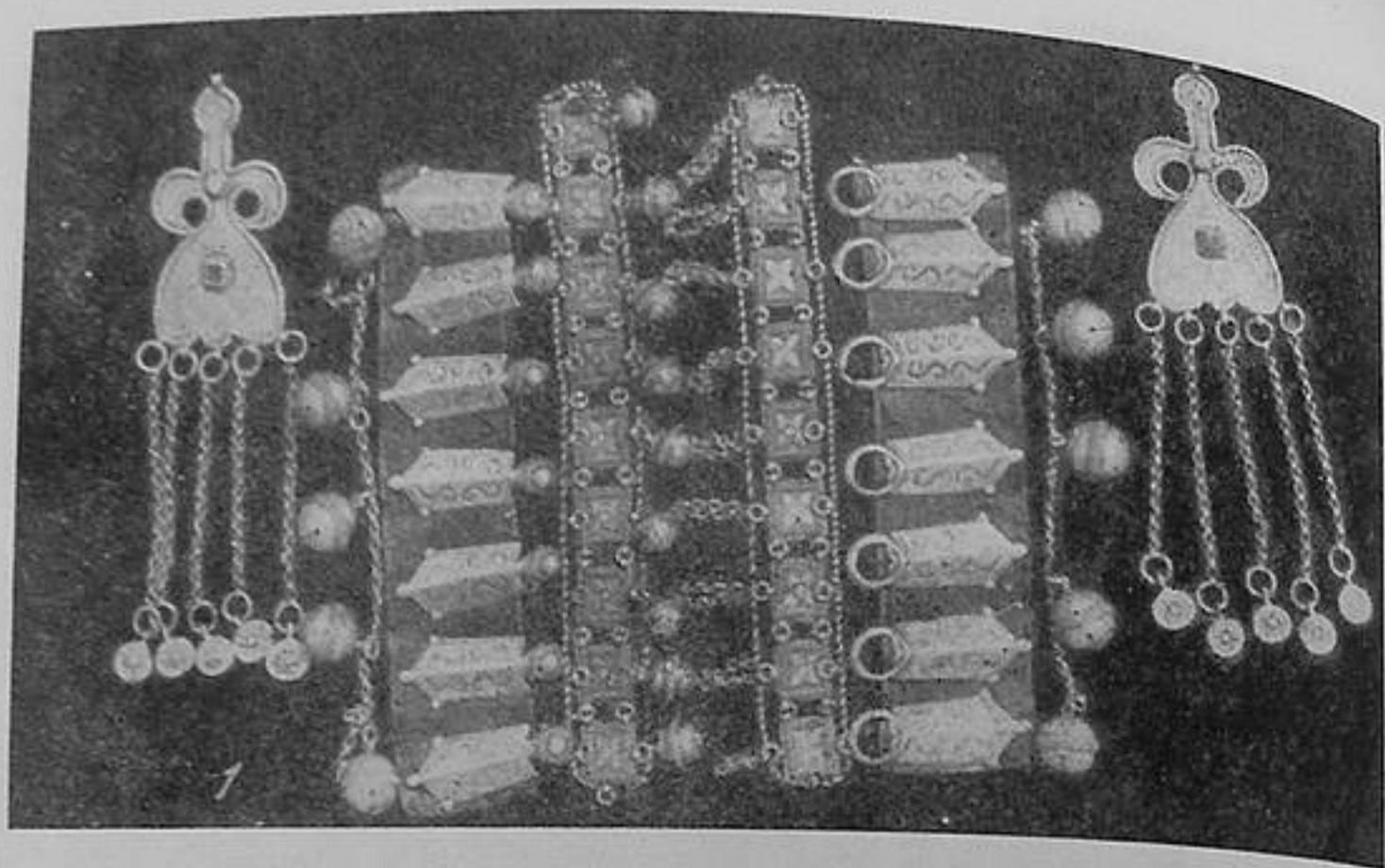

также серьги кустарного производства из тонкой литой серебряной пластинки в форме полумесяца, иногда усложненного очертания, с маленькой дужкой.

Из шейных украшений — *мойынлыкъ* — ногайки носили ожерелья из кораллов, сердоликовых, серебряных, стеклянных бус, а также из монет и жетонов. Однако последние в исследуемое время широкого бытования уже не имели.

Из нагрудных украшений наиболее характерными для ногайских женщин были серебряные, оловянные или латунные (посеребренные) 6—10-парные застёжки — *тоьс тюйме* (грудная застёжка) или *такъта тюйме* (пластинчатая застёжка), — являющиеся обязательной принадлежностью их нарядного костюма. Очевидно, именно эти украшения имел в виду Р. Эркерт, когда писал: «Верхняя одежда, называемая «къаптал», спереди открыта, на груди совсем на манер гусарской шнуровки (как и у кабардинок), но доброкачественнее, располагаются десять горизонтальных параллельных узорчатых, треугольных, т. н. призматических, серебряных планок, которые нашиты на красный сафьян и окаи-

чиваются у наружного конца в виде застежек; внутренний конец (то есть к середине) оканчивается на правой стороне в виде кнопок, на левой — находятся соответствующие им кнопочные отверстия. Эта часть груди над талией опоясывается двумя серебряными украшениями, заменяющими шнуры, в то время как вокруг талии нашит золотой шнур, от которого вниз на расстоянии 18 см отходят в сторону несколько шнуров»¹⁷⁰.

Застежки имели несколько видов, но из них наиболее часто встречались три:

Такъта тьюме — вытянутые четырехугольные (размером 5,2 × 2,8 см) или строго квадратные пластинки (5—9 пар), соединенные между собой кольцами. К этим пластинкам справа прикреплялись особыми кольцами полые шарики (по 1—2), которые выполняли роль пуговиц, а слева — цепочки в виде петель.

Данный вид украшений-застежек в какой-то степени напоминает нагрудные нашивки на женских платьях отдельных групп удмуртов¹⁷¹, а также орнамент вышивок калмыков¹⁷². Вполне возможно, что и те и другие восходят к одному и тому же этнокультурному источнику — к далеким традициям кочевого мира.

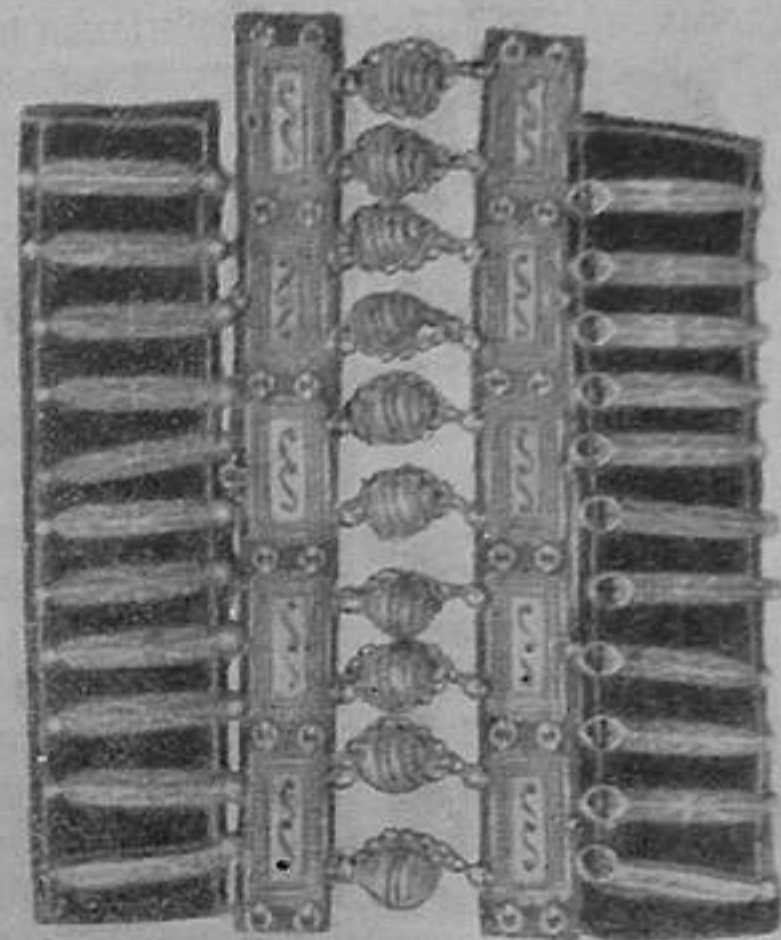
Тось тьюме — застежки, состоящие из ряда (6—8 пар) четырехугольных щитообразных пластинок с шаровидными утолщениями на концах. Они застегивались при помощи головок в виде полушарий (с правой стороны), вдеваемых в петли (с левой стороны).

¹⁷⁰ R. Erckert. Op. cit., S. 42.

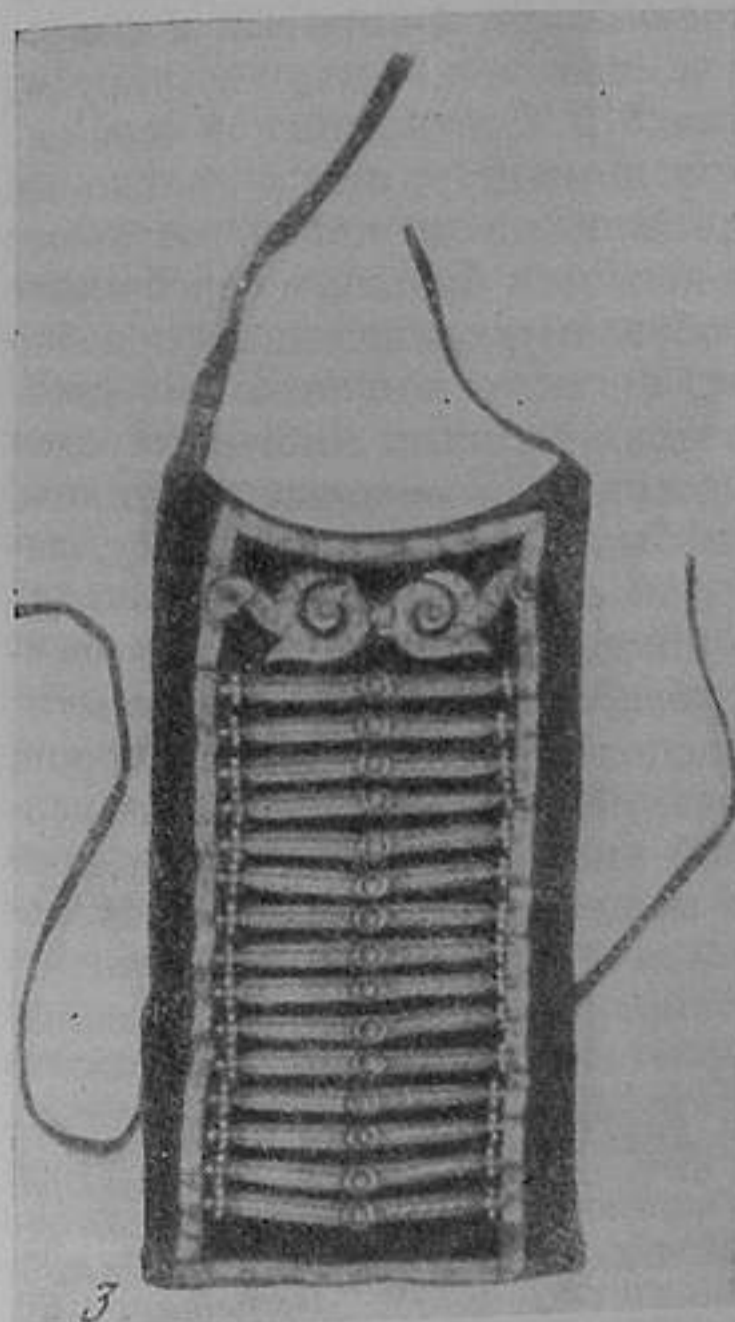
¹⁷¹ В. Н. Белицер. Указ. соч., стр. 54.

¹⁷² «Народы Европейской части СССР», ч. II. М., 1964, стр. 760.

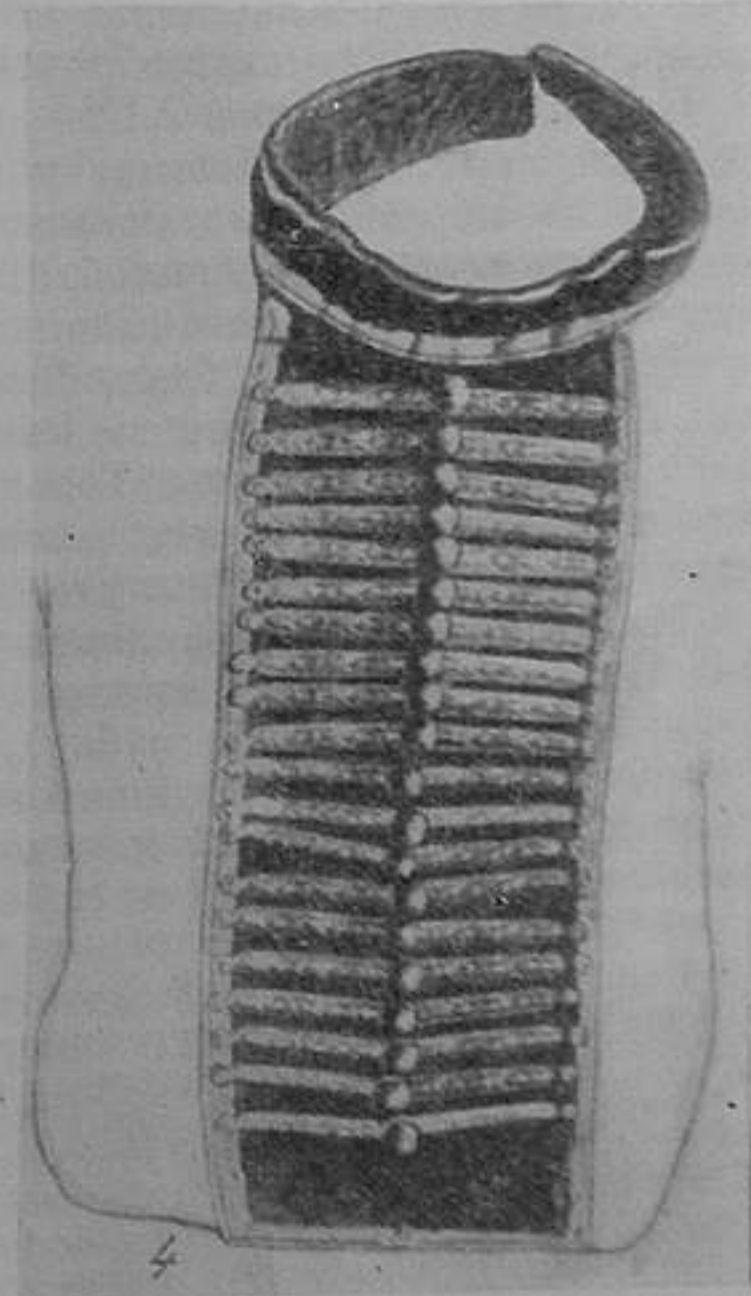
Нагрудные украшения
1, 2 — сел. Нариман-аул;
3, 4 — сел. Икон-халк

2

3

4

Разновидностью той же тьюме являлись застежки в форме кинжалчиков¹⁷³ с шарикообразными утолщениями на концах. Этот вид застежек близок к нагрудным застежкам — украшениям женщин Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Адыгеи, Северной Осетии, Северного Дагестана (кумычек)¹⁷⁴.

Третий вид — это цепочки, с которых свисали полые шарик — *къус къуйрукъ* (птичий хвост). Этот вид самостоятельного значения не имел, а служил в качестве дополнения к первым двум формам украшения.

На застежки наносился черневой орнамент, а также зернь и скань.

Застежки-украшения сперва нашивали на две полоски ткани, обычно черной или красной (размером 28—31×3,5—7 см), на одну — ряд пластинок с крючками для застежки, на другую — ряд с петлями. Затем эти полоски пришивали на бешмет (от ворота до пояса). Некоторые застежки-украшения нашивали на полоску кожи. Очевидно, последний прием — наиболее старинный. Богатые ногайки часто носили на нарядных бешметах по два полных комплекта разных по форме застежек-украшений: и той же тьюме, и такъта тьюме, а также къус къуйрукъ. При этом в таких случаях четырехугольные застежки с полыми шариками и петлями из цепочек нашивали по краю борта, а впритык к ним — кинжаловидные или щитообразные и, наконец, — къус къуйрукъ.

Надо отметить, что в XIX — начале XX в. ногайская женщина чаще застегивала бешмет у воротника и у пояса только на маленькие потайные металлические крючки и петли, оставляя нагрудную часть приоткрытой. Что касается больших серебряных застежек, то они служили главным образом украшениями подобно нагрудникам из монет, блях, бисера, а также нашивкам из цветных полос ткани и вышивкам на платьях женщин многих народов Азии и Восточной Европы. Только девушки и молодые женщины, еще не ставшие матерями, должны были, согласно этикету, закрывать грудь бешмета наглухо.

Маленькие девочки застежек-украшений на костюме не носили. Их платья-рубахи, иногда и бешметы украшали монеты, чаще крупные (царские рубли), расположенные с двух сторон, несколько отступая от грудного выреза. Монеты сначала прикрепляли на полоску красной или черной ткани, которую затем пришивали к одежде. Известны случаи ношения девочками и отдель-

¹⁷³ Поразительное сходство с этими металлическими украшениями ногайской женщины имеет пинуровой орнамент (вышивка) на нагрудной части костюма шаманки карагасов Сибири, что может служить свидетельством о распространении этого вида украшения у разных народов в прошлом (Л. Я. Штернберг. Орнамент из оленьего волоса и игол дикобраза. СЭ, 1931, № 3-4, стр. 114, фото 12).

¹⁷⁴ Е. Н. Студенецкая. Украшение одежды у кабардинцев (XIX—XX вв.). «Уч. зап. Кабардинского научн.-иссл. ин-та», т. V. Нальчик, 1950, стр. 163; «Адыгейский народный орнамент», стр. 70—71; «Народы Кавказа», т. I, стр. 171, 208, 323; С. Ш. Гаджиева. Кумыки. М., 1961, стр. 239.

ных нагрудников из монет, блях, раковин и т. д., нашитых на ткань. Такой нагрудник завязывался сзади на шею и у талии на шиурки, пришитые к нему.

Думается, что ношение украшений из монет с двух сторон грудного разреза или по бортам бешмета является древней традицией ногайцев, характерной в прошлом не только для костюма маленьких девочек, но и для костюма женщин. При этом следует отметить полную аналогию бешмета ногайской девочки с костюмами других народов, сохранивших эти традиции до недавнего времени, в частности каракалпаков¹⁷⁵ и туркменов¹⁷⁶.

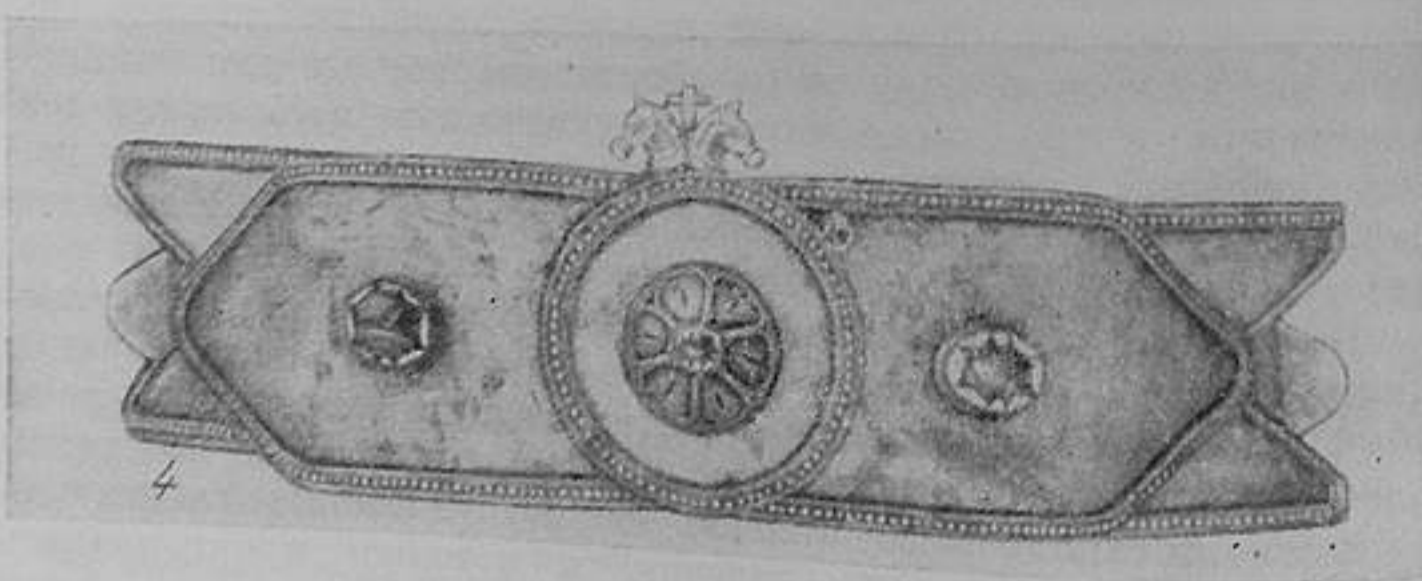
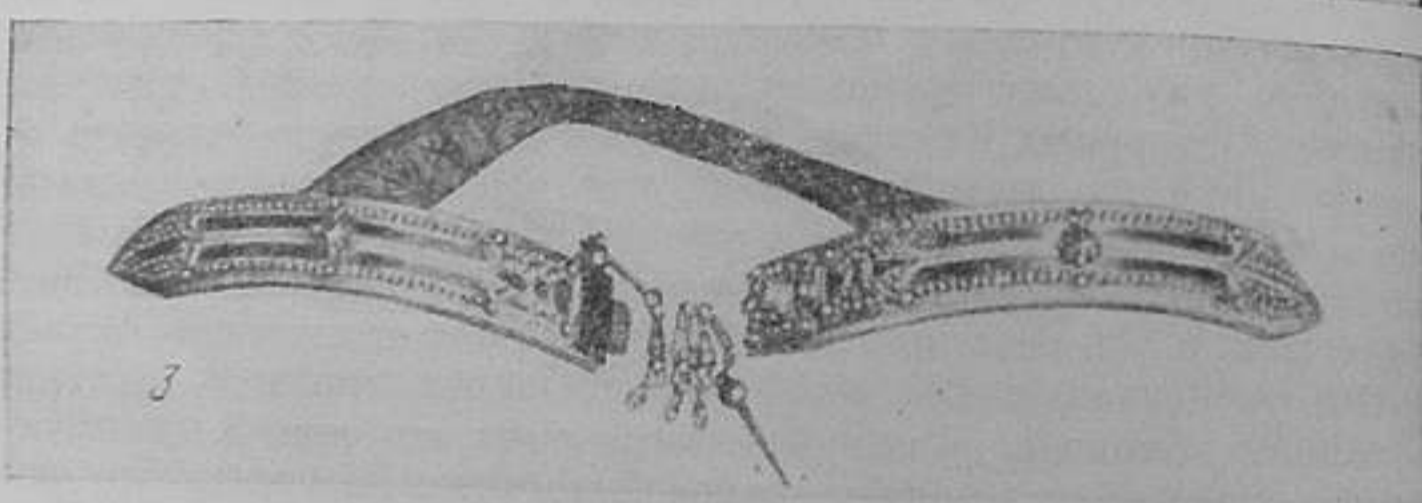
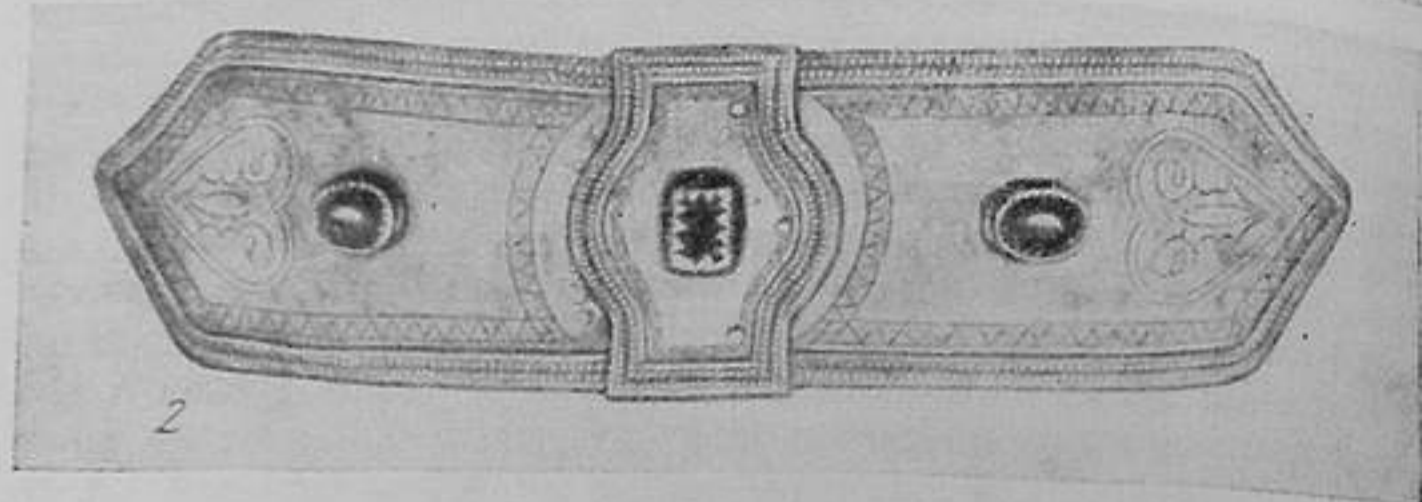
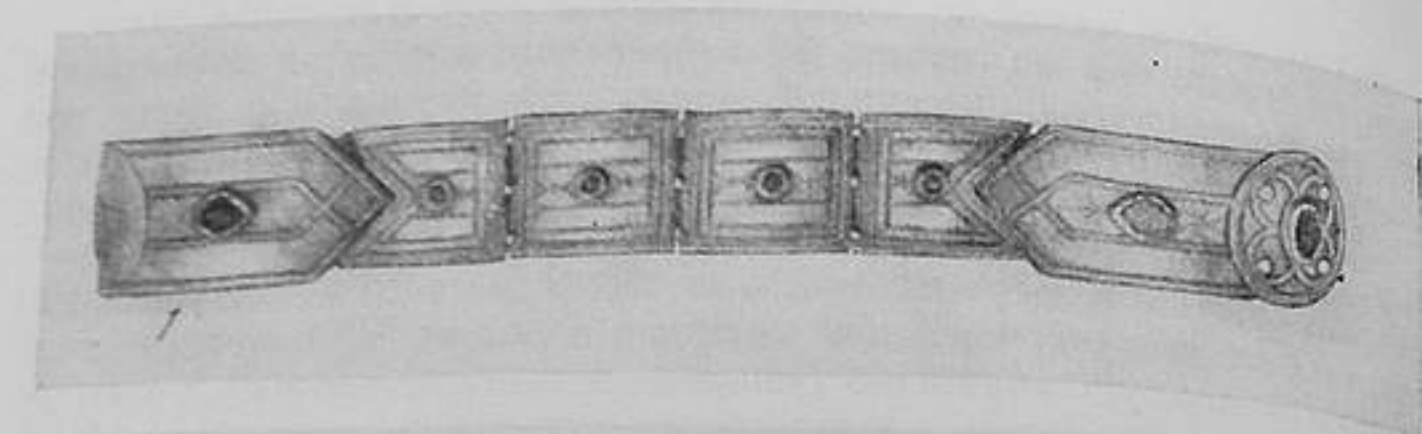
Трудно сказать, являются ли для ногайцев описанные выше нагрудные застежки-украшения такими же традиционными, как украшения из монет, или они заимствованы у кавказских соседей. Трудность решения этого вопроса осложняется тем, что пока еще не решен вопрос о происхождении самих кавказских нагрудных застежек, которые напоминают нагрудные застежки-петлицы гусарских костюмов Венгрии, Польши, России и других стран, нашивку на свитке-кафтани украинских женщин и т. д. Все же думается, что некоторые виды ногайских застежек, в частности четырехугольные, щитообразные и круглые с перехватом в середине, по своему происхождению связаны не с культурой абригенов Северного Кавказа, а с культурой кочевых народов.

Нашивки из цветных тканей, как мы отмечали выше, делались на платьях удмурток, в культуре которых явно проследится влияние тюркских народов, на платьях карагасов Сибири, калмычек и др. Мы, однако, не отрицаем заимствования ногайскими женщинами застежек в виде кинжалчиков у женщин Северного Кавказа, у которых они отличались тонкой художественной работой и имели широкое бытование. Возможно, что они были занесены на Кавказ еще в алано-сарматский период. При этом надо иметь в виду и то обстоятельство, что для ногайцев украшения, в том числе нагрудные, зачастую изготовляли горские ювелиры, которые хотя и делали их в основном по традиционным образцам, но нередко придавали им кавказские формы.

Из подвесных нагрудных украшений из серебра ногайки (преимущественно девушки и молодые женщины) очень ценили *ийинликъ*, пришиваемые на бешмет с двух сторон чуть ниже плечевого шва. Эти две довольно массивные фигурные пластинки напоминали стилизованную женскую фигуру. К нижней части пластинки припаивали пять колечек, к которым прикреплялись длинные цепочки с полыми дискообразными бляшками в виде розеток на концах. Пластинки по контуру украшали тончайшей зернью, в центре — гравированным геометрическим орнаментом, а также вставными камнями. Зернью покрывали и бляшки. Ийин-

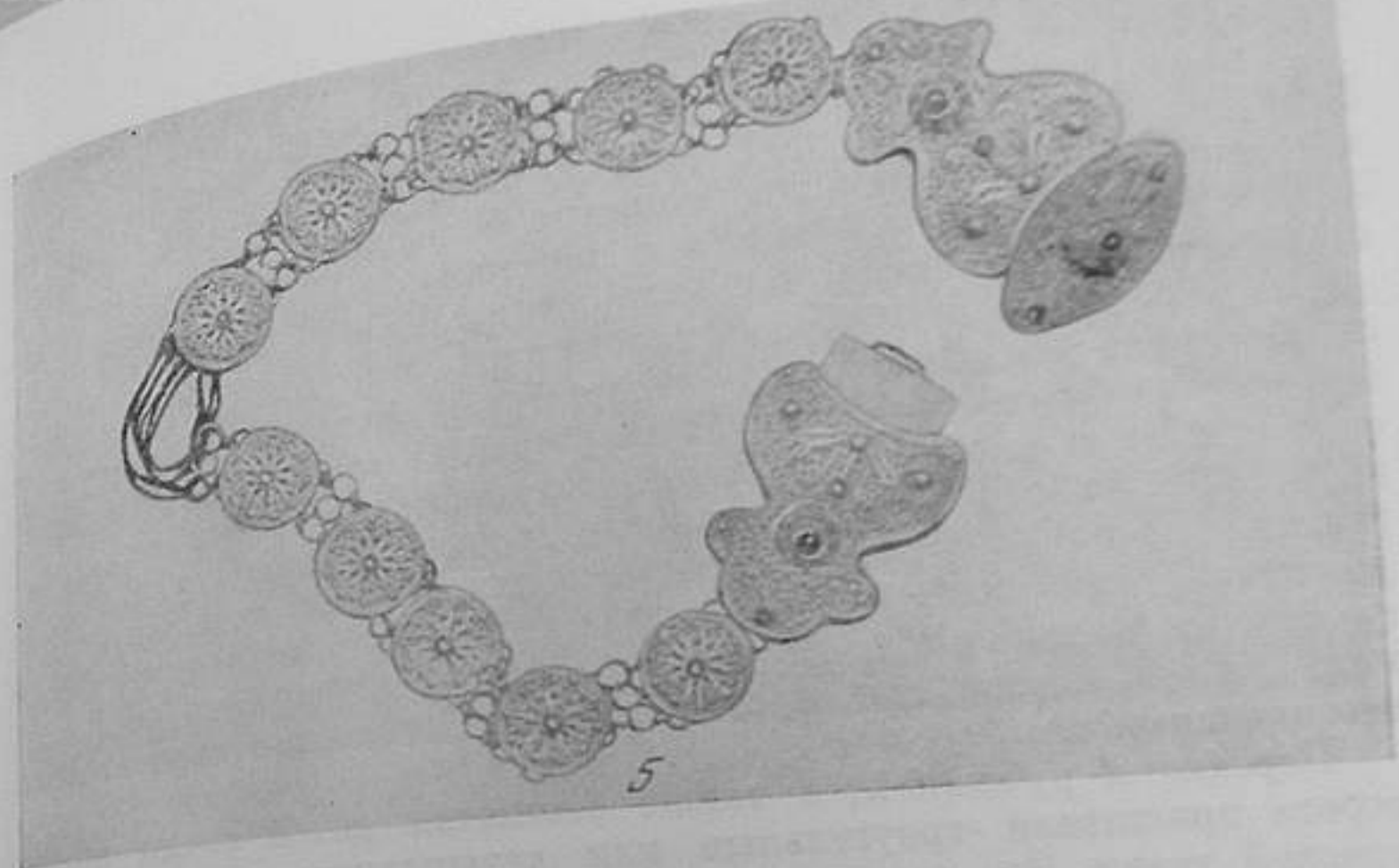
¹⁷⁵ Т. А. Жданко. Каракалпаки, стр. 481.

¹⁷⁶ «Народы Средней Азии и Казахстана», т. II. М., 1963, стр. 97.

Пояса и поясные пряжки

1 — сел. Нариман-аул; 2, 4, 5 — сел. Терекли-Мектеб; 3 — сел. Икон-хали

ликъ носили чаще всего в сочетании с тоьс тьюме или такъта тьюме.

К подвесным нагрудным украшениям из серебра относилось также сложное девичье украшение *гъамайлыкъ*. Это в основе своей медальон, соединенный посредством колечка с фигурной пластинкой с подвесками, к концу которых прикреплены шарики с монетами. С двух сторон медальона располагались треугольные пластинки, от каждой пластинки отходила цепочка, прикреплявшаяся к такому же треугольнику. От медальона вверх шла каплевидная пластинка с острым загнутым в виде крючка концом для закрепления украшения на одежде. Каплевидная пластинка, медальон и большая фигурная пластинка располагались на одной вертикальной оси. Украшение делалось с простыми и полудрагоценными камнями. Центральный медальон имел большой сердолик, а вокруг него располагались мелкие зерна бирюзы. Пластинки орнаментировались черненым растительным узором.

Гъамайлыкъ прикреплялся на груди нарядного платья девушки, а концы его пришивались к плечам.

Среди разных видов нагрудных украшений особое место занимал своеобразный нагрудник караногаек — *тоьслюк*. Он состоял из двух широких прямоугольных (иногда и несколько округленных с одной стороны) полосок кожи или ткани, соединенных между собой узорной тесьмой. Полоски крепились на подкладке и сплошь расшивались разноцветным бисером, обычно геометрическими узорами (квадратики, треугольнички и т. д.). К нижним концам полосок обычно пришивали еще металлические стреловидные подвески, стержни которых представляли собой ко-

роткие спирали. Нагрудник носили девушки-невесты поверх свадебного наряда.

Некоторые из женских украшений имели значение амулетов. В футлярчиках ювелирной работы иногда женщины носили молитвенные листочки, якобы против болезней, «сглаза» и т. д. Значение амулета придавалось и некоторым камням, носимым в серебряной оправе (сердолик, янтарь и др.).

Украшения-обереги были характерны для детской одежды, особенно девочек. Это всевозможные бусы, сердолик треугольной или четырехугольной формы в серебряной оправе, серебряные футлярчики с вложенными в них молитвами или с молитвами, выгравированными под чернь на самом футлярчике. Такими оберегами служили и футлярчики, обтянутые тканью и нередко украшенные серебряным галуном или тесьмой, стилизованные фигурки птичек либо кисти руки из литого серебра, считавшиеся магическими средствами против болезней, а также средствами, отгоняющими зло.

Нередко к рубашкам, а также бешметам детей сзади ниже ворота пришивали треугольные или четырехугольные кусочки красной ткани. Это также рассматривалось как средство, якобы отгоняющее зло.

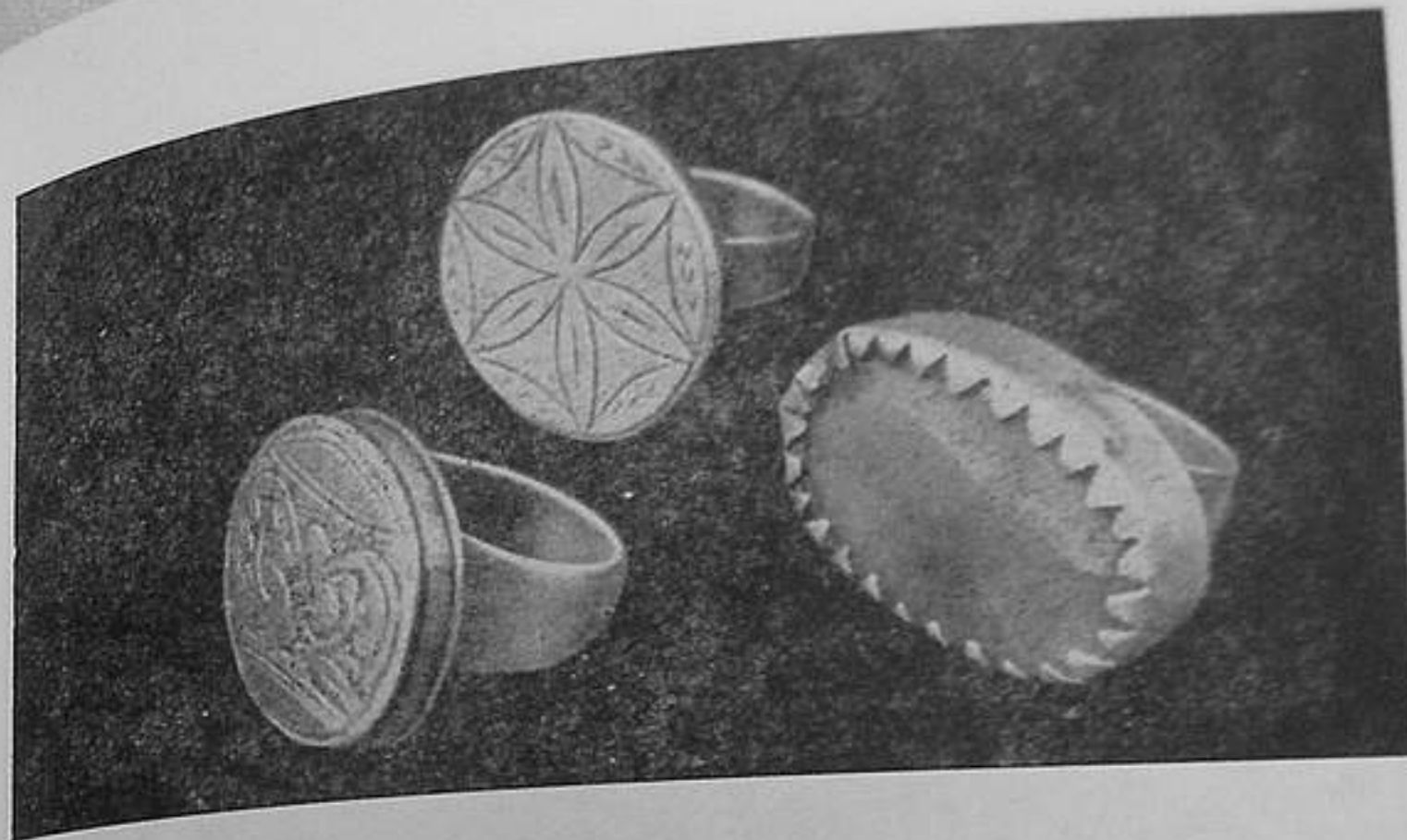
С нарядным бешметом ногайки носили разнообразные серебряные пояса — *кзусакъ*, *кемар*. Наиболее распространенным, на наш взгляд, был широкий пояс (шириной в пять пальцев) из массивных серебряных пластин с еще более массивной пряжкой из двух половинок. Нередко пряжка составляла треть или половину всей длины пояса. Звенья пояса соединялись друг с другом на шарнирах.

Чаще всего эти пояса и пряжки были украшены геометрическим орнаментом (круги, треугольники и т. д.), а звенья пояса по краям обрамлялись зернью и имели сердоликовые вкрапления. Такие пояса, очевидно, имеет в виду А. Архипов, когда пишет: «...заметнее всего пояс ногайки и туркменки, которым они стягиваются сверх бешмета и кафтанов. Пояс этот (кусак) состоит из огромных серебряных блях или пряжек, величиною в добрую ладонь, нередко с вделанными в них сердоликовыми и др. камнями; наборка его у зажиточных также из серебра с резьбою, иногда с чернядью туземного искусства»¹⁷⁷.

Женщины менее состоятельных семей носили широкий кожаный (чаще из красного сафьяна) пояс, но с такой же широкой и массивной пряжкой.

Ногайские женщины носили также пояса кавказских типов, в частности дагестанских. Они отличались от первых как формой, так и более сложной отделкой. Такой пояс состоял из менее массивных звеньев — круглых или прямоугольных серебряных пластинок, соединенных между собой колечками или шариками,

¹⁷⁷ А. П. Архипов. Этнографический очерк..., стр. 354.

Перстни

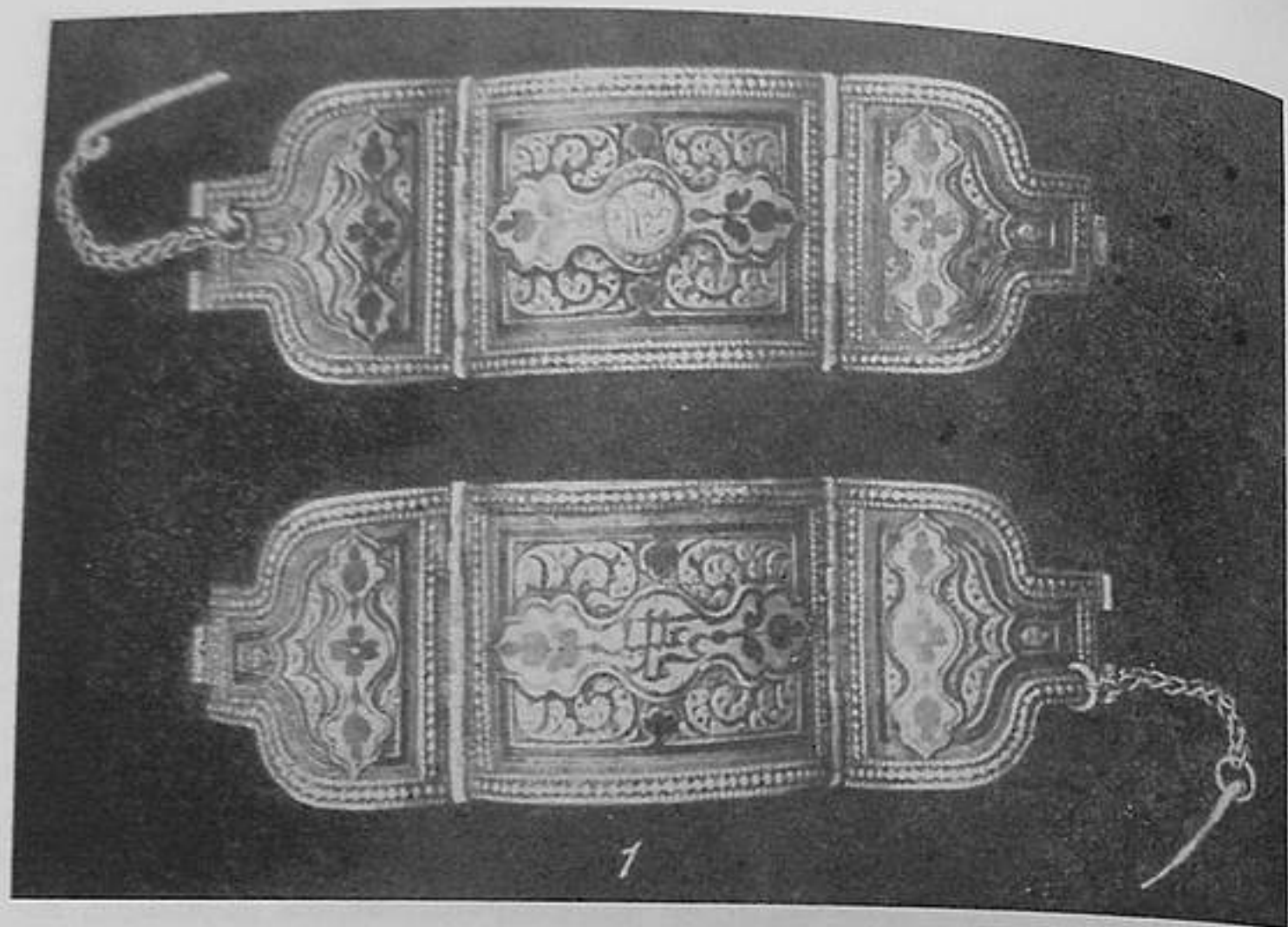
имел длинную сравнительно узкую, часто фигурную пряжку. Большинство этих поясов, судя по сохранившимся образцам, изготовлено в технике ажурной накладной филигранны и зерни с применением инкрустации из бирюзы и мелкого цветного стекла.

В отличие от широких массивных поясов, очень распространенных в Ногайской степи (у кочевников), кубанские и терско-сулакские ногайки носили пояса главным образом последнего типа. Далеко не все детали пояса делались из серебра, ибо его стоимость равнялась стоимости коровы, лошади или нескольких овец. Очень часто пояс изготавливали из широкого галуна или бархата на подкладке, а длинную массивную пряжку — из серебра.

Поясные застёжки — *кзанапшыкъ* — были парными и пришивались к обычным бешметам или (у ногайцев Терско-Сулакской низменности) к *кзабалаям* спереди по линии талии. Число застёжек зависело от их величины. Длинные узкие застёжки пришивались по две — четыре, а большие — по одной-две. Чаще встречались застёжки типа дагестанских — в виде листьев, маленьких кинжалчиков, рыбок и т. д. Очевидно, поставщиками этих изделий были лакские, кубачинские и кумыкские мастера.

Украшения для рук были представлены всевозможными кольцами — *юзик* и браслетами — *билезик*. Их делали в основном из серебра и частично из латуни. Золотые колечки, а тем более браслеты встречались в Ногайской степи довольно редко и только в знатных семьях.

Кольца были распространены шире, чем браслеты. Ногайки носили кольца, нередко украшенные зернью, кольца без камней, с плоскими головками в виде печаток круглой, четырехугольной или овальной формы, покрытые разным орнаментом под чернь.

Браслеты

1 — сел. Терекли-Мектеб;

Невесты и молодые женщины пользовались, особенно на торжествах, звенящими кольцами — *къонгырав юзик*. Такие кольца состояли из собственно кольца и прикрепленного к нему плоской стороной вверх полушария, в которое вкладывался маленький металлический предмет, производивший при движении звон. Диски и грани звенящих колец покрывались чаще геометрическим, реже растительным орнаментом.

Кольца носили все: дети, молодые девушки и женщины всех возрастов. По обычаю кольцо могли носить на любом пальце, кроме большого. В будничной обстановке женщины надевали одно-два кольца. Девушки из богатых семей на свадьбах в ряде случаев унижали кольцами все пальцы и даже надевали по два на каждый палец.

В советское время постепенно стал исчезать обычай ношения больших массивных колец кустарной работы. Молодые женщины и девушки все чаще приобретают фабричные кольца, в большей степени отвечающие их современным вкусам. Только на руках некоторой части женщин среднего и пожилого возраста по-прежнему можно увидеть старинные традиционные кольца.

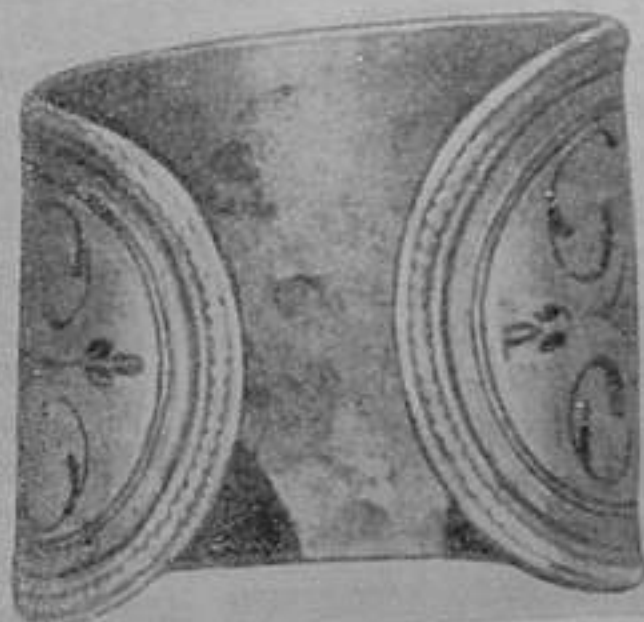
Браслеты также занимали значительное место среди украшений для рук. Они имели преимущественно форму широкого кольца с несомкнутыми закругленными концами. Бытовали также, хотя и реже, браслеты, состоявшие из трех пластинок (большой

2

3

4

Браслеты

2 — сел. Уйсалган;
3 — сел. Нариман-аул;
4 — сел. Карагас

в центре и меньших по краям), соединенных посредством шарниров. Они закреплялись на запястье замкнутым кольцом на шарнирной застежке. Судя по их форме и орнаментации, браслеты этого типа имеют более позднее происхождение.

Поверхность тех и других браслетов покрывали разнообразным геометрическим и растительным орнаментом, украшали зернью, гравировкой и чернью, а также инкрустацией из камней, стекла и пасты. На старинных браслетах часто поверхность по краям, а в ряде случаев и посередине украшалась тремя-четырь-

мя рядами черни; в центре браслета помещалась выпуклая восьмиконечная розетка или шишечка. Иногда в центре браслета на овальной пластинке выгравировывалось имя хозяйки. На старинных браслетах наряду с розетками нередко встречаются также накладные украшения в виде выпуклых полулуний или подков.

Позднее у ногайцев получили широкое распространение легкие неширокие браслеты с несомкнутыми концами, украшенные одним — тремя камнями (в центре и по краям). Поверхность их была покрыта мелкой насечкой и черневыми узорами. Они имеют широкие аналогии в Дагестане и изготавливались, очевидно, ювелирами из аулов Кубачи, Кухум и др.

Браслеты имели только женщины из состоятельных семей и носили их одновременно на обеих руках.

Начиная со второй четверти XX в. широкие пояса, браслеты старинного образца (собственно ногайского и кавказского) сохраняются преимущественно как памятные подарки родителей, семейные реликвии. Традиционные ногайские украшения перестали бытовать у кубанских ногайцев и ногайцев Кумыкской равнины раньше, чем у других.

Мы здесь назвали основные, но далеко не все украшения, которым ногайские женщины придавали в прошлом большое значение. Богатые ногайки, например, нередко пришивали металлические украшения по всему подолу, краю и углам передних пол къаптала (*такъта тюйме*), по краю откидной части рукава и двух сторон боковых разрезов у подола (мелкие монеты и бляхи).

Подводя итоги материалам данного раздела, мы можем отметить, что традиционные украшения, использовавшиеся ногайцами в XIX — начале XX в., были весьма разнообразны и отличались большой варианностью типов. Ими, хотя и в разной степени, пользовались дети и женщины всех возрастов и всех слоев населения. Особенно обильны и разнообразны были они у невест, которых одаривали родственники. Простые ногайки пользовались украшениями более дешевыми. Пояс с серебряной пряжкой, серебряный браслет и т. д. имели далеко не все. Женщины из богатых семей носили дорогие браслеты, пояса, ожерелья, нагрудные застёжки, причем имели их по несколько комплектов.

Анализируя комплекс женских украшений ногайцев, можно прийти к выводу, что они по формам, орнаментации и способам ношения имеют много общих черт с женскими украшениями ряда тюркоязычных народов Поволжья, Средней Азии и Казахстана. Это сходство является не только следствием тесных экономических и культурных связей этих народов, но и результатом их этнической близости.

Начиная с XVII в. ногайские украшения подвергаются сильному влиянию ювелирного искусства народов Северного Кавказа, с которыми ногайцы находились в постоянных контактах.

Ювелирные изделия кавказского образца проникали в Ногайскую степь по разным каналам: путем торгового обмена, особенно через Владикавказ, Кизляр, Ставрополь, Темир-Хан-Шуру, Хасавюрт, через кавказских ювелиров, работавших непосредственно в ногайских аулах, через институты аталычества и куначества, которые связывали людей узами дружбы и предопределяли практику подарков, обмена одеждой, украшениями.

Близкое соседство отдельных этнографических групп ногайцев с теми или другими кавказскими народами способствовало появлению и сохранению местных локальных особенностей их культуры, в том числе и украшений. В то время как у прикубанских ногайцев, например, в поздний период стали в значительной степени бытовать черкесские изделия, у ногайцев Терско-Сулакской низменности, т. е. Кумыкской равнины, — кумыкские.

Нельзя не отметить и то, что из всех этнических подразделений ногайцев старинные формы традиционных украшений больше всего сохранились у караногайцев.

ОБРЯДОВАЯ ОДЕЖДА

Свадебная одежда. Для свадьбы всегда использовалась одежда лучшего качества. Костюм жениха отличался от обычного костюма лишь качеством ткани и своей новизной. Он состоял из белой рубашки, черных или в полоску штанов из плотной ткани, бешмета из гладкого шелка, шерсти или сатина, суконой черкески *гъазирли шепкен*, мягких красных сафьяновых сапог с кожаными калошами или модных хромовых сапог, меховой шапки, по возможности из среднеазиатского каракуля или смушки лучших местных пород. Черкеску подпоясывали узким кавказским ремненным поясом с подвесками, украшенным набором металлических пластинок и блях; на пояс прикреплялся большой нож в черных или красных сафьяновых ножнах, а в ряде случаев кинжал. Если свадьба происходила зимой, то жених поверх бешмета надевал не черкеску, а шубу. В богатых семьях для жениха справляли шубу из дорогого каракуля, в бедных — из шкурки молодых барашков местной породы.

Отличительную особенность костюма жениха во время свадебного церемониала составлял башлык, чаще красный или белый, который жених обязательно накидывал поверх черкески или бешмета, даже если свадьба проходила летом. В руках или у пояса у него был кнут — *ялав*, которым во время первой встречи с невестой он наносил ей, согласно обычаю, легкий удар, символизирующий установление в семье власти мужа.

Нарядный костюм имел всегда и дружка жениха — *досу*. Он так же, как и жених, накидывал на плечи башлык. Нам думается, что обычай ношения башлыка женихом и его дружкой, как

и ношение кнута, появился взамен древнего обычая ношения ослепленного плеча в виде пелерины или полотенца, что характерно для некоторых других тюркоязычных народов¹⁷⁸.

Наряд невесты состоял из шелковой рубахи ярких расцветок (обычно красного цвета), по возможности из «дараи» (шелк типа из шелка, длинного бешмета из сукна, преимущественно зеленого цвета, с нагрудными украшениями (тоьс тьюме и реди, а у богатых — целиком из серебра).

На голову невеста надевала шапку из выдры или лисьей, заячьей шкуры, а в более ранний период — силяуш или другую шапочку, покрытую серебряными украшениями с подвесками. Шапкой она покрывала большим квадратным платком, обычно красным, с украшениями на лобной части из мелких монет, блях и жетонов.

У ногайцев, проживающих в Прикубанье, невесты в ряде случаев надевали высокую шапочку из галунов или сукна, украшенную вышивкой, а поверх нее — тюлевый или газовый платок. У ногайцев, проживающих на Кумыкской равнине, невесты чаще надевали мешочек — шуткью, широко распространенный у народов Дагестана, а поверх него, так же как кумыки, накидывали большой шелковый или шерстяной платок, у богатых — тюлевый или газовый.

На ногах невесты чаще всего имели мягкие сапожки типа чулок — *атуе* — из красного сафьяна с ажурной цветной строчкой на голенищах или аппликацией из другой цветной кожи, а поверх них — кожаные же галоши на каблучках, с бубенчиками внутри каблучка, тоже украшенные аппликацией из сафьяна другого цвета.

Ногайки, проживающие по соседству с кумыками, обычно надевали красные или желтые сафьяновые чувяки — *мачий*, — обшитые по краю золотой тесьмой, а поверх них башмаки с зеленым сафьяновым верхом — *асыл басмакъ*, — также украшенные вышивкой.

В комплект свадебного костюма невесты входили и всевозможные украшения: налобные, нагрудные, шейные, браслеты и кольца.

Перед отправлением в дом жениха невеста накидывала на голову красное или бордовое покрывало — *буьркишик*, в котором она должна была показываться при исполнении некоторых обрядов свадебного церемониала в доме жениха. Об этом покрывале Г. Ананьев писал, что караногайская невеста «на тастар надевает «буркончик» (шелковое покрывало, которое закрывает голову спереди и сзади)»¹⁷⁹.

¹⁷⁸ «Чуваши. Этнографические очерки...», стр. 341 (рис. 173), 344.
¹⁷⁹ Г. Ананьев. Указ. соч., стр. 55.

Как мы видим, в наряде невесты преобладал красный цвет, цвет радости и, по представлениям ногайского народа, цвет, отгоняющий зло.

С приходом в дом жениха невеста меняла свой цветной платок на белый, а через некоторое время снимала и многие из украшений, одаривая ими родственников мужа.

Надо отметить, что для невесты ее семья должна была приготовить в зависимости от состояния от 2 до 10 рубах, две-три пары штанов, два-три бешмета, причем тот, в котором она шла к жениху, был более длинным (до середины икр); шапку из выдры; более состоятельные родители шили невесте шубу из курия-смушки, очень богатые — даже из выдры.

Срок носки свадебного наряда новобрачной в разных районах или даже аулах был различным. В одном ауле три-четыре дня, в другом — больше. Однако повсеместно молодуха до рождения первого ребенка своим повседневным костюмом отличалась от других членов семьи.

Погребальная и траурная одежда ногайцев мало отличалась по своей форме от обычной.

Умершему шили рубаху и штаны традиционного покроя, но более свободные, иногда надевали бешмет. Голову умершей женщины закрывали небольшим платком (мужчин хоронили без головного убора). Затем, по мусульманскому обряду, тело заворачивали в три-семь слоев простой белой ткани — *кебин*, завязав в виде мешка у ног и у головы.

Траурная одежда — *кир кийим* — для родственниц умершего шилась из простых тканей темных тонов. Жена, сестра, дочь и некоторые другие близкие родственницы носили черное платье, черный (караногайцы) или белый (ногайцы Кумыкской равнины) платок, дальние родственницы — синее, серое платье и белый или черный платок. Бешмет обычно не меняли, если он был неяркой расцветки. Во время траура не стирали одежду и не носили никаких украшений.

Мужчины специальной траурной одежды не носили, довольствуясь тем, что у них есть, но в новых ярких костюмах не ходили. В течение 40 дней они не брили головы, в ауле не ездили на лошади, на свадьбы не ходили. Продолжительность траура зависела от степени родства и отношения к умершему и его семье, от его возраста; дальние родственники и соседи ограничивались 40 днями траура, очень близкие соблюдали его до года и более.

Когда исполнялся год, все родственники умершего собирались и устраивали последние поминки. Во время этих поминок семья умершего и его наиболее близкие родственники — члены патронимии — преподносили отрезки на платья и платки всем женщинам из более широкого родственного круга, для снятия траурной одежды.

Таким образом, старинная одежда ногайцев, основные черты которой формировались на протяжении многих веков, была в общем однотипна на всей их этнической территории, хотя и имела много локальных вариантов, связанных с конкретными условиями исторического развития отдельных этнических подразделений народа.

* * *

За годы Советской власти ногайская народная одежда подверглась большим изменениям. Этому способствовали коренные социалистические преобразования, охватившие все стороны хозяйственной и культурной жизни народа, подъем материального благосостояния трудящихся. Изменения отразились при этом как на материалах, из которых шьют одежду, так и типах костюма.

В настоящее время ногайцы носят одежду только из тканей фабричного производства, причем самого широкого ассортимента. В любом селении они могут приобрести самые разнообразные ткани и любое украшение. Каждой ногайской семье стали доступны не только хлопчатобумажные, но и шелковые, шерстяные ткани.

Молодые ногайки шьют одежду из разноцветных тканей — гладких и пестрых, а женщины старшего поколения — спокойных тонов, гладких или с небольшим узором.

Ношение белья ногайцами в современном понимании этого слова стало обычным явлением только с победой колхозного строя. Белье шьют из хлопчатобумажных тканей: мужчины — из белых, гладких (бязь, мадаполам), женщины — из гладких или с небольшим рисунком. Ткани ярких расцветок для нательной одежды теперь не употребляют. Молодые люди предпочитают носить фабричное трикотажное белье.

Современный костюм ногайцев представляет собой своеобразное сочетание традиционных и совершенно новых форм. Новые формы появляются у них под влиянием городской культуры и начинают преобладать даже в костюме людей среднего и пожилого возраста. Все больше и больше в быт входит готовая одежда, обувь и головные уборы. Их приобретают как в сельских магазинах, куда они поступают в большом ассортименте, так и в городах. В большом ассортименте приобретают здесь и импортные вещи. У ногайцев пользуются большой популярностью костюмы разных фасонов, а также всевозможные сорочки, жакеты, свитера, пальто, плащи, куртки.

Нетрудно заметить, что фасон новой одежды в ногайском ауле находится в прямой зависимости от городской моды, хотя в сельской местности она распространяется не сразу. Традиционным костюмом пользуются преимущественно люди старшего поколения.

Несложные элементы одежды (белье, платья, безрукавки, детские куртки, шапочки и т. д.), особенно традиционного типа,

Кубанские ногайки в современной будничной одежде, сел. Икон-халк

в ряде случаев скроенной и по городским образцам, ногайки шьют дома. Во всех аулах, кроме того, есть признанные мастерицы-швей, которые согласно обычаю взаимопомощи нередко выручают своих соседей и родственников. В последние годы в каждом районном центре появились комбинаты бытового обслуживания — швейные и сапожные мастерские. Они выполняют заказы населения как по городским стандартам, так и по местным фасонам, по вкусу и желаниям заказчиков.

Особенно большому влиянию города подверглась мужская одежда. В настоящее время трудно найти ногайца, который носил бы традиционный костюм полностью. Почти перестали бытовать бешмет, черкеска, кавказская рубашка, овчинная шуба традиционного покроя, башлык и ряд других элементов. Они хранятся только в некоторых домах в качестве реликвии. Черкеской и бешметом, «кавказской рубашкой» пользуются преимущественно участники коллективов художественной самодеятельности при выступлениях на концертах, в народных театрах.

Вместо шуб старого покроя у ногайцев появилось несколько новых видов шуб фабричного производства. В 30-х годах они были короткими, их покрывали сукном, диагональю или иной плотной шерстяной тканью, оторачивали каракулем. Шили эти шубы обычно на заказ в городах и в районных центрах, но уже не женщины, а мужчины, в основном приезжие городские мастера. В послевоенный период в сельской местности широкое распро-

Ногайцы в современной будничной одежде

странение получили полушубки с крашеным верхом, прямые и с отрезной талией, двубортные, а позже — широкие полушубки, также с крашеным верхом. Потеряли былое распространение и самодельные войлочные куртки. Бурки, которыми в ряде случаев пользуются и сейчас чабаны, стали поступать к ногайцам в готовом виде из центров бурочных промыслов Северного Кавказа.

Из всех элементов одежды более или менее устойчиво сохраняются национальные формы головных уборов мужчин. меховая папаха бобрк и сегодня является любимым головным убором многих ногайцев, особенно среднего и старшего возраста. Но и здесь с повышением благосостояния и под влиянием моды произошли существенные изменения. Ногайцы стали носить папахи из более дорогостоящих мехов: из среднеазиатского каракуля или местной мерлушки. Помимо папах ногайцы стали носить шапки-ушанки с опушкой из каракуля, а также кепки и даже шляпы.

Что касается обуви, то все население в настоящее время пользуется готовой фабричной обувью самых разнообразных видов. Обувь из сыромятной кожи, которая в прошлом преобладала (чапачи, поршни, башмаки, калоши и т. д.), чулки из стриженной овчины и т. д. носят только отдельные пожилые ногайцы в качестве обычной обуви. Иногда в селении носят сафьяновые и войлочные чулки, поверх которых надевают покупные резиновые галоши.

Не меньшие изменения претерпела и традиционная женская одежда. Молодые женщины и девушки носят теперь одежду ис-

Девушки в современной одежде городского типа

ключительно городского покроя. Многие из них, следуя традиции, все же предпочитают летние платья с длинными рукавами, закрытым спереди лифом и со сравнительно длинной и широкой юбкой. Сельская интеллигенция — учительницы, врачи, работники партийного и советского аппарата, учреждений культуры, учащая молодежь — одевается так же, как городские женщины, городская молодежь. В ногайских селениях часто можно встретить девушек и молодых женщин с городскими прическами, одетых по последнему слову моды.

Это не исключает того, что в селениях многие женщины, особенно среднего и старшего возраста, по-прежнему шьют сами одежду во многом по традиционным формам. Длинная рубаха-платье, длинные штаны, безрукавка, большой белый платок, в ряде случаев бешмет по-прежнему составляют важнейшие элементы их костюма. Однако платье-рубаха уже не является натальной одеждой. Под платьем ногайка непременно носит и нижнюю рубашку такого же как платье покроя, но покороче. Более того, даже платье традиционное теперь шьется уже и короче. Широкое бытование в советское время получило платье среднеазиатского типа, на кокетке, ставшее основным видом платья большинства женщин. Сохранность традиционных форм, равно как и популярность платья на кокетке, объясняется их удобством в условиях сельской местности и сельскохозяйственного труда.

Существенным изменениям подверглись и головные уборы. В настоящее время девушки и молодые женщины носят покупные

шелковые, шерстяные платки, косынки, шарфы. Изменилась и манера завязывания и ношения платка. Сложив платок по-прежнему углом в виде косынки и скрестив под подбородком его концы, способ ношения платка издавна известен у соседних с ногайцами народов: кумыков, чеченцев и др. Наибольшей популярностью при этом пользуются фабричные хлопчатобумажные, шелковые и каменные платки разных размеров. Под большой платок обычные молодые женщины и девушки ходят в одних косынках. У ногаек считаются очень модными шерстяные платки с широкой каймой, а также пестрые «павловские», шелковые, крепдешиновые.

Все ногайки в настоящее время имеют теплую зимнюю одежду: покупные пальто, теплые шерстяные кофты. Пожилые же женщины в качестве теплой одежды по традиции носят безрукавную одежду на вате. Широкое распространение имеют и большие теплые шали, удобные в местных условиях.

Женщины, как и мужчины, носят обувь фабричного производства. В сельской местности носят обувь преимущественно на низком и среднем каблуке. Большое распространение получили калоши, сапоги, боты, очень удобные в сельской местности в дождливую погоду. Женщины старшего возраста предпочитают глубокие резиновые калоши, а также (летом) легкие кожаные чупяки.

Особенно существенно изменилась детская одежда. Для детей белье, платья, жакеты, пальто, головные платки, шапочки, чулки, обувь приобретают, как правило, в магазинах.

Широкому распространению среди детей готовой, городского покроя одежды в значительной степени способствовало введение в школах формы. Если даже кое-кто шьет дома некоторые предметы детской одежды — все равно по городским образцам. Каждая ногайская семья старается одевать детей лучше, чем взрослых, в самое дорогое, красивое, что свидетельствует об изменившемся благосостоянии семьи.

Крутой подъем материального благосостояния ногайцев дал им возможность одеваться по вкусу, по сезону, иметь по несколько комплектов белья, несколько костюмов, головных уборов, пар обуви и т. д.

Особенно богат и разнообразен гардероб молодых ногайцев. В настоящее время ногаец или ногайка имеет одежду для всех сезонов, причем она делится на будничную, праздничную и рабочую. Специальной производственной одеждой пользуются работники животноводческих ферм (резиновые сапоги, халаты, чарыки, передники и т. д.), а также рабочие промышленности в зависимости от специфики работы.

Значительно изменились по числу и форме украшения, носимые ногайцами. Исчезли массивные серьги, подвески из монет, жетонов, блях, массивные пояса и т. д., которыми широко поль-

зовались ногайские женщины (особенно караногайки) до недавнего времени. Все более и более входят в быт фабричные ювелирные изделия: ожерелья из бус, тонкие цепочки с кулонами, небольшие серьги, легкие браслеты, ручные часы, колечки и т. д. С ростом общей культуры, образовательного уровня, с изменением мировоззрения народа совершенно перестали бытовать украшения, имевшие значение оберегов.

С повышением культуры изменилось отношение ногайцев к гигиене тела и чистоте одежды. В ногайских селениях появились бани, стиральные машины, которыми охотно пользуются ногайки. В быт проникают предметы современной парфюмерии: туалетное мыло, одеколоны, духи, кремы и т. д. Декоративная косметика, в частности губная помада, сурьма, пудра в сельской местности большого распространения не получили.

Многие девушки и молодые женщины в городах и даже в сельской местности носят прически по современной моде, делают маникюр. Изменились и мужские прически. Только ногайки старшего возраста, как правило, наголо бреют головы, оставляя борода и усы. Большинство мужчин носят на голове короткие волосы. Молодые люди стригутся как в парикмахерской, так и дома, обслуживая друг друга в порядке взаимопомощи.

Таким образом, современная материальная культура ногайцев, в том числе одежда, приобрела много общих интернациональных черт. Под влиянием города местные особенности все больше и больше нивелируются, т. е. процесс преобразования материальной культуры ногайского народа продолжается.

ПИЩА

Питание подавляющего большинства ногайского населения в дореволюционный период их истории отличалось скудностью и однообразием. Сравнительно ограниченным был и ассортимент используемых ими продуктов. Однако это не означало отсутствия народной кухни. На традиционную пищу ногайцев, как мы увидим, отпечаток наложили как природно-географические условия и связанное с ними направление хозяйственной деятельности народа, так и кочевой быт. Для представления о питании ногайцев сравнительно раннего исторического периода большое значение имеют сведения, сообщаемые о татаро-монгольских племенах путешественниками XIII в. — итальянцем Плано Карпини, французом Рубруком и др.

Так, Плано Карпини пишет, что «кобылье молоко, если оно у них есть, они пьют в огромном количестве, пьют также овечьё, коровье и верблюжье молоко. Вина, пива и меду у них нет... Зимой у них нет даже и кобыльего молока, если они не богаты. Они также варят просо с водою, размельчая его настолько, что могут не есть, а пить. И каждый из них пьет поутру чашу или две, и днем они больше ничего не едят, а вечером каждому дается немного мяса, и они пьют мясную похлебку. Летом же, имея тогда достаточно кобыльего молока, они редко едят мясо...»¹.

Рубрук, также подчеркивая огромную роль кобыльего молока в питании татаро-монголов, отмечает что «летом, пока у них тянется кумыс, то есть кобылье молоко, они не заботятся о другой пище. Поэтому, если тогда доведется умереть у них быку или лошади, они сушат мясо, разрезая его на тонкие куски и вешая на солнце и ветер»².

Большой интерес для нас представляют сведения о пище и напитках ногайцев, упоминаемые в разных источниках в последующий период (XIV—XVIII вв.). И. Шильтбергер, например, отмечал, что жители «Великой Татарии» (туда входила и Ногайская орда) из хлебных растений «сеют одно только просо (grain).

¹ «Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука». М., 1957, стр. 36.

² Там же, стр. 95.

Вообще они не едят хлеба и не пьют вина, которое у них заменяется молоком лошадиным и верблюжьим; также питаются и мясом этих животных»³.

А. Дженкинсон писал, что ногайцы волжского низовья «едят от которого часто бывают пьяны... Они ничего не сеют и не едят хлеба»⁴. Он же отмечает, что ногайцы, кроме того, ловили рыбу на Волге и употребляли ее в пищу⁵. Д'Асколи, побывавший у северокрымских и кубанских ногайцев, также отмечал, что «ногайцы... не сеют и не жнут, но питаются... мясом, преимущественно кониной, и пьют кобылье молоко..., и иногда бузу. Хотя многие из находящихся в Татарии ногайцев живут привольно, тем не менее среди простонародья немало таких, которые никогда не едят хлеба, а ногайцы, живущие в Скифии, не знают даже, что такое хлеб»⁶.

Жан де Люк пишет, что северопричерноморские ногайцы, кочующие между Доном и Днепром, а также в степях Северного Крыма «питаются мясом и молоком... Пьют ирам (айран. — С. Г.), состоящий из кислого коровьего молока, смешанного с водою... В праздники они пьют кобылье молоко, которое у них называется кумысом (komiisz). На 10 дней его хорошо закупоривают; оно охмеляет подобно вину. К тому же они сушат также на солнце кислое молоко, едят его вместо хлеба, с мясом и употребляют главным образом на пирушках. Есть у них также немного проса, получаемого ими от черкесов и вымениваемого на скот. Из этого проса они приготавливают с маслом и кислым молоком род супа, называемого щерба (scorba)»⁷. Он же свидетельствует, что у ногайцев «коровьего масла весьма много», что «турецкие и армянские купцы являются сюда делать запасы его и снабжают им Константинополь, обменивая на него бумажные материи, сукна, сафьян, кожи, мелочи»⁸. Австрийские послы С. Какаш и Г. Тектандер, побывавшие у волжских ногайцев по пути в Персию, в свою очередь отмечали, что «они едят конину и пьют молоко, лошадиное и овечьё, которое они кипятят, квасят и возят за собой в кожаных мешках (in ledernen Säcken). Хлеб им со-

³ «Путешествия Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 год», «Записки имп. Новороссийского университета», т. I, вып. 1-2. Одесса, 1867, стр. 55.

⁴ А. Дженкинсон. Путешествие в Среднюю Азию в 1558—1560 гг. «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», Л., 1937, стр. 170.

⁵ Там же, стр. 171.

⁶ Д'Асколи. Описание Черного моря и Татарии. ЗООИД, т. XXIV. Одесса, 1902, стр. 130. Под Скифией д'Асколи, как это считает автор примечаний А. Л. Бертъе-Делагарда, понимает, очевидно, территорию, населенную ногайцами восточнее Крыма — между Кубанью и Доном.

⁷ «Описание перекопских ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка, монаха доминиканского ордена». ЗООИД, т. IX. Одесса, 1879, стр. 485—486.

⁸ Там же, стр. 487.

вершено неизвестен и нередко бывает, что многие татары, взятые в плен московитами, умирают, прежде чем привыкнут питаться хлебом»⁹.

Согласно сведениям француза Ж. Б. Тавернье, совершившего путешествие по Московскому государству и Кавказу в середине XVII в. (1631—1668 гг.), ногайцы хранили и возили в середине при перекочевке кислое кобылье или коровье молоко «в бурдюках из лошадиной кожи, вместимостью в полмюя»¹⁰, что такой бурдюк с молоком висел в повозке каждого человека. «Перед тем как пить, — сообщает путешественник, — то или другое молоко они его смешивают: они предпочитают лучшим два-три дня вообще не пить, чем пить чистую воду, поскольку она вызывает колики (резь). Они никогда не едят соли и заявляют, что соль портит жизнь»¹¹.

Интересно сообщение автора о том, что кобылье молоко предназначалось только для хозяина и его жены, хотя сам же автор отмечает, что «бурдюк с кобыльим кислым молоком висел в повозке каждого молодого человека» и была еще специальная повозка «где хранились бурдюки с коровьим молоком»¹². Дополнительные сведения о питании ногайцев того же периода оставил нам А. Олеарий. Он, в частности отмечает, что наряду со скотоводством ногайцы волжского низовья обеспечивали себя питанием за счет рыболовства, что их «обыкновенное кушанье... составляет вяленая на солнце рыба, которую они едят вместо хлеба; рис и пшено они мелют и готовят из них лепешки, которые жарят в растительном масле»¹³. Он же пишет, что ногайцы наряду с другими видами мяса едят конину, верблюжатину, а также пользуются кобыльим и верблюжьим молоком. Те же данные о пище и хозяйственной деятельности этой группы ногайцев сообщает побывавший здесь почти одновременно с А. Олеарием Я. Стрейс¹⁴.

По данным авторов XVIII в. М. Пейсонеля, С. Г. Гмелина, И. Г. Георги и др., представления о питании населения бывшей Ногайской орды несколько расширяются. И. Г. Георги, в частности, сообщал, что наряду с продуктами скотоводства (мясо, молоко, сыр, масло) в рационе ногайцев определенную роль играют «разные дикие и огородные коренья», они едят «кашу, плов, солонку». Однако он же подчеркивает, что «хлеба же и рыбу упот-

⁹ Какаш и Текандер. Путешествие в Персию через Московию в 1602—1603 гг. ЧОИДР, кн. 2. М., 1896, стр. 26.

¹⁰ J. B. Tavernier. Voyages en Turquie, en Perse, et aux Indes, vol. 2. Paris, 1810, p. 68—69. Мюй (muid) — прежняя единица измерения объема жидкостей и сыпучих веществ во Франции.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ А. Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию. СПб., 1906, стр. 405.

¹⁴ Я. Я. Стрейс. Три путешествия. М., 1935, стр. 196.

ребляют очень мало и почти никогда»¹⁵. О погайцах Астрахани С. Г. Гмелин писал, что они едят «азиатскую кашу, плов называемую, кисель, мучное кушанье, попросту лапша называемое, тонкий пшеничный хлеб, чурек называемый, а особливо любят они калмыцкий чай»¹⁶. Разумеется, в тот ранний период степень потребления продуктов земледелия у разных групп ногайцев находилась на различных уровнях.

Более конкретные сведения о пище, утвари различных этнических подразделений ногайского народа мы находим у исследователей XIX — начала XX в., в частности у А. Павлова¹⁷, А. Рудановского¹⁸, Г. Малявкина¹⁹, С. В. Фарфоровского²⁰. Все названные выше авторы, писавшие в разные исторические периоды, отмечали, что основным источником пищи ногайцев являлось скотоводство и основными продуктами питания — мясные и молочные. Что же касается хлебных злаков, то, судя по приведенным выше сообщениям, ногайцы знали только просо, которое употребляли в ограниченных размерах. В XIX — начале XX в. основной пищей ногайцев, особенно кочевников, по-прежнему, были молочные и мясные продукты, так как главным направлением хозяйственной деятельности большинства населения продолжало оставаться кочевое скотоводство.

Большой интерес представляет характеристика первых форм земледелия у кочевых ногайцев. Так, автор середины XV в. И. Барбаро, наблюдая быт северокрымских и приазовских ногайцев, писал: «Если кто не имел случая видеть подобно мне вблизи весь быт татарский, то вряд ли сумеет удовлетворительно отвечать на вопрос: чем кормится этот народ в непрерывных переходах своих с места на место, и откуда берет хлеб, необходимый для его продовольствия? Как очевидец я могу в точности объяснить здесь это обстоятельство читателям моим. В исходе февраля месяца по всей орде громогласно возвещают желающим делать посев, дабы они заблаговременно приготовили все для того нужное; ибо в такой-то день марта предположено отправиться к такому-то месту, для посева избранному. Вследствие сего объявления все желающие немедленно делают приготовления свои; насыпают семянный хлеб на повозки и отправляются с рабочим

¹⁵ И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ..., ч. II. СПб., 1799, стр. 31.

¹⁶ С. Г. Гмелин. Указ. соч., стр. 176.

¹⁷ А. Павлов. О ногайцах, кочующих в Кизлярской степи. СПб., 1842, стр. 10, 28.

¹⁸ А. Рудановский. О Караногайской степи и кочующих на ней народах. «Кавказ», 1863, № 49, 52.

¹⁹ Г. Малявкин. Караногайцы. «Терский сборник», вып. 3, кн. 2, 1893, стр. 153—155.

²⁰ С. В. Фарфоровский. Ногайцы Ставропольской губернии. Историко-этнографический очерк. Тифлис, 1909 (отд. оттиск), стр. 11—13.

скотом, женами и детьми, или только с частью своих семейств, к назначенному месту, которое обыкновенно бывает не далее двух дней пути от пункта, где находилась орда во время возвращения приказа о посеве. Тут остаются они до тех пор, пока вспашут землю, посеют хлеб и окончат полевые работы, и потом уже возвращаются назад в орду... Когда же хлеб созреет, то все желающие, как сеятели, так равно и покупатели, отправляются туда для жатвы, с повозками, волами, верблюдами... Почва земли у них весьма плодородна. Пшеница очень крупна зерном и нередко родится сам-пятьдесят, а просо сам-сто»²¹.

Не меньший интерес представляет его свидетельство о том, что в смутное время, в период феодальных междоусобиц, по воле мурзы «в продолжении одиннадцати лет» данная орда хлебопашеством не занималась, снабжалась «единственно молоком, мясом и другими подобными веществами»²².

Аналогичные сведения сообщает о более позднем периоде Тотт, французский консул в Крыму при хане Крым-Гирее в 1767 г.: «Когда приходит весна, — пишет он, — часть орды с своим мурзою во главе отправляется в удобные для земледелия места; там мурза распределяет между ногайцами землю; они засевают ее, и когда хлеб созрел, сжат и обмолочен, возвращаются назад в долину и снабжают таким образом свою орду продовольствием. Меняя часто места своих посевов, ногайцы достигают того, что имеют и отличные пастбища и отличные жатвы»²³.

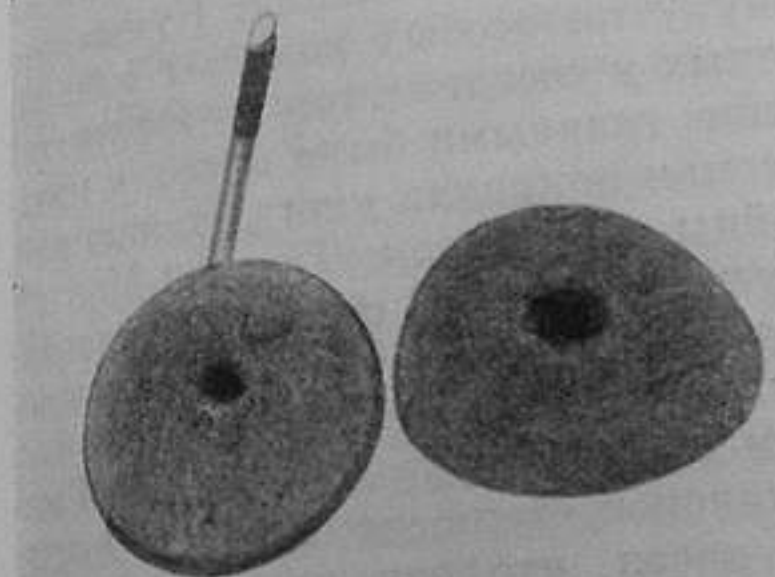
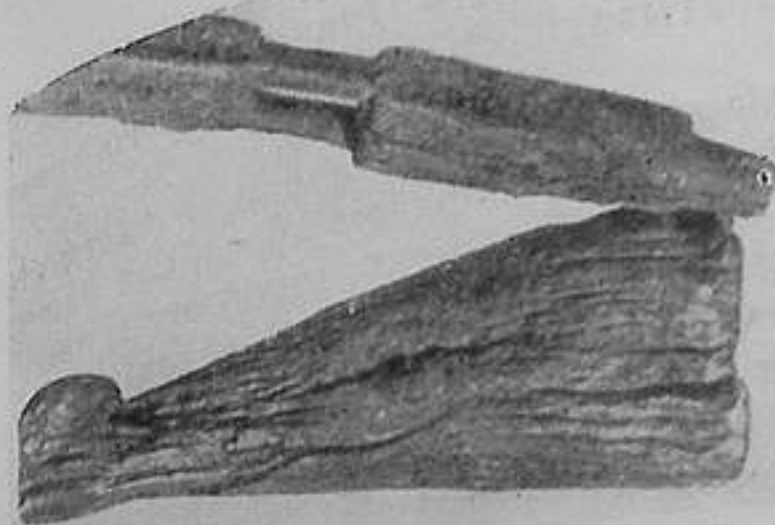
С развитием обмена, товарно-денежных отношений в кочевом ногайском ауле, особенно с переходом на оседлость, роль зерновых культур (зерно, мука) постепенно увеличивается. Ногайцы выменивали зерно и муку на скот, масло, шерсть и шкуры у своих соседей — кабардинцев, черкесов, кумыков, чеченцев, русских как у себя в степи, так и на городских станичных и дальних рынках. Это нередко осуществлялось во время перекочевок. Еще англичанин Д. Перри, современник Петра I, отмечал, что во время перекочевок ногайские орды часто останавливаются «на восточном берегу Волги, проводят недели две, три около городов, обитаемых русскими. Тут они обменивают своих лошадей, овец и прочий скот... на рожь или муку, железо, мед, котлы... кожи»²⁴. По данным статистики середины XIX в., караногайцы, например, ежегодно продавали скот, шерсть, кожи и т. д. на сумму до 200 тыс. рублей и более и приобретали на сумму эту муку, про-

²¹ «Путешествие в Тану Иосафата Барбаро, венецианского дворянина». Библиотека иностранных писателей о России», т. I. СПб., 1836, стр. 36—37.

²² Там же.

²³ См.: Студент Алексей Татарчевский. Путешествия и деятельность барона Тотта в качестве консула в Крыму в 1767 г. Оттиск из университетских известий, 1873, стр. 13.

²⁴ Д. Перри. Состояние России при нынешнем царе (Петре I). ЧОИДР, кн. 2. М., 1871, стр. 55.

Ступа для очистки проса (1), ручная мельница (2) и мешок для хранения продуктов (3)

со, табак, чай «и другие жизненные предметы»²⁵. На один только кирпичный чай, которого ежегодно приобреталось здесь около 40 тыс. кирпичей, они тратили до 80 тыс. руб.²⁶.

Можно, однако, полагать, что отдельные этнические подразделения ногайцев довольно рано начали заниматься и земледелием, хотя и продолжали вести кочевой и полукочевой образ жизни. Так, улусы, отделившиеся от больших и малых ногаев и отошедшие к Тереку еще в XVII в. из-за угрозы порабощения со стороны калмыцких феодалов, завели по обеим сторонам Терека свои «пахотные сабаны и покосы, а также захватили промыслы»²⁷. Судя по сведениям автора XVI в. С. Герберштейна, ногайцы, которые живут по Дону, «обрабатывают землю и

²⁵ «Географическо-статистический словарь Российской империи», т. II. СПб., 1865, стр. 499.

²⁶ Там же.

²⁷ А. Н. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М.—Л., 1948, стр. 361.

имеют постоянные жилища»²⁸. По данным М. Броневского, во второй половине XVI в. ногайцы Северного Причерноморья, правда немногие из них, «обрабатывают поля и часто собирают сено»²⁹.

Переход на оседлость повысил роль земледелия, в частности хлебопашества. Ногайцы сеяли главным образом просо, как наименее прихотливое растение, а со временем рожь, пшеницу и др.

Запасы зерна своего урожая, равно как и приобретенного покупкой, ногайцы хранили в земляных ямах, облицованных камышом или саманом, а также в плетеных сооружениях, обмазанных глиной. Необмолоченную же кукурузу нередко хранили под навесом в больших плетеных корзинах.

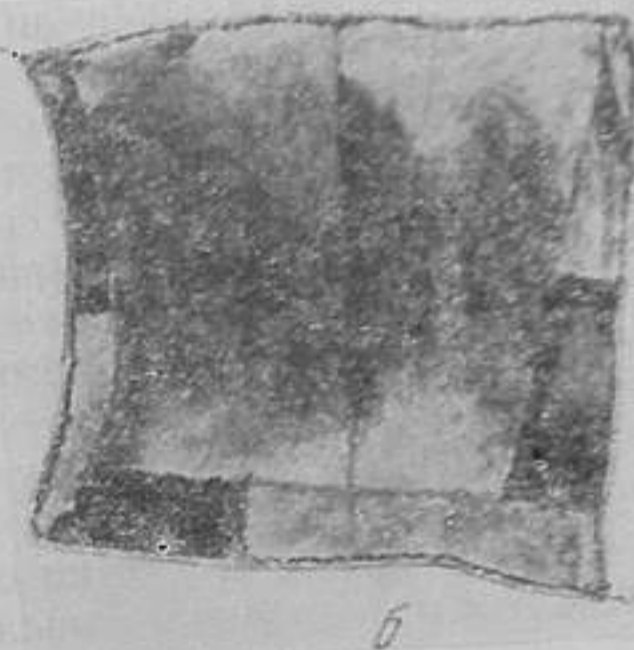
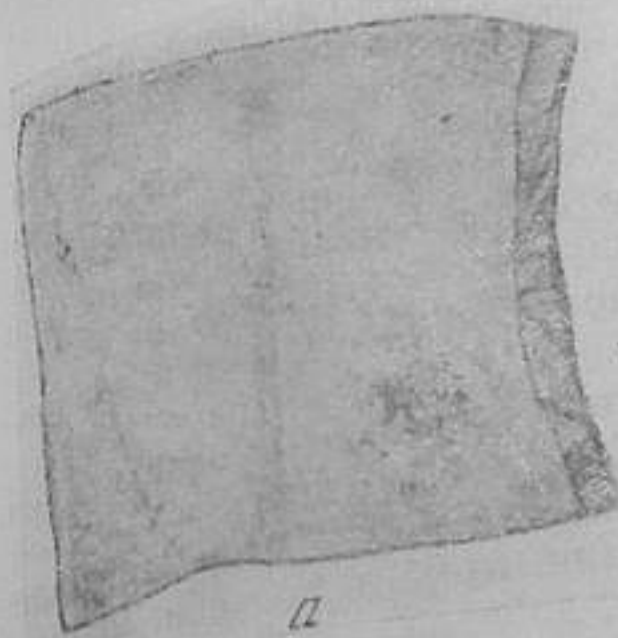
По мере надобности зерно доставали из хранилищ, сушили или слегка поджаривали (кукурузу, просо) в котле и мололи на муку и крупу обычно с помощью ручных мельниц. Кумыкские же ногайцы мололи зерно на муку на особых водяных мельницах и мельницах, распространенных у соседних горцев и русских. Из злаков, как уже отмечали выше, главными были просо, а позднее и кукуруза. Состоятельные семьи покупали иногда также рис. Отдельные оседло жившие ногайцы (Ачикулак, Терекли-Мектеб, Бабаюрт, Сулак) разводили арбузы, огурцы. Вместо хлеба ногайцы употребляли обычно круто сваренную на воде, молоке, сыворотке кашу из просяной крупы или муки — *туый баста*, *уыйре*. Позднее такую пасту стали варить и из кукурузы. Еще С. Г. Гмелин, посетивший ногайцев астраханской степи, отмечал роль просяной каши в их питании. Он писал, что эти ногайцы «сеют одно только просо, коим они, или жаря его сырое или варя из него с молоком кашу, пользуются»³⁰.

Для изготовления каши из проса — *соьк* (караногайцы, кубанские ногайцы), *тари* (кумыкские ногайцы) — его сперва поджаривали в чугунном котле, затем очищали (обдирали) в специальной просорешке и размельчали в большой деревянной ступе — *кели*, выдолбленной из бруска, при помощи тяжелого пестика — *келисап*. Затем просо пропускали через ручную мельницу — *тирмен*, просеивали и провеивали на ветру. Отделив шелуху, просо засыпали в котел с кипящей водой (иногда с молоком) и варили до тех пор, пока не получалась густая масса. Затем эту кашу выкладывали на поднос, придавали ей форму круглого чурка и разрезали на ломтики. Караногайцы редко прибегали к помощи мельницы и поэтому чаще всего готовили кашу не из крупы, а непосредственно из очищенного проса, которое варили в течение долгого времени, до образования густой массы. Эту массу затем поджаривали в масле или заправляли маслом и ели в качестве хлеба с мясом, супом, чаем.

²⁸ С. Герберштейн. Записки о Московии. СПб., 1866, стр. 53.

²⁹ М. Броневский. Описание Крыма. ЗООИД, т. 6. Одесса, 1867, стр. 339.

³⁰ С. Г. Гмелин. Путешествие по России, ч. II. СПб., 1777, стр. 175.

Кусок обработанной шкуры жеребенка для замеса теста (ГМЭ)
а — поверхность, на которой месили тесто; б — обратная сторона

Ногайцы выпекали, хотя и в ограниченных количествах, и хлеб из просяной муки — *оьтпек*, *тари малай* или *тари мишари*. Позднее они стали делать его и из пшеницы и кукурузы. Для изготовления муки готовую крупу обычно перемалывали вторично на той же ручной мельнице. Состоятельные семьи возили зерно и на водяные, паровые мельницы в русские станицы, горские аулы. Месили тесто на воде или айране, сыворотке, готовили его с закваской из кислого молока³¹. Пекли хлеб либо залив тесто непосредственно в горячую золу, либо на чугунной сковороде, накрыв ее сверху второй сковородой или какой-нибудь другой крышкой. Выпекали хлеб в форме плоских чурков. У ногайцев Терско-Сулакской низменности со времени перехода на оседлость для выпечки хлеба сооружали надворные или комнатные печи кумыкского типа. Ачикулакские ногайцы в начале XX в. частично стали пользоваться в этих целях русскими печами и выпекать хлеб в виде буханок.

В торжественных случаях (праздники, свадьба, рождение детей и т. д.) ногайские женщины готовили *баурсакъ* — круглые лепешки из кислого теста, зажаренные в масле, а также выпекали или жарили на сковороде *къатлама* — своеобразные слоеные калачики из пресного теста. Готовили они и *лукумы* из пресного теста, которое предварительно раскатывали и разрезали на куски в виде ромбиков, квадратиков и треугольничков, а затем зажаривали в курдючном жире³² или масле. Иногда, чаще по тор-

³¹ В более поздний период закваской — *ашыткы* — стал служить кусок кислого теста, который в каждом доме оставляется от выпечки до выпечки хлеба.

³² Роль курдючного жира отмечал еще венецианец И. Барбаро в своем «Путешествии в Тану» в XV в. В частности, он писал, что такой жир «служит приправою ко всем татарским кушаньям, ибо употребляется ими

жественным случаям, жарили и хворост из сдобного пресного теста.

Молоко шло в пищу в сыром и кипяченом виде. Из него готовили сметану — *къаймакъ*, кислое молоко — *югъурт*, айран, творог — *иримшик*, масло — *май*, сыр — *быслакъ*. Для ногайской кухни характерны, кроме того, разные супы, а также калмыцкий чай — *ногъай шай*, *къалмыкъ шай*.

Из кобыльего и верблюжьего молока делали кумыс и заваривали калмыцкий чай.

Масло ногайцы сбивали двумя способами: из сметаны и из кислого молока. В первом случае пресное молоко без всякой закваски оставляли в сосуде на один-полтора дня, затем снимали сливки и из них готовили масло. При втором способе молоко обязательно предварительно кипятили, добавляли в него закваску и оставляли на некоторое время под шубой или войлоком, чтобы ускорить процесс свертывания и образования собственно кислого молока. Сбивали масло стоя и чаще в деревянной маслобойке — *куьби*, имевшей форму высокого и узкого бочонка, с помощью круглой решетчатой дощечки с длинной ручкой — *бискек*. Последний способ — один из старинных способов приготовления масла, о котором упоминают авторы XIII в., в частности Рубрук. Согласно данным последнего, у кочевников существовал и способ сбивания масла в большом бурдюке³³. Нередко в маслобойку сливали одновременно и сметану, и кислое молоко, полагая, что в таком виде процесс маслообразования протекает быстрее. Масло, как правило, сбивала женщина, причем опытная, так как это был сложный процесс.

Сыр делали двух сортов из коровьего и гораздо реже овечьего молока: 1) *быслакъ* (из коровьего), *къой быслакъ* (из овечьего), 2) *къурт*. В первом случае для створаживания молока применяли закваску — *маялыкъ*³⁴. Когда молоко закисало, его ставили на легкий огонь и после образования сверху творожной массы либо сливали для процеживания в специальный мешочек — *дорба* (у ногайцев Терско-Сулакской низменности), либо творожную массу раскладывали на специальную циновку — *суьтлик* (у караногайцев). В том и другом случае сыру придавали форму круглого плоского чурека, оставляли на некоторое время под прессом, чаще под сосудом с водой или камнем.

Для длительного хранения его коптили в дымоходе над очагом. В ряде случаев сыр, чаще овечий (из овечьего молока по-

вместо масла и имеет то достоинство, что не застывает во рту» (И. Барбаро. Указ. соч., стр. 36).

³³ «Путешествия в восточные страны...», стр. 96—97.

³⁴ Ногайцы, как и многие другие народы, для этого использовали сычуг — кусок одного из отделов желудка умершего сразу после рождения ягненка. Его сушили и хранили постоянно для закваски молока. По необходимости его смачивали и опускали в теплое молоко, а затем молоко оставляли в теплом месте до полного свертывания.

Маслобойка (1); бочка для хранения сыра, сел. Терекли-Мектеб (2)

гайцы делали сыр только в мае, так как овец доили мало), такими же круглыми лепешками укладывали в кадуюшку (*шапшакъ*) с засолом из сыворотки (*шаьвир*). На къурт шла главным образом пахта (айран) от кислого молока, оставшаяся после отделения масла. Ее при этом подогревали на огне и, когда она начала свертываться, выливали в специальный цедильный мешок — *къап*, — изготовленный из сукна или холста, который затем подвешивали на колышек. Когда сыворотка (*айран-сув*) полностью стекала, полученную массу снимали и, слегка посолив и перемешав, катали из нее мелкие круглые или яйцеобразные шарики. Эти шарики затем сушили и откладывали на зиму.

Процедура приготовления сыра къурт, а также масла у татаро-монголов довольно подробно была описана еще Рубруком³⁵. Он сообщает, что къурт сушат на солнце, и он «становится твердым, как выгарки железа». В таком виде они кладут его в мешки и сохраняют для потребления зимой. Когда у них не хватает молока, они кладут сушеный сыр в бурдюк и, налив в него теплой воды, «сильно трясут», пока сыр «не распустится в воде, которая делается от этого вся кислая; эту воду они пьют вместо молока. Они очень остерегаются, чтобы не пить чистой воды»³⁶.

³⁵ «Путешествия в восточные страны...», стр. 96—97.

³⁶ Там же, стр. 97.

Данные автора о способе приготовления масла и типе маслобойки свидетельствуют о преимуществах культуры быта ногайцев (сравните его «бутыль» и деревянное приспособление для сбивания с поздней деревянной маслобойкой и решетчатой дощечкой с ручкой). Кроме того, автор указывает на использование татарского в более поздний период, судя по этнографическому материалу, бытовать у ногайцев перестал.

Большое значение в питании народа, особенно в весенне-летний период, играл и творог (примшик) из простокваши — *ший*. Для его приготовления простоквашу подогревали и после того как она начинала свертываться переливали в мешок. Творог ели с просяной пастой, хлебом. Из него готовили начинку пирогов (*чуду*) и вареников *кюрзе* (ногайцы Терско-Сулакской низменности), *боьрек*.

В ассортименте ногайских блюд одно из первых мест занимал калмыцкий чай. Его, так же как и другие горячие блюда, готовили в котле — *къазан*, — поставив его на треножник, на костре. Когда вода в котле закипала, в нее засыпали размельченный кирпичный чай и кипятили 5—10 минут. Затем добавляли по вкусу свежее молоко. Иногда содержимое в котле сливали в камышовый дуршлаг и процеживали, а потом добавляли в него молоко в определенной пропорции (кубанские ногайцы вместо молока чаще использовали сливки) и ставили снова ненадолго на огонь. Разливали чай в особые деревянные ковши с ручкой — *аякъ* или *пиалы*. Пили его в горячем виде, добавляя по вкусу черный перец — *буриш*, соль, иногда масло. Калмыцкий чай нередко заменял ногайцам и обед, и десерт. Неслучайно А. Рудановский еще в середине XIX в. писал: «Без чая (имеется в виду калмыцкий. — С. Г.) ногаец не может обойтись, так как русский человек без хлеба»³⁷. «Самую главную пищу у ногайцев, — писал С. В. Фарфоровский, — составляет кирпичный чай (калмыцкий), без которого они не могут обойтись. По мнению ногайцев, калмыцкий чай исцеляет от многих болезней и придает силу утомленному человеку»³⁸. Когда принимали особо почетного гостя, ногайцы старались готовить ему чай из верблюжьего молока, так как оно считалось более густым, жирным и ценилось не меньше, чем сливки.

Каждая ногайская семья в связи с этим старалась иметь верблюдицу. Недаром у ногайцев существовала поговорка: «Ек-меге алсанг туьедй ал, савмагъа алсанг биедй ал» (Если приобретаешь рабочий скот — купи верблюда, если доить — купи верблюдицу). От верблюдицы получали молоко почти 6—7 месяцев в году, и это было выгодно во всех отношениях.

Пили чай обычно три раза в день: утром, в обед и вечером. Но если приходили гости (один за другим), было принято каждо-

³⁷ А. Рудановский. Указ. соч. «Кавказ», 1863, № 52.

³⁸ С. В. Фарфоровский. Ногайцы Ставропольской губернии, стр. 11.

му из них готовить свежий чай отдельно, даже в том случае, если в казане оставался запас чая от предыдущих посетителей. С чаем обычно подавали лепешку и сыр. «Как ни беден иной ногаец, — писал о кумыкских ногайцах Н. Семенов в XIX в., — он обойдется без мяса, без нужного количества хлеба, но чай ему необходим, и потому он все же израсходует на него в год рублей 25—30, ногаец же состоятельнее употребляет чаю не менее чем на 50 р. в год»³⁹.

Однако не всегда и далеко не каждый ногаец мог иметь и молоко, и кирпичный чай. Свежая молочная пища преобладала у ногайцев лишь весной, летом и осенью. Зимой же в большинстве случаев они (исключение составляли богатые) довольствовались сушеным сыром, сушеным мясом, салом, продуктами зернового хозяйства. Семья бедного ногайца обычно пользовалась просто плиточным чаем, заваренным в воде. Бедняки вместо настоящего кирпичного чая иногда заваривали листья особого растения — *къуврай* или делали чай из сильно зажаренного ячменя — *арна шай*.

Большое место в традиционной кухне ногайцев занимали и мясные блюда. При этом значение мясной пищи было значительно выше у кочевников (караногайцев и др.), чем у оседлых и полуседлых ногайцев, занимавшихся земледелием (кубанских и кумыкских ногайцев). Для последних в исследуемое время характерно преобладание земледельческих продуктов (мука, крупа и т. д.). Для большинства ногайцев самой почетной и лакомой считалась конина, а для караногайцев — жеребятина. Кроме того, в пищу употреблялись баранина, говядина, верблюжатина, а также птица и рыба, которую они ловили в низовьях Волги.

Олеарий, сообщая, что ногайцы занимались рыболовством и птицеводством, отмечает, что они ели рыбу в вяленом виде вместо хлеба⁴⁰. С. Г. Гмелин, также свидетельствуя о роли вяленой рыбы в питании приволжских ногайцев, в частности астраханских, вместе с тем констатирует: «однако рыбу едят только бедные»⁴¹. О популярности рыбной пищи у ногайцев в прошлом свидетельствуют и данные языка — наличие у них многочисленных названий рыб. Так, например, ногайцам Терско-Сулакской низменности известны следующие виды рыб: — белуга (*иръгай*), осетр (*бекре*), лосось (*къызыл-балыкъ*), селедка (*къараян*), судак (*судак*), лец (*леи*), сазан, кутум, и др. В XIX — начале XX в. в качестве рыболовов славились ногайцы Терско-Сулакской низменности. Рыбу употребляли в пищу в вареном и жареном виде. Ногайцы использовали в пищу и икру. Известны народные способы ее приготовления. Повседневной пищей рыба была лишь для

³⁹ Н. Семенов. Туземцы северо-восточного Кавказа. СПб., 1895, стр. 372—373.

⁴⁰ А. Олеарий. Указ. соч., стр. 405.

⁴¹ С. Г. Гмелин. Указ. соч., стр. 176.

ногайцев, которые жили в районах, обильных рыбой (Сулак, северное побережье Каспийского моря и др.)

Будучи охотниками (ногайцам исстари были известны такие виды охоты, как охота с помощью ловчих птиц и собак, при помощи капканов и т. д.), ногайцы употребляли в пищу мясо птиц, сайгаков, зайцев как в свежем, так и вяленом, копченом виде — *кептурген эт*. Для заготовок мяса впрок резали откормленного скота — *согъум*. Это делали обычно поздней осенью или в начале зимы и обязательно при сухой погоде, благоприятной для сушки. В этих целях свежее мясо оставляли на 1—2 дня в соли, а потом вывешивали на воздух. Тушу барана сушили либо целиком (*къомгъазы*), в распластанном виде, отделив лишь позвоночный столб, либо по частям — отдельно ножки, ребра и т. д. (*кепкен сан, кепкен къабургъа* и т. д.). Тушу же коровы, быка, лошади, верблюда обязательно расчленили на шесть частей, каждую из которых распластывали, чтобы можно было их легко и быстро просушить.

Заготавливали впрок и колбасу — *къазы* (из конины), *толтурма, къыйма*. Ее готовили двумя способами. По первому способу промытые кишки лошади, коровы, быка (очень редко овец) заправляли мясом (чаще с чесноком и сывороткой), мелко нарубленным топором. По второму — мясо и жир разрезали на более мелкие куски ножом. Затем, посолив и добавив лук, красный перец, иногда и толченый чеснок, оставляли его на ночь. На второй день этим мясом аккуратно набивали очищенные и тщательно вымытые кишки. Отдельные хозяйки мясо, идущее на начинку, слегка подсушивали на солнце, чтобы колбасу можно было быстрее и лучше высушить. Обычно колбасу коптили, повесив над дымовым отверстием очага. Иногда ее сушили на воздухе. Колбасу ели и в свежем, и в вареном виде.

Для изготовления колбасы часто использовали печень — *бавур къыйма* (кубанские ногайцы), *сохта* (кумыкские ногайцы), добавляя внутренний или курдючный жир. Особую колбасу (*йюьрме боткъа*) делали из внутренностей, завернув их особым образом в желудок и обмотав сверху тонкой кишкой.

Мясо ели обычно в вареном виде, реже жареным. Бульон, в котором варилось мясо, использовали для супа (*сорпа*). Супы варили с мясом и постными, заправленными жиром и поджаренным луком.

Одним из старинных видов супа был суп с пшеном — *уйре сорпа* — на мясном бульоне или же на воде. В последнем случае перед едой в него добавляли кислое молоко — *айран*. Другим видом традиционного супа был суп *умаш сорпа* с крупинками раскатанного теста. Кроме того, варили супы с рисом (*буруж сорпа*), лапшой (*лакса сорпа*) и др. Бедные семьи нередко готовили жидкую похлебку (*быламукъ*) из просяной муки, заправив ее айраном, разведенным в воде сухим сыром или бараньим салом.

Одним из жидких блюд был и хинкал — *инкал* — дагестанско-

го способа приготовления, который имел распространение преимущественно у ногайцев Терско-Сулакского междуречья и частично у ачикулакских. Он готовился из крутого тонко раскатанного теста, разрезанного на мелкие квадратики. Варили его в мясном бульоне. Вынимали хинкал из котла камышовым дуршлагом — *чолну*, раскладывали на большом блюде или в мисках и, налив подливу из кислого молока или бульона с чесноком, ели с мясом. Бульон же, по традиции, пили обычно после.

Готовили ногайцы также *къувурма, къувурмаш* (караногайцы), *къувурдакъ* (кубанские ногайцы) и *бесбармакъ*. Для *къувурма* мясо нарезают мелкими кусочками и жарят на курдючном или внутреннем жире, добавляя лук и перец. Лучшим видом считается *къувурма* из молодого барашка и ягнятины. Для *бесбармака* варили сперва мясо. После того как мясо вынималось, в бульон опускали лапшу. Затем недоваренную лапшу процеживали через дуршлаг и перемешивали с нарезанным на мелкие кусочки мясом. Любители добавляли поджаренный на масле лук и перец. Ели *бесбармак* пальцами (отсюда и название *бесбармак*, буквально пять пальцев) и запивали бульоном. *Бесбармак* готовили лишь по праздникам. По праздникам же готовили и шашлык — поджаренное на вертеле на горячих углях мясо молодого барашка. Для традиционной праздничной пицци ногайцев был характерен также рисовый плов с морковью (как в Средней Азии) и без нее. Кроме того, источники отмечают наличие в прошлом специально мужского мясного блюда — *шарамы*. «Из разрезанного на тонкие ломтики мяса кобылицы, — сообщает один из авторов XIX в., — мужчины готовят себе особое национальное кушанье «шараму», которую едят в компании в знак искренней братской любви и дружества, а чтоб сохранить это кушанье от осквернения, не дают женщинам и дотрагиваться до него»⁴².

Зажиточные ногайцы пекли, кроме того, пироги разных видов с мясом и творогом (*боьрек*). Мясо для начинки рубили топором и добавляли к нему поджаренный лук. Способ приготовления пирогов был прост: раскатывали две тонкие круглые лепешки из крутого теста и, положив на одну из них ровным слоем мясо или творог, накрывали другой, слепляя их края. Затем пирог закрывали в горячую золу у очага. С появлением сковородок пироги стали печь на них.

Наиболее часто употребляемыми напитками ногайцев были айран, изготовляемый из кислого молока, кумыс — *къымыз* и буза — *боза*.

Айран готовила каждая семья кочевника — чаще из пахты, которую получали от кислого молока при сбивании масла, реже из цельного молока, смешав его с водой. Пили его преимущественно летом.

⁴² «Краткий обзор положения ногайских татар, водворенных в Мелитопольском уезде Таврической губернии». «Телееской», 1836, ч. XXXIII, № 9—12, стр. 215.

Кумыс, слегка опьяняющий кисловатый напиток, готовили из кобыльего и верблюжьего молока путем сбраживания. В качестве закваски использовалось кислое тесто. Сбраживание осуществлялось в кожаных мешках. Наряду с кожаными мешками, как отмечал П. Небольсин, астраханские ногайцы для хранения кумыса использовали дубовые кадочки, которые способствовали лучшей сохранности качества («букета») напитка⁴³. Кумыс бродил при определенной температуре в течение установленного времени. Очевидно, этот напиток имел в виду А. Дженкинсон, когда отмечал, что ногайцы (мангиты) «пьют кобылье молоко, от которого часто бывают пьяны»⁴⁴, или немецкий путешественник конца XIV — начала XV в. Шильтбергер, также упоминавший, что ногайцы «не пьют вина, которое у них заменяется молоком лошадиным и верблюжьим»⁴⁵. «Любимый их напиток «кумыс», — писал очевидец о северокрымских ногайцах, — есть большая роскошь. Одни только зажиточные, владеющие знатным числом кобыл, могут наслаждаться этим драгоценным нектаром вволю»⁴⁶.

Ногайцы издавна знали и лечебное свойство кумыса. Им лечили легочных больных. Очевидно, это свойство кумыса подчеркивал А. Павлов, когда отмечал еще в начале XIX в., что ногайцы «тщательно сохраняют этот напиток, почитая его нектаром, и потчевают им всегда приезжих к ним гостей (кунаков)»⁴⁷.

Судя по некоторым данным, из кобыльего молока ногайцы перегоняли и водку — *аракты*⁴⁸, которая была доступна преимущественно богатым ногайцам. Более доступным и распространенным напитком была буза. Ее делали из просяной муки (чаще промолотой на ручной мельнице), которую разводили в горячей воде до определенной густоты (в виде жидкой кашицы) в специальной кадучке. Затем кадучку закрывали плотной крышкой, укрывали войлоком, шубами и оставляли для брожения на сутки. Через сутки бродящую массу кипятили в большом котле до определенной густоты (многие для того, чтобы не подгорало дно котла, смазывали его жиром). Затем массу снова сливали в кадучку, засыпали дрожжи (*сеппе*), полученные из того же проса, и, перемешав, ставили в теплое место для брожения. Хозяйка, уловив нужный момент процесса брожения по слуху, процеживала массу. Процеживали обычно 1—2 раза, и процессом этим руководил опытный мужчина. Полученную прозрачную жидкость снова выливали в кадучку и оставляли еще на 3—4 дня, а если добавляли сахар, то на 5—6 дней. По истечении этого срока буза

⁴³ П. Небольсин. Очерки волжского низовья. СПб., 1852, стр. 92—93.

⁴⁴ А. Дженкинсон. Указ. соч., стр. 169.

⁴⁵ «Путешествия Ивана Шильтбергера по Европе...», стр. 55.

⁴⁶ «Краткий обзор положения ногайских татар, водворенных в Милитопольском уезде Таврической губернии». «Телескоп», ч. XXXIII, № 9—12. М., 1836, стр. 216.

⁴⁷ А. Павлов. Указ. соч., стр. 12.

⁴⁸ Там же; М. Татарское племя на Кавказе. «Кавказ», 1859, № 89.

считалась готовой. Пили бузу из деревянных (агъаш аякъ) или камышовых (къамыс аякъ) чашек. Пили и в праздничные, и в будние дни, в кругу семьи и с гостями, дома и на свадьбах. Варили ее, как правило, зимой, причем не все аульчане сразу, а соблюдая очередность — сперва одна семья, потом вторая и т. д. Изготовленный в определенный день напиток этот назывался *кезве боза* (очередная буза). На свадьбу же бузу готовили многие родственные и соседские семьи: эта была их общая забота.

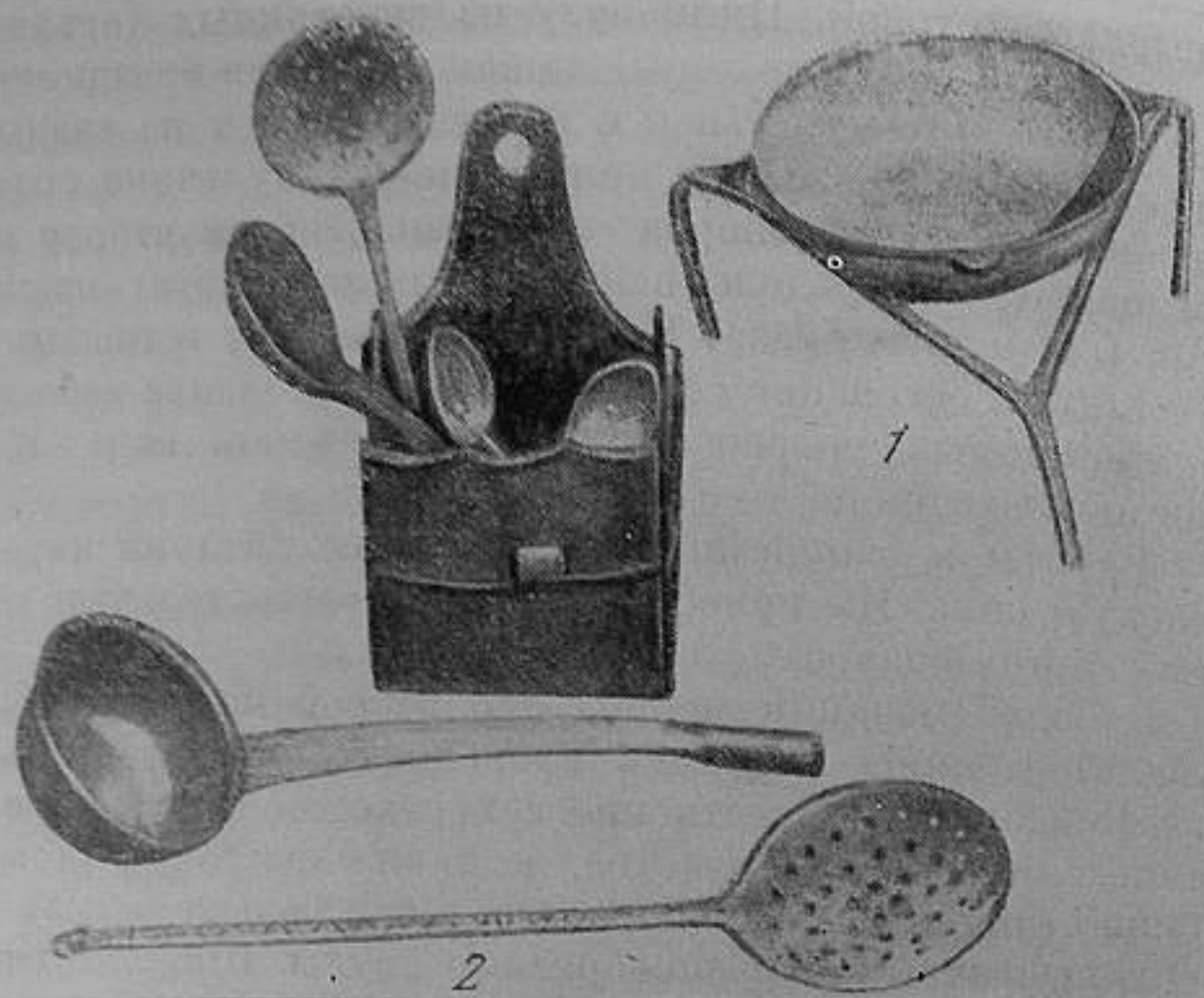
Женщины употребляли бузу в сладком виде, т. е. до того, как начался процесс ее брожения.

Фрукты и овощи играли в рационе питания народа незначительную роль. Их приобретали лишь состоятельные кочевники на ближайших базарах.

В более поздний период (во второй половине XIX — начале XX в.) в пище ногайцев происходят определенные изменения, связанные преимущественно с переходом к оседлости, развитием земледелия, огородничества, а также ростом торгового обмена. Пища становится разнообразнее, в ней больше используются мука и мучные изделия, разнообразные крупы. Широкое распространение получают и новые способы хлебопечения в специальных надворных и комнатных печах (кумыкские ногайцы) или на сковородах (караногайцы, кубанские и кизлярские ногайцы). Признание получают такие овощи, как капуста, картофель, морковь и т. д.

Национальная пища ногайцев дополняется в этот период рядом блюд, заимствованных у соседних народов Северного Кавказа, а также русских. Пища ногайцев Терско-Сулакской низменности, например, испытала большое влияние кумыкской кухни. Для нее характерны чуреки — *этмек* — кумыкского типа, пироги — *чуду* — с разнообразной начинкой, пельмени и вареники — *кюрзе* — с начинкой из мясного фарша, зелени, творога, яиц с молоком, мясное блюдо — *бозбаш*, кукурузный хинкал — *галлама*. Постепенно они становились традиционными кушаньями у этой группы ногайцев. Однако и в этот период беднота постоянно испытывала недостаток в еде, особенно в годы, когда гибло много скота и масса кочевников оставалась без средства к существованию. Повседневной пищей основной массы населения степи были, как правило, пшенная каша (паста), калмыцкий чай, чуть-чуть заправленный молоком, и далеко не всегда сухой сыр, кроме того беднота готовила (чаще из того же проса) постные супы или супы, заправленные бараньим или говяжьим жиром.

Неслучайно многие исследователи и наблюдатели дореволюционного быта ногайцев отмечали их чрезмерную умеренность в еде. «Не могу здесь не упомянуть об отличительном свойстве ногайского желудка. Ногаец может легко обойтись без пищи несколько дней. Небольшая пышка, испеченная в золе, — весь запас его при отправлении в дорогу — служит ему пищей надолго», — писал, хотя, возможно, несколько преувеличенно, о неприхотливо-

Котел для приготовления пицци (1), сел. Терекли-Мектеб; кухонная утварь (2), сел. Кунбатар

сти в еде караногайцев тот же А. Рудановский⁴⁹. «...Бедные питаются,— писал С. В. Фарфоровский,— в высшей степени плохо: просяная лепешка с чашкой... чая... Редко этот обед сдобривается кусками сала или мясом...»⁵⁰.

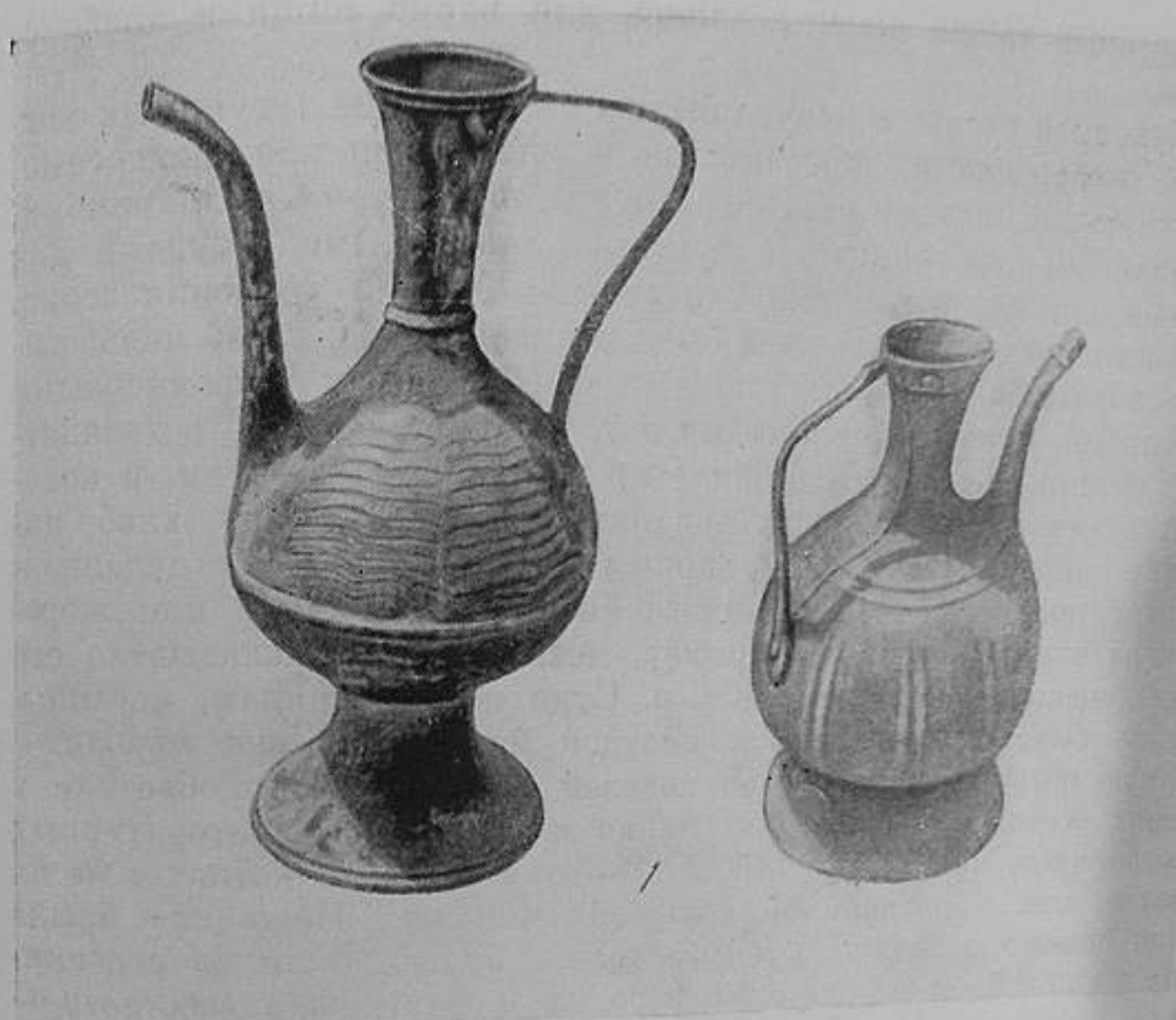
Г. Малявкин, лично наблюдавший быт караногайцев, также отмечал, что «чай, чурек и сыр — обыденная пища караногайца. Но в большие праздники или по случаю приезда важного гостя ногаец разнообразит свой скудный стол мясом»⁵¹.

Как отмечалось выше, ногайцы-кочевники как для приготовления пицци, так и для обогрева помещения пользовались открытыми очагами, расположенными посередине юрты. Готовили пиццу в чугунных казанках, помещаемых на треножниках, прямо над костром. В горячей золе (позднее с использованием сковородочек) готовили и пышки. С развитием жилища (с переходом на оседлость) у ногайцев появились пристенные очаги-камины, приготовление пицци в которых воспроизводило процесс приготовления на костре. Постепенно в ногайском доме стали появляться печи русского и кумыкского образцов, где пекли хлеб и варили пиццу. Кое-где в богатых семьях в начале XX в. появлялись и железные печи («буржуйки») с духовками и более простого устрой-

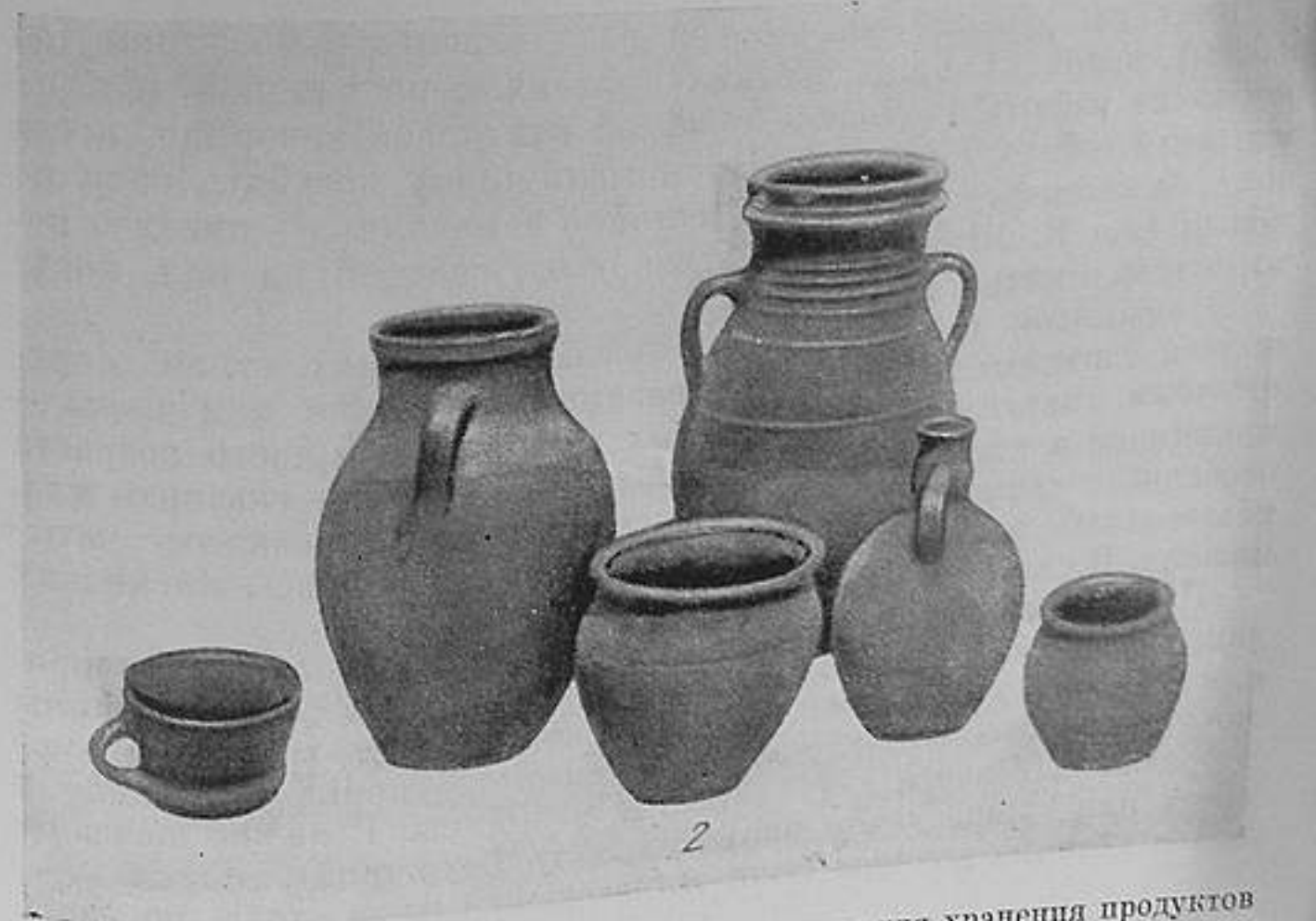
⁴⁹ А. Рудановский. Указ. соч. «Кавказ», 1863, № 52.

⁵⁰ С. В. Фарфоровский. Ногайцы Ставропольской губернии, стр. 13.

⁵¹ Г. Малявкин. Указ. соч., стр. 154.

Медные кувшины для воды (1) и глиняные сосуды для хранения продуктов (2), сел. Терекли-Мектеб

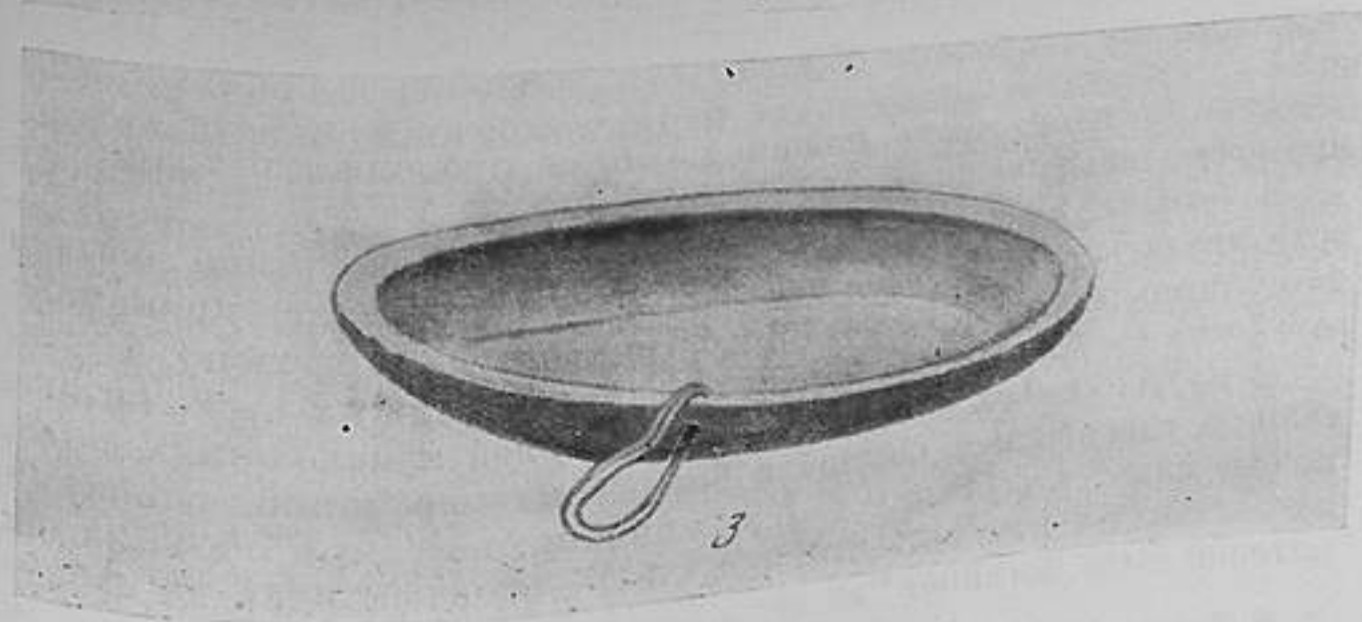
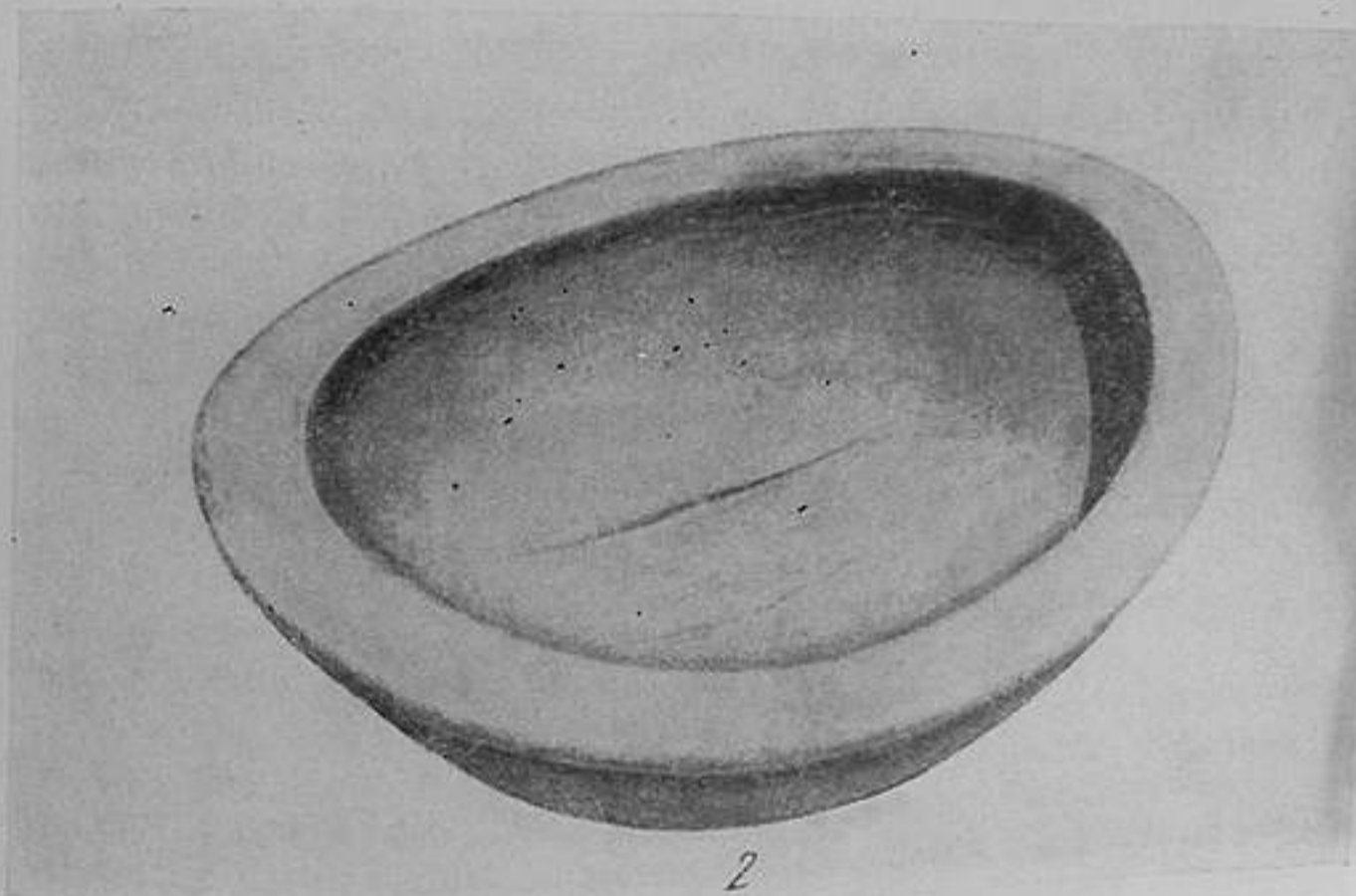
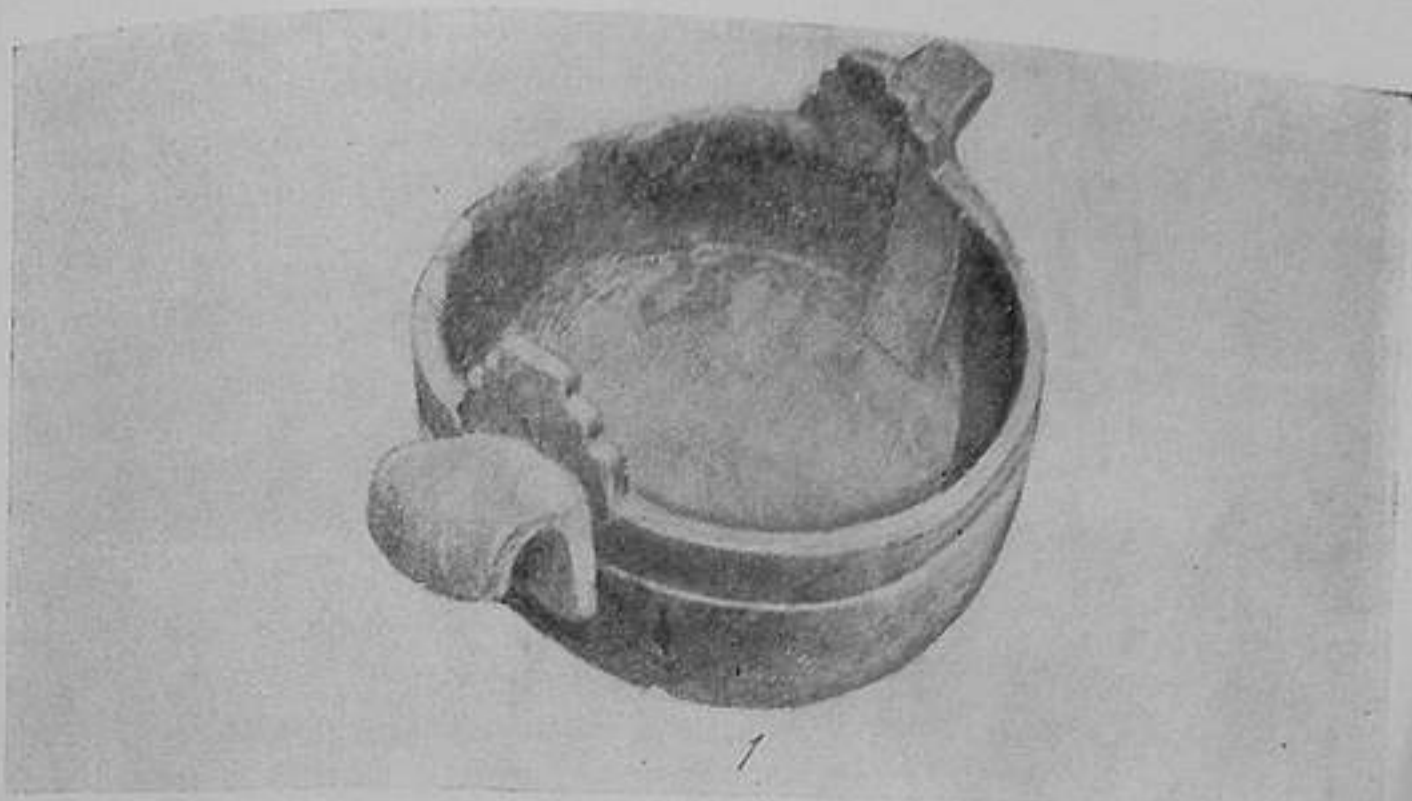
ва, которые также использовались для варки пицци и хлебопечения.

Кухонная утварь и посуда были представлены чугунами котлами, сковородками, деревянными ковшами для чая, подносами, деревянными мисками разных размеров, шумовками, половниками, различными деревянными и частично гончарными сосудами для молока и воды, кадушками для воды, молока и хранения зерна. В зажиточных семьях посуда была разнообразнее: здесь пользовались также более дорогостоящими фарфоровыми и фаянсовыми тарелками, пиалами, супниками и т. д. Большую роль в хозяйстве кочевника играли бурдюки (кожаные мешки), сумки, в которых хранили запасы продуктов питания, готовую еду, хлеб, напитки, айран, муку, зерно, крупы и т. д. Из кожи делали и другие предметы хозяйственного быта. На козлиной или жеребьячьей шкуре ногайка, например, месила тесто, раскатывала его для лепешек, для лапши и т. д. Судя по источникам, ногайцы, кроме того, пользовались и посудой из тыквы (*сув къабакъ*). Такую посуду, удобную при кочевой жизни, они приобретали у своих оседлых соседей. Как видно из полевых и литературных источников, кушанья ногайцы подавали чаще «в котлах или на лотке, или в деревянной большой чашке»⁵². Нежидкие блюда ели обычно пальцами. Чай, а также бульон пили из деревянных ковшей — *аякъ* или фарфоровых и фаянсовых (состоятельные семьи) пиал.

Пищу употребляли обычно три раза в день: рано утром (до работы), в момент, когда скотину пригоняли на водопой, и вечером после работы. Основной трапезой считалась вечерняя, когда вся семья собиралась домой. Принимали пищу ногайцы, сидя на полу, на кошмах, на коврах. «Достоинно замечания, — писал о ногайцах еще И. Шильтбергер, — что они... садятся на пол, когда хотят есть и пить»⁵³.

С переходом на оседлость в ногайских домах стали сооружаться глиняные, а позднее деревянные лежанки или нары — *орындык*, *такътамбет*, — на которых мужчины старшего возраста принимали и пищу. Роль стола обычно выполняла скатерть или, особенно у состоятельных семей, специальные деревянные четырехугольные, а позднее круглые подставки и подносы на низких ножках. И скатерти и подносы назывались *сыпра*.

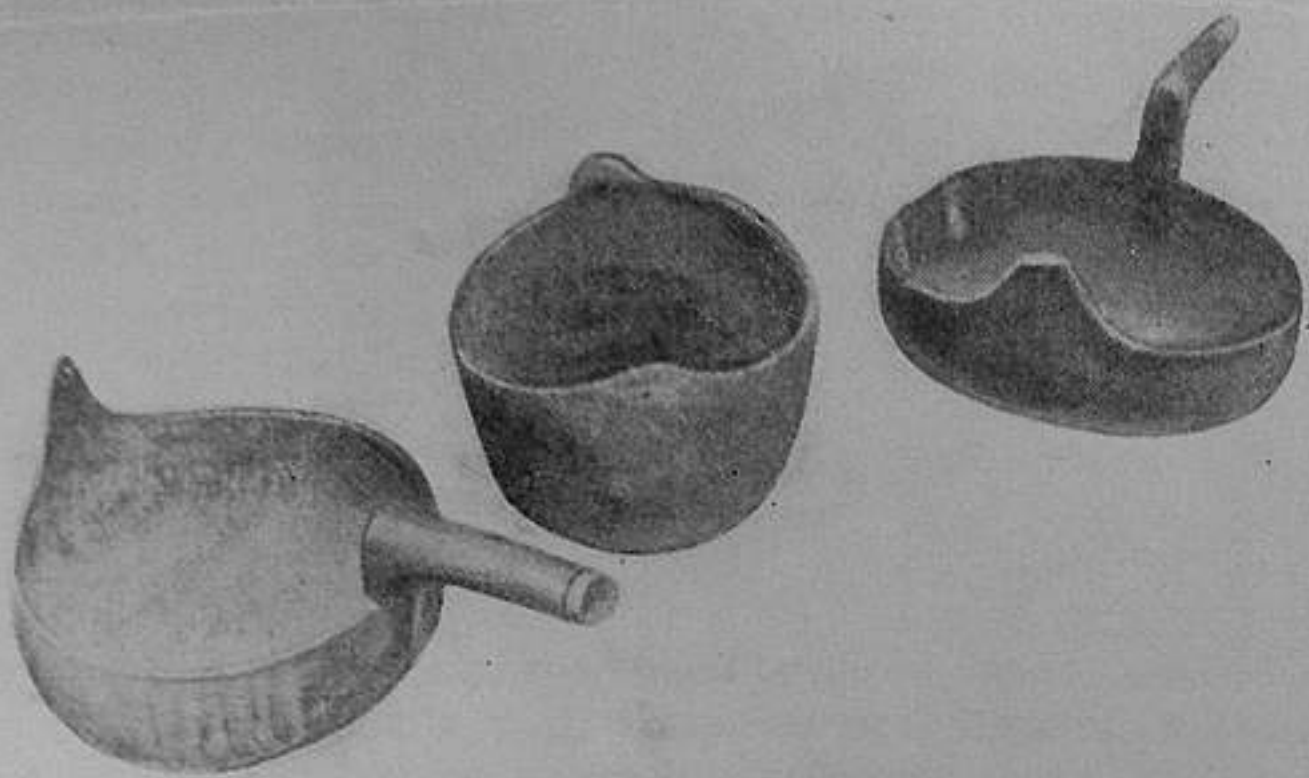
При приеме пищи соблюдался установленный обычай порядок, связанный с половозрастными градациями семьи. Мужчины ели отдельно от женщин. Старики занимали за трапезой самое почетное место — *тоър*, нередко с ними же принимали пищу и взрослые сыновья и даже пожилые женщины. Если же во время обеда или ужина в дом приходил гость (мужчина), молодые сыновья хозяина должны были тотчас выйти из-за стола, но жена,

Деревянные миски (1—3), сел. Терекли-Мектеб

⁵² М. Татарское племя на Кавказе.

⁵³ И. Шильтбергер. Указ. соч., стр. 55.

Ковши для чая, сел. Терекли-Мектеб

особенно если она была пожилой, могла продолжать трапезу и при постороннем человеке.

В больших семьях хозяйка дома и ее ровестники обычно устраивались за трапезой отдельно. С ней вместе принимали пищу лишь дочери и внуки. Молодые снохи ели отдельно, за дверью (*эсик бет*), разместившись на голом полу или на куске кизяка.

В малых семьях, состоящих из родителей и малолетних детей, трапеза совершалась сообща и без особых церемоний. «Женский пол не садится вообще есть с мужчинами, но самый образ жизни их заставляет изменять этот обычай», — отмечает один из наблюдателей быта ногайцев⁵⁴.

⁵⁴ М. Татарское племя на Кавказе.

Самое почетное и престижное место всегда отводилось старшим, а самое неудобное — молодым снохам. Перед главой семьи всегда ставился лучший кусок мяса — *махана*. Если в доме был почетный гость, лучшее место уступалось всегда ему. Ему же в знак особого уважения предлагалась всегда баранья голова, печенка и курдюк⁵⁵. В знатных семьях важному гостю, судя по источникам, подавалась голова лошади. «Лошадиные головы, — свидетельствует С. Герберштейн, — ...считаются лакомством и подаются только знатным»⁵⁶.

В отличие от обычной трапезы, при которой мясо между членами семьи распределяла старшая хозяйка, во время приема высокого гостя обслуживал стол сам хозяин — вынимал из котла вареное мясо, разрезал его на куски, распределял его между со-трапезниками⁵⁷. Оставшееся мясо он передавал хозяйке для распределения среди других членов семьи. По существовавшему этикету старший или почетный гость, отведав от «каждой из этих частей понемногу»⁵⁸, передавал их следующему, а тот другому и т. д. Большой интерес в этом отношении представляет сообщение Рубрука: «Прежде чем поставить мясо барана (гостям), господин сам берет, что ему нравится, а также если он дает кому-нибудь особую часть, то получающему надлежит съесть ее одному, и нельзя давать никому»⁵⁹. Судя по сообщениям отдельных авторов, хозяин дома в прошлом даже клал гостю в рот еду. Р. Эркерт, свидетельствуя о существовании в прошлом этого «особого обряда», пишет, например, что «хозяин своими пальцами всовывал в рот гостю жирные куски баранины, так называемое блюдо бешбармак»⁶⁰. Таким образом, ногайцы свято соблюдали древний обычай гостеприимства, угощая гостя всем, что было в доме.

За годы советской власти в питании ногайского народа произошли кардинальные изменения. Окончательный переход на оседлость, развитие земледелия (наряду с животноводством), садоводства, огородничества, ставшее возможным в связи с обводнением степи, подъем материального благосостояния населения, рост реальной заработной платы рабочих, колхозников и служащих дали возможность ногайцам значительно расширить не только ассортимент продуктов, но и разнообразить блюда. Только часть продуктов, идущих в пищу, ногайская семья получает в настоящее время от личного приусадебного хозяйства (огород, бахча, сад, личный скот). Другую часть приобретает в торговой сети села, города (бакалейные и гастрономические товары). Более

⁵⁵ А. Рудановский. Указ. соч. «Кавказ», 1863, № 52.

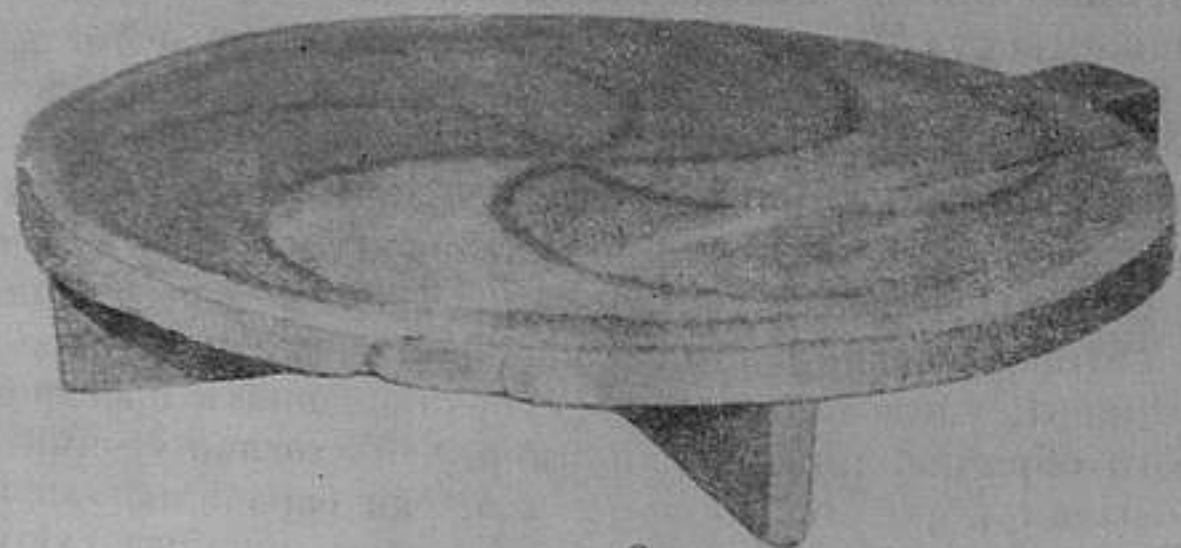
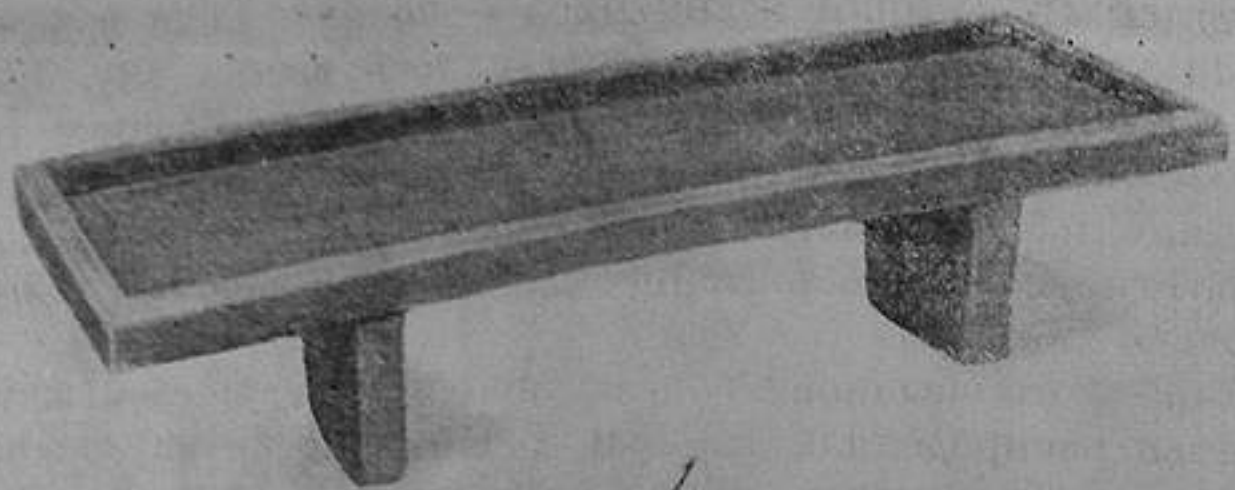
⁵⁶ С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 134.

⁵⁷ А. Рудановский. Указ. соч. «Кавказ», 1863, № 49.

⁵⁸ Г. Малявкин. Указ. соч., стр. 154.

⁵⁹ «Путешествия в восточные страны...», стр. 96.

⁶⁰ R. Erckert. Op. cit., S. 40.

Подставки для еды (1, 2), сел. Терекли-Мектеб

того, постепенно развитие получают и учреждения общественного питания, которые не только облегчают домашнюю работу женщины, но и обогащают ассортимент блюд ногайской семьи.

Современная кухня ногайцев в основном сохранила традиционный характер. Однако часть блюд, которая в прошлом бытовала из-за низкого уровня социально-экономического и культурного развития народа, его бедности, ушла в прошлое.

Наряду с калмыцким чаем, который по-прежнему является одним из любимых всеми, традиционными печениями, вареным и жареным мясом, шашлыком и т. д. ногайцы в настоящее время готовят борщ, котлеты, жаркое, долму, голубцы, плов, всевозможные пироги, торты, пельмени, вареники, овощные салаты и т. д. Появление новых блюд свидетельствует об укреплении культурно-экономических связей народа с другими народами Советского Союза, а также о росте его благосостояния и культуры. Распространению среди ногайцев ряда неизвестных ранее блюд в значительной степени способствует их тесное общение с русскими,

украинцами, кумыками, черкесами и др., поселившимися в этих районах в советский период или живущими по соседству издавна. За последние 20—25 лет многие ногайские аулы стали по своему составу многонациональными, часто семьи включают в свой состав представителей разных народностей и этнических групп. Все это, безусловно, сказывается на развитии и изменении материальной культуры в целом и пищи в частности.

В то же время пища ногайцев сохраняет и локальные особенности. Так, у ногайцев Терско-Сулакского междуречья, живущих в более тесном общении с кумыками, есть блюда (отдельные виды хинкала, пельменей, пирогов, чуреков и т. д.), которые неизвестны представителям других подразделений ногайцев, и, наоборот, у кубанских ногайцев, живущих в других природно-географических условиях и по соседству с черкесами, карачаевцами, абазинами и др., сохраняются блюда, не бытующие у ногайцев первой этнографической группы. Такие различия не исключают общего процесса обогащения ногайской кухни. В частности, значительно улучшились вкусовые качества приготовляемых блюд за счет применения ранее неизвестных кочевникам ароматных приправ, зелени (кинзы, укропа, петрушки, лаврового листа), а также капусты, помидоров, моркови и т. д.

Широкое употребление получили фрукты, бахчевые культуры, (арбузы, дыни), а также черный чай. Все шире распространяется практика консервирования овощей и фруктов. Многие молодые хозяйки по примеру своих соседей и под влиянием города пекут печенье, торты, заготавливают овощи и фрукты впрок.

Огромные перемены произошли и в способах хлебопечения. В настоящее время многие ногайцы пекут чуреки в надворных печках. Однако население широко пользуется и готовым хлебом из общественных пекарен.

Значительно улучшились санитарно-гигиенические условия приготовления еды в ногайской семье.

Как мы уже отмечали, одной из особенностей современного дома ногайцев является обязательное выделение под кухню самостоятельного летнего помещения во дворе. В ней готовят и устраиваются трапезы почти круглый год. Здесь размещается временная посуда, утварь, которая в условиях развития торговли и роста покупательной способности трудящихся стала доступна каждой семье.

В результате новым содержанием наполнилась и традиция гостеприимства. Намного шире стал круг друзей, товарищей, которых с радостью принимает в качестве гостя любая семья. Нет такой семьи, которая не имела бы, чем угостить, не могла бы показать кулинарные способности хозяйки.

Но и в этих условиях популярным блюдом ногайской кухни остается традиционный калмыцкий чай. Теперь его заваривают всегда на цельном молоке, сливках, по индивидуальному вкусу и желанию. Любовь к этому виду чая ногайцы передали многим

другим народам — кумыкам, чеченцам, ингушам и др. Через кумыков калмыцкий чай проник и во все уголки Дагестана, стал популярным у всех горцев.

Большим облегчением для женщины в приготовлении пищи в семье является наличие во многих ногойских домах газовых, электрических плит. Сейчас почти нет ногойского аула, где бы не было газовых плит. По плану социального развития ногойских совхозных аулов полная газификация квартир и домов рабочих и служащих должна быть осуществлена в ближайшее время.

Подъем благосостояния народа изменил и пищевой режим. Появилась возможность, в частности, завтракать, обедать и ужинать вовремя. Чаще стали готовить такие блюда, которые раньше считались исключительно праздничными. Исчез обычай раздельного приема пищи женщинами и мужчинами, стариками и молодежью. Совместный прием пищи превращается одновременно и в акт духовного общения всех членов семьи.

В настоящее время процесс развития ногойской кулинарии не закончен. Он продолжается под благотворным влиянием городской кухни и кухни соседних братских народов. Распространение городских блюд в значительной степени осуществляется и через сеть столовых, кухонь школ-интернатов, детских школьных учреждений. Девушки, молодые женщины, обучаясь в городах, навещая там дома своих подруг, товарищей по труду, по учебе, также овладевают новыми рецептами и навыками приготовления блюд.

Ногойская молодежь, как и молодежь всех других народов, выступает проводником новой, социалистической культуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ имеющихся в нашем распоряжении письменных, музейных и полевых исторических и этнографических источников позволяет прийти к следующим выводам.

Ногойский народ за свою многовековую историю создал исключительно богатую и своеобразную материальную культуру, очень оригинальные для своего времени типы жилища, обстановку быта, утварь, хорошо приспособленные к условиям кочевой жизни, прекрасные изделия домашних промыслов, устойчивые национальные кушанья, а также напитки, не потерявшие своего значения до настоящего времени. Известны ногойцы и как создатели многокрасочной, нарядной национальной одежды, а также ярких и уникальных украшений.

Традиционная культура ногойцев носит ярко выраженные черты самобытности. Она являлась в общем однотипной на всей территории их расселения, хотя и не была лишена существенных локальных особенностей. Развитие материальной культуры находилось в прямой зависимости от уровня развития общественно-экономической и политической жизни народа.

Своими истоками культура неразрывно связана с широким кругом кочевых, преимущественно тюркоязычных народов (каракалпаки, казахи, туркмены, татары и др.), с которыми ногойцев объединяют как этнические связи (с рядом народов), так и вековые контакты в рамках одних и тех же племенных и государственных объединений, совместные передвижения, перекочевки, а также возникшие на этой основе различные формы общественных и культурных общений.

Едиными для многих народов этого круга являлись, например, направление хозяйственной деятельности, виды домашних промыслов, типы и формы традиционных поселений, жилища и т. д. Так же как и казахи, каракалпаки и др., ногойцы, строили свои зимовья в поросших камышом долинах рек или других местах, где можно было найти топливо и защиту от степных буранов и где в то же время трава не покрыта глубоким снегом¹. Ко-

¹ С. А. Токарев. Этнография народов СССР. М., 1958, стр. 379; Т. А. Жданко. Каракалпаки (основные проблемы этнической истории и этнографии).

чевые аулы их точно так же представляли собой группы разбросанных усадеб без четкого геометрического плана². Один из типов ногайского жилища — круглая разборная решетчатая юрта — имел широкие аналогии у казахов, киргизов, каракалпаков, туркмен и др. Ряд народов знал и переносную неразборную кибитку, широко распространенную в Ногайской степи. То же самое сходство обнаруживалось и при сравнении внутреннего вида, убранства, украшения жилища, имело также много общего внешнее декоративное оформление юрты, условное разделение ее на женскую и мужскую половины, значение почетного места и т. д.

Разнообразие природных условий Северного Кавказа, Северного Причерноморья, астраханской степи привело к различиям в строительной технике, планировке постоянного жилища ногайцев с переходом их на оседлое положение, к новым чертам в убранстве жилья и т. д. Тесные культурно-экономические контакты с оседлым разноэтничным населением способствовали появлению у ногайцев типов оседлых поселений и жилищ, заимствованных у соседей.

Глубокая культурная общность ногайцев с народами Средней Азии, Казахстана, Поволжья, Алтая и даже Передней Азии наиболее наглядно обнаруживается при сравнении их одежды.

Традиционная культура ногайцев наиболее близка к культуре каракалпаков и казахов, хотя и живущих в течение столетий на расстоянии тысяч километров друг от друга, т. е. в основном западной ветви тюркских народов, языки которых входят в состав единой кипчакской группы, а если рассматривать их более узкие рамки (ногайский, казахский и каракалпакский) — в кипчако-ногайскую подгруппу³.

В качестве примера этой близости достаточно привести хотя бы такие элементы культуры, как бешмет, который по покрою, орнаментации (узорная строчка) и нагрудным украшениям почти не отличается от бешмета каракалпачки, платье-рубашка, некоторые виды головных уборов, а также жилища, поселения, многие традиционные блюда, напитки, способы заготовок продуктов, традиции, обряды. Для многих из них характерна и общая терминология.

Особая близость материальной культуры ногайцев и каракалпаков несомненно объясняется тем, что формирование их было связано на длительном этапе исторического развития с одной территорией и одной этнической средой. Так, ногайцы после распада Золотой Орды и образования на ее развалинах Крымско-

го, Астраханского и Казанского ханств в XV в. вместе с родственными им каракалпакскими и другими племенами объединяются в одном племенном союзе — Ногайской Орде. Вместе с каракалпаками они совершали перекочевки далеко за пределы Приуралья, на Волгу (Эдиль), Урал (Жаик) и даже в Крым⁴.

Исследователь истории каракалпакского народа Т. А. Жданко не случайно отмечает, что в каракалпакском фольклоре чрезвычайно сильны так называемый «ногайский пласт», связанный с именами известных ногайских ханов и мурз (Эдигей, Орус, Ормамбет и др.), и, более того, что в рамках ногайского политического объединения «завершился процесс этногенеза каракалпаков» и сформировались «основные черты каракалпакской культуры...»⁵. Согласно заключению советского тюрколога Н. А. Баскакова, между ногайцами и каракалпаками устанавливаются «максимально тесные родоплеменные связи», о чем свидетельствует участие в их сложении одних и тех же племен: кипчаков, мангитов, канглы, конгратов, иргаклы и многих других⁶.

В дальнейшем развитии материальная культура ногайцев, сохраняя традиционные черты, претерпела существенные изменения. Эти изменения были обусловлены дальнейшим социально-экономическим развитием народа и его тесными культурными связями с соседними оседлыми народами Северного Кавказа и Предкавказья. Так, народная одежда ногайцев, особенно мужская, в условиях Северного Кавказа начинает постепенно видоизменяться. Основные ее элементы, кьантал и шепкен, из одежды типа азиатских халатов превращаются в одежду типа кавказских бешметов и черкесок, сшитых по фигуре, с газырями или накладными карманами.

Видоизменению в том же направлении подвергаются и ногайские овчинные шубы, папахи, обувь и т. д.

Ногайцы полностью воспринимают и такие элементы кавказского мужского костюма, как бурка для всадника и пешехода, кавказская рубашка, пояс с серебряным набором, кинжал и шашка, отделанные серебром и слоновой костью с позолотой работы дагестанских и черкесских мастеров. Такова же была трансформация отдельных видов женской одежды ряда этнографических районов: женского бешмета, вытесненного длинным распашным платьем (шыба, кьабалай), некоторых украшений, поясов, пряжек, застежек, браслетов и многого другого.

Следует заметить, что прежде всего элементы кавказской одежды были восприняты мужским ногайским населением, в первую очередь представителями социальной верхушки.

⁴ Т. А. Жданко. Каракалпаки. «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I, стр. 413.

⁵ Там же.

⁶ Н. А. Баскаков. Указ. соч., стр. 101.

Доклад по опубликованным работам, представленным на соискание ученой степени доктора исторических наук (на правах рукописи). М., 1964, стр. 169; и др.

² С. А. Токарев. Указ. соч.

³ Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960, стр. 142—164.

Как и среди других народов Северного Кавказа⁷, у ногайцев распространению чисто кавказских форм одежды значительно способствовали такие общественные институты, как куначество, аталычество, канлы и др., а также брачные союзы с представительницами других народов. В ногайской народной одежде не меньше, чем у горцев Северного Кавказа, нашло отражение и влияние русской одежды, точнее одежды терских и кубанских казаков, с которыми ногайцы постоянно поддерживали экономические и культурные связи.

Однако в целом ногайская одежда продолжала сохранять самобытные черты, отличающие ее от костюмов соседней ногайцам иноэтнической среды (горцев) и этнически близких в прошлом им кочевых народов. Такая закономерность, как уже отмечено выше, характерна и для других сторон материальной культуры ногайцев (поселения, жилище, пища и др.).

Из всех этнографических групп ногайцев в сравнительно большей степени традиционную культуру сохраняли в конце XIX—XX вв. караногайцы, составлявшие большую компактную массу. Они сохраняли кочевой быт и скотоводческий тип хозяйства вплоть до победы колхозного строя.

Отдавая должное влиянию коренного кавказского населения с его высокой земледельческой культурой на быт ногайцев, мы, однако, не должны забывать, что это влияние не было односторонним. Живя бок о бок с народами Северного Кавказа, ногайцы со своей оригинальной культурой также оказали значительное влияние на культуру этих народов. Это можно проследить хотя бы по данным языка и фольклора кумыков, на которые оказал значительное влияние язык ногайцев, их необычайно богатый эпос, манера его исполнения.

Займствования прослеживаются и в области материальной культуры. От ногайцев кумыки (полагаю, что не только кумыки) переняли, например, более совершенные способы обработки овчин, войлока и изготовления из них предметов одежды. В кумыкской степи славились шубы из ногайских смушек, выделанные и в ряде случаев сшитые самими ногайками. Одним из видов зимней мужской обуви северных кумыков были ногайские войлочные чулки. Влиянием ногайцев, несомненно, объясняется распространение среди кумыков и целого ряда других народов ставшего очень популярным на всем Северном Кавказе калмыцкого чая (*ногъай шай*) и т. д.

Все это несомненно можно было бы проследить и по данным культуры целого ряда других народов Кавказа. Однако, к сожалению, изучению взаимосвязей населения Кавказа в области материальной культуры до сих пор не уделено должного внимания.

Особенно плохо освещены вопросы, связанные с культурным влиянием кочевых племен и народов на автохтонное население Кавказа, что, возможно, отчасти объясняется существовавшим в прошлом тенденциозным подходом к оценке культуры кочевых народов вообще.

Между тем взаимовлияние культур коренного населения Кавказа и пришлых кочевых племен и народов наблюдается еще с глубокой древности, с того времени, когда северокавказские степи являлись ареной вторжения многочисленных кочевников, т. е. с конца VIII в. до н. э. и до позднего средневековья, когда здесь создавались обширные федерации племен скифо-сарматских, савиро-гунно-булгарских, этнически близких им хазарских, а также особенно обширного объединения — половецкого союза племен и монголов.

Эти кочевнические племена не только соседствовали с коренным населением Северного Кавказа, но и, проникая вглубь гор, перемешивались с горцами и принимали активное участие в формировании ряда северокавказских народностей — осетин, кумыков, балкарцев, карачаевцев и др., а также в складывании их материальной культуры. Думается, что кавказский костюм с его бешметом и близкой к нему по покрою черкесской, а также с его островерхим головным убором — башлыком, при всем его отличии от костюмов других, в частности тюркоязычных, народов, и, возможно, самостоятельном возникновении, не лишен некоторого влияния одежды обитавшего здесь в разные исторические периоды кочевого населения.

Безусловно, черкеска, бешмет и башлык народов Кавказа и бешмет, халат, чепкен, бышлык, скажем, казахов — не одно и то же. Но при внимательном изучении их нетрудно найти некоторые реликтовые черты, которые могут быть рассмотрены в плане культурно-исторических связей.

Здесь мы имеем творческое использование отдельных деталей костюмов каждым народом, исходя из его эстетических вкусов. Так, в то время как у горцев Северного Кавказа бешмет и черкеску шили сравнительно длинными с прямыми длинными рукавами, в Закавказье, наряду с аналогичными им, можно было увидеть и значительно более короткие бешметы (архалуки), восходящие к юго-западной Грузии⁸, имеющую общие черты с таким же коротким чепкеном у турок⁹.

Кочевническая одежда проникала не только в горы Кавказа, но и далеко на Запад и Восток — к славянам, китайцам, византийцам и др.

Исследователь материальной культуры восточнославянских народов Г. С. Маслова пишет, что украинский чепкен близок

⁷ Е. Н. Студенецкая. К вопросу о национальной кабардинской одежде. «Ученые записки научно-исследовательского института», т. IV. Нальчик, 1948.

⁸ «Народы Кавказа», т. II. М., 1962, стр. 126, 306.

⁹ Государственный этнографический музей. Анкара.

к среднеазиатским халатам и их разнообразным вариантам у башкир и татар, что его носили русские в Поволжье, в южнорусских областях, а также в Сибири¹⁰. Она же отмечает, что в результате древних связей со степными племенами и народами у восточных славян появились «мужские шаровары с широким шагом», прическа с оселедцем, термины «клубук» для головного убора и «епанча» для верхней одежды, встречаемые еще в ранних письменных источниках¹¹, и что эта связь сильнее стала проявляться со времени татаро-монгольского нашествия на Русь, а затем в период роста Московского централизованного государства и с развитием оживленной торговли с Востоком. Советский ученый М. И. Артамонов отмечает, что от половцев славяне приняли «изогнутые сабли, мечи каралужные» (карлукские)¹².

В Китае «тюркская одежда — зеленый или коричневый халат с воротником, запахнутый налево и подпоясанный ремнем, стал в Танскую эпоху обычной одеждой»¹³, в Византии именем хазарской царевны Чичак (цветок) называлась парадная одежда — «чичакнон», введенная ею в обиход византийского двора в VIII в.¹⁴

Словом, народы никогда не чуждались культурных достижений своих соседей.

Таким образом, изучение материальной культуры народов Кавказа в сравнительно-историческом аспекте дало бы возможность, с одной стороны, четко представить себе становление и развитие самобытной культуры каждой из народностей края, с другой — проследить их взаимовлияния, способствовавшие образованию ряда общих черт, а также истоки этих бытовых форм, время их появления.

Возвращаясь непосредственно к теме исследования, следует отметить, что ногайская материальная культура в условиях господства патриархально-феодалных отношений и общей социально-экономической отсталости народа развивалась крайне медленно и сохраняла многие свойственные ей архаические черты. Глубокие изменения в ней, как и в хозяйственной, общественно-политической и духовной жизни, произошли за годы Советской власти. В ходе социалистического строительства в Ногайской степи на смену отсталому мелкотоварному хозяйству пришло крупное, многоотраслевое, высокорентабельное колхозно-совхозное общественное хозяйство, создавшее необходимые условия для коренного преобразования всего жизненного уклада населения.

¹⁰ Г. С. Маслова. Народная одежда русских, украинцев и белорусов. «Востоочно-славянский этнографический сборник» («Труды Ин-та этнографии», т. XXXI). М., 1956, стр. 708.

¹¹ Там же, стр. 754.

¹² М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 458.

¹³ Л. Н. Гумилев. Древние тюрки. М., 1967, стр. 176.

¹⁴ М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 233.

Социализм обеспечил высокий жизненный уровень широких масс народа, вызвал глубокие изменения в их культуре.

Коренные изменения произошли в ногайском жилище и его убранстве, а также во всем облике ногайского аула. Кочевые жилища, низкие постройки, покрытые камышом, с маленькими окошками и примитивной отопительной системой совершенно исчезли. В старых аулах возникли новые кварталы и улицы с добротными домами и рядом хозяйственных комплексов, культурные, оздоровительные, торговые и другие учреждения, предприятия бытового обслуживания. Для современного ногайского аула в основном характерны дома, строящиеся по типовым проектам, где учитываются культурные запросы семьи, специфика ее быта, традиции. В прошлом безводной степи появился целый ряд новых колхозно-совхозных поселков городского типа. Особенно большой размах приняло жилищное строительство и благоустройство имеющегося в наличии жилого фонда у ногайцев за последние годы.

Чрезвычайно изменилось и внутреннее убранство жилища, где своеобразно сочетается городская и традиционная обстановка.

Весьма показательны изменения, которые произошли и продолжают происходить в одежде народа. Рост материального благосостояния и культуры позволяет ногайцам одеваться красиво, удобно, с учетом индивидуальных вкусов.

Аналогичные изменения нетрудно проследить и в национальной пище, которая стала намного разнообразнее.

Ногайский народ достиг огромных успехов в своем социально-экономическом и культурном развитии, опираясь на братскую помощь других народов нашей страны и в первую очередь русского народа.

Коммунистическая партия и Советское правительство обеспечили более быстрые темпы развития экономики в ранее слабо развитых национальных республиках и районах, ликвидацию их былого фактического неравенства, выравнивание и подъем уровня социально-экономического и культурного развития в прошлом отсталых окраин. Осуществление этого политического курса нашло полное отражение и в ногайской деревне.

XXV съезд КПСС наметил широкие перспективы социально-экономического прогресса страны, дальнейшего повышения благосостояния советских людей, улучшения условий их труда и быта, прогресса здравоохранения, образования, культуры — всего, что способствует формированию нового человека, всестороннему развитию личности, совершенствованию социалистического образа жизни¹⁵. Все это послужит еще большему развитию и процветанию экономики и культуры также и ногайского народа.

¹⁵ См.: Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ГМЭ	Государственный музей этнографии
ЖМНП	Журнал министерства народного просвещения
ЗООИД	Записки Одесского общества истории и древностей
ИИЯЛ	Институт истории, языка и литературы
КСИЭ	Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
МЭР	Материалы по этнографии России
РГО	Русское географическое общество
СМОМПК	Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
СЭ	Советская этнография
ЦГА СОАССР	Центральный государственный архив Северо-Осетинской АССР
ЦГВИА	Центральный государственный военно-исторический архив
ЧОИДР	Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете

ОГЛАВЛЕНИЕ

	ПРЕДИСЛОВИЕ	3
	ВВЕДЕНИЕ	7
Глава I.	ПОСЕЛЕНИЕ И ЖИЛИЩЕ	16
	Поселение	16
	Жилище	44
Глава II.	ОДЕЖДА, ОРУЖИЕ И УКРАШЕНИЯ	83
	Материалы для одежды и способы их изготовления	83
	Мужская одежда	95
	Женская одежда	125
	Мужская и женская обувь	154
	Оружие	162
	Украшения	165
	Обрядовая одежда	185
Глава III.	ПИЩА	194
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	219
	ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	226